

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОЛОГИИ

XIV Международная научная конференция
(г. Уфа, 21 апреля 2026 г.)

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОЛОГИИ**

*Материалы
XIV Международной научной конференции
(г. Уфа, 21 апреля 2026 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 80+81'44
ББК 80+81.2.2в3
А43

*Публикуется по решению кафедры иностранных языков
гуманитарных факультетов УУНУТ.
Протокол № 10 от 28.04.2026 г.*

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **А. Р. Мухтаруллина** (*отв. редактор*);
канд. филол. наук, доцент **Г. Ф. Хакимова** (*зам. отв. редактора*);
канд. филол. наук, доцент **Р. Ф. Брылева** (*отв. секретарь*);
канд. филол. наук, доцент **С. В. Кобызева** (*отв. секретарь*);
канд. филол. наук, доцент **Р. М. Миндияхметова** (*отв. секретарь*)

Редколлегия не несет ответственности за содержание статей

Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы
А43 XIV Международной научной конференции (г. Уфа, 21 апреля 2026 г.) / отв.
ред. А. Р. Мухтаруллина [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и
технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2026. – 521 с. – URL:
<https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/196.pdf> – Загл. с титула
экрана.
ISBN 978-5-7477-6460-6

В сборник включены научные статьи, посвященные исследованию проблем общей теории языка и литературоведения, когнитивной лингвистики и дискурсологии, сопоставительного языкознания и лингводидактики. Здесь также рассматриваются вопросы инновационных образовательных технологий в сфере профессиональной коммуникации и междисциплинарные связи.

Предназначен для широкого круга специалистов в области филологии.

УДК 80+81'44
ББК 80+81.2.2в3

ISBN 978-5-7477-6460-6

© Уфимский университет, 2026

Han Shu,

Lecturer,

Liaoning University, Shenyang, China

Yang Chenggang,

Associate Professor,

Liaoning University, Shenyang, China

Wang Xuejiao,

Lecturer,

Shenyang Institute of Engineering, Shenyang, China

This study is supported by the 2026 Shenyang Philosophy and Social Science Planning General Research Project: Research on Enhancing Shenyang's External Communication Capacity for Northward Opening During the 15th Five-Year Plan Period (SYSK-2026-02-087). The editorial department and anonymous peer reviewers have put forward valuable and pertinent suggestions for revision of this paper, and I would like to thank them all.

AI-EMPOWERED INTEGRATED CURRICULUM DESIGN AND PRACTICE OF “CHINESE+SHENYANG CULTURAL TOURISM” FOR SHORT-TERM STUDY TOUR GROUPS DURING WINTER AND SUMMER VACATIONS

Short-term study tour groups during winter and summer vacations serve as important vehicles for cultural dissemination and language practice in international Chinese language education. However, existing curricula commonly suffer from disconnection between language teaching and cultural experience, insufficient utilization of local cultural resources, and monotonous teaching formats. Artificial intelligence (AI) technology offers new pathways to address these challenges. Taking Shenyang as a case study, this research focuses on an integrated curriculum of “Chinese+Shenyang cultural tourism” and explores the empowering mechanisms of AI technologies in curriculum design, implementation, and evaluation. Employing curriculum design research and empirical research methods, the study constructs a three-in-one curriculum framework of “AI+Chinese+Shenyang cultural tourism” and identifies five dimensions of AI empowerment: cultural

scenario creation, language training assistance, personalized learning paths, cultural and creative expression generation, and communication effectiveness enhancement. A 7–14 day short-term study tour plan is designed, integrating AI-enhanced teaching activities at typical cultural sites such as the Shenyang Imperial Palace, the Industrial Museum, and intangible cultural heritage workshops. Through questionnaires, interviews, and AI-based behavioral data analysis, the study verifies the impact of the curriculum on learners' language proficiency, cultural cognition, experiential satisfaction, and secondary dissemination of urban culture. The expected outcomes provide an operable model for the deep integration of AI-empowered international Chinese language education with local cultural tourism.

Keywords: *artificial intelligence; short-term study tour groups; Chinese+cultural tourism; curriculum design; Shenyang.*

I. Introduction

Over the past decade, the number of short-term study tour groups coming to China has been continuously increasing. Such groups typically take advantage of their home countries' winter or summer vacations to visit China, staying for one to four weeks, with members mainly being high school and university students. Unlike long-term degree-seeking students, short-term sojourners have more focused goals: to speak authentic Chinese and see the real China in a relatively short period. For this reason, short-term study tours are regarded as typical vehicles of high-density cultural contact within the system of international Chinese language education – learners experience both classroom learning and urban immersion every day, whereby language acquisition and cultural cognition reinforce each other.

However, a large number of program evaluation reports and frontline teacher feedback reveal a significant gap between ideal expectations and reality. The three most prominent problems are as follows.

First, there is a lack of deliberate alignment between language teaching content and the actual sites visited. Students learn general topics such as “going to the supermarket to buy things” or “asking for directions” in the classroom, but in the afternoon, they visit places like the Shenyang Imperial Palace or the Industrial Museum. The vocabulary they have learned has little connection with what they see.

As a result, the field experience becomes nothing more than taking photos and “checking in,” failing to contribute to language improvement.

Second, local cultural resources are underutilized. Many study tour programs habitually apply generic symbols such as “the Great Wall, the Forbidden City, and the giant panda,” overlooking the unique historical imprints of the host city. Taking Shenyang as an example, the early Qing Imperial Palace, the Tiexi industrial heritage, the Liaoning embroidery, and the intangible cultural heritage of brush making are all highly distinctive resources, but in conventional curricula they are often compressed into a “half-day whirlwind tour,” leaving their educational value and cultural experience far from fully realized.

Third, the teaching format has long remained at a preliminary stage of “tour guide commentary plus free sightseeing.” Learners lack opportunities for active exploration, and they also lack language support tools that can provide immediate feedback. For young people growing up in a digital environment, such low-interaction, low-personalization models struggle to maintain interest, let alone stimulate deep cultural understanding.

These difficulties are not unique to Shenyang, but Shenyang possesses a favorable foundation for addressing them. On the one hand, the city has well-layered cultural resources – ranging from early Qing historical sites to industrial memory, from intangible cultural heritage crafts to digital cultural creativity – with a wide chronological span and rich diversity. On the other hand, since 2024, Shenyang has established multiple special funds for the digital and intelligent transformation of study tours, promoting the development of VR/AR courses, AI+guided tours, and the construction of big data platforms for study travel. It can be said that both technology and resources are already in place; the key lies in designing a curriculum plan that truly integrates the two.

Based on the above analysis, this study raises two core questions:

How can technologies such as VR/AR, AI digital humans, and intelligent assessment be systematically embedded into a short-term study tour curriculum of “Chinese+Shenyang Cultural Tourism”?

In what ways does such an AI-integrated curriculum differ from traditional curricula in terms of learners’ language output, depth of cultural cognition, experiential satisfaction, and secondary dissemination of urban culture? II. Principle of Mode Construction.

II. Core Concepts and Theoretical Foundations

2.2.1.1 Short-Term Study Tour Groups During Winter and Summer Vacations. This refers to overseas youth groups whose native language is not Chinese, who come to China during their home country's winter or summer vacations for concentrated language and cultural learning activities lasting 7 to 30 consecutive days. Such groups are generally organized by overseas educational institutions, Confucius Institutes, or professional study tour agencies, with group sizes ranging from 15 to 40 people. The participants' Chinese proficiency is mostly at the beginner to intermediate level (predominantly HSK Level 2–4).

2.1.2 The Integrated Curriculum of “Chinese + Cultural Tourism”. This is a curriculum model that organically combines Chinese language teaching with cultural tourism experiences. Its core proposition is that “pragmatic context is the cultural scene”—meaning that wherever learners use Chinese, that is where they should learn Chinese. In the context of Shenyang, this implies that the red walls and yellow glazed tiles of the Shenyang Imperial Palace, the machine tool signs in the Industrial Museum, and the oral narratives of veteran craftsmen in intangible cultural heritage workshops should all serve as natural teaching materials for language learning.

2.1.3 AI-Empowered Education: In this study, this term specifically refers to the pedagogical application of four types of technologies: (1) VR/AR, used to reconstruct historical scenes that cannot be physically restored on site (e.g., the Qing emperor's eastern inspection tour) or to provide deep information overlay to assist on-site visits; (2) AI digital humans, acting as interactive cultural docents; (3) intelligent speech evaluation systems, providing real-time pronunciation scoring and error correction for key cultural words; and (4) generative AI, helping learners transform their cultural experiences into shareable digital works.

2.2 Theoretical Foundations

2.2.1 Constructivist Learning Theory. This theory holds that knowledge is not passively instilled, but rather constructed by learners through active exploration and meaning negotiation in specific contexts. For instance, the immersive cultural scenes created by AI (e.g., a VR tour of Wensuge Pavilion) provide a high-fidelity context for meaning construction.

2.2.2 Experiential Learning Cycle (David Kolb). Experiential learning consists of four stages: concrete experience – reflective observation – abstract conceptualization – active experimentation. Short-term study tours naturally possess the advantage of “concrete experience” (on-site visits), but the latter three stages are often missing. AI tools can fill this gap: AI digital humans guide reflection (“What differences do you observe between the roof color of Wensuge Pavilion and other buildings?”), AI narration accomplishes conceptualization (“Black symbolizes water, and water overcomes fire”), and AI painting tasks constitute active experimentation (transforming understanding into visual creations).

2.2.3 Technology Acceptance Model (Fred D. Davis). This model suggests that users' perceived usefulness and perceived ease of use of a technology determine their intention to use it. Therefore, the AI tools selected in curriculum design must meet two criteria: they must functionally solve real pain points in study tours (usefulness), and they must be operable without complex training (ease of use).

III. Design of the “AI+Chinese+Shenyang Cultural Tourism” Curriculum Framework

3.1 Four Design Principles

Principle 1: Deep Integration of Language and Culture. Every AI activity must carry both linguistic and cultural objectives. For example, when an AI digital human explains the color culture of Wensuge Pavilion, learners are required to repeat and record words such as “black-green” “glazed tiles” and “water overcomes fire,” thereby learning both the language and the culture.

Principle 2: Immersive Experience Rather Than Spectatorship. In traditional study tours, learners are passive observers. With AI intervention, they should be transformed into participants and creators. For instance, rather than having students view AI-generated Qing dynasty costume patterns, students should use an AI pattern generator to design “My Qing Dynasty Robe” themselves.

Principle 3: Adaptive Learning Based on Student Proficiency. Within the same group, learners' Chinese proficiency may vary considerably. The AI system delivers on site tasks of different difficulty levels based on pretest results: higher proficiency students use AI translation to interpret the Manchu Chinese bilingual inscriptions on the plaques of the Shenyang Imperial Palace, while lower proficiency

students complete a color word-matching task (yellow/black/green) for architectural features.

Principle 4: Highlighting Shenyang's Distinctive Identity. All cases, vocabulary, and tasks must focus on Shenyang's unique resources, avoiding generic content. Words such, as “Wensuge Pavilion,” “Tiexi,” and “Manchu” which rarely appear in standard textbooks – should become high-frequency terms in the curriculum.

3.2 Five Dimensions of AI Empowerment

Dimension 1: AI-Assisted Immersive Cultural Scene Creation. Before the on-site visit, students “preview” the Shenyang Imperial Palace through VR headsets or panoramic videos on their mobile phones. For example, the VR version specially includes a detail-magnification feature for Wensuge Pavilion: when the student's gaze falls on the roof, the system pops up a text bubble: “Black green roof – why?” This preview reduces the cognitive load during the actual visit and enables learners to enter the site with questions in mind.

Dimension 2: AI Assisted Real Time Integration of Language Training and Cultural Cognition. This is the core mechanism of the framework. Taking the Shenyang Imperial Palace as an example, an AI digital human (which can be designed as a Qing dynasty palace maid or guard) serves as a “bilingual cultural docent” during the on-site tour. This process seamlessly connects color words (black green, yellow), cultural concepts (the mutual generation and restraint of the five elements—water overcomes fire), architectural function (book storage), and language drills (repetition), thereby avoiding the disconnection of “learning first, and then visiting.”

Dimension 3: AI-Assisted Personalized Learning Path Recommendation. Based on pre-test results and daily AI practice data, the system groups students into interest categories such as “Imperial Palace Group,” “Industrial Heritage Group,” and “Intangible Cultural Heritage Group,” and recommends differentiated tasks for subsequent itineraries.

Dimension 4: AI Assisted Cultural and Creative Expression and Digital Artifact Generation. After visiting each cultural site, students use AI painting tools on their mobile phones to complete a creative task. These artifacts are not merely souvenirs; they are evidence of students internalizing cultural input and then producing output.

Dimension 5: AI Assisted Tracking of Communication Effectiveness. Students are encouraged, with their consent, to post their AI-generated artworks on personal social media platforms such as WeChat Moments, Facebook¹, or Xiaohongshu, along with the hashtag #Shenyang With AI. The AI platform automatically captures data on likes, comments, and shares of these public posts, serving as quantitative indicators of the secondary dissemination of urban culture. This mechanism extends the study tour from a “one time educational consumption” to “sustainable word of mouth communication.”

3.3 Curriculum Content Modules and Shenyang Cultural Anchors

This curriculum integrates Shenyang’s cultural resources into four modules, each corresponding to specific AI teaching activities:

Module 1: Early Qing Historical Sites – Shenyang Imperial Palace. Core cultural anchors include the Dazheng Hall, the Ten King Pavilions, and Wensuge Pavilion. AI activities: VR preview + AI digital human explanation of color culture + AI pattern generation.

Module 2: Industrial Memory – Tiexi Heritage. Core cultural anchors: China Industrial Museum and Tiexi 1905 Cultural and Creative Park. AI activities: AR overlay of historical photographs, AI-simulated conversations with workers, etc.

Module 3: Intangible Cultural Heritage – Craftsmanship of Shenyang. Core cultural anchors: traditional brush making techniques, Liaoning embroidery, and dough figurines. AI activities: AI animation breaking down the brush making process, students using AI painting to generate a “My Writing Brush” series, and AI assisted transformation of intangible cultural heritage patterns into mobile phone wallpapers.

Module 4: Digital Present – New Look of Shenyang. Core cultural anchor: “Drunken Liaoning”–Immersive Digital Art Exhibition of Liaoning Premium Products, and K11 Art Center. AI activities: experiencing a commercial grade AI generation system, creating personal digital artworks, and completing a 30-second AI short video titled “Shenyang Through My Eyes.”

IV. Targeted Recommendations for Local Practice in Shenyang

Based on the framework of this study, recommendations are proposed for three categories of stakeholders.

For universities and institutions hosting study tour programs: It is recommended that AI-integrated curricula be upgraded from an “optional” to a “mandatory” component. Specific actions include: developing a “Shenyang Study Tour AI Assistant” mini-program that integrates digital human guided tours, speech scoring, and AI painting

¹ Запрещен на территории РФ.

access; training lead teachers to master prompt engineering and platform management skills; and collaborating with venues such as the Shenyang Imperial Palace and the Industrial Museum to obtain officially authorized high-resolution materials for VR production.

For Shenyang Municipal Bureau of Culture and Tourism, and Municipal Bureau of Education: It is recommended that cultural data interfaces be further opened to allow third-party developers to access AI guide systems. For example, study tour programs should be permitted to call 3D scanned models of cultural relics such as Wensuge Pavilion and Dazheng Hall for VR course development. In addition, a “Shenyang Study Tour AI Creativity Award” should be established, with annual selections of outstanding student works and online exhibitions to continuously amplify the communication effect.

For international Chinese language teachers: It is recommended that teachers proactively enhance their AI literacy. They do not need to become technology experts, but they must possess the ability to “translate” – that is, to convert cultural knowledge points into prompts and interactive scripts that AI can execute.

V. Conclusion and Future Directions

This study has constructed a three in one curriculum framework of “AI + Chinese + Shenyang Cultural Tourism,” deeply integrating technologies such as VR/AR, AI digital humans, intelligent scoring, and generative painting with Shenyang’s Qing culture, industrial heritage, and intangible cultural heritage. Taking the “black green roof – water overcomes fire” of Wensuge Pavilion as an example, the study demonstrates how an AI digital human can merge language drills with cultural understanding. A five-dimensional empowerment mechanism has also been designed. The research confirms that AI intervention can effectively bridge the gap between language teaching and cultural experience, transforming learners from passive observers into active participants, and significantly improving both the durability of language memory and the depth of cultural cognition.

Future research can be deepened in three directions. First, conduct multi country comparisons to examine differences in the acceptance of the same AI curriculum framework among learners from different cultural backgrounds. Second, develop a customized study tour AI agent based on large language models, capable of generating personalized explanations of Shenyang’s culture in response to students’ real-time questions. Third, abstract the five-dimensional empowerment model from this study into a general design tool, apply it to the development of study tour curricula in other cities (such as Xi’an,

Chengdu, and Hangzhou), and verify the transferability of the framework.

Reference

1. 中共沈阳市委宣传部 沈阳市文化旅游和广播电视局.《沈阳市争当打造高品质文体旅融合发展示范地“排头兵”实施方案》和《沈阳市深化高品质文体旅融合发展行动计划 (2024-2026 年)》[Z]. 沈阳, 2024.
2. Kolb D.A. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development [M]. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984.
3. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology [J]. MIS Quarterly, 1989, 13(3): 319-339.
4. 王春辉. 自然人、机器人、数字人“三人”共生时代的语言生活 [J]. 语言战略研究, 2024 (5).

© Han Shu, Yang Chenggang, Wang Xuejiao, 2026

YDK 811.581:37:004.9

Huang Xinai,

Student,

Liaoning University, Shenyang, China

Han Shu,

Lecturer,

Liaoning University, Shenyang, China

Wang Xuejiao,

Lecturer,

Shenyang Institute of Engineering, Shenyang, China

This study is supported by the 2026 Shenyang Philosophy and Social Science Planning General Research Project: Research on Enhancing Shenyang's External Communication Capacity for Northward Opening During the 15th Five-Year Plan Period (SYSK-2026-02-087). The editorial department and anonymous peer reviewers

have put forward valuable and pertinent suggestions for revision of this paper, and I would like to thank them all.

EXPLORATION OF A NEW PATH FOR TEACHING CHINESE CHARACTERS TO INTERNATIONAL STUDENTS BASED ON A HOLOGRAPHIC LEARNING SYSTEM

With the continuous deepening of the overseas dissemination of excellent traditional Chinese culture, the “Chinese fever” is continuously heating up globally, an increasing number of foreign students are willing to study Chinese and experience Chinese culture in China. As the core difficulty in learning Chinese, Chinese characters provide a significant opportunity for the application of intelligent teaching tools. This study proposes a holographic learning system for Chinese characters for international students, which is based on the HSK levels of different international students and their respective cultural backgrounds, to provide personalized autonomous learning plans. It integrates functions such as handwriting collection, real-time stroke order detection, error feedback, and standardized guidance, effectively compensating for the shortcomings of insufficient teacher guidance coverage in traditional classroom teaching.

Keywords: *International student Chinese character holographic learning system; international Chinese education; hardware-software collaboration.*

I. Introduction

Against the backdrop of the continuous deepening of the “cultural export” strategy and the steady improvement of the quality of training for international students in many domestic universities, learning Chinese characters has become the primary challenge for international students in learning Chinese and integrating into campus life. The current international student population in domestic universities exhibits significant diversification: a wide range of nationalities, diverse cultural backgrounds, and a broad spectrum of Chinese language proficiency. The traditional “textbook + blackboard” teaching model struggles to meet students' personalized learning needs, making teaching efficiency and experience critical bottlenecks in the development of international Chinese education.

Existing Chinese character learning platforms generally suffer from a structural defect of “emphasizing software over practical operation,” primarily focusing on visual presentation and theoretical explanations, and failing to effectively address the core issues in handwriting practice. International students face three major difficulties during their autonomous learning process: delayed error correction, insufficient guidance coverage, and high economic barriers.

This study adopts a collaborative architecture of “smart writing hardware + customized supporting software” as its entry point, achieving low-cost, high-efficiency Chinese character learning assistance through lightweight AI algorithms. The system aims to fill the gap in international students' needs for “autonomous practice – timely error correction – practical exercises,” providing technical support for the inclusive development of international Chinese education.

II. Overall System Design and Concept

2.1 Design Principles

The initial design intention of the system is to create a low-cost, lightweight, and precisely adapted Chinese character learning tool for international students through a combination of software and hardware, filling the market gap for low-cost intelligent tools for international students learning Chinese characters. It also aims to provide teaching assistance to domestic universities and training institutions, contributing to the popularization of international Chinese education.

2.2 Overall Structure

First, the handwriting board's pressure sensor accurately collects the writing trajectory. The main control board is responsible for data preprocessing and packaging. Simultaneously, the Bluetooth module transmits data with low latency, and the 3D projection module receives instructions to project dynamic images of standard writing onto the handwriting board. Second, based on a lightweight CNN algorithm, the system identifies errors in writing strokes with an accuracy of stroke order and omissions. The detection time is less than one second. Finally, all writing data is stored in a local database, allowing students and teachers to view error records, character error rates, and common error points.

2.3 Key Technologies

Hardware utilizes the HC-06 Bluetooth transparent transmission module, Soprano AIR001 Nano main control board, and a mini 3D projection module. The 3D projection employs a DIY optical refraction projection module to reduce costs and increase efficiency. On the algorithmic side, a CNN model is built based on the PyTorch lightweight framework to improve accuracy and reduce response time. For software-hardware linkage, a general and simple communication protocol is adopted to achieve tight integration of handwriting board data acquisition, Bluetooth transmission, AI stroke order detection, and 3D projection display.

2.4 Software Design

Supports bilingual Chinese and English, compatible with common Windows/Android systems, and features stroke detection, error feedback, 3D projection linkage, and data summarization functions. When a stroke error is detected, the interface will display a prompt, including the type of error and correct stroke instructions. At the same time, it sends commands via Bluetooth to project a 3D display, saving each student's practice data after completion. A record of writing history for targeted reinforcement practice.

III. Experimental Design and Effect Evaluation

3.1 Experimental Design

Experimental subjects were selected from international students at domestic universities, with primary target learners being HSK elementary level Chinese language learners whose native language is not from a character-based culture. After understanding the project, they voluntarily participated. Approximately 50 individuals were selected and divided into a control group and an experimental group. Twenty Chinese characters that international students had not yet mastered were selected from the HSK 1-3 level database to determine the initial proficiency and evaluate the later effects.

3.2 Experimental Procedure

First, ten Chinese characters were selected, and international students were asked to write them without any external assistance. After completion, a professional teacher graded the writing, recorded each student's error rate and error types, and ensured that there was no significant difference in the initial proficiency levels among the students.

Second, for one week, both groups of international students practiced all 20 Chinese characters. The experimental group used the Chinese Character Holographic Learning System daily for practice. The system could detect stroke order errors in real-time and trigger 3D projected animations of the correct stroke order. Students could also review their error records. The control group used traditional self-study methods for independent practice, with the teacher providing grading, feedback, and explanations. The daily practice time for both groups was controlled to avoid deviations in results due to differing practice durations.

Finally, both groups of students independently wrote the 20 previously practiced Chinese characters. The teacher graded them again, recording the error rate and error types to observe whether there were significant differences in the learning outcomes between the experimental and control groups, and whether the experimental group showed a greater reduction in error rates compared to the control group. Additionally, interviews were conducted with international students who used the system to understand their user experience and areas for improvement.

3.3 Predicted Outcomes

Outcome 1: The error rate of the experimental group significantly decreased after learning, with a greater improvement compared to the control group.

Outcome 2: The experimental group showed better effectiveness in correcting error types compared to the control group.

Outcome 3: The time cost for international students in the experimental group to learn and master new Chinese characters was significantly lower than that of the control group.

Outcome 4: Interviews indicated a high level of satisfaction among international students, suggesting the system design is easily accepted.

IV. Significance and Contribution of the Chinese Character Holographic Learning System in International Students' Chinese Character Learning

4.1 Facilitates the Achievement of Personalized Learning Paths

Traditional classrooms struggle to accommodate students' diverse cultural backgrounds and Chinese character proficiency, often failing to precisely identify each international student's specific weaknesses. This system, by capturing stroke order, writing pressure, and structural

layout in real-time, provides an immersive experience of “instant recognition upon writing and immediate error notification.” Teachers can precisely diagnose learning situations based on backend data, such as frequently misspelled characters and stroke order error rates, to tailor personalized learning plans for different students.

4.2 Increases Opportunities for International Students' Independent Practice

Addressing the drawback of existing platforms that “emphasize theory over practice,” this system is equipped with a lightweight AI algorithm that supports real-time detection and immediate feedback during the writing process. International students can break through time and space limitations of the classroom, practicing anytime using fragmented time. The learning environment is no longer confined to the classroom, achieving the learning effect of “understanding with the eyes and mastering with the hands,” thereby effectively increasing valuable learning time.

4.3 Helps Reduce Apprehension Among International Students Learning Chinese Characters

Compared to more symbolic alphabets, Chinese character strokes are more complex, with requirements for structure and stroke order. The abstract rules can easily evoke apprehension in novice Chinese character learners. The Chinese Character Holographic Learning System can transform flat Chinese characters into dynamic holographic images through 3D projection technology, enhancing learning engagement and understanding, stimulate international students' interest in learning, reduce the fear of difficulty, and improve learning efficiency.

4.4 Helps lower economic barriers and promote inclusive educational development.

Most smart writing devices on the market are priced high, and Chinese character learning software generally has hidden consumption such as membership fees, monthly cards, and annual cards, leading to a significant overall cost for systematic Chinese character learning. This system controls hardware production costs under 100 yuan with free software features and a final product price of around 129 yuan per set, this lowers the threshold for international students to independently learn and practice, expanding the inclusive reach of Chinese character learning. Simultaneously, for domestic universities and various training

institutions, the lower price also enhances purchasing appeal, allowing it to be used as an auxiliary tool for teachers during instruction.

V. Conclusion

The Ministry of Education's Center for International Cooperation in Education recently released multiple digital and intelligent teaching products, focusing on building a “three-in-one” digital and intelligent service support system for overseas Chinese learners, Chinese teachers, and Chinese teaching institutions. International Chinese language education is developing vigorously but still faces practical challenges such as insufficient popularization and imbalanced development. The holographic Chinese character learning system proposed in this study responds to the core pain points of international students learning Chinese characters through collaborative innovation in software and hardware, providing a new feasible path for empowering international Chinese language education with technology. It is believed that with the continuous enhancement of the nation's scientific and technological strength and the deepening of sino-foreign cultural exchanges, intelligent teaching tools will play a greater role in the field of international Chinese language education, helping Chinese culture reach the world.

Reference

1. 于婧焓, Fletcher J., Everatt J., Astall C. Teaching Chinese characters in CFL education: Beliefs, practices, and contextual influences [J]. System, 2026, 137:103954.
2. 潘晨婧. 汉字观在初级汉字教学中的运用 [J]. 国际汉语教学研究, 2022(4): 59-66.
3. 路云, 金舒年, 蔡云凌, 王玉. 新形势下在线中文教学的实践与思考——基于北京大学对外汉语教育学院 2020 年春季教学的实证研究 [J]. 国际中文教育 (中英文), 2022(2): 55-66.
4. 胡杰. 数智时代高校国际中文教育汉字教学的创新路径 [J]. 汉字文化, 2025(4): 86-88.

5. 马宁. AI 智慧教育背景下的国际中文汉字教学新路径 [J]. 福建电脑, 2022, 38(12): 118-123.
6. 范文翔, 李珂琳. 高等教育数字化转型的学习空间转向：从智慧教室到全息教室 [J]. 高等工程教育研究, 2024(1): 112-117.
7. 孙会, 王怡, 李馨, 于秒. 笔顺学习对汉语二语学习者汉字书写准确性及效率的促进作用 [J]. Computer Assisted Language Learning, 2025, 38(2): 215-238.

© Huang Xinai, Han Shu, Wang Xuejiao, 2026

УДК 81'42:004.738.5

Zamira Pulatova,
PhD Doctoral Student,
M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan
Ybyraim Azimkhan,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

DIGITAL DISCOURSE AS AN OBJECT OF COGNITIVE- DISCURSIVE STUDIES IN CONTEMPORARY LINGUISTICS

The rapid digitalization of communication has led to the emergence of new forms of discourse and, consequently, organization in technologically mediated environments. Digital platforms create complex communicative ecosystems in which linguistic expression interacts with multimodal semiotic resources and algorithmically structured information flows. The present article examines digital discourse as an important object of cognitive-discursive studies in contemporary linguistics. The study integrates approaches from discourse theory, cognitive linguistics, and media linguistics in order to identify the structural and communicative parameters of online interaction. The research proposes an integrative triadic framework explaining the formation of virtual linguistic personality within digital communication environments. The results of the investigation

demonstrate that discourse practices in digital environments are shaped by multimodality, platform affordances, and algorithmic mediation.

Keywords: *digital discourse, cognitive discourse studies, linguistic personality, online communication, media linguistics, multimodality, digital interaction.*

Introduction

The expansion of digital technologies has fundamentally transformed communicative practices, creating networked environments where discourse unfolds through continuous interaction and user-generated content. In contemporary linguistics, discourse is understood as a multidimensional phenomenon shaped by the interaction of linguistic structures, cognitive processes, and sociocultural contexts, where meaning emerges through communication and the interpretation of mental models [13, 87].

Digital communication further extends this perspective by integrating linguistic, visual, and symbolic resources, such as emojis, hashtags, and multimedia elements, into meaning-making processes [8, 91]. At the same time, technological mediation plays a crucial role, as digital platforms regulate discourse through algorithms and interface structures, influencing communicative behavior and the construction of linguistic identity [10, 12].

Despite its growing importance, the theoretical understanding of digital discourse remains fragmented, often separating linguistic and technological perspectives. This study addresses this gap by examining digital discourse as a complex communicative system shaped by the interaction of linguistic, cognitive, and technological factors.

Conceptual Definition of Digital Discourse

Within the framework of cognitive-discursive linguistics, digital discourse can be conceptualized as a communicative system emerging within technologically mediated environments characterized by network connectivity, multimodal expression, and algorithmic regulation of information flows.

In analytical terms, digital discourse can be represented through the following conceptual formula: Digital Discourse = Linguistic Expression + Multimodal Resources + Technological Mediation.

This formulation reflects the hybrid nature of communication in digital environments, where linguistic meaning is produced through the

interaction of verbal language, visual semiotic elements, and digital infrastructures.

Research Methodology

This study employs a qualitative analytical design that combines theoretical synthesis with discourse-analytical interpretation, enabling the examination of digital discourse as a communicative phenomenon embedded within technologically mediated environments. The methodological framework integrates three main analytical procedures.

First, theoretical synthesis is used to combine insights from discourse theory, cognitive linguistics, and media linguistics through the review of key scholarly works on digital communication and linguistic personality. Second, qualitative discourse analysis is applied to identify linguistic patterns, communicative strategies, multimodal resources, and interactional structures within online discourse [3, 52]. Third, conceptual modeling is utilized to develop an analytical framework that explains the formation of linguistic identity in digital communication environments.

Parameters of Digital Discourse

Table 1 – Key Parameters of Digital Discourse

Key Parameters of Digital Discourse		
Parameter	Description	Linguistic Effects
 Multimodality	Text, images, and audiovisual elements	Expands meaning construction
 Interactivity	Continuous dialogue among participants	Creates dialogic discourse
 Algorithmic Mediation	Platform algorithms influence visibility	Shapes communicative strategies
 Hybrid Language Forms	Mix of spoken and written language	Produces new stylistic patterns
 Platform Affordances	Interface design guides interaction	Adapts to tech environments

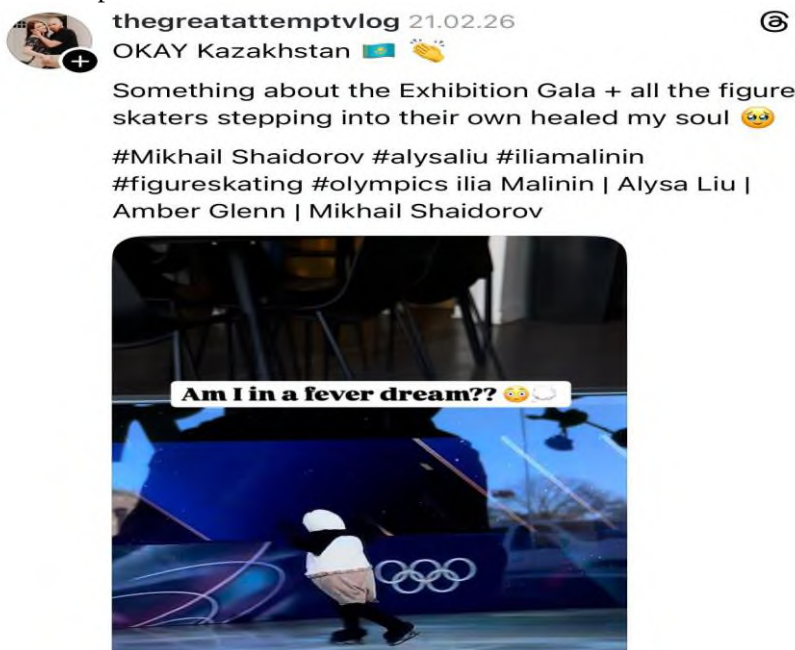
Multimodality, interactivity, and algorithmic mediation, hybrid language forms, platform affordances are the key parameters of a digital discourse. These parameters demonstrate that digital discourse operates

as a complex communicative system in which language interacts with technological infrastructures and social interaction.

Empirical Illustrations of Digital Discourse

To illustrate the theoretical framework, several examples of digital communication practices are examined, drawing on posts from social media platforms such as Instagram and Threads.

Example 1. Multimodal social media communication from Threads

A typical social media post may include textual content combined with visual symbols and hashtags. For instance, a user posting about an academic achievement may write: “*Okay Kazakhstan... #Mikhail Shaidorov...!*” accompanied by emojis and hashtags. In this case, meaning is constructed through the interaction of textual and visual elements.

Example 2. Interactive comment from Instagram

Online discussions frequently develop through comment sequences where users respond to previous statements. These interactions demonstrate the dialogic nature of digital discourse and highlight the collaborative production of meaning.

For example, on Instagram², a user named Nicolette posted a comment under a publication about the figure skating winner of the Winter Olympic Games, M. Shaidorov: *“His coach is a hero too for having invested in his talent so selflessly. I hope great things happen for him too. It was meant to be for Misha!!!”* As this comment appears to be sincere and emotionally expressive, it received more than one thousand likes and generated eleven responses from other users.

Example 3. Algorithmically influenced communication

Digital platforms often prioritize posts based on engagement indicators such as likes or comments. Consequently, users frequently employ communicative strategies designed to stimulate interaction, including rhetorical questions and emotionally expressive language.

² Запрещен на территории РФ.

tsn_official 14.02.26

American Ilia "Quad God" Malinin, who was a heavy favourite for gold, fell multiple times during his set and did not medal in men's single figure skating 🤔

#MilanoCortina2026

❤️ 244 💬 14 ↻ 8 ⚑ 32

curechd94 14.02.26

That was hard to watch

❤️ 1 💬 ↻ ⚑

sorrgirr 14.02.26

ILYA DESERVES 1ST PLACE, NOT THIS STUPID PENALTY TAKER

For example, this phenomenon can be illustrated by a post published on a news page @tsn_official on *Threads* about the Winter Olympic Games. The post, titled "Quad God Falls," referred to American figure skater Ilia Malinin and highlighted his fall during a performance. The framing of the event was intentionally emotional, emphasizing disappointment and vulnerability, which encouraged strong reactions from the audience and elicited expressions of sympathy and support.

Discussion

The findings demonstrate that digital discourse represents a new stage in the evolution of communicative practices. Unlike traditional

discourse forms, digital communication unfolds within technologically mediated environments that significantly influence linguistic behavior [13, 87; 14, 52]. Multimodal communication, interactive participation, and algorithmic regulation of information flows transform the mechanisms through which discourse is produced and interpreted [15, 33].

Furthermore, digital communication encourages linguistic creativity and facilitates the construction of flexible communicative identities, allowing users to adapt their language across different contexts and platforms [14, 60]. The results also indicate that digital platforms function as active participants in discourse formation. By regulating visibility and shaping interaction patterns, platform infrastructures influence communicative strategies and control the circulation of discourse [13, 91; 15, 40].

Conclusion

This study demonstrates that digital discourse constitutes a complex communicative phenomenon emerging within technologically mediated environments, where discourse practices are shaped by the interaction of linguistic, cognitive, and technological factors. The proposed analytical framework underscores the importance of integrating cognitive linguistics, discourse analysis, and media linguistics to better understand digital communication. In this context, the triadic model of virtual linguistic personality offers a valuable theoretical foundation for examining identity construction in networked environments. Future research may further develop this framework through corpus-based analyses and comparative studies of online discourse across different languages and cultures.

References

1. Androutsopoulos J. Networked multilingualism and language practices in social media // *International Journal of Bilingualism*. – 2020. – Vol. 24. – No. 2. – P. 280-299.
2. Ahmadova U. Digital Spectral Communication (DSC) and the Establishment of Digital Pragmatics: Conceptual Foundations of a New Paradigm in Digital Interaction. – 2025.
3. Beissembayeva S. Algorithmic Linguistic Manipulation in Virtual Discourse: Algorithms as Discourse Subjects. Khoja Akhmet Yassawi International University. – 2025.

4. Baranov A.N. Discourse and Its Interpretation. – Moscow, 2003. – 256 p.
5. Demyankov V.Z. Cognitive linguistics as a direction of modern linguistics // Voprosy Yazykoznaniiya. – 1994. – No. 5. – P. 17-33.
6. Dudko I., Zaitseva N. Modern Discourse of Internet Communication: Linguistic Aspect. – 2024.
7. Issers O.S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. – Moscow: LKI, 2008. – 288 p.
8. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p.
9. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. – Moscow: Nauka, 1987. – 263 p.
10. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Path to Knowledge about Language. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. – 560 p.
11. Crystal D. Language and the Internet. – 2nd ed. – Cambridge, 2011. – 272 p.
12. Fairclough N. Language and Power. – 3rd ed. – London, 2015. – 260 p.
13. Hutchby I. Affordances and the analysis of technologically mediated interaction // Journal of Pragmatics. – 2021. – Vol. 175. – P. 8-17.
14. Jones R.H., Chik A., Hafner C.A. Discourse and Digital Practices: Doing Discourse Analysis in the Digital Age. – London: Routledge, 2015. – 198 p.
15. Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. – London: Routledge, 2010. – 212 p.
16. van Dijk T.A. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 407 p.
17. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. – London: Sage Publications, 2016. – 240 p.
18. Zappavigna M. Searchable Talk: The Linguistic Functions of Social Media. – London: Bloomsbury Publishing, 2022. – 224 p.

© Pulatova Z., Azimkhan Y., 2026

Sartbayeva N.Zh.,

Senior Lecturer,

Osh State Pedagogical University named after A. Myrsabekov,

Osh, Kyrgyzstan

THE ROLE OF THE CASE METHOD IN THE DEVELOPMENT OF UNIVERSAL LEARNING ACTIVITIES FOR SECONDARY SCHOOL STUDENTS

This article examines the role of the case method in developing universal learning activities among primary school students. The case method enables students to analyze real or simulated situations, develop critical thinking, and make reasoned decisions. This approach contributes to the formation of analytical skills, teamwork abilities, argumentation, and discussion skills. The article discusses the method's application in schools, considering students' age characteristics, and its potential to develop practical, social, and emotional skills. The use of the case method creates an active learning environment and prepares students for successful personal and professional life in the future.

Keywords: *case method, universal learning activities, primary school, critical thinking, teamwork, active learning, social skills.*

The case method, originally developed for teaching in business schools, is an instructional approach based on the analysis of real-life situations and problems faced by professionals in various fields. The essence of this method lies in immersing learners in the study of a specific case, analyzing it in depth, discussing possible solutions collaboratively, and making decisions based on the knowledge and experience acquired. This approach contributes not only to the development of analytical and critical thinking skills but also to the cultivation of students' ability to work effectively in teams, make well-founded decisions, justify their viewpoints, and reflect on the consequences of their actions. In addition, it fosters creativity, problem-solving abilities, and resilience, which are increasingly important in the modern, rapidly changing world.

In the context of education, the case method serves as an effective tool for the formation of universal learning activities (ULAs), which are

essential for successful further learning and overall cognitive, social, and personal development. Universal learning activities include a broad range of skills: planning and organizing one's activities, searching for and analyzing information, working collaboratively, communicating effectively, critically reflecting on and evaluating outcomes, and demonstrating self-regulation. These competencies do not only enhance learning outcomes in school but also form the foundation for lifelong learning and professional growth, preparing students to navigate complex, real-world situations successfully [4].

The application of the case method in secondary and primary schools provides a unique opportunity for teachers to create an engaging, interactive, and productive learning environment in which students become active participants rather than passive recipients of knowledge. Unlike traditional teaching methods, where learners often memorize information without applying it, the case method emphasizes experiential learning, problem-based thinking, and decision-making. Students are encouraged to explore multiple perspectives, discuss alternatives, and critically assess evidence, thereby developing a deeper understanding of the subject matter. This is particularly important at the primary school level, where foundational learning skills, including curiosity, initiative, and the ability to work collaboratively, are being established.

The case method is one of the most effective and widely used pedagogical technologies, implemented across various educational contexts and at all levels of education. It relies on real or simulated scenarios that require students to analyze information critically, make reasoned judgments, and propose feasible solutions. In recent decades, the case method has gained particular significance in the context of developing ULAs, making it a central tool in competency-based education. By linking theoretical knowledge with practical application, it helps students understand the relevance of academic content in real-life contexts and encourages the development of independent thinking and ethical reasoning [1].

When applied in secondary school, the case method has its specific features and requires careful planning. Teachers must consider students' age, developmental level, cognitive abilities, and motivational factors. For younger learners, cases should be simple, accessible, relatable, and engaging, often reflecting situations from everyday life or familiar

social contexts. Such cases not only make learning meaningful but also stimulate emotional and social development. For example, collaborative work on cases fosters teamwork, negotiation skills, the ability to listen actively, and respect for diverse opinions. Moreover, the method supports social-emotional learning, empathy, and conflict resolution, as students navigate group dynamics and balance differing perspectives [3].

One of the key advantages of the case method is its potential to develop critical thinking and analytical skills. Students learn not only to identify correct answers but also to evaluate evidence, compare alternative solutions, consider long-term consequences, and make reasoned decisions. This reflective and evaluative process is increasingly important in the contemporary information-rich world, where the ability to critically assess data and discern reliable sources is essential for academic, professional, and personal success.

Beyond cognitive skills, the case method cultivates universal learning activities such as collaboration, effective communication, self-regulation, and organizational skills. Students engaged in group casework learn to share ideas, negotiate, justify their viewpoints, and find compromises. These abilities are not only critical for academic success but also for social competence, preparing students to interact effectively in diverse social and professional environments. By combining practical problem-solving with theoretical learning, the method reinforces both knowledge and skills essential for holistic development [7].

Historically, the case method has evolved for more than a century, adapting to diverse educational contexts while maintaining its focus on active learning. Its effectiveness is grounded in research that highlights improvements in student motivation, engagement, and academic performance. Modern educators continue to refine the approach by designing relevant, thought-provoking cases that align with curricular goals, age-specific learning capacities, and the developmental needs of students. The case method also aligns closely with the principles of competency-based education, fostering transferable skills that are applicable beyond the classroom [2].

In conclusion, the case method represents a highly relevant and promising direction in contemporary education, especially in the context of primary and secondary schools. It improves the quality of

learning by engaging students actively, fostering critical and analytical thinking, promoting social-emotional development, and preparing learners for real-life challenges. Its application nurtures not only academic competence but also personal responsibility, creativity, and adaptability. Continued research and development of the method, including the creation of age-appropriate, culturally relevant, and practically meaningful cases, will ensure its ongoing contribution to the formation of well-rounded, competent, and socially responsible individuals. Implementing the case method effectively helps cultivate a new generation capable of navigating the complexities of modern life with confidence, insight, and collaborative spirit.

References

1. Arefyeva S.A., Arefyeva O.V. Development of Russian language teaching methods based on case-study technology // Pedagogical Journal, 2017. – Vol. 7. – Is.1A. – pp. 156-165.
2. Artemyeva T.V., et al. Comparative Studies in Education: Russian Case. – St. Petersburg, 2023. – 342 p. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54721351> (accessed: 27.04.2026).
3. Avseikova N.I. Personnel training system for the implementation of preschool education in the Republic of Belarus (1991–1999). – URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/67311> (accessed: 27.04.2026).
4. Gruzskova S.Yu., Kamaleeva A.R. The case method: The history of the development and use of the method in education // Modern Research of Social Problems, 2013. – No. 6 (26). – P. 24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/keys-metod-istoriya-razrabotki-i-ispolzovaniya-metoda-v-obrazovanii/viewer> (accessed: 27.04.2026).
5. Meloyan V.G., Beglaryan M.E., Luzin A.I. The history of the development and use of the case method in the educational process // Problems of Modern Pedagogical Education, 2022. – No. 75-2. – pp. 228-231. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49289898> (accessed: 27.04.2026).
6. Mishchenko N.Y. The expediency of using the case method in the physical education of primary school children (using the example of the formation of universal educational actions) // Scientific and Sports Journal, 2023. – Vol. 1. – No. 2. – pp. 19-31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselesoobraznost-primeneniya-keys->

metoda-v-fizicheskom-vospitanii-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta-na-primere-formirovaniya/viewer (accessed: 27.04.2026).

7. Veretennikova L.K., Vygonskaya G.M. Practical method in the focus of pedagogy and developmental psychology // Pedagogy and Psychology of Education, 2024. – No. 3. – pp. 38-51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskiy-metod-v-fokuse-pedagogiki-i-psihologii-razvitiya/viewer> (accessed: 27.04.2026).

© Sartbayeva N.Zh., 2026

УДК 37.03:81'243

Sartbayeva N.Zh.,

Senior Lecturer,

Osh State Pedagogical University named after A. Myrsabekov,

Osh, Kyrgyzstan

USING CLIL TO INCREASE MOTIVATION TO LEARN ENGLISH AND SCHOOL SUBJECTS

The article examines the use of the CLIL (Content and Language Integrated Learning) method to increase students' motivation to learn English and school subjects. It emphasizes that modern education requires the integration of language and subject knowledge to foster critical thinking, creativity, and communication skills. CLIL enables students to simultaneously acquire subject content and a foreign language, creating a natural language environment and promoting deeper understanding of the material. The application of CLIL motivates learners through practical language use, develops intercultural competence, and fosters a positive attitude toward learning. The article also discusses the conditions for successful CLIL implementation, including teacher training and adaptation of the learning process to students' age and individual characteristics.

Keywords: CLIL, motivation, English language learning, school subjects, content and language integration, intercultural competence, active learning, critical thinking.

In the modern educational process, one of the key tasks is to increase the motivation of students to learn foreign languages, in particular, English, which occupies a special place in the system of international communication and professional activity. In the context of globalization and integration of knowledge, when information is available in different languages, English language proficiency becomes a prerequisite for successful career and personal growth. However, despite its importance, many students face problems related to lack of motivation and interest in learning a language. This creates the need to find new approaches and methods that increase students' interest and involvement in the learning process.

One of these approaches is the CLIL (Content and Language Integrated Learning) method, which aims to integrate the content of academic subjects with learning a foreign language. This method allows students to simultaneously master both subject knowledge and language skills, which makes the learning process more focused and meaningful. CLIL assumes that language learning takes place in the context of the subject matter, which, in turn, contributes to a deeper understanding of the material and increases its significance for students. The application of this approach in educational practice opens up new horizons for motivation formation, as students see the practical application of language in real situations, which contributes to their involvement and interest [2].

The theoretical aspects of CLIL include many studies and developments that emphasize the importance of integrating language and content. The CLIL method is based on the principles of active learning, where students become not just listeners, but active participants in the learning process. This creates conditions for the development of critical thinking, creativity and the ability to learn independently. It is important to note that the CLIL method is not limited only to language learning, but also covers a variety of subject areas, which makes it a universal tool for improving the quality of education [6].

Motivation to learn English is one of the key topics in pedagogical science. Research shows that motivation influences students' success in learning a language, their desire to learn, and their willingness to overcome difficulties. This paper will examine how the CLIL method can contribute to the formation and maintenance of student motivation.

Using CLIL allows not only to improve language skills, but also to connect language learning with the interests and needs of students, which is an important aspect to increase their motivation [1].

The use of the CLIL method to increase motivation for learning English and school subjects opens up new opportunities for organizing the educational process. Students who are immersed in a context where language is used as a means to achieve specific learning goals become more active and interested participants in learning. This creates the conditions for the formation of a positive attitude towards learning the language and subjects, which, in turn, contributes to their successful development [6].

CLIL is a methodology that combines the study of the content of academic subjects with the study of a foreign language. This concept was developed in Europe in the late 1990s and has since become popular in many countries as an effective way of learning. CLIL is based on the idea that language learning should take place in the context of real-world subject knowledge, which allows students not only to master the language, but also to develop critical thinking, problem-solving and creativity skills through the study of various disciplines. This approach makes language learning more meaningful and relevant, as students see how language is used in real situations and how it relates to their daily lives [3].

One of the key aspects of CLIL is its bilingualism: students study subjects in a foreign language, which creates a natural language environment. This allows them not only to improve their language skills, but also to deepen their knowledge in other fields such as mathematics, natural sciences, history and art. This approach promotes the integration of language and subject learning, which makes the learning process more comprehensive and multifaceted. It is important to note that CLIL is not limited to language learning only.; It also includes the use of language as a tool for learning content, which requires students to actively participate and engage in the learning process [4].

There are several CLIL implementation models, each of which has its own characteristics and approaches to learning. For example, in some cases the focus is on language learning in the context of a particular subject, while in other cases the focus is on integrating multiple disciplines. This variety of models allows educational

institutions to adapt the CLIL methodology to their needs and context, making it flexible and versatile. For example, in some schools, CLIL can be used to teach science in English, while in others it can be used to study history or art. This allows students to develop their language skills in different contexts, which contributes to a deeper understanding of both language and content [5].

One of the main advantages of CLIL is its ability to increase students' motivation to learn the language and subjects. When students see that language is being used to achieve specific goals and solve real-world problems, they become more interested and involved in the learning process. This is especially important in the context of learning English, which is currently the international language of communication. Using CLIL can help students realize the practical value of language and its application in various fields, which in turn can help increase their motivation and interest in learning [5].

CLIL promotes the development of intercultural communication skills, which is an important aspect of modern education. By learning a language through the lens of different cultures and contexts, students become more open and tolerant of differences, which is important in a globalized world. It also helps them develop critical thinking and analysis skills, as they learn to view information from different perspectives and evaluate it in the context of different cultural norms and values.

However, the introduction of CLIL into the educational process requires certain conditions and training on the part of both teachers and students. Teachers should not only be highly qualified specialists in their field, but also have good language skills in order to effectively teach in a foreign language. This may require additional training and advanced training, which is an important aspect of successful CLIL implementation. In addition, students should be prepared for such changes in their learning approach, which may require additional work and effort.

In conclusion, CLIL is a powerful tool for increasing students' motivation to learn English and other school subjects. His integrative approach, which combines language learning with meaningful learning, allows students to see the practical application of language and develop the skills necessary for successful communication in the modern world. Despite certain challenges associated with the implementation of CLIL,

its advantages make it an attractive choice for educational institutions seeking to improve the quality of education and increase student motivation.

References

1. Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. – Cambridge University Press, 2010. – 184 p.
2. Fuchs T. Student motivation in CLIL – a case study in an upper secondary technical college in Austria (HTL). Wien, 2015. – 115 p. – URL: <https://services.phaidra.univie.ac.at/api/object/o:1314728/get> (accessed: 27.04.2026).
3. Mettewie L., Van Mensel L., De Smet M., Galand B. A longitudinal test of the impact of CLIL on language emotions and learning motivation. – URL: https://www.researchgate.net/publication/380950410_A_longitudinal_test_of_the_impact_of_CLIL_on_language_emotions_and_learning_motivation (accessed: 27.04.2026).
4. Nevia Y.I., Faridha N.F., Larasati E.A.D., Wulandari C. Students' Motivation in Learning English by Using Content and Language Integrated Learning (CLIL) Approach. – URL: https://www.researchgate.net/publication/396341902_Students'_Motivation_in_Learning_English_by_Using_Content_Language_Integrated_Learning_CLIL_Approach (accessed: 27.04.2026).
5. Pinner R. CLIL teaching: Authentic language learning to motivate students. – URL: <https://www.sophia.ac.jp/eng/article/feature/the-knot/the-knot-0081/> (accessed: 27.04.2026).
6. Zamora T.G., De Leon R.K.F. Students' Motivation in Studying English Through Content and Language Integrated Learning (CLIL) // International Journal of Research and Innovation in Social Science, 2025.

© Sartbayeva N.Zh., 2026

Абдиева А.Ф.,

аспирант I з/о,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Т.В. Григорьева,

доктор филологических наук, профессор,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

**ОБЗОР ДИССЕРТАЦИИ МЭРИАМ М. БАХТ
«ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СТИЛЯ
В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ЛОНГ-АЙЛЕНДА»**

В статье представлен анализ диссертационного исследования Мэриам М. Бахт, выполненного под руководством Джона Виктора Синглера в Нью-Йоркском университете (2010). Работа посвящена изучению лексической вариативности как инструмента конструирования социального и языкового стиля среди подростков 12–14 лет в средней школе Генри Флеминга (Лонг-Айленд). Особое внимание уделяется употреблению количественных маркеров (like, all, go) и наречных интенсификаторов (very, really, so). В обзоре рассматриваются теоретические рамки исследования (три «волны» вариационной социолингвистики, понятие «сообщества практики»), методология, ключевые результаты и вклад работы в развитие социолингвистики.

Ключевые слова: лексическая вариативность, языковой стиль, сообщество практики, количественные, наречные интенсификаторы, подростковая речь, индексальность, идентичность места, третья волна вариационной социолингвистики, средняя школа, Лонг-Айленд.

Цель статьи – провести обзор диссертации Мэриам М. Бахт «Лексическая вариативность и конструирование языкового стиля в средней школе Лонг-Айленда», защищенной в Нью-Йоркском университете в 2010 году под руководством Джона Виктора Синглера. Диссертация представляет собой значимое исследование на стыке вариационной социолингвистики, лингвистической

антропологии и социологии подросткового. В отличие от многочисленных работ, сосредоточенных на социофонетических переменных, Бахт обращается к лексическому уровню – квантитативам (цитативным глаголам, таким как *like, all, go*) и наречным интенсификаторам (*very, really, so*). Выбор именно этих единиц обусловлен не только их статусом как маркеров языковых изменений в прогрессии, но и их высокой социальной салиентностью: в подростковой среде они осознанно или неосознанно сигнализируют о принадлежности к определенным группам, о возрасте и о жизненных ориентациях.

Исследование проводилось в средней школе Генри Флеминга, расположенной в восточной части Лонг-Айленда – регионе с неоднозначной диалектной принадлежностью, находящемся на стыке нью-йоркского и новоанглийского ареалов. Эта географическая и социальная пограничность, как убедительно показывает автор, не является методологической помехой, а напротив, создает уникальные условия для изучения стиля. Отсутствие жестко закрепленной диалектной нормы дает подросткам свободу для «бриколажа» – комбинирования разнородных языковых ресурсов, почерпнутых из медиа, от родителей или из субкультурных практик, для конструирования собственной персоны. Бахт подчеркивает, что школа выступает не просто местом учебы, но центральной социальной сценой, где разворачивается драма конструирования идентичности, а возраст 12–14 лет является переходным, особенно чувствительным к стилизации.

Теоретической основой работы служит концепция трех «волн» вариационной социолингвистики, предложенная Пенелопой Эккерт. Если первая волна связывает вариативность с макросоциальными категориями вроде класса или возраста, а вторая добавляет локальное этнографическое измерение, то Бахт сознательно помещает свой анализ в рамки третьей волны. В этом подходе языковые переменные рассматриваются не как прямые индексы социальных групп, а как ресурсы для конструирования стилей и персон, причем значение переменной всегда ситуативно и подвижно. Ключевым понятием здесь становится «сообщество практики» – группа, объединенная взаимным вовлечением в совместную деятельность и разделяемым репертуаром практик. На

основе двухлетнего включенного наблюдения автор выделяет шесть таких сообществ: «Популярные девушки», «Серферы», «Подражатели», «Баскетболисты», «Good Charlotte» и «Местные парни». Важно отметить, что эти категории не были навязаны исследователем, а постепенно проявились в ходе этнографии, что гарантирует их валидность.

Методологически работа демонстрирует образец гибридного подхода. Бахт провела два года в школе, посещая уроки, обеды и перемены, что позволило ей минимизировать эффект парадокса наблюдателя – когда присутствие исследователя искажает естественное поведение информантов. Она сознательно отказывалась от демонстрации взрослого авторитета (не пользовалась учительской столовой, не прерывала драк, сама попадала в «неприятности» за болтовню в cafeteria), что способствовало ее принятию как «своей». Сбор данных включал как индивидуальные социолингвистические интервью, так и групповые записи, что дало в общей сложности 6400 токенов количественных и сотни примеров интенсификаторов. Такой дизайн позволил не только зафиксировать частотные закономерности, но и понять, как сами подростки осмысливают свои языковые выборы.

Обратимся к ключевым результатам. Анализ наречных интенсификаторов выявил удивительное сходство между тремя женскими группами – «Популярными девушками», «Серферами» и «Подражателями»: все они демонстрируют высокую частотность *so* (инновативного варианта), умеренное использование *really* и практически полное отсутствие *very*. Эта паттерн, по мысли автора, индексирует «современного приморского подростка» – образ, синтезирующий медийный стереотип американского тинейджера с локальной идентичностью богатого курортного города. Совсем иную картину дают мужские сообщества: «Баскетболисты» предпочитают *really*, а «Местные парни» – *very*, причем общая частотность интенсификаторов у них значительно ниже. Это расхождение, как показывает Бахт, связано не с биологическим полом как таковым, а с разной степенью инвестированности в проект «быть подростком» и с ориентацией на разные жизненные уклады. Good Charlotte, единственная женская группа, где *so* не доминирует, оказывается на периферии и по языковым, и по социальным показателям.

Еще более контрастные различия обнаруживаются в употреблении квантитативов. «Подражатели» (Wannabes) используют *like* почти категорически – в 96% случаев. Эта группа, наиболее озабоченная достижением популярности, но не обладающая ею, демонстрирует своего рода гиперкоррекцию: они утрированно используют стигматизированный, но ярко маркирующий молодежность маркер, пытаясь компенсировать свой низкий социальный статус. «Серферы», напротив, показывают более сбалансированный репертуар: *like* (65%), *all* (18%) и *go* (8%). Употребление *all*, имеющего калифорнийские корни, служит для них способом индексации «серферского образа жизни» – даже при отсутствии прямых контактов с Калифорнией, через медийные стереотипы. «Популярные девушки» выделяются уникальной практикой: они часто используют глагол *be* как самостоятельный квантитатив (*she was 'why don't you come?'*), что не встречается в других группах и, вероятно, служит внутренним маркером групповой исключительности. Наконец, «Местные парни» оказываются наиболее консервативными: *like* используется лишь в 40% случаев, при этом высок процент *say* и *go*, что отражает их ориентацию на традиционный локальный уклад, связанный с рыболовством и фермерством.

Одним из наиболее сильных теоретических ходов диссертации является демонстрация того, что разные «волны» вариационной социолингвистики не противоречат, а дополняют друг друга. Если объединить всех школьников в одно речевое сообщество, то частотность *like* составит 63%, что почти точно воспроизводит данные более ранних исследований Синглера для аналогичной возрастной группы. Иными словами, на макроуровне эти подростки ведут себя «как положено» их возрасту. Однако этнографическое «приближение» к уровню сообществ практики вскрывает значимую внутреннюю вариацию, которая была бы невидима при чисто количественном подходе. Таким образом, Бахт убедительно показывает, что третья волна не отменяет предыдущие, а добавляет к ним необходимую глубину.

Для объяснения полученных закономерностей автор вводит оригинальное понятие «индекса образа жизни», которое синтезирует идеи индексального поля, идентичности места. Бахт выделяет два таких индекса, действующих в сообществе. Первый –

«Традиционный локал», коренящийся в истории поселения XVII века, морских промыслах и противостоянии «городским» приезжим. Он маркируется лексически через *say, go u very*. Второй – «Современный приморский подросток», который представляет собой сплав медийного образа американского тинейджера с локальным контекстом богатого курортного города (с его брендами, досугом, «агрессивной непринужденностью»). Этот индекс маркируется через *like, so u all*. Разные сообщества практики в разной степени ориентируются на эти два полюса, причем наиболее интересный случай – «Подражатели», которые, не имея доступа к вершине социальной иерархии, тем не менее утрированно используют маркеры второго индекса в попытке присвоить себе его престиж.

В заключительной главе Бахт обозначает несколько перспективных направлений для будущих исследований. Во-первых, она указывает на необходимость лонгитюдного изучения отдельных говорящих, меняющих групповую принадлежность (например, переход Филиппа из «Баскетболистов» в «Серферы»), чтобы понять, как именно происходит смена стиля – как постепенное замещение одних вариантов другими. Во-вторых, автор признает, что из анализа были исключены латиноамериканские и некоторые афроамериканские учащиеся, и их языковые практики представляют собой самостоятельную и важную исследовательскую задачу. В-третьих, она поднимает проблему статистической обработки лексических переменных, не подчиняющихся принципу «один токен – одно окружение», и предлагает в качестве возможного решения пуассоновскую регрессию.

В целом диссертация Мэриам Бахт вносит весомый вклад в развитие третьей волны вариационной социалингвистики, убедительно демонстрируя, что лексическая вариативность – это не хаотичный шум, а структурированный ресурс для конструирования идентичности. Работа показывает, что даже такие, казалось бы, «пустые» слова как *like* или *so* могут быть мощными социальными маркерами, а их употребление подчиняется сложной логике локальных иерархий, возрастных идеологий и стремления к принадлежности. Для российского читателя, знакомого с совсем иной школой и традициями изучения

подростковой речи, эта работа может послужить как образцом методологической рефлексии, так и источником вдохновения для сопоставительных исследований.

Литература

1. Bakht, M. M. (2010) *Lexical Variation and the Negotiation of Linguistic Style in a Long Island Middle School* (Doctoral dissertation). New York University.

© Абдиева А.Ф., 2026

A.F. Abdieva,
1st-Year Postgraduate Student,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
Scientific advisor: **T.V. Grigorieva,**
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

REVIEW OF MARYAM M. BAKHT'S DISSERTATION "LEXICAL VARIATION AND THE CONSTRUCTION OF LINGUISTIC STYLE IN LONG ISLAND HIGH SCHOOL"

The article presents an analysis of Maryam M. Bakht's dissertation research conducted under the supervision of John Victor Singler at New York University (2010). The work is devoted to the study of lexical variation as a tool for constructing social and linguistic style among adolescents aged 12-14 at Henry Fleming High School (Long Island). Special attention is paid to the use of quantitative markers (like, all, go) and adverbial intensifiers (very, really, so). The review examines the theoretical framework of the research (three "waves" of variational sociolinguistics, the concept of a "community of practice"), methodology, key results and contribution of the work to the development of sociolinguistics.

Keywords: *lexical variability, linguistic style, community of practice, quantifiers, adverbial intensifiers, adolescent speech, indexality, identity of place, the third wave of variational sociolinguistics, high school, Long Island.*

Азнабаева И.И.,

студентка 4 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Р.Ф. Брылева,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ФОНЕТИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОДКАСТАХ

В статье анализируется фонетическая конвергенция в англоязычных подкастах как форма коммуникативной аккомодации между британскими и американскими собеседниками. Подкаст рассматривается как дискурсивная среда, где спонтанность и разговорная близость способствуют речевой подстройке. Особое внимание уделяется просодическим параметрам – темпу, ритму, паузировке, интонации и динамике, – проявляющимся в коротких реактивных репликах. На примерах подкастов показано, как такие микросигналы обеспечивают ритмическую синхронизацию диалога без нивелирования региональных акцентов. Региональные различия сохраняются, но усиливается общая интерактивная согласованность. Анализ транскриптов выявляет зоны наибольшей просодической подстройки, подчеркивая роль подкастов в изучении естественной фонетической конвергенции

Ключевые слова: *фонетическая конвергенция, подкасты, теория коммуникативной аккомодации, просодическая подстройка, реактивные реплики, разговорная синхронизация.*

В современном медиaprостранстве подкаст представляет собой не просто формат распространения аудиоконтента, а особую дискурсивную среду, в которой спонтанность, длительность контакта и разговорная близость создают благоприятные условия для речевой подстройки собеседников. Русскоязычные исследователи подкаста как медиажанра подчеркивают его диалогичность, интерактивность и ориентацию на эффект естественного разговора, а фонетические работы по аккомодации

показывают, что именно в длительном кооперативном взаимодействии особенно заметно сближение просодических параметров речи. Поэтому подкаст оказывается удобной площадкой для наблюдения за фонетической конвергенцией, в том числе в диалоге между носителями разных региональных вариантов английского языка, например, между британцем и американцем [2; 5; 6; 7].

Теоретической основой такого анализа служит теория коммуникативной аккомодации. В русскоязычной научной традиции она описывается как процесс, при котором участники общения приспосабливают свое речевое поведение друг к другу, а фонетическая конвергенция трактуется как частичное или более выраженное сближение темпа, ритма, паузирования, мелодики и динамических параметров речи [5; 8]. Важно, что такое сближение не обязательно означает исчезновение акцентных различий. Напротив, британский и американский участники подкаста могут сохранять собственные произносительные особенности, но при этом заметно синхронизироваться на уровне коротких реактивных реплик, интонационных контуров, скорости ответа и ритмической организации разговора [3; 7; 8].

Для подкаст-дискурса особенно важно то, что многие признаки конвергенции возникают в так называемых «малых» репликах – кратких откликах, поддерживающих разговор. В смешанном британско-американском общении такие сигналы часто принимают форму серийных откликов вроде “*yeah*”, “*right*”, “*oh*”, “*I know*”, “*okay*”, которые при акустическом анализе нередко оказываются зонами наибольшей просодической подстройки [3; 4; 8]. В недавнем русскоязычном исследовании англоязычных подкастов прямо говорится о том, что согласованное взаимодействие в них достигается через сближение просодических параметров, а также через повтор мелодических и динамических акцентов [1]. Следовательно, даже если транскрипт не фиксирует точную высоту тона или длину паузы, он позволяет увидеть места, где такая подстройка наиболее вероятна [1; 3; 8].

Хорошо это видно в эпизоде *Conan O'Brien Needs a Friend* с Джамилей Джамиль: в расшифровке многократно появляются краткие зеркальные отклики “*Yeah*”, “*I know*”, “*Yes*”, “*Oh*”, а также повторяющиеся двойные и тройные подтверждения. В

одном месте собеседники переходят к связке “*I know. I know.*”, в другом - к короткому согласованию через “*Yeah*”, а затем к совместному разворачиванию следующего хода. Подобные микрореплики важны потому, что именно на них в живом разговоре обычно настраиваются темп, длительность паузы перед ответом и интонационная завершенность. Для пары «американский ведущий – британская гостья» это особенно показательно: национально-региональные различия сохраняются, но в ходе беседы усиливается общая разговорная синхронизация [4; 8].

Не менее выразителен материал *The Adam Buxton Podcast* в выпуске с Джеффом Голдблюмом, где британский ведущий и американский гость регулярно выстраивают цепочки взаимного подтверждения: “*Yeah, yeah*”, “*Yeah, yeah, yeah*”, “*Oh, yeah*”, “*Right*”. В транскрипте видно, что такие сигналы не просто заполняют паузы, а работают как механизм совместной настройки разговора: один участник вводит тему, второй подхватывает ее не длинным ответом, а коротким ритмически согласованным откликом, после чего первый продолжает развивать мысль. Именно такие переходы русскоязычные фонетические исследования описывают как точки координации речевого ритма и просодической согласованности [4; 8]. Важно и то, что в подобных зонах конвергенция обычно проявляется не в «копировании акцента», а в том, что собеседники начинают ближе совпадать по длине реактивных реплик, по скорости вступления в ход и по интонационному рисунку подтверждения [3; 4; 8].

Похожая картина наблюдается и в выпуске того же подкаста с Эриком Андре. Уже в техническом начале разговора появляются компактные координирующие формулы вроде “*hope so, yeah yeah*”, далее – повторные подтверждения “*yeah yeah*”, а затем и симметричный отклик “*Yeah, I didn't see this*”. Такие реплики особенно важны для фонетического анализа, потому что они возникают в условиях высокой спонтанности, когда собеседники еще не вышли на длинные монологи, а постоянно регулируют саму возможность разговора: слышимость, очередность хода, готовность продолжать. В подобных участках обычно быстрее всего вырабатывается общий темп и общее ощущение «совместного ритма» беседы. Для британско-американского диалога это один из самых естественных путей подстройки: не

через намеренное изменение акцента, а через сближение интерактивной фонетики разговора [1; 8].

Дополнительный материал дает подкаст Крейга Фергюсона с Джейсоном Биггсом. В транскрипте заметны серийные отклики *“Yeah. Yeah.”*, *“Yeah, yeah, yeah, yeah”*, а также короткие связи *“Right”* и *“Exactly”*. Эти элементы создают эффект высокой разговорной сцепленности: американский и шотландский участники не просто обмениваются репликами, а быстро выравнивают способ реакции на высказывание собеседника. В живой звучащей речи такие кластеры обычно сопровождаются уменьшением длины межрепликовых пауз, выравниванием громкости и сходством мелодических завершений коротких ответов. Поэтому даже без инструментального анализа аудиофайла подобные транскриптные фрагменты можно рассматривать как сильные индикаторы зон вероятной конвергенции [1; 4; 8].

Если обобщить эти примеры, становится видно, что в подкастах фонетическая конвергенция чаще всего запускается не на уровне отдельных «трудных» звуков, а на уровне организации диалога. Наиболее показательными оказываются англоязычные микросигналы типа *“yeah”*, *“right”*, *“okay”*, *“oh”*, *“I know”*, *“exactly”*, а также повтор одной и той же рамочной конструкции обоими участниками. Их функция двойная: они одновременно поддерживают контакт и выстраивают акустическое согласование реплик. Для бесед между британцем и американцем это особенно характерно, поскольку полное нивелирование различий между вариантами английского языка маловероятно, тогда как просодическая, темповая и интерактивная подстройка возникает естественно и очень быстро [1; 3; 8].

Таким образом, фонетическая конвергенция в подкастах представляет собой форму коммуникативной аккомодации, при которой участники разговора постепенно настраивают звучащую речь друг на друга ради более плавного, понятного и кооперативного взаимодействия [1; 2]. На материале англоязычных подкастов с участием британских и американских собеседников особенно заметно, что эта подстройка проявляется прежде всего через короткие подтверждающие реплики, повтор, подхват и согласование очередности хода: *“Yeah”*, *“Yeah, yeah”*, *“Yeah, yeah, yeah”*, *“Right”*, *“I know”*, *“Exactly”*, *“Okay”*, *“Oh”*. Именно такие

элементы образуют фонетический каркас разговорной синхронизации, на котором и строится ощущение естественного, «слаженного» подкаст-диалога [1; 3; 4; 8].

Литература

1. Абдуллина Р.Э. Перцептивный образ созвучности англоязычной диалогической речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 1 (895).
2. Ануфриева Г.В. Подкасты как новая дискурсивная практика русскоязычных масс-медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – Вып. 10. С. 3197-3201.
3. Бурая Е.А. Просодический ритм и коммуникативная аккомодация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 1 (830). – С. 41-50.
4. Бышук Г.В. Просодия как средство поддержания коммуникативного процесса в англоязычном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3 (69). – Ч. 3. – С. 70-75.
5. Горбылева А.В. Коммуникативная аккомодация в области межкультурной коммуникации // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2021.
6. Хакимова Е.М. Русскоязычные подкасты как современная дискурсивная практика и предмет исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 84. – С. 72-95.
7. Шевченко Т.И. Просодия современного английского языка в мультикультурном мире // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – С. 110-124.
8. Шевченко Т.И., Галочкина И.Е. Навстречу согласию: фонетическая адаптация собеседников в диалоге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (740). – С. 185-203.

I.I. Aznabaeva,
*4th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: R.F. Bryleva,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

PHONETIC CONVERGENCE IN ENGLISH-LANGUAGE PODCASTS

The article analyzes phonetic convergence in English-language podcasts as a form of communicative accommodation between British and American interlocutors. Podcasts are examined as a discursive environment where spontaneity and conversational closeness facilitate speech alignment. Particular attention is paid to prosodic parameters – tempo, rhythm, pausing, intonation, and dynamics – manifesting in short reactive responses. Examples from podcasts demonstrate how such micro-signals ensure rhythmic synchronization of dialogue without leveling regional accents. Regional differences are preserved while overall interactive coherence intensifies. Transcript analysis identifies zones of maximal prosodic alignment underscoring the role of podcasts in studying natural phonetic convergence.

Keywords: *phonetic convergence, podcasts, communication accommodation theory, prosodic alignment, reactive responses, conversational synchronization*

УДК 81'42

Антипкин Г.Д.,
*студент 1 курса,
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Россия*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В статье рассматривается современный профессиональный дискурс как многоуровневое коммуникативное образование, в котором соединяются институциональные роли участников,

специальное знание, жанровая организация и прагматическая направленность высказывания. На основе российских научных публикаций выделяются ключевые когнитивно-дискурсивные параметры профессионального дискурса: статусно-ролевой, когнитивно-содержательный, жанрово-текстовый, прагматический и медиальный. Уточняется, что в условиях цифровизации профессиональный дискурс сохраняет нормативность и терминологическую точность, но одновременно усиливает объяснительную, воздействующую и идентификационную функции. Делается вывод о том, что современный профессиональный дискурс следует понимать не как замкнутую систему терминов, а как динамический механизм производства, передачи и адаптации специального знания.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, цифровая среда, инженерная коммуникация, речевой жанр, специальный текст, профессиональная идентичность.

В современной лингвистике профессиональный дискурс все чаще рассматривается не как частный набор терминов или речевых клише, а как самостоятельная форма организации специального знания в коммуникации. Такая постановка вопроса особенно актуальна сегодня, когда профессиональное общение выходит за пределы закрытого экспертного сообщества и включается в цифровую среду, где адресат нередко оказывается смешанным: наряду со специалистами в коммуникацию вовлекаются студенты, клиенты, потребители, подписчики профессиональных сообществ. В результате меняются не только каналы передачи информации, но и сами параметры дискурса, его жанровые формы и коммуникативные функции. Именно поэтому задача описания современного профессионального дискурса требует не простого перечисления его признаков, а их систематизации в когнитивно-дискурсивном аспекте.

В научной литературе профессиональный дискурс определяется как общение специалистов между собой, либо с теми, кто обращается к ним за консультацией или профессиональной помощью [3, 146]. При этом существенным является не только наличие специальной тематики, но и статусная организация общения, поскольку профессиональная роль задает распределение

коммуникативных прав, ответственности и интерпретационных полномочий [3, 146]. Исследователи подчеркивают, что профессиональный дискурс выполняет не одну, а несколько взаимосвязанных функций: транзакционную, социализирующую и нормативную [3, 147]. Тем самым он не просто передает сведения, а вводит участника в профессиональное сообщество, закрепляет образцы поведения и формирует профессиональную идентичность.

С когнитивно-дискурсивной точки зрения центральным основанием профессионального дискурса выступает специальное знание, организованное в виде устойчивых понятийных связей, терминологических узлов и типовых сценариев профессиональной деятельности. Не случайно специальный текст рассматривается как результативная манифестация профессионального дискурса, отражающая ход деловой коммуникации и оформляющая знание в заверченный письменный документ [2, 108]. Такой текст строится не произвольно: его содержание, композиция и языковой выбор подчинены целям точной передачи, хранения и последующего использования научно-технической информации [2, 108]. Следовательно, когнитивный параметр профессионального дискурса проявляется в том, что языковая форма здесь напрямую зависит от структуры специального знания и от способов его обработки адресатом.

Представляется целесообразным выделять пять системообразующих параметров современного профессионального дискурса. Во-первых, статусно-ролевой параметр, задающий институциональные позиции участников общения и определяющий меру их коммуникативной инициативы. Во-вторых, когнитивно-содержательный параметр, связанный с концентрацией специального знания, профессиональных концептов и терминов. В-третьих, жанрово-текстовый параметр, поскольку дискурс реализуется не абстрактно, а в устойчивых жанрах – стандарте, инструкции, экспертном комментарии, консультации, отчете. В-четвертых, прагматический параметр, определяющий ради какого результата организуется высказывание: для сообщения, координации, регламентации, объяснения или воздействия. Наконец, в современных условиях необходимо учитывать медиальный параметр, так как цифровая среда изменяет канал, темп, адресность и форму профессионального высказывания.

Показательно, что особенно наглядно перечисленные параметры раскрываются в инженерной коммуникации. Исследователи отмечают, что инженерный дискурс долгое время описывался как разновидность научно-технического дискурса, однако в действительности обладает собственными целями, участниками и жанровым составом [5, 92]. Его специфика определяется не только выработкой знания, но и внедрением, эксплуатацией, регламентированием и сопровождением технических объектов [5, 92-93]. Поэтому инженерная коммуникация не сводится к научной статье: в ее ядро входят жанры, непосредственно обслуживающие профессиональную деятельность. Одним из таких жанров признается стандарт, который, по данным Н.В. Куркан, полностью отвечает основной цели инженерной коммуникации, а его особенности определяются требованиями профессионального дискурса и конкретной коммуникативной ситуацией [4, 78-79]. Иначе говоря, жанр здесь выступает не внешней оболочкой, а механизмом упорядочения профессионального смысла.

Не менее важен и тот факт, что современный профессиональный дискурс все отчетливее проявляет тенденцию к жанровой гибридизации. На материале инженерно-дидактического дискурса показано, что даже инструкция по сборке сочетает признаки нескольких дискурсивных сфер: инженерной, дидактической и регулятивной [1, 97-98]. Ее коммуникативная цель одновременно информативна и императивна, а языковая организация соединяет профессиональную лексику, алгоритмизацию действия и элементы мягкого побуждения [1, 98]. Это позволяет сделать более общий вывод: современный профессиональный дискурс не ограничивается жестко замкнутыми жанрами. Напротив, он активно приспосабливается к задачам обучения, консультации, сопровождения и популяризации специального знания, сохраняя при этом профессиональное ядро.

Цифровая среда усиливает эту тенденцию и переводит профессиональный дискурс в режим постоянной адаптации к расширенному адресату. В исследовании новых форм профессиональной коммуникации юристов в медиасреде подчеркивается, что активность профессиональных групп в интернете порождает гибридные дискурсы, сохраняющие

типологические признаки институционального общения, но одновременно приобретающие свойства медиадискурса [6, 97]. В такой ситуации меняются параметры коммуникации: расширяется аудитория, возрастает роль интерпретации, усиливается зависимость языкового выбора от реакции читателя [6, 97-98]. Следовательно, современный профессиональный дискурс в цифровой среде ориентирован уже не только на точную передачу специальных сведений, но и на их объяснение, адаптацию и включение в более широкий общественный контекст.

Отсюда закономерно меняется и функциональная структура профессионального дискурса. Его базовой функцией по-прежнему остается информативная: без передачи специального знания профессиональная коммуникация теряет предметное основание. Однако не менее значимыми становятся регулятивная функция, обеспечивающая выполнение норм и процедур; социализирующая функция, вводящая участника в профессиональную среду; идентификационная функция, закрепляющая принадлежность к профессии; а также воздействующая функция, особенно заметная в цифровых форматах общения. Важно, что эти функции не существуют изолированно. В одном и том же тексте специалист может одновременно сообщать сведения, инструктировать, объяснять, убеждать и формировать доверие к профессиональной позиции. Именно такая функциональная многослойность делает современный профессиональный дискурс гибким и устойчивым.

Собственный аналитический вывод на основе рассмотренных исследований состоит в следующем: при описании современного профессионального дискурса недостаточно говорить только о терминологичности или институциональности. Более продуктивным представляется подход, при котором профессиональный дискурс понимается как когнитивно организованная и жанрово оформленная система общения, обеспечивающая циркуляцию специального знания между разными типами адресатов. В этом случае его современность определяется не отказом от профессиональной нормы, а способностью сохранять ее в новых условиях коммуникации – в цифровых платформах, гибридных жанрах и расширенных форматах адресации. Такая трактовка особенно значима для технического вуза, где обучение фактически строится как

постепенном включением обучающегося в профессиональный дискурс через освоение терминологии, жанров и моделей аргументации.

Таким образом, когнитивно-дискурсивные параметры современного профессионального дискурса образуют взаимосвязанную систему, в которой институциональные роли, специальное знание, жанровая организация, прагматическая установка и медиальная среда неразделимы. Современный профессиональный дискурс одновременно сохраняет признаки традиционного специализированного общения и проявляет высокую адаптивность к цифровой коммуникации. Именно поэтому его функции расширяются: к информированию и регламентации добавляются объяснение, идентификация, социализация и воздействие. Перспективным представляется дальнейшее изучение профессионального дискурса в тех областях, где особенно активно взаимодействуют специальность, медиа и образование, поскольку именно здесь наиболее отчетливо проявляются процессы жанровой гибридизации и когнитивной перестройки профессионального общения.

Литература

1. Безукладникова С.С. Инструкция по сборке как жанр инженерно-дидактического дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. Вып. 6 (224). – С. 97-107.
2. Клёстер А.М., Шумайлова М.С. Описание модели специального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7 (73): в 3 ч. Ч. 2. – С. 107-109.
3. Кочемасова Д.Р., Воронина Е.Б. Профессиональный дискурс // Вестник Марийского государственного университета. – 2018. – Т. 12. – № 3. – С. 146-151.
4. Куркан Н.В. Лексические и композиционные особенности жанра «стандарт» в дискурсивном аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – Вып. 9 (206). – С. 78-83.
5. Куркан Н.В., Фадеева Н.В., Мишанкина Н.А. Дискурсивная специфика инженерной коммуникации в русском социокультурном пространстве // Вестник Томского

государственного педагогического университета. – 2020. – Вып. 2 (208). – С. 92-102.

6. Хустенко А.А. Новые формы профессиональной коммуникации юристов в медиасреде (на материале публикаций интернет-сообществ) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – Вып. 6 (218). – С. 97-104.

© Антипкин Г.Д., 2026

G.D. Antipkin,
1st-Year Student,
Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

COGNITIVE-DISCURSIVE PARAMETERS AND FUNCTIONS OF MODERN PROFESSIONAL DISCOURSE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

The article examines modern professional discourse as a multi-level communicative formation in which the institutional roles of participants, special knowledge, genre organization and pragmatic orientation are combined. On the basis of Russian scholarly publications, the key cognitive-discursive parameters of professional discourse are identified: status-role, cognitive-content, genre-textual, pragmatic and medial. It is argued that in the context of digitalization professional discourse preserves its normativity and terminological precision, while at the same time strengthening its explanatory, persuasive and identificational functions. The author concludes that modern professional discourse should be understood not as a closed system of terms, but as a dynamic mechanism for producing, transmitting and adapting specialized knowledge.

Keywords: *professional discourse, digital environment, engineering communication, speech genre, special text, professional identity.*

Арсланов И.И.,

магистрант 2 з/о ИИГУ,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Кобызева С.В.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РУССКИХ МЕТАФОР НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ

В статье рассматриваются особенности перевода русских метафор на английский язык в аспекте интерпретации образного значения и сохранения экспрессивно-семантического потенциала оригинала. Анализируются основные трудности, возникающие при межкультурной передаче метафорических конструкций, обусловленные различиями в культурных кодах, языковой картине мира и когнитивных моделях носителей русского и английского языков. Особое внимание уделяется стратегиям перевода метафор, таким как буквальный перевод, замена образа, деметафоризация и компенсация. На основе анализа примеров делается вывод о необходимости функционально-семантического подхода к переводу метафор, обеспечивающего баланс между точностью передачи смысла и сохранением образности.

Ключевые слова: *метафора, художественный перевод, межкультурная коммуникация, образность, переводческие стратегии, русский язык, английский язык.*

Язык является не только статичной системой средств и способов выражения и употребления слов. Это еще и отражение характера, культуры и психологии конкретной национальности [2, 483]. Так, особым средством выражения является метафора, поскольку она обладает значительной функциональной нагрузкой [11, 47]. Метафора является одним из ключевых средств образности языка и важнейшим механизмом концептуализации действительности [7, 112]. В художественных и публицистических текстах она выполняет не только эстетическую, но и когнитивную

функцию, формируя особое видение мира. В условиях межкультурной коммуникации перевод метафор представляет собой одну из наиболее сложных задач, поскольку требует учета не только языковых, но и культурных, ассоциативных и прагматических факторов [5, 253].

Проблема перевода метафор особенно актуальна при сопоставлении русского и английского языков, отличающихся типом образного мышления и национально-культурной спецификой. При проведении исследования были выделены следующие проблемы, требующие детального освещения:

1. неправильная интерпретация метафоры может привести к утрате смысла переводимой фразы;
2. искажение авторского замысла может также стать невольным следствием интерпретации;
3. наиболее «безобидным» можем считать снижение экспрессивного эффекта текста.

В связи с этим исследование особенностей перевода русских метафор на английский язык приобретает особую научную и практическую значимость. Целью данной статьи является анализ основных проблем интерпретации и передачи русских метафор на английский язык, а также выявление наиболее эффективных переводческих стратегий сохранения образности.

Понятие метафоры и ее роль в языковой картине мира

В лингвистике метафора традиционно рассматривается как перенос значения на основе сходства или ассоциации [1, 127]. В настоящее время метафора понимается шире – как способ осмысления абстрактных понятий через конкретные образы, укорененные в опыте носителей языка [9, 135].

Русская языковая картина мира традиционно отличается высокой эмоциональностью и стремлением к образному осмыслению действительности [11, 47]. В русском языке человек нередко описывает окружающий мир через яркие, чувственно воспринимаемые образы, апеллируя к природным явлениям, телесному опыту и исторической памяти. Отсюда обилие метафор, связанных с огнем и холодом, движением и покоем, силой и усталостью, а также с переживаниями, которые «давят», «жгут» или «накрывают».

Английская метафорическая система формировалась в иной культурной и коммуникативной среде, где приоритет отдается практичности, ясности и функциональности высказывания [3, 123]. Английские метафоры чаще опираются на устойчивые, общепринятые образы и стандартизированные модели мышления, что делает их более нейтральными с точки зрения эмоциональной выразительности.

Эти различия в способах образного осмысления мира становятся серьезным препятствием при переводе метафор с русского языка на английский. Переводчик сталкивается с необходимостью не только передать значение метафоры, но и решить, насколько важно сохранить ее эмоциональную насыщенность и образность, чтобы обеспечить адекватность перевода. Напомним, что под последней понимается точность и верность передачи смысла, соответствие ожиданиям носителей языка перевода [4, 56-57].

Основные трудности перевода русских метафор на английский язык

1. Культурная обусловленность метафор

Одной из ключевых трудностей перевода русских метафор является их тесная связь с национально-культурным контекстом. Многие метафорические образы формируются под влиянием исторического опыта, традиционного уклада русской культуры [11, 47]. Такие метафоры несут в себе не только образное, но и культурно-смысловое наполнение, которое не всегда имеет прямые соответствия в английском языке. В результате при буквальном переводе метафора может оказаться непонятной или восприниматься как стилистически неестественная для англоязычного адресата, что требует дополнительной интерпретации или замены образа.

Пример: Русское выражение «душа ушла в пятки» отражает телесно-образное представление о страхе и не имеет прямого эквивалента в английском языке. Буквальный перевод (*the soul went into the heels*) будет непонятен, поэтому используется культурно приемлемый аналог – *to be scared stiff* или *one's heart sank* [10, 244].

2. Различия в ассоциативных полях

Даже в тех случаях, когда метафорический образ формально присутствует в обоих языках, его ассоциативное наполнение может существенно различаться. Ассоциативные поля

формируются на основе культурного опыта и языковой практики носителей, поэтому один и тот же образ способен вызывать разные эмоциональные и смысловые отклики [6, 19]. В процессе перевода это может привести к смещению акцентов, ослаблению экспрессивного эффекта или даже к неверной интерпретации исходного значения метафоры [2, 483].

Пример: Русская метафора «холодный человек» чаще ассоциируется с эмоциональной отстраненностью и сдержанностью. В английском языке выражение *cold person* может восприниматься более резко и приобретать оттенок жестокости или безразличия, поэтому в ряде контекстов предпочтительнее использовать *reserved* или *emotionally distant* [3, 123].

3. Несовпадение стилистической функции

В русском языке метафора часто выполняет функцию усиления эмоциональной выразительности и является органичной частью как художественной, так и публицистической речи [3, 123]. В английской традиции аналогичный коммуникативный эффект нередко достигается за счет иных стилистических средств, а именно: лаконичности, синтаксической организации или нейтральной лексики. В связи с этим прямой перенос русской метафоры может нарушить жанровые и стилистические нормы английского текста, сделав его излишне экспрессивным или неестественным.

Пример: Русское публицистическое выражение «волна негодования захлестнула общество» при буквальном переводе (*a wave of indignation swept over society*) возможно, но в нейтральном английском тексте чаще используется менее образное выражение – *there was widespread public outrage* [3, 123].

Способы передачи смысла метафоры

1. Буквальный перевод, то есть полная трансляция, максимальное сохранение его смыслового эффекта в переводимом тексте [10, 244]. Данная стратегия применяется в случае совпадения образных моделей в обоих языках. Она позволяет сохранить как смысл, так и образность, однако возможна лишь при высокой степени межязыкового соответствия.

2. Частичная трансляция, которая может подразумевать лишь схожую, но не тождественную интерпретацию смысла перевода. Это достигается с помощью следующих инструментов:

Замена метафорического образа. При отсутствии эквивалентного образа переводчик заменяет исходную метафору функционально аналогичной метафорой языка перевода. Этот

способ способствует сохранению экспрессивного эффекта, но требует глубокого знания культурных реалий.

Деметафоризация. В ряде случаев метафора передается неметафорическим выражением с сохранением основного смысла. Данная стратегия снижает образность, но обеспечивает точность и понятность текста для адресата.

Компенсация, которая предполагает восстановление утраченной образности в другом фрагменте текста. Этот прием особенно характерен для художественного перевода и позволяет сохранить общее стилистическое воздействие произведения [5, 253].

3. Отсутствие трансляции переводимого смысла метафоры считается учеными как довольно редкое явление, ввиду наличия так называемого «закона сохранения метафоры», согласно которому, оригинальный образ должен по мере возможности быть воспроизведен во вторичном тексте [10, 244]. В таком случае применяется опущение метафоры исходного текста или ее перефразированный перевод, что учеными оценивается как «серьезное средство искажения исходного замысла». Однако, подчеркивается исключительная редкость подобного при переводе метафор.

Анализ переводческих решений

Практика перевода показывает, что универсального способа передачи метафор не существует. Выбор стратегии зависит от контекста, жанра, целевой аудитории и переводческой задачи. Наиболее эффективным является функционально-семантический подход, ориентированный на сохранение коммуникативного эффекта оригинала, а не его формального соответствия [5, 253].

Проведённое исследование показало, что перевод русских метафор на английский язык представляет собой многоуровневый и интерпретационно сложный процесс, выходящий за рамки простого языкового соответствия. Анализ специфики русских и английских метафорических систем подтвердил, что основные трудности перевода обусловлены не только структурными различиями языков, но и расхождениями в когнитивных моделях, ассоциативных полях и культурных кодах носителей.

В ходе работы было установлено, что культурная обусловленность русских метафор, различия в их ассоциативном наполнении, а также несовпадение стилистических функций метафоры в русском и английском языках существенно влияют на выбор переводческой стратегии. Прямой, буквальный перевод возможен лишь в ограниченном числе случаев и не всегда

обеспечивает адекватную передачу образности и экспрессивного потенциала оригинала.

Анализ переводческих решений показал, что наиболее эффективным является функционально-семантический подход, ориентированный на сохранение коммуникативного эффекта и прагматической направленности метафоры. Такие стратегии, как замена метафорического образа, демегафоризация и компенсация, позволяют переводчику адаптировать исходный текст к нормам и ожиданиям англоязычного адресата без существенной утраты смыслового и стилистического содержания.

Таким образом, перевод русских метафор на английский язык следует рассматривать как творческий процесс, требующий от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурных и когнитивных оснований метафорического мышления. Переводчик в данном контексте выступает не просто посредником между языками, а активным интерпретатором культурных смыслов, обеспечивающим адекватное межкультурное взаимодействие и сохранение образной ценности исходного текста [7, 112].

Литература

1. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации / В.Н. Вовк. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 127.
2. Гак В.Г. Сочетаемость // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 483.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – С. 123.
4. Кобызева С.В., Смирнов И.А. Современные нейронные онлайн-переводчики как эффективный инструмент для обеспечения адекватности перевода // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – № 3. – 2025. – С. 56-61.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
6. Коралова А.Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза, 1975. – С. 19.
7. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – С. 112.

8. Нарский И.С. Диалектическое взаимодействие «рассудка» и «разума» в философии Гегеля // От «рассудка» к «разуму». – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – С. 34.
9. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135.
10. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: AUDITORIA, 2016. – 244 с.
11. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 47.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 16.01.20216).
13. Collins Online Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 16.01.20216).

© Арсланов И.И., 2026

I.I. Arslanov,
*2nd-Year Master's Student of the Institute of History
and Public Administration,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **S.V. Kobyzeva,**
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

SPECIFIC FEATURES OF TRANSLATING RUSSIAN METAPHORS INTO ENGLISH: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND PRESERVING IMAGERY

The article considers the peculiarities of translating Russian metaphors into English in the aspect of interpreting the figurative meaning and preserving the expressive-semantic potential of the original. The main difficulties arising in the cross-lingual transmission of metaphorical structures due to differences in cultural codes, linguistic picture of the world and cognitive models of speakers of Russian and English are analyzed. Particular attention is paid to metaphor translation strategies such as literal translation, image replacement, demetaphorization and compensation. Analysis of the

examples suggests a functional-semantic approach to translation of metaphors that balances the accuracy of meaning with the preservation of imagery.

Keywords: *metaphor, literary translation, intercultural communication, imagery, translation strategies, Russian, English.*

УДК 811.512.145

Ахмадуллина И.И.,

студентка 6 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Зарипова И.Ф.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «АТА/ЭТИ»

В данной статье дается описание фразеологизмов татарского языка, объединенных наличием компонента «ата/эти». В работе предложена идеографическая и лексико-семантическая классификация данных устойчивых выражений, что вносит вклад в изучение лексикологии и фразеологии татарского языка.

Ключевые слова: *татарский язык, лексикология, фразеология, фразеологизм, компонент «ата/эти».*

Татарский язык – удивительно красивый, совершенный по структуре и богатый язык. В нём хранятся ценности, передаваемые из века в век: пословицы, поговорки, загадки, сказки, считалки, фразеологизмы и многое другое. Фразеологизмы часто называют жемчужинами языка, поскольку они определяют его национальный колорит и уникальность [2, 66].

Развитие фразеологии как науки было значительно обусловлено идеями французского лингвиста Ш. Балли (1865–1947). В отечественном языкознании фразеология сформировалась как самостоятельная отрасль в 40-х годах XX века. Первые

теоретические сведения о русской фразеологии можно найти в трудах А.А. Потебни, И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова. В 50-х годах В.В. Виноградов в своих работах уточнил основные понятия, определил задачи и направления изучения фразеологии. В дальнейшем фразеологизмы как структурные единицы языка были освещены в трудах А.И. Смирницкого и О.С. Ахмановой. Вопросы, связанные с классификацией фразеологизмов, их составом, структурными особенностями, семантикой, лексикографическим описанием, исследованием в лингвокультурологическом аспекте и сравнительным изучением с другими языками, нашли отражение в работах В.Л. Архангельского, Н.Н. Амосовой, В.П. Жукова, А.В. Кунина, Н.М. Шанского, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и других.

В татарском языкознании также проведено немало исследований в этом направлении. Впервые определение понятия «фразеология» дал К. Насыри в своём труде «Әнмүзәж» (1895). Он определял такие выражения как слова (калима), перенесённые из своего основного значения, имеющие скрытое значение. В разделе «Руководство по сбору фольклора и народной литературы» сборника «Порядок алфавита, правила орфографии, вопрос о названиях. Сборник инструкций по сбору народной литературы» (1926), составленного Г.Х. Алпаровым, также представлено множество широко распространённых в языке фразеологических выражений под заголовками «иносказательные слова (кина), остроумные ответы, проклятия и благословения».

Признание фразеологии отдельной отраслью языкознания относится к началу XX века. С этого времени фразеологические единицы начинают рассматриваться и признаваться как самостоятельная и важная часть языкознания и стилистики. В 50-е годы эти исследования углубляются и расширяются. В центре внимания оказываются изучение и систематизация видов и особенностей фразеологических единиц [3, 70].

В работах таких ученых, как Ш.А. Рамазанов, Г.Х. Ахатов, Л. Залая, Н.Б. Бурханова, Л.Г. Махмутова, Г.Х. Ахунзянов, Р.А. Юсупов, С.Ш. Поварисов, В.Х. Хаков, Ф.С. Сафиуллина, Х.Ш. Махмутов, татарская фразеология исследуется с различных сторон: даются определения понятиям «фразеологизм» и «фразеология», объясняется отличие фразеологизмов от слов и

простых словосочетаний; поднимаются вопросы возникновения, накопления и классификации этих выражений; освещается стилистическое использование фразеологических выражений, описываются их семантические, грамматические и лексикографические особенности, обсуждаются проблемы перевода на другие языки, выясняется их этимология и т.д. [4, 192].

Г.Х. Ахатов в своей кандидатской диссертации «Фразеологические выражения татарского языка» определяет место фразеологии как предмета в науке, впервые рассматривая эти выражения как отдельную категорию, отличая их от пословиц, поговорок и загадок. По своим структурно-семантическим признакам он делит фразеологические выражения на идиомы, фразеологические сочетания (штампы и единицы) и фразеологические термины-названия.

Одной из работ, внесших большой вклад в теорию фразеологии, является «Идиомы татарского языка» Г.Х. Ахунзянова. Здесь автор по-новому подходит к определению идиомы и вопросам терминологии в этой области, в частности, доказывает неудачность слова «фразеология» как названия и большую успешность термина «идиоматика». Ученый внимательно изучает особенности, делающие идиому идиомой, то есть явление, называемое переносным значением, и приводит мнения различных языковедов по этому вопросу.

Публикация фразеологических словарей на татарском языке является важным явлением для изучения и систематизации особенностей и типов фразеологических выражений. В 1957 году вышел труд Л. Заляя, Н.Б. Бурхановой, Л.Г. Махмутовой «Фразеология, пословицы и поговорки татарского языка», в 1959 году – «Русско-татарский фразеологический словарь», составленный Н.Б. Бурхановой и Л.Г. Махмутовой, в 1982 году – «Словарь фразеологических выражений татарского языка» Г.Х. Ахатова, в 1991 году – «Русско-татарский тематический фразеологический словарь» Л.К. Байрамовой, а в 2001 году – «Татарско-русский фразеологический словарь» Ф.С. Сафиуллиной. Двухтомный «Фразеологический словарь татарского языка» Н. Исанбета, изданный в 1989–1990 годах, до сих пор является самым полным из опубликованных словарей.

Несмотря на то, что фразеологизмы считаются достаточно изученной областью в татарском языкознании, остаются нераскрытые вопросы. Например, к таким относятся фразеологизмы с компонентом «ата/эти» (отец) в татарском языке. Отсутствие специальных работ по этой теме на данный момент определяет актуальность выбранной темы.

Идеографические группы фразеологизмов. Фразеологизмы с компонентом «ата/эти» можно разделить на несколько групп по их идеографическим особенностям на основе классификации Л.Г. Бабенко. Например:

Фразеологизмы, выражающие эмоциональное отношение: *ата-ана иркәсен белгән (күргән)* (выросший в заботе родителей, не знавший сиротских страданий); *атасын таныту* (избить до криков «Папа! Мама!», в значении воздействия на упрямого, своенравного человека); *атам иркәсе (мени)* (по отношению к чрезмерной избалованности); *ата күргән* (сын или дочь, получившие отцовское воспитание, выросшие под его руководством, перенимавшие его образец или профессию).

Фразеологизмы, выражающие эмоциональное состояние, чувства-переживания: *ата-анасын үтергән кебек йөри* (о том, кто ходит, показывая людям недовольное лицо, сердито).

Фразеологизмы, выражающие эмоции в речи: *атаңа ләгънәт, авызыңа таиш* (проклятие твоему отцу, камень в твой рот); *атаңа нәләт* (проклятие твоему отцу, который тебя родил и вырастил); *атаң пыялачымы әллә* (насмешливо, говорится в ответ на то, что человек загораживает свет, стоя впереди); *атаңның баи сөяге* (проклятие, смешанное с ругательством, в значении «проклятие твоему отцу, который тебя родил»).

Фразеологизмы, характеризующие личностные качества человека: *атасын сатар* (означает беспринципный человек). Такой человек не имеет национальной гордости или чести, для него нет ничего святого ни в народе, ни в Родине. У него есть карьера и слава, и ради них он готов продать все самое дорогое.

Фразеологизмы, характеризующие поведение человека: *атасын сагына* (история гласит, что когда жена Ходжи Насреддина, обжегшись горячим бульоном, заплакала, Ходжа спросил: "Почему ты плачешь?". Она ответила: "Я скучаю по отцу". Ходжа, поверив ей, сам попробовал бульон и тоже заплакал.

С тех пор, если кто-то обжигает рот горячей едой и у него выступают слезы, говорят, что он "скучает по отцу (или матери)"); *атай малы – катай* (о растрате и бесполезном расходовании наследства, оставленного отцом. Относится к бывшим богачам и нынешним транжирам); *атасының сакалы белән уйнау* (обращаться к высокопоставленным, уважаемым людям или влиятельным начальникам с детской назойливостью. Указывает на известную пословицу "Плачущий ребенок играет с бородой отца"); *атагызның малын бүләсезме* (о доме, где царит сильный шум и ссора. Обычно говорится в случаях, когда у отца остаются непутевые дети, которые, не сумев поделить его имущество, кричат друг на друга. Пример: "Прекратите, почему вы так кричите? Вы что, делите добро вашего отца?").

Фразеологизмы, характеризующие интеллектуальные особенности: *атаңның баи сәяге* (означает бессознательный, глупый человек. Мол, вместо того чтобы получить ум от отца, получил только пустой череп).

Фразеологизмы, характеризующие социальное деление: *ата баласы* (1. Ребенок, рожденный от определенных родителей, воспитанный ими и достойный носить имя уважаемого отца. 2. В значении законный сын или дочь, а не какой-то пришлый, безродный человек); *ак карт әти* (прадед матери); *атага берле* (единственный сын отца); *бала атасы* (мужчина, который стал отцом для ребенка или выполняет отцовские обязанности по отношению к нему).

Фразеологизмы, выражающие социально-экономические отношения: *ата-ана хақы* (естественные и юридические обязанности родителей по отношению к детям); *аталарча кайгырту* (забота, проявляемая человеком, считающим себя наставником для молодежи, помощь молодым в развитии, вступлении во взрослую жизнь, в становлении и достижении успеха, путем советов и других доступных средств); *ата малы* (имущество, нажитое отцом, и оставшееся от него наследство); *атаң баиы кирәкме тағын* (в значении "этого достаточно, не требуй большего"); *атаң малы бармы* (используется в отношении того, кто претендует на чужое или государственное имущество без законных оснований).

Фразеологизмы, выражающие образ жизни человека: *ата-баба йоласы* (совокупность правил, традиций и обычаев, унаследованных от предков, которые являются неотъемлемой частью жизни каждого народа, определяя его самобытность и существование. Это включает в себя все аспекты жизни: рождение, создание семьи, обустройство дома, национальное самосознание, повседневные ритуалы (от колыбели до погребения), правила общения, приготовления пищи, гостеприимство, праздники, народные гуляния, песни, танцы, игры и обряды, связанные со смертью); *ата юлын куа* (следует правилам, традициям, обычаям и методам предков).

Фразеологизмы, выражающие пространственные отношения: *ата йорты* (1. Родной дом, отчий дом. 2. В широком смысле – родина); *ата туфрагы* (священная земля, которая принадлежала предкам, которую они считали своей родиной и государством, и где покоятся их останки).

Фразеологизмы, выражающие значение времени: *ата-баба заманы* (древние исторические времена, прошедшие века).

Фразеологизмы, выражающие определительное значение: *атасының бүреген кигән* (букв. «надел отцовскую шапку» – используется, когда видят что-то неуместное, как будто маленькую емкость накрыли большой крышкой); *ата-бабадан калган* (букв. «оставшееся от предков» – употребляется, когда речь идет о заветах, пословицах, песнях и других произведениях, передаваемых из поколения в поколение через отцов, а также о родословных, письменных и печатных книгах, обычаях, обрядах, литературном, культурном и другом историческом наследии).

По лексико-семантическим особенностям фразеологизмы можно разделить на три группы: выражающие положительное отношение, отрицательное отношение и нейтральное отношение.

Фразеологизмы, выражающие положительное отношение: *ата баласы, атай карт булып эйтәм, ата күргән, аталарча кайгырту, ата юлын куа, бала атасы* и др.

Фразеологизмы, выражающие отрицательное отношение: *атагызның малын бүләсезме, атай малы – катый, атам иркәсе (мени), атасын сатар, атасын таныту, атаңның баи сөяге, атаң баиши кирәкме тагын* и др.

Фразеологизмы, выражающие нейтральное отношение: *ак карт эти, ата-баба заманы, ата-баба йоласы, ата йорты, ата туфрагы* и др.

Фразеологизмы с компонентом «ата/эти» в татарском языке обладают уникальными идеографическими и лексико-семантическими характеристиками, отличающими их от других элементов языка. Сфера применения этих фразеологизмов весьма широка, и сегодня в татарском языке нет ни одной области, где бы они не использовались. Они часто встречаются в публицистических материалах, литературных произведениях и народном творчестве, а также в повседневной речи.

Фразеологизмы, содержащие компонент «ата/эти», можно разделить на различные идеографические категории. Например, существуют фразеологизмы, выражающие эмоции, социальные отношения, характер и поведение человека, а также понятия, связанные со временем и местом. Эти группы демонстрируют богатство и многогранность фразеологизмов.

С лексико-семантической точки зрения, фразеологизмы с компонентом «ата/эти» отражают положительные, отрицательные и нейтральные отношения, что ещё больше расширяет сферу их применения. Таким образом, эти фразеологизмы в татарском языке отражают богатство языка и его культурный контекст, их значимость и использование постоянно растут. Богатство фразеологизмов также отражает культурный и исторический контекст татарского языка, они показывают традиции, обычаи и мировоззрение татарского народа.

Литература

1. Ахунжанов Г.Х. Татар теленең идиомалары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. – 118 б.
2. Гареева Р.Р., Зарипова И.Ф. Фразеологизированные термины в татарском языке (на материале семантического поля «Живая природа») // Современный образовательный дискурс: лингвистика, лингводидактика и лингвокультурология: Сборник научно-методических статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2025. – С. 66-70.
3. Гареева Р.Р., Зарипова И.Ф. Лингвистические термины в татарском языке, выраженные фразеологическими единицами //

Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: Материалы XIII Международной научной конференции. – Уфа, 2025. – С. 69-75.

4. Зәкиев М.З. Татар лексикологиясе. Өч томда. I том. – Казан: ТӘНСИ, 2015. – 352 б.

5. Исәнбәт Н.С. Татар теленәң фразеологик сүзлеге. Ике томда. I том. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 495 б.

6. Сафиуллина Ф.С. Тел гыйлеменә кереш. Югары уку йортларының филология факультеты студентлары өчен д-лек. – Казан: «Хәтер», 2001. – 383 б.

7. Сафиуллина Ф.С., Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле: Югары һәм урта уку йортлары өчен д-лек. Тулыл. 2 нче басма. – Казан: Мәгариф, 2002. – 407 б.

8. Сафиуллина Ф.С. Татар теленәң лексикологиясе: Югары уку йорты студентлары өчен. – Казан: КДУ, 1999. – 266 б.

© Ахмадуллина И.И., 2026

I.I. Akhmadullina,

*6th -Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Scientific Advisor: I.F. Zaripova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

IDEOGRAPHIC AND LEXICO-SEMANTIC CHARACTERISTICS OF PHRASEOLOGISMS WITH COMPONENTS “ATA/ƏTI”

This article describes phraseological units of the Tatar language, united by the presence of the component “ama/əmu”. The work proposes an ideographic and lexico-semantic classification of these stable expressions, which contributes to the study of lexicology and phraseology of the Tatar language.

Keywords: *the Tatar language, lexicology, phraseology, phraseological unit, component “ama/əmu”.*

Akhmetov R.O.,

4th-Year Student, Institute of Economics, Management and Business, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Scientific advisor: Elinson M.A.,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

INTERNATIONAL FINANCIAL CONFERENCES AS A TOOL FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN PROFESSIONAL ENVIRONMENT

The research examines current international financial conferences that are held in Russia. The focus is on the participation of students of economics. The current formats of youth economic forums and student research conferences are analyzed. Their goals, subject matter, and the role in developing scientific and professional competencies are surveyed. A particular attention is paid to the development and optimization of such events. This article may be of help for those who are interested in increasing the quality and international relevance of their research and practical events.

Keywords: *international financial conferences, student conferences, youth economic forums, universities, international participation, event optimization.*

International student economic conferences and forums are organized as scientific and practical events aimed at discussing current issues in economics, finance, and management among undergraduates, graduate students, and young scientists from various countries. Such platforms provide background for academic communication, research presentations, and professional feedback from academic and business experts. Global youth economic forums and conferences are international venues that bring together students and young professionals from dozens of countries, with representatives of international organizations, central banks, and large businesses. This defines the topicality of the current issue. Therefore, the purpose of the article is to give an overview of international conferences as an effective instrument of professional growth for young people.

The formats under discussion are gradually being integrated: a number of universities and national conferences are switching to a hybrid (in-person and online) format, expanding the international participation of students of Economics and increasing the accessibility of research platforms. An important group of modern international economic conferences for students are youth economic forums, which combine academic discussions, discussion panels, business simulations, and career development tracks. Specific examples of such platforms are provided below.

“Finatlon – Professionals of the Future” (VIII Finatlon Forum, April 20–24, 2026) is an international youth forum held within the framework of a major financial and economic event in Russia. It brings together students, postgraduate students, young lecturers, employers, and experts in the fields of economics, finance, sustainable development, digital technologies, and law. The main objective of the forum is to create a unified professional environment for young economists and to develop competencies in financial analytics, ESG-related topics, and digital management tools. The programmes include sessions on Big Data, risk management, and financial technologies.

As for the International Youth Economic Forum (IYEF) it presents the youth track of a major international economic forum, targeting students and young researchers supported by scholarships and grants, including those scientists awarded by the President of the Russian Federation. The business programs cover the topics such as the development of financial markets, digitalization of the economy, foreign economic policy, and sustainable development. The format includes round tables, debates, presentations of student research projects, and meetings with different experts of global level.

Speaking about Eurasian Youth Economic Forum (EYEF), we can say that it is an annual international youth forum, running since 2010, organized by the Ural State University of Economics (USUE), with participation of students, postgraduate students, and young professionals from over 50 countries. The forum operates in the format of round tables, discussion platforms, research competitions, and exhibitions of student projects. The thematic content includes Eurasian integration, digital economy, finance, sustainable development, and international cooperation. These forums solve not only academic and

educational tasks but also career-oriented objectives: students get the opportunity to present their research, apply for internship programs and research competitions, and establish professional contacts with representatives of banks, corporations, and regulators.

A separate group of international platforms consists of student scientific conferences, which focus on rigorous academic discourse, publication of abstracts, and the development of academic competencies. Such conferences are often organized by specialized universities and include sections on various fields of economics and finance. Here are the examples of some specific events:

VII International Scientific and Practical Conference “Transformation of Financial Markets and Financial Systems in the Context of the Digital Economy” (Financial University, Moscow) is organized by the departments of financial markets, banking, and monetary regulation, along with their partner like financial institutions and regulators (the Bank of Russia, Moscow Exchange, etc.). The conference includes plenary sessions and thematic sections on the digitalization of financial markets, fintech innovations, risk management, and monetary policy. Students and young researchers present papers that are published in conference proceedings and used in scientific and practical discourse.

Modern student finance conferences require systematic development and optimization, especially in the context of the growing internationalization of academic ties and the digitalization of education. Expanding international participation is an important area: it is essential to attract students not only from Russia but also from the CIS, Asia, Africa, and Latin America to enrich the discussion with diverse perspectives on financial markets, digital economy, and regulation. A hybrid (in-person and online) or fully online format reduces transportation and living costs, simplifies participation logistics, and significantly expands the geographic reach of events.

Digital transformation and the use of AI tools play a key role in the development of conferences. Online platforms for applications, registration, broadcasts, and chats increase transparency and convenience for international participants, while AI assistants and chatbots help quickly answer common questions about deadlines, participation formats, and abstract requirements, reducing the workload on the organizing committee. Machine learning algorithms can be

effectively used to cluster presentation topics, select sections, and select reviewers, while personalized recommendations from software platforms allow students to navigate the program more easily and find the most relevant presentations and discussions.

Facilitating student access to conferences is equally important. Universities should increase their support for student's initiatives by allocating budgets to cover travel costs, registration fees, and accommodation, as well as creating internal competitions and grants for participation in student finance conferences. A mentoring system in which faculty and graduate students assist students with topic selection, abstract preparation, and presentation preparation improves the quality of presentations and their chances of success. Students should have an access to scholarships and grants to cover a portion of the costs of participating in international events, particularly in priority areas such as fintech, digital finance, ESG investing, and sustainable development.

Based on the statistical data provided in the research, these platforms serve as a critical bridge between academic study and professional practice. The "ideal" participants are characterized not only by their field of study but also by their career trajectory and research ambitions. Since approximately 38% of attendees are first-time participants. These events function as a primary entry point into professional networks for undergraduates and young researchers. Furthermore, 40% of the research papers from top-tier conferences eventually reach high-impact scientific journals. The profile of a successful participant is a student focused on rigorous, publishable academic output. A high level of competition is characterized with some forums reporting 3% acceptance rate-suggests that these platforms are most suitable for high-achieving students specializing in cutting-edge fields like fintech, digital economy, and ESG investing. Additionally, the profile includes students seeking direct engagement with large-scale economic operations, as major forums facilitate the signing of over 1,000 agreements worth trillions of rubles, providing visibility to significant corporate and state investments. Ultimately, the most successful participants are those ones who take part in these venues to strengthen ties between universities, regulators, and businesses within a sustainable international research environment. Table 1 vividly demonstrates the above mentioned results.

Table 1 - Target Student Profile for Financial Conferences

Parameter	Key Characteristic	Supporting Data
Academic Focus	Finance, Fintech, Digital Economy, and ESG Investing.	Strategic focus on sectors with high corporate and state investment.
Experience Level	Entry-level researchers and first-time attendees.	38% of participants use these forums as their first professional networking entry point.
Research Ambition	Students aiming for publication in top-tier scientific journals.	40% of papers presented at major conferences achieve high-impact publication.
Skill Proficiency	High academic competence and familiarity with digital tools/AI.	Competitive selection with acceptance rates as low as 3% at elite forums.
Career Goal	Internship seeking and establishing ties with regulators and banks.	Direct visibility to over 1,000 major business agreements and trillions in investments.

Summing up, to increase transparency and awareness, it is necessary to develop unified information platforms that bring together relevant international and national financial conferences, youth forums, and scientific competitions, with application deadlines, participation formats, language requirements, and registration fees. Automated notifications by topic and integration of platforms with corporate and academic resources for publishing abstracts, video presentations, and materials make conference participation more accessible and productive for students of all levels. This comprehensive approach will enhance the scientific and professional significance of student financial conferences, strengthen ties between universities, regulators, and businesses, and foster a sustainable international student research and financial environment.

References

1. International Youth Economic Forum “Finatlon – Professionals of the Future” [Electronic resource] // Student Science and Initiatives. –

2025. – URL: https://studscience.hse.ru/external_activity (accessed: 28.02.2026).
2. International Youth Economic Forums. – International Youth Economic Forum [Electronic resource] // Higher School of Economics. – 2022. – URL: <https://studsupport.hse.ru/forum> (accessed: 28.02.2026).
3. Eurasian Youth Economic Forum (EYEF) [Electronic resource] // St. Petersburg University of Economics, Ural State University of Economics. – 2024–2026. – URL: <https://unecon.ru/announcements/xvi-evrazijskij-ekonomicheskij-forum-molodezhi/> (accessed: 28.02.2026).
4. VII International Scientific and Practical Conference “Transformation of Financial Markets and Financial Systems in the Context of the Digital Economy” [Electronic resource] // Financial University under the Government of the Russian Federation. – 2024. – URL: <https://www.fa.ru/university/structure/scientific-educational-departments/ff/frifi/transformation/> (accessed: 28.02.2026).
5. IX International Scientific and Practical Conference of Students, Master’s Students, and Postgraduate Students “Effective Growth Models: Economics, Finance and Management” [Electronic resource] // Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg campus. – 2025. – URL: <https://spb.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/1067718558.pdf> (accessed: 28.02.2026).
6. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference of Students, Master’s Students, and Postgraduate Students “Effective Growth Models: Economics, Finance and Management” [Electronic resource] // Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg campus. – 2025. – URL: <https://spb.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/1068789370.pdf> (accessed: 28.02.2026).
7. LXXIV Student International Scientific and Practical Conference “The Student Research Community of the 21st Century” [Electronic resource] // Sibac. – 2023–2024. – URL: <https://sibac.info/studconf/econom/lxxiv> (accessed: 28.02.2026).

Ахтариева Д.И.,

студентка 2 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Миндияхметова Р.М.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЦВЕТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НАРОДА

Статья посвящена анализу когнитивно-дискурсивного восприятия цвета в языковой картине мира на примере английских и русских идиом и фразеологизмов. Рассматривается семантика цветообозначений и её связь с культурой. Демонстрируются сходства и различия в интерпретации метафор с использованием цвета в английском и русском языках и их роль в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *языковая картина мира, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, семантика цвета, метафоры цвета.*

Цвет – это один из важнейших когнитивно-дискурсивных показателей в языковой картине мира. Он позволяет обозначить символизм тех или иных явлений или конструкций, усилить эмоциональную окраску и добавить тексту дополнительный контекст. Поэтому исследования того, какой смысл народы вкладывают в использование определенных цветов, помогают лучше ориентироваться в менталитете народов, что является чрезвычайно актуальным в условиях глобализации.

Цель данного исследования – выявить закономерности когнитивно-дискурсивного восприятия цвета в англоязычной и русскоязычной языковой среде с помощью анализа идиом и фразеологизмов.

Объект исследования – идиомы и фразеологизмы, отражающие восприятие цвета в английском и русском языках. Предмет исследования – когнитивно-дискурсивные особенности

использования цветовых метафор и их роль в формировании языковой картины мира.

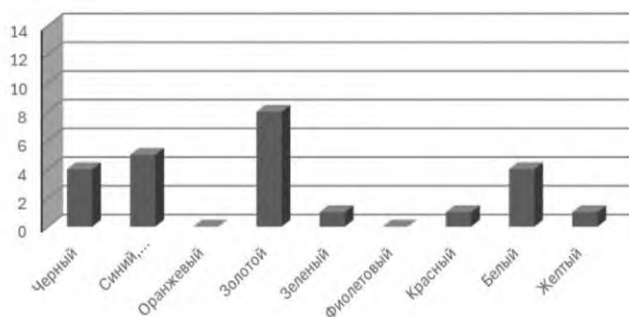
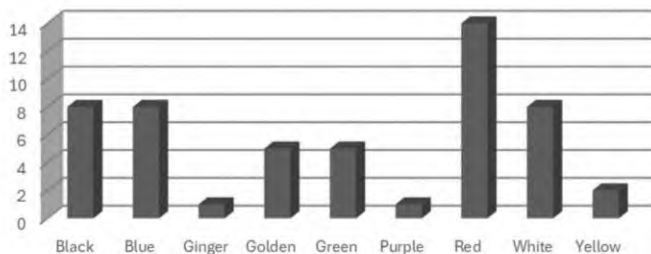
Методы исследования – когнитивный, дискурсивный и контент-анализ метафор на английском и русском языках.

Исследователи выделяют три уровня восприятия цвета. Первый уровень рассматривает в рамках цветового восприятия физиологические свойства спектральной чувствительности и биологические свойства человеческого глаза, второй – восприятие, память и мышление, а третий – культурные предпочтения [15]. У каждого языка есть свой специфический набор обозначений для цвета в зависимости от культурных особенностей [6]. Например, в русском языке, как и в некоторых других, есть два слова для голубого и синего, в то время как в английском языке оба этих оттенка обозначаются словом *blue*. Это влияет на восприятие носителями языков таким образом, что англоязычным людям требуется больше времени на установление различий между оттенками, что подтверждается экспериментально [14]. Следует также уделить внимание теории концептуальной метафоры, разработанной Лакоффом и Джонсоном, согласно которой, помимо средства выразительности, метафора – это еще и базовый механизм человеческого познания [11]. В свою очередь, специфика метафор с использованием цвета заключается в том, что они помогают понять, как носители языка воспринимают окружающий мир и передают свои мысли и эмоции [2].

Методы когнитивного анализа помогают выявить закономерности влияния метафор с использованием цвета на смысл текста. Один из необходимых инструментов в этой области – изучение частотности употребления фразеологизмов и идиом. В рамках данного исследования были проанализированы 61 английская и 28 русских цветовых метафор [3, 12] с использованием данных цветов: *black, blue, ginger, golden, green, purple, red, white, yellow*; черный, синий/голубой, оранжевый, золотой, зеленый, фиолетовый, красный, белый, желтый соответственно. Проведенный анализ показывает, что наиболее универсальными являются метафоры для черного, белого и синего цветов, тогда как остальные цвета несут более специфические, уникальные для каждой языковой среды значения. Такие межязыковые сходства объясняются общим в телесном опыте, а

различия обусловлены значительными культурными различиями [1, 10].

Ниже приведены гистограммы 1 и 2 со статистикой по анализируемым метафорам.

Гистограммы 1, 2 – Распределение метафор цвета в английской и русской языковой среде

В английской лексике наиболее насыщенные метафорами цвета – красный (14 метафор), чёрный (8 метафор), синий (8 метафор) и белый (8 метафор). Красный цвет ассоциируется с интенсивными эмоциями и социальными статусами. Так, идиома see red (внезапно разгневаться) используется как в публицистике, так и в повседневной речи: «I didn't mean to break his nose. I just saw

red» [9]. Идиома *be in the red* (иметь финансовый долг, быть в убытке) характерна для деловой коммуникации, тогда как *red-hot* указывает на эмоциональность. Чёрный цвет проявляется в основном в негативном контексте: *a black day, the black sheep, black and white*, подчёркивая моральные и этические оценки. Выражение *black sheep* часто употребляется при описании изгоев: «He was kind of the black sheep of the family» [8]. Синий цвет связан с социальным положением и профессиональными характеристиками: *blue blood, blue-collar*. Последнее часто используется в публицистике и социологических текстах: «Automation has always been most disruptive to the lives of blue-collar workers» [13]. Белый выражает чистоту, невинность и социальные роли: *white lie, white-collar*, например, «It's only a white lie, and here's a five-pound note on account of it» [8].

В русской языковой культуре структура использования цвета отличается. Наиболее активные метафорические категории – золотой (8 метафор), чёрный (4 метафоры), белый (4 метафоры) и синий (5 метафор). Золотой цвет символизирует богатство, успех и ценность: золотое дно, золотые горы, золотые руки. Фразеологизм золотые руки употребляется для высокой оценки мастерства в разговорной и художественной речи: «Золотые руки у Иванка! Помяните моё слово: не мал человек растёт!» [4]. Чёрный и белый цвета часто указывают на гипертрофированность, чрезмерную особенность: чёрный день, чёрная неблагодарность, белая ворона. Выражение белая ворона распространено в художественных текстах: «Василий-то среди нас белой вороной был» [4]. Примечательно, что семантически близкая английская идиома *black sheep* несёт большую негативную коннотацию, чем белая ворона в русском языке. Синий цвет в русском языке проявляется как культурно значимый символ мечты, интеллекта и духовных стремлений: синяя птица, синий чулок, голубая мечта.

Сравнительный анализ показывает, что английский язык более разнообразен в распределении метафор по выражению категорий: эмоции (*see red, green with envy*), профессиональные роли (*blue-collar, white-collar, golden handcuffs*), социальные статусы (*blue blood, black sheep*). Русский же язык концентрируется на символике богатства (золотое дно, золотой дождь), моральной оценки (черная неблагодарность) и культурных стереотипах

(синий чулок, голубая кровь). В английском языке метафоры с использованием цвета активно участвуют в повседневной и профессиональной коммуникации. Так, *out of the blue* употребляется в разговорной речи для обозначения неожиданного события: «One day, out of the blue, she announced that she was leaving» [8]. Выражения *white-collar* и *golden parachute* встречаются как в академических, так и в публицистических текстах: «A hallmark of a post-industrial society is the prevalence of the white-collar, service sector rather than the blue-collar, industrial sector in its economy» [8]. Русский язык чаще использует метафоры в контексте фольклора: блюдечко с голубой каёмочкой, чёрный день восходят к фольклорной традиции; синяя птица, золотой дождь функционируют как литературные аллюзии. Устойчивые выражения чёрная неблагодарность и красная цена характерны как для разговорной, так и публицистической речи, что указывает на культурно-историческое закрепление цветовой семантики [5, 7].

Итак, сравнительный анализ метафор показывает, что, хотя базовые когнитивные функции цвета схожи, их дискурсивное проявление и культурные особенности различаются. Это необходимо учитывать в процессе межкультурной коммуникации и преподавания языков. Цвет выполняет многочисленные функции и объединяет когнитивные процессы, культурные коды и дискурсивные практики. Его изучение открывает перспективы для углубления знаний о взаимодействии языка и мышления и для улучшений в области коммуникации и образования.

Литература

1. Болотина М.А., Шабашева Е.А. Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2013. – № 2. – С. 21-28.
2. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета как ключ к пониманию и переводу образной структуры художественного текста // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2023. – № 3. – С. 52-71.

3. Ларионова Ю. Фразеологический словарь современного русского языка. 7000 выражений и словосочетаний. – М.: ЛитРес, 2014.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.04.2026).
5. Яковенко Т.И., Шайхалиева А.М. Сопоставительный анализ контекстуального использования цвето-звуковых метафор в русском и английском языках (на основе национального корпуса русского языка) // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 4 (33). – С. 331-333.
6. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 178с.
7. Blumenfeld H. K., Cieślicka A. B. Highlights in cultural psychology: language // Frontiers in Psychology. – 2025. – Vol. 16.
8. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Cambridge: Cambridge University Press, 2025. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 04.04.2026).
9. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2025. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 04.04.2026).
10. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 314 с.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 с.
12. McCarthy M. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 587 с.
13. The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wsj.com/> (дата обращения: 04.04.2026).
14. Thierry G. et al. Unconscious effects of language-specific terminology on preattentive color perception // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2009. – Т. 106. – №. 11. – С. 4567-4570.
15. Zhang J.J., Fang Y.H., Xie S.S. Interactive theory of color cognition and its evidence // Advances in Psychological Science. – 2012. – Т. 20. – № 7. – С. 949.

J.I. Akhtarieva,
*2nd-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: R.M. Mindiakmetova,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

COGNITIVE-DISCURSIVE PERCEPTION OF COLOR IN THE LANGUAGE WORLDVIEW OF A PEOPLE

The article is concerned with the analysis of cognitive-discursive perception of color in the linguistic worldview, using English and Russian idioms and phraseological units as examples. It examines the semantics of color terms and their connection with culture. Similarities and differences in the interpretation of color-based metaphors in English and Russian are demonstrated, as well as their role in cross-cultural communication.

Keywords: *linguistic worldview, cognitive linguistics, intercultural communication, color semantics, color metaphors.*

УДК 81

Брылева Р.Ф.,
*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Кобылко Р.А.,
*студентка 5 курса ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

ВЛИЯНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА ЛЕКСИКУ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассматривается влияние англоязычных заимствований на современную лексику французского языка в условиях цифровизации. Анализируются причины активного проникновения англицизмов, их функциональные особенности, а также роль в формировании новых лексических пластов,

связанных с информационными технологиями, интернет-коммуникацией и глобализацией. Особое внимание уделяется вопросам языковой нормы, адаптации заимствований и реакции французского общества и языковой политики на данные процессы.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, французский язык, цифровизация, глобализация, языковая политика, интернет-коммуникация.

Англоязычные заимствования сегодня интересны не только сами по себе, но и как своего рода индикатор того, как цифровая среда меняет язык изнутри. Глобальные коммуникационные платформы ускорили межязыковые контакты, и лексика теперь распространяется с такой скоростью, что традиционные механизмы регулирования просто не успевают реагировать. На примере французского языка хорошо видно, как национальная языковая традиция сталкивается с наднациональными тенденциями, а привычные представления о норме постепенно размываются.

Французский язык всегда считался одним из самых нормативно регулируемых в Европе. Но цифровизация и глобализация внесли свои коррективы: английский, как основной язык технологий, бизнеса и интернет-культуры, оказывает на него заметное влияние.

Расширение цифрового пространства, развитие социальных сетей, программного обеспечения и онлайн-платформ привели к формированию новых реалий, для обозначения которых французский язык нередко заимствует уже готовые англоязычные номинации. Это обусловлено не только лингвистической экономией, но и престижем английского языка как языка инноваций.

В результате в современной французской речи активно функционируют такие единицы, как *le smartphone*, *le streaming*, *le hashtag*, *le cloud*, которые зачастую не имеют устойчивых исконных эквивалентов или вытесняют их.

Одной из ключевых особенностей англицизмов во французском языке является их постепенная институционализация. Первоначально воспринимаемые как элементы разговорной или

профессиональной речи, со временем они закрепляются в словарях и нормативных источниках.

Например, слово *le marketing* практически полностью вытеснило возможные французские аналоги (*mercatique*), несмотря на попытки их официального внедрения. Аналогичная ситуация наблюдается с такими терминами, как *le management*, *le startup*, *le business*.

Данный процесс свидетельствует о том, что критерий языковой нормы все чаще определяется не только академическими институтами, но и реальной коммуникативной практикой.

Цифровая среда как катализатор заимствований

Наиболее интенсивное проникновение англицизмов наблюдается в сфере цифровых технологий и интернет-коммуникации. Это объясняется тем, что значительная часть инноваций разрабатывается в англоязычной среде, а их названия распространяются вместе с продуктами [1].

К числу наиболее распространённых заимствований относятся:

- *le like* – «лайк» (одобрение в социальных сетях); –
- *le follower* – подписчик;
- *le post* – публикация;
- *le fake news* – ложная информация;
- *le streaming* – потоковая передача данных.

При этом многие из этих единиц подвергаются морфологической адаптации: получают французские артикли, изменяются по числам (*des likes*), а также интегрируются в синтаксическую систему языка.

Конкуренция заимствований и национальных эквивалентов

Французская языковая политика традиционно направлена на сохранение лингвистической идентичности. В частности, такие организации, как Академия французского языка, предлагают национальные эквиваленты англицизмам.

Так, вместо *email* рекомендуется использовать *courriel*, вместо *hashtag* – *mot-dièse*, вместо *software* – *logiciel*. Однако практика показывает, что данные эквиваленты не всегда приживаются в массовом употреблении [2].

Причины этого заключаются в:

- большей краткости и универсальности англицизмов;
- их международной понятности;
- активном использовании в цифровой среде и медиа.

Таким образом, в языке формируется ситуация лексической конкуренции, где окончательный выбор определяется коммуникативной целесообразностью.

Социолингвистический аспект: престиж и идентичность

Использование англицизмов во французской речи имеет и социальное измерение. Они могут служить маркерами профессиональной принадлежности, возрастной группы или степени вовлечённости в глобальную цифровую культуру.

Молодёжь, как правило, активнее использует заимствования – для неё это часть современного, динамичного языка. А вот старшее поколение и сторонники языкового пуризма часто видят в англицизмах угрозу национальной идентичности. Так распространение заимствований порождает не только языковые, но и социокультурные разногласия, а также постоянные дискуссии о том, где проходит граница допустимого влияния извне.

Адаптация и трансформация англицизмов

Французский язык, при всей своей нормативности, осваивает англицизмы довольно гибко. Сначала заимствования встраиваются в грамматику: получают род, начинают склоняться, а потом и вовсе включаются в местные словообразовательные модели. Когда появляются глаголы вроде *liker* или *tweeter*, оформленные по французскому образцу, – это верный признак того, что слова перестали быть «чужими».

Но любопытно другое. Во французском часто сохраняются оба варианта: и заимствование, и его местный аналог. *Email* соседствует с *courriel*, *hashtag* – с *mot-dièse*. И выбор между ними не случаен: в официальной речи предпочтение отдают французским словам, а в повседневной – англицизмам [2; 3].

К тому же заимствования могут менять смысл. Иногда они начинают употребляться шире или иначе, чем в английском. Это и есть настоящая адаптация, когда язык не просто копирует, а присваивает чужое по-своему.

Проблема языковой нормы и регуляции

Вопрос о том, как соотносятся естественное развитие языка и его институциональное регулирование, сегодня приобретает

особую остроту. Французская языковая традиция всегда отличалась высокой степенью нормативности – существуют специальные органы, которые следят за лексическими изменениями и стараются направлять их в нужное русло. Однако стремительное развитие цифровой коммуникации существенно ограничило возможности такого централизованного контроля.

Новые слова сегодня распространяются в децентрализованной среде. Главными действующими лицами здесь выступают пользователи интернет-платформ, профессиональные сообщества и медиа. В результате временной разрыв между появлением заимствования и его нормативной фиксацией заметно сократился, а в ряде случаев нормативное закрепление и вовсе не поспевает за языковой практикой.

В подобных условиях языковая норма утрачивает былую жесткость и приобретает черты динамической системы, допускающей сосуществование конкурирующих вариантов. Это, в свою очередь, ведет к усилению вариативности и усложнению критериев того, что считать правильным.

Если посмотреть на ситуацию в целом, англоязычные заимствования в современном французском – это не просто результат внешнего влияния. Они отражают глубинные изменения в лексической системе, вызванные цифровизацией и глобализацией коммуникации. Слова активно приходят, адаптируются, а затем постепенно проходят путь к институциональному признанию – или не проходят. В любом случае, механизмы формирования нормы смещаются в сторону реальной языковой практики, где главным ориентиром становится коммуникативная целесообразность [5].

При этом сохраняется внутреннее противоречие между стремлением поддерживать национальную языковую идентичность и объективной необходимостью встраивать международные лексические элементы. Французский язык оказывается в ситуации, когда он одновременно открыт к заимствованиям и пытается их нормативно регулировать. Так и складывается та динамичная, вариативная система, которую мы наблюдаем сегодня.

Литература

1. Asgarova M. The Role of English in Shaping Contemporary French Academic Vocabulary: A Sociolinguistic Analysis // Porta Universorum. – 2024. DOI: 10.69760/portuni.0104002.
2. Boukina L.M., Lunkova L.N. Anglicisms in the Modern Internet Articles in French // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2015. – № 2. – P. 110-117.
3. Kostiuk M. Anglicisms in the French Language: Linguistic and Social Aspects // Advanced Education. – 2018. – № 9. – С. 162–168. DOI: 10.20535/2410-8286.112213.
4. Sargsyan G., Arakelyan Z. The Anglicism in the French Language // Foreign Languages for Special Purposes. – 2024. – № 23. – С. 218–233. DOI: 10.46991/FLSP.2024.23.218.
5. Zubkova P., Lazar J. Linguistic Preservation in the Digital Age: Anglicisms in French and Quebec IT Terminology // HERMES – Journal of Language and Communication in Business. – 2025. – № 65. – С. 49–61. DOI: 10.7146/hjlc.vi65.152910.

© Брылева Р.Ф., Кобылко Р.А., 2026

R.F. Bryleva,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

R.A. Kobylko,

*5th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

THE INFLUENCE OF ENGLISH BORROWINGS ON THE LEXICON OF THE FRENCH LANGUAGE IN THE DIGITALIZATION ERA

The article considers the influence of English borrowings on the modern French lexicon in the context of digitalization. The authors analyze the causes of the active penetration of anglicisms, their functional features, as well as the role in the formation of new lexical layers associated with information technologies, internet communication, and globalization. Special attention is paid to issues of

language norms, adaptation of borrowings, and the reaction of French society and language policy to these processes.

Keywords: anglicisms, borrowings, French language, digitalization, globalization, language policy, internet communication.

УДК 81

Брылева Р.Ф.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Кобылко Р.А.,

студентка 5 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА: ОТ ВЕРЛАНА (VERLAN) ДО ВЛИЯНИЯ РЭП-КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается эволюция французского молодежного сленга verlan – от его возникновения как тайного языка маргинальных слоев до широкого распространения под влиянием рэп-культуры и медиа. Анализируются способы образования верланизмов, их социокультурные функции и трансформация значений. Особое внимание уделяется роли французского хип-хопа и кино 1990-х годов в популяризации верлана, а также процессам реверланизации.

Ключевые слова: *верлан, молодежный сленг, французский язык, рэп-культура, реверланизация, социолект, аргю.*

Любой живой язык находится в постоянном движении. Наряду с литературной нормой существуют пласты лексики, которые формируются в отдельных социальных группах и со временем либо исчезают, либо проникают в более широкое употребление. Одним из наиболее ярких примеров такой динамики во французском языке является *верлан* – способ словообразования, при котором слоги в слове меняются местами. Как отмечают Д.С. Аль-Джафари и М.А. Кирсанова, «при изучении иностранных языков многие так или иначе сталкиваются с языковым барьером, который возникает в связи с употреблением местного сленга в

разговорной лексике» [1, 28]. Верлан представляет собой именно такой барьер, поскольку слова, образованные по этому принципу, невозможно найти в стандартных словарях.

История верлана насчитывает не одно десятилетие. За это время он прошел путь от секретного кода парижских преступников до элемента массовой культуры, закрепленного в кино, музыке и даже в рекламе. Цель данной статьи – проследить эволюцию верлана, выявить связь его распространения с рэп-культурой и показать на конкретных примерах, как менялись значения и функции сленговых единиц.

1. Механизм образования верланизмов и первые этапы существования

Название «верлан» само по себе является результатом инверсии слогов французского слова *l'envers* – «наоборот». Как поясняют А.И. Волкова и Н.Л. Кривчикова, «верлан – древнейший из языков кодирования, изначально считавшийся языком деклассированных элементов» [2, 83]. Механизм его образования достаточно прост: слово делится на слоги, которые затем произносятся в обратном порядке. Однако на практике возникают нюансы, связанные с произношением и написанием.

Наиболее простыми для трансформации являются двусложные слова. А.И. Волкова и Н.Л. Кривчикова приводят характерные примеры: *café* (кофе) превращается в *féca, moto* – в *toto, cité* (городской квартал) – в *téci* [2, с. 85]. В случаях, когда слово оканчивается на «немое» *е*, его могут произносить для создания второго слога: так *père* (отец) становится *reup*, а *sec* (сухой) – *keus* [2, 84].

Первые документальные свидетельства использования верлана, по данным Д.С. Аль-Джафари и М.А. Кирсановой, относятся к XIX веку. В тот период «верлан активно использовался ворами и разбойниками как секретный кодовый язык, позволяющий им тайно обмениваться информацией» [1, 30]. Таким образом, изначально сленг выполнял сугубо практическую функцию сокрытия смысла от посторонних – полиции, жандармов и случайных свидетелей.

В XX веке сфера употребления верлана расширилась. Им начали пользоваться *immigrant*-общины, селившиеся на периферии крупных городов. Как отмечают Д.С. Аль-Джафари и М.А.

Кирсанова, «живя за пределами крупных городов, в периферийных районах Франции, они сформировали новое поколение, которое уже не говорило на родном языке, но и не чувствовало себя частью французской национальности» [1, 30]. Для этой молодежи верлан стал не столько тайным языком, сколько маркером идентичности – способом отличиться от «официальной» Франции и подчеркнуть принадлежность к своей социальной группе.

2. Рэп-культура как катализатор распространения верлана

Ключевым моментом в эволюции верлана стало его слияние с французской рэп-культурой, набиравшей популярность в 1980–1990-е годы. Рэп, изначально также бывший маргинальным жанром, говорил на языке улицы – то есть на том самом сленге, которым пользовались жители пригородов. Д.С. Аль-Джафари и М.А. Кирсанова подчеркивают, что верланизированные слова «можно заметить и в повседневной речи, и в рекламе, и в СМИ, и прочитать на страницах газет и книг, и услышать в музыке, такой как французский хип-хоп и рэп» [1, 31].

Особую роль сыграл кинематограф. Фильм Матье Кассовица «Ненависть» (*La Haine*), вышедший в 1995 году, стал своеобразной энциклопедией пригородного сленга. Как указывают исследователи, в кинокартинах «*La Haine*» и «*Les Ripoux*» «большая часть диалогов ведется на верлане» [1, 31]. Благодаря успеху фильма зрители по всей Франции – включая те слои, которые никогда не жили в проблемных кварталах – впервые массово услышали и начали понимать верлан. Кино легитимировало сленг, превратив его из признака «неблагополучия» в элемент молодежной культуры, вызывающий интерес.

Рэп-исполнители, в свою очередь, не только использовали существующие верланизмы, но и создавали новые. Песни групп IAM, Suprême NTM, MC Solaar были насыщены обратными словами. Аудитория, желавшая понимать тексты любимых артистов, вынуждена была осваивать сленг. Так произошло перемещение верлана из периферии в центр – из пригородных «*cité*» в спальни подростков из вполне благополучных семей.

3. Примеры эволюции и трансформации значений

Проследить динамику развития верлана удобнее всего на конкретных лексемах. Некоторые слова, возникнув в сленге, не

только закрепились в языке, но и породили цепочки дальнейших преобразований.

Возьмем слово *arabe* (араб). Его верланизированная форма – *beur*. По мнению А.И. Волковой и Н.Л. Кривчиковой, «лексема *beur*, обозначающая эмигранта из стран Магриба во втором поколении, созданная ими же, получила распространение в общении различных слоев населения» [2, 87]. Однако со временем это слово начало восприниматься как оскорбительное, и молодежь подвергла его повторной инверсии – реверланизации. Так появилось *rebeu*, затем *reubeu*. Авторы фиксируют этот процесс: «характерно, что лексема *beur*... была вытеснена формой *rebeu*» [2, 87]. Подобная динамика показывает, что сленг не статичен – он постоянно обновляется, чтобы сохранить функцию внутригруппового маркера.

Другой показательный пример – слово *flic* (полицейский, разговорное, с негативной коннотацией). При инверсии слогов получается *keuf*. Волкова и Кривчикова приводят цепочку: *feukeu – keuf – flic* [2, 87]. Здесь также возможна реверланизация, и разные формы сосуществуют в речи носителей в зависимости от контекста и степени экспрессивности.

Пример из бытовой лексики – *femme* (женщина). Д.С. Аль-Джафари и М.А. Кирсанова отмечают, что это слово превращается в *teuf* [1, 30]. Обратная форма настолько укоренилась, что в современном разговорном французском *teuf* употребляется даже теми, кто никогда не пользовался полным инверсионным кодом. Аналогично *la musique* (музыка) превращается в *zicstu*, а *métro* (метро) – в *tromé*. Последний пример особенно интересен: слово *tromé* стало настолько распространенным, что в 1990-е годы существовала даже газета под названием *Tromé*, ориентированная на молодежную аудиторию.

4. Социокультурные функции и современное состояние верлана

Сегодня верлан уже нельзя назвать исключительно «языком преступников» или «жаргоном пригородов». Он проник в рекламу, заголовки газет, телевизионные шоу и политический дискурс (например, французские политики иногда используют отдельные верланизмы для создания образа «своего парня»). Однако, как предупреждают Д.С. Аль-Джафари и М.А. Кирсанова,

«употреблять подобные слова лучше с осторожностью, многие из них являются вульгарными и звучат на слух достаточно грубо» [1, 31].

Исследователи Жан-Люк Азра и Вероник Шено из Парижского университета VIII задокументировали около 350 верланских терминов. Эти слова, как правило, группируются вокруг нескольких тем: незаконная деятельность (воровство, наркотики), расовая и этническая принадлежность, запретные темы, предметы быта [1, 31]. Таким образом, верлан по-прежнему сохраняет связь с исходными сферами, но одновременно расширяет границы употребления.

Важно отметить, что верлан существует не как единый код, а в нескольких вариантах. Выделяют три разновидности: «оригинальный верлан иммигрантов рабочего класса из пригородов», «верлан буржуазной группы» и «верлан подростков, которые используют сленг в игровой и развлекательной форме» [1, 30]. Последний вариант особенно интересен, поскольку здесь игровой момент выходит на первый план – подростки не столько скрывают смысл, сколько получают удовольствие от самого процесса языковой трансформации.

Что касается территориального распространения, В.И. Ена в работе, посвященной французским диалектам, отмечает, что в современной Франции диалекты постепенно утрачивают свое значение, уступая место литературному языку [3, 92]. В этом контексте верлан представляет собой обратную тенденцию: он не исчезает, а, наоборот, приобретает надрегиональный характер. Если традиционные диалекты привязаны к конкретной местности, то верлан распространяется через медиа и музыку, не зная географических границ.

5. Дальнейшие изменения и современное состояние верлана

Верлан не является застывшей системой. Ученые обращают внимание, что «молодежь стремится к упрощению: самая многочисленная группа верланизмов – двусложные слова» [2, 87]. Лексемы с тремя слогами трансформируются реже. В разговорной практике носители нередко искусственно сокращают трехсложные единицы до двух слогов, отбрасывая отдельные звуки.

Одним из механизмов обновления сленга выступает реверланизация – повторная инверсия уже закодированного слова. В результате образуются цепочки форм, сосуществующих в речи разных поколений или социальных групп. В статье Волковой и Кривчиковой приведена последовательность *arabe* → *beur* → *rebeu* → *reubeu* [2, 87]. Каждая последующая форма все дальше отходит от исходного слова и воспринимается как более «своя» в определенных кругах.

Рэп-культура продолжает влиять на верлан, однако характер этого влияния меняется. Исполнители 2020-х годов не просто используют готовые верланизмы, но и смешивают их с заимствованиями из английского, арабского, а также языков стран Африки.

Что касается распространенности, Аль-Джафари и Кирсанова ссылаются на исследование Жан-Люка Азра и Вероник Шено, которые задокументировали около 350 верланских терминов. Большая часть этих слов группируется вокруг тем незаконной деятельности, расовой принадлежности и быта [1, 31]. Это означает, что верлан сохраняет связь с исходными сферами употребления и не становится универсальным языком на все случаи жизни.

Верлан прошел путь от тайного языка парижских преступников XIX века до элемента массовой культуры. Исследователи верлана подтверждают, что «первые упоминания о загадочном сленге можно встретить в документации XIX столетия. Именно тогда верлан активно использовался ворами и разбойниками как секретный кодовый язык» [1, 30]. Позже сленг подхватили иммигранты из пригородных районов, а в 1990-е годы его популяризации способствовали фильм «Ненависть» и французский рэп.

Таким образом, в настоящее время верлан перестал быть исключительно маргинальным явлением. Некоторые верланизмы, такие как *meuf*, *keuf*, *beur*, встречаются в речи самых разных слоев населения. Однако, как предупреждают исследователи, «употреблять подобные слова лучше с осторожностью, многие из них являются вульгарными и звучат на слух достаточно грубо» [1, 31]. Кроме того, процессы реверланизации (*beur* → *rebeu*)

постоянно порождают новые формы, которые вновь становятся непонятными для посторонних.

Верлан демонстрирует способность адаптироваться к изменяющимся социальным условиям. Он не исчезает, но трансформируется, отражая культурные и демографические сдвиги во французском обществе.

Литература

1. Аль-Джафари Д.С. Социокультурные особенности французского сленга верлан / Д.С. Аль-Джафари, М.А. Кирсанова // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация: Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции В 2-х ч., Москва, 24-26 октября 2022 года / Под ред. Е.В. Николаевой. Том 1. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2023. – С. 28-31.
2. Волкова А.И. Верланизмы в современном французском языке / А.И. Волкова, Н.Л. Кривчикова // Лексикография и коммуникация – 2020: Сборник материалов VI Международной научной конференции, Белгород, 16-17 апреля 2020 года. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2020. – С. 83-87.
3. Ена В.И. Французские диалекты / В.И. Ена // Язык и культура: сборник статей XXVII Международной научной конференции, Томск, 26–28 октября 2016 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. – С. 90-92.

© Брылева Р.Ф., Кобылко Р.А., 2026

R.F. Bryleva,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

R.A. Kobylko,
*5th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

EVOLUTION OF YOUTH SLANG: FROM VERLAN TO THE INFLUENCE OF RAP CULTURE

This article examines the evolution of the French youth slang verlan, from its origins as a secret language of marginalized social groups to its widespread adoption under the influence of rap culture and media. The authors analyze the methods of verlanism formation, their sociocultural functions, and the transformation of meanings. Particular attention is devoted to the role of French hip-hop and 1990s cinema in popularizing verlan, as well as the processes of reverlanization.

Keywords: verlan, youth slang, French language, rap culture, reverlanization, sociolect, argot.

УДК 811.512.145

Валиева Ю.М. ,
*Гуманитар һәм социаль фәннәр институтының 6 курс студенты,
Уфа фән һәм технологияләр университетының, Уфа ш., Россия*
Фәнни житәкче: Зарипова И.Ф. ,
*филология фәннәре кандидаты, доцент,
Уфа фән һәм технологияләр университетының, Уфа ш., Россия*

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ ФРАЗЕОЛОГИК ЖӨМЛӘЛӘРНЕҢ ТӨРЛӘРЕ

Мәкаләдә хәзерге татар телендәге фразеологик жөмлөләрнең структур һәм семантик үзенчәлекләре тасвирлана. Моннан тыш, фразеологик берәмлекләрне танып белү, аларның тирән мәгънәләрен аңлау һәм сөйләмдә оста куллану күнекмәләрен формалаштыру – тел байлыгын арттыруның аерылгысыз өлеше

булуы ассызыклана. Чөнки фразеологик берәмлекләр – тел системасында аның образлылыгын һәм экспрессивлыгын арттыра торган аерылгысыз лексик-фразеологик элементлар.

Терәк сүзләр: *татар теле, лексикология, фразеология, фразеологизм, жәмлә, фразеологик жәмлә, контекст.*

Фразеологизмнар сөйләмне баета, аңа образлылык өсти. Алар нәфис әдәбиятта, көндәлек сөйләмдә һәм татар фольклорында киң урын алган. Фразеологик берәмлекләр күренешләрне, әйберләрне яки эш-гамәлләрне гади генә атап калмый, ә үзләрендә бәяләү мәгънәсен дә йөртә. Һәр тел үзенчәлекле фразеологик дөнья картинасын формалаштыра, сөйләшүчеләр өчен иң әһәмиятле булган чынбарлык аспектларын чагылдыра. Һәр күренеш яки гамәл фразеологизм була алмый. Мәдәни яктан фразеологизмнар кыйммәтле мәгълүматны туплый, минималь тел чаралары белән күптөрле мәгънәләрне белдерергә мөмкинлек бирә [8, 134].

Татар теле – ул фразеологик әйтелмәләрнең үзенчәлекле дөньясы. Язма һәм сөйләм телендә кулланылучы, тирән мәгънәле идиомалар, төрле экспрессив-стилистик төсмерләргә һәм сәнгатьчә яңгырашка ия булган күчерелмә һәм туры мәгънәдәге тотрыклы сүзтезмәләр телнең аерылгысыз өлешен тәшкил итә.

Фразеология – ул халыкның бай тарихи мирасының, аның тормыш тәҗрибәсенен, эшчәнлегенен, көнкүрешенен һәм мәдәниятенен ачык чагылышы. Шуңа күрә, фразеологизмнарны өйрәнү телне тирәнтен аңларга, андагы мәгънә төсмерләрен ачыklarга, аларны дөрес кулланырга һәм сөйләм осталыгын үстерергә ярдәм итә.

Татар телендә фразеологизмнарны жыю XX гасыр башы белән билгеләнә. Нәкъ шул вакытта фразеологик берәмлекләр тел белеменен һәм стилистиканың мөстәкыйль һәм мөһим бүлгәгә дип таныла. 1940нчы елларда бу тикшеренүләр тагын да үсеш ала: алар киңәя, тирәнәя һәм тел белеменен яңа юнәлешә булып формалаша. Фразеологизмнар актив рәвештә жыела, өйрәнелә һәм башка телләрнең берәмлекләре белән чагыштырыла. Охшаш процесслар тугандаш төрки телләрдә дә бара. Мәсәлән, фразеологик сүзлекләр казакъ, үзбәк, башкорт һәм азәрбайжан телләрендә басылып чыга [9, 192].

Фразеологияне өйрәнүгә зур өлеш керткән күренекле татар тел галимнәре арасында Л. Жәләй, Ш. Рамазанов, Л. Мәхмүтова, Н. Борһанова, В. Хаков, К. Сабилов, Г. Ахунжанов, Х. Курбатов, Ф.С. Сафиуллина һ.б. билгеләп үтәргә кирәк. Алга таба татар телендә фразеологизмнар Э.М. Ахунжанов, Н. Исәнбәт, Х.Х. Ярмөхәмәтов, Х.Ш. Мәхмүтов, З. Нурилар тарафыннан өйрәнелә. Соңгы елларда татар фразеологиясе Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты хезмәткәрләре тарафыннан төрле яклап өйрәнелә. Р.Г. Йосыпов, Л.К. Бәйрәмова, Ф.С. Сафиуллина кебек авторларның хезмәтләрендә чагыштырма планда карала.

XX гасыр ахыры һәм XXI гасыр башында басылып чыккан хезмәтләрнең артуы фразеологияне өйрәнүнең актуальләшүен ассызыклай. Бу юнәлешнең әһәмияте берничә объектив сәбәп аркасында ачыклана: киң колачлы милли-рус икетеллелеге шартларында ике телнең уртак фразеологик фондының формалашу һәм үсеш юлларын аңлау мөһим. Моннан тыш, бер телнең үрнәкләреннән файдаланып икенче телдә яңа фразеологик берәмлекләр булдыру ысулларын, бу процессның уңышлы һәм кимчелекле якларын тикшерү кирәккә барлыкка килә. Берничә телдәге фразеологизмнарны чагыштырып өйрәнү, төрле телләрдәге фразеологик берәмлекләрнең үзара бәйләнеше, аларның уртак һәм аерым үзенчәлекләрен ачыкларга мөмкинлек бирә. Мондый тикшеренүләр икетелле сөйләм культурасын камилләштерү өчен дә, шулай ук телләр арасындагы тәржемә мәсьәләләрен чиңгәйтү өчен дә зур әһәмияткә ия. Фразеологизмнарны өйрәнүнең актуальлеге бүгенге көнгә кадәр саклана, чөнки алар матур әдәбиятта да, жанлы сөйләмдә дә киң кулланыла.

Фразеологизмнарны тикшерү бүгенге көндә дә әһәмиятле юнәлеш булып тора, чөнки алар әдәбиятта да, көндәлек сөйләмдә дә киң кулланыла.

Рус лингвистикасында фразеологизмнарны аерым тел берәмлеге буларак өйрәнү XX гасырда башлана. Бу фәнни юнәлешнең формалашуына һәм үсешенә зур өлеш керткән галимнәр арасында А.А. Потебня, И.И. Срезневский, А.А. Шахматов, Ф.Ф. Фортунатов кебек күренекле галимнәрне билгеләп үтәргә мөмкин. В.В. Виноградовның «Основные типы фразеологических единиц в русском языке» (1947) дигән хезмәте,

француз галиме Ш. Балли идеяләрен үстөрөп, фразеологик берәмлекләргә өйрәнүгә яңа этәргеч бирә. Н.М. Шанский, С.И. Ожегов, А.И. Молотков һәм башка галимнәрнең хезмәтләре бу юнәлеш үсешенә зур өлеш кертә.

Фәнни монографияләрдән тыш, мәктәптә фразеологияне өйрәнүгә багышланган уку әсбаплары да дөнья күрә. М.Т. Баранов фикеренчә, «мәктәптә лексика һәм фразеология ике төп максат белән өйрәнелә: беренчесе – танып белү, икенчесе – гамәли максат. Танып белү максаты укучыларның дөньяга карашын формалаштыру, лексика һәм фразеология буенча тирән белем бирү, аларда эстетик сөйләм идеалын булдыруны күз уңында тоту. Ә гамәли максат – укучыларда лексик һәм фразеологик берәмлекләргә дөрес куллану күнекмәләрен үстөрүгә юнәлтелгән, бу телнең төрле тармакларында эшләү өчен (орфография, грамматика, сүзлек запасын баету) кирәкле нигез булып тора» [2, 10].

Л.А. Веденская, М.Т. Баранов, Ю.А. Гвоздарев һәм башка галимнәрнең хезмәтләрендә билгеләнүенчә, фразеология тармагын өйрәнгәндә укучылар түбәндәге белемнәрне үзләштерергә тиешләр: 1) фразеологиянең тел системасындагы урынын, аларга хас төп үзенчәлекләргә, төркемчәләрен, ясалыш ысулларын, тотрыклы сүзтөзмәләргә функциясен, фразеологик составның үзгәрү сәбәпләрен, төп фразеологик сүзлекләр һәм белемчәләр белән танышу; 2) тексттан фразеологизмнарны аерып алу, аларның жөмләдәге синтаксик вазыйфасын билгеләү, лексик мәгънәсен аңлау, сөйләмдә стилистик үзенчәлекләргә исәпкә алып куллану.

Шулай итеп, фразеологизмнарны белү, мәгънәләргә аңлау һәм сөйләмдә дөрес куллану күнекмәләргә үстөрү мөһим.

Төрле телләрдәге фразеологизмнарны чагыштырып өйрәнү, аларның уртак яклары һәм мәгънәви үзенчәлекләргә ачыклау кызыксыну тудыра. Бу күренеш әлгә берәмлекләргә тел системасының лексик-семантик катламын тәшкил итүе белән бәйле.

Төзелеше буенча фразеологизмнар һәрвакыт сүзтөзмә түгел, ә жөмлә белән дә белдерелергә мөмкин. Бу яктан аларны жөмлөләргә классификацияләү принциптары буенча төркемләп була. Татар телендә фразеологик жөмлөләр калыбына туры килүче берәмлекләр әйтү максаты буенча күбесенчә хикәя жөмлөләргә

туры килә. Мәсәлән: *авыз ачарга (да) ирек бирми* (ни дә булса әйтергә юл куймау); *адымын санап атлый* (акрын гына, салмак кына атлау, ашыкмау); *адам рәтенә кәргән* (кеше арасына керү, эше, белеме, үз-үзен тотышы белән уңай бәйләнү); *диңгез якасында торып сусаган* (мөмкинлекләрдән файдалана белмәү); *ике азан әйтмиләр* (берәр нәрсә турында кабат сөйләсе килмәгәндә әйтелә) һ.б.

Сорау жөмлэләр бик сирәк кулланыла: *валлаһи дин әйттимме соң?* (ант итү).

Чынбарлык күренешне раслануга яки кире кагылуга карап, фразеологик жөмлэләр раслау һәм инкаръ жөмлэләргә бүленә. Мәсәлән: *ишек юлыннан аяк өзелми* (кереп-чыгып йөрүчеләр күп булу); *дары исе иснәмәгән* (сугышта катнашмаган); *иренендә ана сөте кимәгән* (тәҗрибәсез); *йомырка сарысы кимәгән* (тәҗрибәсез) кебек берәмлекләр инкаръ жөмлэләр булып тора. Аларга бик күп фразеологик раслау жөмлэләр каршы куела.

Фразеологик әйтелмэләр, аларның составында иярчен кисәкләр булу-булмавына карап, ике төргә бүленә: жәенке һәм жыйнак.

Жыйнак фразеологик әйтелмэләр, кагыйдә буларак, бары тик баш кисәкләрдән генә тора: *кан кызу* (бик нык ачулану, ярсу), *карыш каткан* (бик нык карышу, үжәтләнү), *йөрәге бетләгән* (бик нык курку, шомлану), *йөрәк кайнау* (бик нык борчылу, дулкынлану).

Татар телендә еш кына составында баш кисәкләр дә, иярчен кисәкләр дә булган жәенке фразеологик әйтелмэләр очрый: *акылын кәжә ашаган* (акылсыз, уйламыйча эш итүче), *китап жәене кагылган* (китап укырга бик яратучы), *зур күтәрәп бәләкәй суккан* (зур эшнә кечкенә нәтиҗә белән тәмамлау), *буранга очраган күркә кебек корышкан* (бик нык куркудан яки салкыннан катып калу).

Грамматик нигезләрнең санына карап, фразеологик әйтелмэләр бер составлы һәм ике составлы булырга мөмкин. Бер составлы фразеологик әйтелмэләрнең күбесе билгесез үтәүчеле берәмлекләрдән гыйбарәт. Мәсәлән: *керне кебек йонын тырпайткан* (бик нык ачуланып, үзен якларга эзәрләнү), *алдына килгән бәхеттән колак каккан* (мөмкинлекне кулдан ычкындыру), *баскан җириеннән ут чыгара* (бик актив, энергияле эш итү).

Шулай ук ия һәм хәбәрне үз эченә алган ике составлы фразеологик әйтелмәләр дә бар: *колагына тычкан оялаган* (бик саңгырау, ишетмәүче), *кендеге эченә ябышкан* (бик нык ябыккан, хәлсезләнгән), *бер тиен кергән* (бик ярлы, акчасыз), *алмалары суга туенган* (бик нык тулышкан, өлгергән), *казлар Рим коткарган* (көтелмәгән хәл аркасында котылу).

Фразеологик әйтелмәләр, гадәттә, грамматик үзәкләрнең күләменә карап, гади һәм кушма була ала.

Фразеологик жөмлөләр, гадәттә, грамматик үзәкләрнең күләменә карап, гади һәм кушма жөмлөләргә бүленә. Күпчелек практик материалны (якынча 90%) гади фразеологик жөмлөләр тәшкил итә. Югарыда китерелгән барлык мисаллар да нәкъ шундыйлардан – гади фразеологик жөмлөләр [6, 213].

Бүресе улау (теләгәнәнә ирешү; бәхет басу); *күңел актарылу* (уй-фикерләр чуалу, буталу; борчу-хәсрәт туу); *араларыннан чебен дә очмый* (бик көчле дуслык турында) кебек гади жөмлөләр моделенә туры килүче фразеологизмнар *баши керсә, аягы кермәгән* (әле яхшылап урнашып та житмәгән); *йоны коелган яман эт* (кешегә яманлык эстәп йөрүче усал, бик явыз кеше); *баш ярылып күз чыкмаган* (куркыныч нәрсә булмаган) кебек ике я берничә грамматик үзәкле жөмлөләргә каршы куела.

Шулай итеп, таркалмаучанлык һәм бөтенлек кебек сыйфатларга ия булган фразеологизмнар төзелеше буенча жөмлөләр буларак та оеша. Фразеологик типтагы әлегә жөмлөләр төрле критерийларга карап аерыла: әйтү максаты буенча алар хикәя һәм сорау рәвешендә, чынбарлыкка карата – раслау һәм инкаръ, иярчен кисәкләрнең булу-булмавы буенча – жәенке һәм жыйнак. Моннан тыш, аларны бер составлы һәм ике составлы, шулай ук, грамматик үзәкләрнең күләменнән чыгып, гади һәм кушма жөмлөләргә бүлүгә мөмкин.

Фразеологик жөмлөләрнең барлык төрләре арасында бер составлы һәм ике составлы хикәя жөмлөләр киң таралган. Сорау жөмлөләр бик сирәк очрый.

Әдәбият

1. Әхәтов Г.Х. Татар теленң фразеологик әйтелмәләр сүзлеге. – Казан, 1980. – 174 б.

2. Баранов М.Т. Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 190 с.
3. Жәләй Л., Борһанова Н., Мәхмүтова Л. Татар теленен фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре. – Казан: Тат. китап нәшр., 1957. – 247 б.
4. Исәнбәт Н.С. Татар теленен фразеологик сүзлегә. I том. – Казан, 1989. – 495 б.
5. Мурзина Ю.М. Фразеологизированные предложения татарском в языке // Тюркская и отечественная филология в полилингвальном и поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Сборник статей Международного научного форума. – Уфа, 2025. – С. 229-231.
6. Мурзина Ю.М., Зарипова И.Ф. Татар телендә фразеологик жәмләләр // Актуальные проблемы современной татарской филологии: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения известного языковеда, тюрколога, доктора филологических наук, профессора, первого заведующего кафедрой татарской филологии Башкирского государственного университета Габдулхая Хурамовича Ахатова (1927 – 1986). – Уфа, 2022. – С. 211-214.
7. Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.
8. Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йортлары студентлары өчен). – Казан: “Хәтер”, 1999. – 288 б.
9. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2015 – Т. I. – 352 б.
10. Татар теленен аңлатмалы сүзлегә. Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – Т.1 (А – Й). – 476 б.

© Валиева Ю.М., 2026

Yu.M. Valieva,
*6th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: I.F. Zaripova,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

TYPES OF PHRASEOLOGICAL SENTENCES IN THE TATAR LANGUAGE

The article describes the structural and semantic features of phraseological units in the modern Tatar language. In addition, it is emphasized that recognizing phraseological units, understanding their deep meaning and forming the skills of their skillful use in speech are an integral part of increasing language wealth. Because phraseological units are integral lexical and phraseological elements in the language system that increase its imagery and expressiveness.

Keywords: *the Tatar language, lexicology, phraseology, phraseology, sentence, phraseological sentence, context.*

УДК 81-119

Ван Сюецзяо,
*преподаватель,
Шэньянский инженерный институт, г. Шэньян, Китай*
Хань Шу,
*преподаватель,
Ляонинский университет, г. Шэньян, Китай*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТА «亚健康 / СУБЗДОРОВЬЕ» В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КУЛЬТУРНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ИИ

В данной статье с позиций лингвокультурологии, с применением методов концептуального анализа и теории языковой картины мира, проводится сопоставительный анализ

этимологии, семантической реконструкции и культурного содержания концепта «*亚健康* / субздоровье» в китайском и русском языках. Исследование показывает, что данный концепт является неологизмом, возникшим в китайской языковой среде, его когнитивная структура укоренена в метафоре «равновесие – нарушение равновесия», характерной для традиционной китайской медицины. Русский эквивалент «субздоровье» представляет собой морфологическую кальку, введённую как заимствованное понятие, и адаптированную русской культурой с помощью метафоры «ресурсы – резервы». Дефиниционный анализ лексемы «субздоровье», предложенный Алисой (Яндекс.Алиса), способствует выявлению трансформаций и вариации трёхуровневой структуры «образ – понятие – ценность» одного и того же концепта в разных языковых картинах мира. На основе проведённого анализа автором рассматриваются возможные направления развития культурно-ориентированного ИИ: предлагается создание базы концептуальных знаний, включающей три уровня, разработка логики культурной идентификации концептов, а также стратегии гармонизации концептов при межкультурной коммуникации. Целью работы является наделение ИИ более глубокими механизмами культурного восприятия и выражения.

Ключевые слова: *亚健康*/субздоровье; языковая картина мира; концептуальный анализ; лингвокультурология; культурно-ориентированный ИИ; межкультурная коммуникация.

В современную эпоху, с ее трендами глобализации и цифровизации, искусственный интеллект, (особенно большие языковые модели), всё чаще выступает в роли посредника межкультурной коммуникации. Действительно, перевод с одного языка на другой – это не механический процесс замены знаков, это, в первую очередь столкновение различных мировоззрений, систем ценностей и культур. То, каким образом ИИ может точно улавливать и передавать сложные концепты, лежащие в основе конкретной культуры, является ключевым вопросом для создания по-настоящему «культурно-ориентированного ИИ».

Одним из таких сложных культурных концептов, получившим быстрое распространение в китайском языковом контексте и затем вошедшим в русскоязычный узус, является концепт 亚健康 /субздоровье. Возникшее в Китае в 1990-х годах, данное понятие точно описывает «лиминальное состояние», находящееся между здоровьем и болезнью, на русский язык переводится калькой «субздоровье». Траектория развития данного понятия даёт нам прекрасную возможность наблюдать, как культурный концепт воспринимается, реконструируется и переосмысливается в другой языковой картине мира. Цель данной статьи – на основе лингвокультурологического анализа концепта «亚健康 /субздоровье» в китайском и русском языках выявить внутренние механизмы его межкультурной трансформации и, опираясь на это, обсудить возможные пути развития культурно-ориентированного ИИ.

Теоретической основой данного исследования является концептуальный анализ как основной метод лингвокультурологии, восходящий к европейской лингвистической традиции конца XIX – начала XX века. Немецкий лингвист Вильгельм фон Гумбольдт впервые выдвинул тезис о том, что «язык есть внешнее проявление духа народа», полагая, что каждый язык заключает в себе уникальное мировоззрение. Эта идея заложила философский фундамент для последующей теории языковой картины мира. В середине XX века, с развитием антропологической лингвистики и культурологии, концептуальный анализ постепенно оформился в систему методов [1, 48].

В данной статье используется аналитическая структура концепта, состоящая из трёх уровней: образного, понятийного и ценностного. Концепт рассматривается как объёмный когнитивно-культурный комплекс, что позволяет системно раскрыть его целостную природу в разных лингвокультурах [5, 56].

Образный уровень – это наиболее чувственное измерение концепта, связывающее его с сенсорным опытом человека и коллективным бессознательным. Данный уровень включает: (1) прототипические образы –исходные, конкретные психические картины, связанные с концептом (например, этимология русского «здоровья» восходит к древнерусскому «сѣдоровъ» – «сделанный

из хорошего дерева, крепкий» [2, 64], что привносит в представление о здоровье образ «прочности», «долговечности»); (2) метафорические модели –конкретные когнитивные схемы, используемые культурой для осмысления абстрактных концептов (китайский язык осмысляет здоровье через «гармонию инь-ян», «циркуляцию ци и крови», русский – через «ресурсы», «работу механизмов»; эти метафоры отражают не просто способы выражения, но и проекцию культурного мышления); (3) чувственные ассоциации – зрительные, слуховые, тактильные впечатления, связанные с концептом (китайское «亚健康» часто вызывает ощущения «усталости», «бессилия», «отсутствия сил», составляющие чувственную основу концепта) [7].

Понятийный уровень – это рациональное измерение концепта, позволяющее локализовать и оперировать им в логическом мышлении и системе знаний. Данный уровень включает: (1) словарную дефиницию («亚健康» в «Современном словаре китайского языка» определяется как «промежуточное состояние между здоровьем и болезнью») [7]; (2) категориальную принадлежность – место концепта в системе классификации знаний («亚健康» относится к сферам медицинской антропологии и профилактической медицины, дополняя бинарную оппозицию «здоровье – болезнь»); (3) логические связи– способы соотнесения концепта с другими понятиями («亚健康» образует семантическую сеть с концептами «здоровье», «болезнь», «усталость», «поддержание здоровья», определяющую границы и содержание понятия); (4) пропозициональное содержание – высказывания и суждения о концепте («состояние “亚健康” может быть обращено через коррекцию образа жизни» –такие пропозиции формируют «знание» о концепте) [7].

Ценностный уровень – это культурное ядро концепта, несущее в себе оценки, отношения и эмоции, которые разделяет культурное сообщество по отношению к явлению, обозначаемому концептом. Данный уровень включает: (1) культурную оценку («亚健康» в китайском языковом контексте преобладает нейтрально-позитивная оценка «требуется регуляция», в русском – реализуется

негативная оценочная коннотация «истощения резервов»); (2) нормы поведения («亚健康» в китайской культуре указывается норма «поддержание здоровья», в русской – антинорма «восполнение ресурсов»; различные поведенческие нормы отражают разную культурную логику); (3) эмоциональное отношение (китайское «я-цзянь-кан» может вызывать тревогу, но также и надежду благодаря обратимости процесса; русское «субздоровье» несет в себе более сильное чувство кризиса и обречённости); (4) идеологическую связь – связь концепта с более широкими культурными нарративами (возникновение «я-цзянь-кан» в Китае тесно связано с рыночными реформами 1990-х годов и развитием индустрии оздоровительных продуктов; принятие этого понятия в русском языке связано с проникновением в постсоветский период западного медицинского дискурса). Ценностный уровень – наиболее культурно-специфичная часть концепта, и именно он является главным препятствием для межкультурного взаимопонимания. Успешная межкультурная коммуникация требует не только передачи понятийного содержания, но и понимания ценностных различий и умения их согласовывать.

Прежде чем приступить к лингвокультурологическому анализу концепта, необходимо ответить на фундаментальный вопрос: является ли данное понятие исконным неологизмом китайского языка или результатом перевода иноязычного концепта? Ответ на этот вопрос не очевиден: одни источники указывают, что «亚健康» был предложен китайскими учёными в 1990-х годах, другие утверждают, что это понятие «пришло из-за рубежа». Это противоречие служит отправной точкой для этимологического исследования. Этимологический уровень концепта несёт в себе «память» культуры и влияет на современное понимание концепта. Если «亚健康» является китайским неологизмом, то его словообразовательные элементы («亚» + «健康») и заложенные в них традиционные китайские представления (этимологический образ «健康», иерархическое значение «亚») будут непосредственно участвовать в формировании семантики концепта; если же это

заимствованная калька, необходимо проследить исходный концепт и семантические трансформации, произошедшие в процессе заимствования.

Обобщая имеющиеся данные, можно утверждать, что концепт «亚健康» возник в Китае и был предложен китайскими учёными в 1990-х годах. Это подтверждается научными исследованиями, позволяющими установить «время рождения» (1990-е) и «автора» [Wang, 2002] данного академического понятия.

Описание в Википедии прямо указывает на культурную принадлежность этого понятия: «Этот термин возник в Китае и популярен только в Китае, в международном обиходе не используется.» Особенно важен тезис «популярен только в Китае»: если бы «亚健康» был международным термином, он был бы широко распространён и в других языках; однако в англоязычной медицинской литературе «sub-health» не закрепился как стандартный термин, а русское «субздоровье» является относительно поздней калькой, что служит дополнительным подтверждением китайского происхождения концепта.

Исторически, в китайском языке иероглиф (亞): в надписях на гадальных костях изображал план гробницы или храма, исходное значение было связано с «порядком», «рангом», «ступенью». На протяжении долгой истории китайского языка «я» сохранялся как активный словообразовательный элемент, означающий «второстепенный», «вспомогательный»:

- 亚军 – «второе место» (букв. «второй воин»)
- 亚圣 – «второй после мудреца» (чаще всего о Мэн-цзы)
- 亚热带 – «субтропики»

Этимология 健康 健 исходно означало «крепкий, сильный», связано с физическими функциями; 康 – «спокойный, мирный», связано с гармонией души и тела. В сочетании «健康» аккумулирует двойной смысл «физической крепости + душевного спокойствия», отражая стремление китайской культуры к целостной гармонии тела и духа. Эта этимологическая память придаёт концепту «亚健康» потенциальный образ «отклонения от гармонии».

Словообразовательная логика « ㄣ 健康»: соединение « ㄣ » и «健康» создаёт значение «состояние, уступающее здоровью, близкое к здоровью, но не достигающее его нормы». Эта логика полностью соответствует грамматическим правилам и словообразовательной традиции китайского языка, не опираясь на иноязычные структуры.

В русском же языке этимологическая характеристика понятия «субздоровье» противоречит китайской культурной логике. Данное слово образовано путём морфологического калькирования:

Китайский	ㄣ	健康
Русский	суб-	здоровье

Как известно, префикс «суб-» широко используется в русском языке для образования научных терминов (*субтропики*, *субкультура* и т.п.), являясь эквивалентом интернационального «sub-». «Здоровье» происходит от праславянского *sъdorъ(jь)*, связанного с древнерусским *съдоровъ*, старославянским *съдравъ* (крепкий, здоровый). Такой способ калькирования свидетельствует о том, что: (1) содержание понятия пришло извне (из китайского « ㄣ 健康»); (2) форма выражения была реконструирована с использованием родного языкового материала; (3) целью является интеграция понятия в русскоязычный дискурс.

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) «субздоровье» практически не встречается в текстах XX века; его употребление фиксируется преимущественно в интернет-источниках и переводной литературе XXI века. Эта хронология подтверждает его статус относительно поздней кальки – если бы слово возникло естественным путём в русском языке, оно оставило бы следы в более ранних текстах.

Если бы русскоязычное медицинское сообщество попыталось самостоятельно найти вербальное выражение подобному понятию, не прибегая к внешним источникам, возможными вариантами могли бы быть:

Вариант	Словообразование	Семантический оттенок
предболезнь	пред- + болезнь	болезнецентричность, направленность на будущую патологию
доболлезненное состояние	описательное	клинически описательное, не имеет культурной нагрузки
сниженное здоровье	описательное	бытовое описание, не обладает статусом термина
неполное здоровье	описательное	разговорное, неспециальное

Выбор именно термина «субздоровье» имеет культурное значение: это означает, что китайский концепт обладает теоретической новизной, заслуживающей заимствования; русская научная среда признаёт, что этот концепт улавливает некое реально существующее состояние; калькирование позволяет сохранить связь с международным академическим дискурсом.

Завершая этимологическое исследование «亚健康 / субздоровье», мы сталкиваемся с вопросом, имеющим особое теоретическое значение: как это понятие, вошедшее в русский язык через калькирование, понимается и репрезентируется в современном русском языковом сознании? Иными словами, какую реконструкцию прошло «субздоровье», войдя в русскую языковую картину мира?

Ниже приводится объяснение, данное Алисой (Яндекс.Алиса) понятию «субздоровье»:

«Субздоровье – так в теории называют состояние, когда человек ещё не болен, но уже не совсем здоров. По-другому это состояние может называться хронической усталостью.

Субздоровье характеризуется снижением функциональных резервов организма, снижением запаса прочности органов и систем. Этот переходный этап от здоровья к болезни может продолжаться годами и десятилетиями, постепенно приводя к истощению имеющихся резервов и развитию болезни.

Важно помнить, что субъективные показатели не всегда соответствуют объективному состоянию здоровья человека, так

как во многом определяются индивидуальными психофизиологическими качествами и жизненными установками».

Хотя это объяснение кратко, оно содержит богатый материал для концептуального анализа.

Понятийный уровень: реконструкция в русском языке.

Стратегия позиционирования: привязка нового понятия к знакомой бинарной оппозиции.

Алиса начинает с помещения «субздоровья» в наиболее знакомый русской культуре когнитивный фрейм: «когда человек ещё не болен, но уже не совсем здоров». Используемая конструкция «ещё не... но уже...» является в русском языке типичным способом выражения лиминальности (пограничного состояния). С помощью этой конструкции Алиса осуществляет позиционирование нового понятия: его координата в русской понятийной системе – переходная зона между «здоровьем» и «болезнью».

Далее Алиса даёт второй ориентир: «переходный этап от здоровья к болезни». Эта формулировка относит «субздоровье» к категории «этапа», предполагающей временное измерение и процессуальность, а не статическое свойство.

Особого внимания заслуживает синонимическая ассоциация:

«По-другому это состояние может называться хронической усталостью». Эта ассоциация связывает «субздоровье» с «хронической усталостью» – понятием, уже имеющим определённую когнитивную основу в русской культуре, что помогает пользователю освоить новое понятие через уже существующую систему знаний.

Стратегия дефиниции: от «чем не является» к «чем является».

Определение Алисы выстроено по чёткой логической схеме:

Первый шаг: дефиниция через отрицание – «ещё не болен, но уже не совсем здоров». Это устанавливает границы понятия через отрицание, исключая смежные категории.

Второй шаг: дефиниция через положительное описание – «снижением функциональных резервов организма...». Это раскрывает содержание понятия в позитивной форме.

Такая стратегия («сначала отрицание, затем утверждение») соответствует общей когнитивной закономерности освоения нового: сначала определяется, чем это не является (исключаются

смежные категории), затем – чем это является (формируется позитивное знание).

Наиболее ценная для культурного анализа часть объяснения Алисы – это конструирование образного уровня «субздоровья». Сопоставление с исходным образом китайского «я-цзянь-кан» позволяет наглядно увидеть метафорический сдвиг, происходящий при межкультурной передаче. Исходный образ в китайском языке: натуралистически-органическая метафора.

Как показал этимологический анализ, китайское «я-цзянь-кан» лежит в основе когнитивного фрейма традиционной китайской медицины «равновесие – нарушение равновесия». Его образный уровень образуют следующие представления:

- тело подобно природе: гармония инь-ян, циркуляция ци и крови;

- «亚健康» подобен нарушению природного равновесия: слегка накренившиеся весы, постепенно заливающаяся река, луна, вступающая в фазу убывания;

- путь к восстановлению: регулирование, поддержание здоровья, возвращение к равновесию.

В основе этого образного уровня лежит динамическое равновесие организма, понимаемого как целостная система, требующая поддержания гармонии подобно природе.

Новый образ в русском языке: экономико-механистическая метафора

В объяснении Алисы используется метафорическая система, резко контрастирующая с исходным китайским образом: «снижение функциональных резервов организма»; «снижение запаса прочности органов и систем»; «истощение имеющихся резервов».

Ключевой образ, повторяющийся в этом объяснении: тело как ресурсная система. Иными словами:

- тело метафорически осмысляется как «хранилище резервов», обладающее квантифицируемыми ресурсами («функциональные резервы», «запас прочности»);

- субздоровье понимается как «истощение резервов»: ресурсы находятся в процессе расходования;

- болезнь понимается как «истощение»: ресурсы исчерпаны, система рушится.

Эта метафорическая система глубоко созвучна глубинным когнитивным моделям русской культуры. Зависимость России от природных ресурсов на протяжении истории, акцент на «резервах», «плане», «распределении ресурсов» в советском государственном дискурсе – всё это могло оставить в языковой картине мира след в виде образа «тела как ресурсной системы».

Измерение	Исходный образ (китайский)	Новый образ (русский)
Центральная метафора	Тело как природа	Тело как ресурсная система
Понимание состояния	Равновесие / нарушение	Достаточность/истощение резервов
Временное измерение	Обратимое, регулируемое	Поступательное, потенциально необратимое
Способ вмешательства	Регуляция, поддержание здоровья (восстановление равновесия)	Восполнение ресурсов, экономное расходование

Переход от китайской «натуралистически-органической метафоры» к русской «экономико-механистической метафоре» – это не случайный языковой выбор, а глубинное проявление различий языковых картин мира:

Это сопоставление выявляет глубокий культурный факт: разные культуры не только называют мир разными словами, но и осмысляют его с помощью разных метафор. Когда «亚健康» переходит из китайского в русский язык, он не просто меняет языковую оболочку, но помещается в совершенно иную когнитивную рамку.

Трансформация метафоры неизбежно влечёт за собой переоценку ценностей. В объяснении Алисы ценностные сдвиги проявляются в нескольких аспектах:

- 1) интенсивность чувства времени.

В ценностном содержании китайского «亚健康», при наличии предостерегающей составляющей, преобладает нейтрально-позитивный тон: оно напоминает о необходимости «регуляции», но одновременно внушает надежду, что «регуляцией можно восстановиться». Эта надежда, связанная с «обратимостью», составляет важную часть ценностного уровня исходного концепта.

В объяснении же Алисы семантическая интенсивность лексики заметно выше:

- «истощению» – более катастрофично, чем «снижение»;
- «приводя к... болезни» – более угрожающе, чем «отклонение от здоровья»;
- «постепенно» и «годами и десятилетиями» – подчёркивают длительность и накопительный характер процесса.

Такой выбор лексики передаёт более острое ощущение необходимости ускорения времени: речь идёт не о незначительном расстройстве, которым можно пренебречь, а о процессе истощения ресурсов, который может привести к тяжёлым последствиям.

2) более пессимистичный прогноз.

Алиса особо подчёркивает:

«Этот переходный этап... может продолжаться годами и десятилетиями».

Акцент на временном измерении не был столь выражен в исходном китайском концепте. «亚健康» в китайском языке часто связывается с немедленными причинами, такими как «ускоренный ритм современной жизни», «высокое напряжение», и предполагает, что изменение образа жизни может привести к улучшению в относительно короткие сроки. В объяснении же Алисы «годами и десятилетиями» передаёт более пессимистичный прогноз – это состояние, которое может сопровождать человека всю жизнь.

3) акцент на личной ответственности.

Особого внимания заслуживает концовка объяснения Алисы:

«субъективные показатели не всегда соответствуют объективному состоянию... во многом определяются индивидуальными психофизиологическими качествами и жизненными установками».

Этот акцент на «индивидуальных качествах» и «жизненных установках» возлагает часть ответственности за состояние

«субздоровья» на самого человека. Такая «индивидуализирующая» ценностная ориентация контрастирует с характерной для китайского концепта тенденцией к «социальной атрибуции» (например, «высокое социальное давление», «ухудшение экологии»). Она отражает более сильное в русской культуре чувство личной ответственности: состояние организма в значительной мере является отражением личностных качеств и жизненной позиции человека.

Сводная таблица ценностных трансформаций

Ценностное измерение	Китайское «亚健康»	Русское «субздоровье» (по версии Алисы)
Интенсивность предостережения	Нейтрально-умеренное	Более сильное ощущение срочности
Ожидание обратимости	Оптимистичное (обратимо)	Пессимистичное (может длиться годами)
Атрибуция ответственности	Акцент на внешнем (социальное давление и пр.)	Акцент на внутреннем (личные качества и установки)
Направленность вмешательства	Регуляция, поддержание здоровья (восстановление равновесия)	Восполнение ресурсов, управление резервами

С точки зрения концептуального анализа Алиса в своём объяснении «субздоровья» фактически выполняет три функции:

Переводчик: Алиса осуществляет межъязыковую передачу концепта, выражая понятие, пришедшее из китайского языка, в доступной для русскоязычного пользователя форме. Как переводчик она успешно реализует соответствие терминов (субздоровье), пересказ дефиниции («ещё не болен, но уже не совсем здоров») и связь с синонимическим понятием (хроническая усталость).

Культурный адаптатор: роль Алисы не ограничивается переводом. Она реконструирует образный уровень концепта с помощью метафорической системы, знакомой русской культуре

(ресурсы, резервы, истощение), что позволяет этому иноязычному понятию вписаться в русскую языковую картину мира. Благодаря такой культурной адаптации понятие обретает «укоренённость», а русскоязычный пользователь может осмыслить его с помощью когнитивных моделей, привычных для его культуры.

Когнитивный навигатор: Алиса, подчёркивая, что «субъективные показатели не всегда соответствуют объективному состоянию», побуждает пользователя сохранять рефлексивную позицию по отношению к данному понятию. Она напоминает, что «субздоровье» – это не простой ярлык, который можно прямо приравнять к субъективным ощущениям, а сложное явление, требующее осмысления с учётом личностных качеств и жизненных установок. Такое метакогнитивное ориентирование демонстрирует особую ценность ИИ как посредника знания.

Признавая ценность объяснения Алисы, необходимо задать и критические вопросы: полностью ли передано исходное китайское значение?

Сколь бы удачным ни было объяснение Алисы, оно не может в полной мере передать культурное содержание китайского «я-цзянь-кан». Органическая метафора «равновесия – регуляции», холистическое представление о здоровье и уникальная культурная практика «яньшэн» (поддержания жизни) в русском объяснении практически полностью отсутствуют. Однако это не «ошибка» Алисы, а неизбежность межкультурной коммуникации: когда понятие переходит из одной языковой картины мира в другую, определённые смысловые слои неизбежно отфильтровываются, а другие – реконструируются.

Проведённый лингвокультурологический анализ концепта «健康 / субздоровье» не только раскрывает механизм межкультурной трансформации конкретного понятия, но и даёт богатый теоретический материал и практические ориентиры для размышлений о создании «культурно-ориентированного ИИ». Когда ИИ всё чаще выступает посредником в межкультурной коммуникации, когда ему приходится перемещаться между разными языковыми картинами мира, переводить и согласовывать их, какими «культурными компетенциями» он должен обладать? На основе анализа объяснения Алисы можно выделить несколько

направлений развития культурно-ориентированного ИИ: создание базы концептуальных знаний с трёхуровневой структурой, логику культурной идентификации концептов, стратегии гармонизации концептов при межкультурной генерации, а также примеры конкретных сценариев применения.

Современные способы репрезентации знаний в ИИ основаны главным образом на дистрибутивных семантических представлениях (например, векторные представления слов, эмбединги) или структурированных графах знаний (например, триплеты «сущность–отношение–сущность»). Эти способы хорошо работают с фактическими знаниями, но обладают фундаментальными ограничениями при работе с культурными концептами:

1) уплощение: сведение концепта к понятийной дефиниции или семантическим связям, потеря образного содержания и ценностной оценки;

2) деконтекстуализация: рассмотрение концепта как универсальной категории, вне связи с культурой, игнорирование его специфики в разных языковых картинах мира;

3) статичность: неспособность отразить историческое наслоение смыслов и динамическую эволюцию концепта.

Глубина объяснения Алисы во многом обусловлена тем, что она в определённой степени преодолевает эти ограничения: она не только даёт дефиницию, но и активирует метафору (*ресурсные резервы*), передаёт ценностное содержание (*ощущение срочности, личная ответственность*), устанавливает культурные связи (*хроническая усталость*). Это подсказывает: база знаний культурно-ориентированного ИИ должна опираться на трёхуровневую структуру концепта и создавать объёмные репрезентации для каждого ключевого культурного концепта.

Проектная схема трёхуровневой базы концептуальных знаний:

Уровень	Содержательные элементы	Способ репрезентации	Пример: концепт «здоровье»
Образный уровень	Этимологические образы, прототипические метафоры,	Образные схемы, метафорические отображения	Русский: «крепкое дерево»; Китайский: «гармония инь-ян 阴阳»

	чувственные ассоциации		
Понятийный уровень	Словарные дефиниции, категориальная принадлежность, логические связи	Семантические сети, пропозициональные представления	Определение ВОЗ; отношение противопоставления с «болезнью»
Ценностный уровень	Культурные оценки, нормы поведения, эмоциональное отношение	Эмоциональные векторы, нормативные правила	Положительная ценность; «следует поддерживать»; эмоциональные связи: тревога/уверенность

Стратегии гармонизации концептов при межкультурной генерации:

Когда ИИ генерирует контент в межкультурном диалоге, он сталкивается с ключевой задачей: как передать понятие, сохранив исходные смыслы (присущие культуре-источнику) и одновременно учитывая рамки понимания целевой культуры? Опираясь на анализ кейса Алисы, можно предложить четырёхшаговую стратегию гармонизации межкультурных концептов:

Шаг 1: Позиционирование

Найти координаты в понятийной системе целевой культуры, чтобы помочь пользователю закрепить новое понятие в знакомом когнитивном фрейме.

Как это делает Алиса: помещает «субздоровье» в пространство между «здоровьем» и «болезнью», используя конструкцию «ещё не... но уже...», которая является для русскоязычного пользователя привычным способом выражения лиминальности.

Принцип проектирования: при позиционировании использовать базовые бинарные оппозиции и типичные конструкции целевой культуры для снижения когнитивной непривычности.

Шаг 2: Перевод (метафорическая трансформация)

Реконструировать образный уровень понятия с помощью метафорической системы, знакомой целевой культуре, осуществив трансформацию когнитивной схемы.

Как это делает Алиса: использует метафоры «резервы», «запас прочности», «истощение», преобразуя китайский образ

«равновесия – нарушения равновесия» в понятный русскоязычному пользователю образ «ресурсы – истощение».

Принцип проектирования: перевод – это не только лексическая замена, но и трансформация метафорической системы. Необходимо идентифицировать доминирующую метафору в культуре-источнике и найти функционально эквивалентную метафорическую систему в культуре-цели для осуществления трансформации.

Шаг 3: Предостережение (маркирование культурной специфики)

Отметить «несоизмеримость» понятий, указать на их культурную специфику, чтобы у пользователя не сложилось впечатление, что интерпретация в терминах целевой культуры исчерпывает «всю истину» о понятии.

То, чего не делает Алиса: Алиса не указывает на китайское происхождение «субздоровья» и не поясняет, что её объяснение является результатом фильтрации через русскую культуру. Это может привести к тому, что пользователь будет воспринимать «ресурсно-резервную» рамку как «объективную дефиницию» понятия, не зная о существовании иных способов понимания.

Предложение по улучшению: добавить в объяснение маркеры культурной принадлежности, например:

«Это понятие возникло в Китае. В русском языке мы склонны осмыслять его через метафору “ресурсных резервов”. Однако в китайском исходном контексте оно ближе к образу “нарушения равновесия в организме”...»

Шаг 4: Расширение (связывание с сетью понятий целевой культуры)

Предоставить культурные нити для дальнейшего понимания, соединив новое понятие с существующими в целевой культуре смежными понятийными сетями.

Как это делает Алиса: связывает «субздоровье» с «хронической усталостью», помогая пользователю интегрировать новое знание в уже существующую когнитивную структуру.

Принцип проектирования: создавать сеть ассоциаций между понятиями (синонимические, родо-видовые, причинно-следственные связи), чтобы пользователь мог включить новое знание в уже имеющуюся когнитивную структуру.

Интеграция четырёхшаговой стратегии:

Четыре шага могут быть объединены в общий шаблон для объяснения межкультурных концептов:

```
```python
def explain_crosscultural_concept(concept, target_culture, user_model):
 # Получить фреймы культуры-источника и культуры-цели
 source_frame = concept_knowledge_base.get(concept.source_term,
concept.source_culture)
 target_frame = concept_knowledge_base.get(concept.target_term,
target_culture)
 # Сгенерировать объяснение
 explanation = []
 # 1. Позиционирование: закрепить во фрейме целевой культуры
 explanation.append(position_in_target_culture(target_frame))
 # 2. Перевод: объяснить с помощью метафор целевой культуры
 explanation.append(translate_with_metaphor(source_frame,
target_frame))
 # 3. Предостережение: маркировать культурную специфику
(если требуется моделью пользователя)
 if user_model.interest_in_culture or user_model.culture ==
concept.source_culture:
 explanation.append(mark_cultural_specificity(concept,
source_frame, target_frame))
 # 4. Расширение: связать с сетью понятий целевой культуры
 explanation.append(extend_to_related_concepts(target_frame,
user_model))
 return combine(explanation)
```[8]
```

Пример сценария применения: ИИ-консультант по вопросам здоровья

Применим изложенные проектные принципы к конкретному сценарию – ИИ-консультанту по вопросам здоровья. Такой ИИ должен уметь обрабатывать запросы пользователей из разных культурных сред и давать адекватные объяснения и рекомендации с учётом их культурного контекста.

Сценарий межкультурного диалога

Пользователь А (китаец) спрашивает пользователя Б (русский): *«Вы слышали о “亚健康”? Мы, китайцы, придаём этому понятию большое значение»*

ИИ как посредник в диалоге должен объяснить это понятие пользователю Б, учитывая, что пользователь А также присутствует. Идеальный ответ мог бы быть таким:

«Пользователь А спрашивает, знакомы ли Вы с понятием “亚健康”. Это понятие возникло в Китае в 1990-х годах и описывает состояние между здоровьем и болезнью. В китайской традиции его представляют как нарушение баланса в организме, которое можно восстановить с помощью особых практик “调理” – гармонизации образа жизни.

В русский язык это понятие пришло как “субздоровье”, оно чаще понимается через метафору ресурсов и резервов – как состояние, когда “запас прочности” организма снижается.

Интересно, что оба понимания описывают одно и то же явление, но с разных сторон: китайский взгляд подчеркивает динамику и гармонию, русский – ресурсы и их истощение. Возможно, их сочетание дает более полную картину того, что происходит с человеком в этой пограничной зоне».

Подобно тому, как грамматические правила управляют сочетанием слов и порождением предложений, «культурная грамматика» управляет тем, как ИИ может распознавать, вызывать, преобразовывать и порождать концепты, перемещаясь между разными языковыми картинками мира. Конкретнее:

Трёхуровневая структура концепта предоставляет способ организации «культурного словаря»: образный уровень – это чувственная маркированность культуры, понятийный – её логический скелет, ценностный – её оценочные координаты.

Теория языковой картины мира даёт понимание принципов «культурного синтаксиса»: она объясняет, почему разные культуры по-разному «строят предложения» об одном и том же фрагменте реальности и какие глубинные закономерности стоят за этими различиями.

Этимологический анализ, корпусный анализ, сопоставительный анализ – это методы усвоения «культурной

грамматики»: прослеживая рождение и миграцию понятий, наблюдая их реальное употребление, сопоставляя их вариации в разных культурных фреймах, ИИ может постепенно овладевать этой «культурной грамматикой».

Встраивание такой «культурной грамматики» в ИИ означает:

На уровне знаний: ИИ хранит не только факты, но и концепты; не только дефиниции, но и образы и ценности; не только знание «что это такое», но и «как это воспринимается» и «как это оценивается».

На уровне рассуждений: ИИ осуществляет не только логический вывод, но и культурный вывод – способность отображать и преобразовывать фреймы между разными культурами, распознавать культурные 预设, прогнозировать культурные недопонимания.

На уровне генерации: ИИ порождает не только грамматически правильные предложения, но и тексты, следующие «культурной грамматике» – способность адаптировать фрейм объяснения к культурному контексту пользователя, гармонизировать концепты в межкультурном диалоге, помогать пользователю видеть различия между культурными перспективами.

Объяснение Алисы для «субздоровья» уже в определённой степени обнаруживает зачатки такой «культурной грамматики». Однако остаётся пространство для улучшения: если бы Алиса осознавала культурное происхождение этого понятия, если бы она могла релятивизировать используемую ею «ресурсно-резервную» рамку, если бы она могла предложить пользователю межкультурную перспективу, её объяснение было бы не просто передачей информации, а культурным диалогом.

Именно в этом направлении должно развиваться культурно-ориентированный ИИ: быть не просто межъязыковым переводчиком, но межкультурным диалогером – способным строить мосты понимания между разными языковыми картинами мира, помогая человечеству обнаруживать эмпатию в культурных различиях и находить общий язык в вариативности концептов.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 48.
2. Ван Сюецзяо. Репрезентация концепта «здоровье» в русской и китайской лингвокультурологиях, 2024, – С. 64.
3. Ван Юйсюэ. Субздоровье: новая концепция здоровья в XXI веке, Пекин: Народное медицинское издательство, 2002. – С. 2.
4. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru>.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования [М]. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997, – С. 56.
6. Сюй Шэнь. Шо вэнь цзе цзы (Объяснение простых знаков и толкование составных) [М]. Пекин: Издательство «Чжунхуа», 2013. – С. 432.
7. <https://cd.hwxnet.com/view/gfcmhihifahgkdj.html>.
8. <https://chat.deepseek.com/a/chat/s/11c1640f-cb3d-4f97-bd4f-85968b3be24>.

© Ван Сюецзяо, Хань Шу, 2026

Wang Xuejiao,

Lecturer,

Shenyang Institute of Engineering, Shenyang, China

Han Shu,

Lecturer,

Liaoning University, Shenyang, China

LINGUOCULTURAL DESCRIPTION OF THE CONCEPT “SUBHEALTH” IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES AND ITS IMPORTANCE FOR CULTURALLY-ORIENTED AI

This article, using the perspective of linguacultural studies, conceptual analysis, and linguistic worldview theory, provides a comparative analysis of the etymology, semantic reconstruction, and cultural content of the concept “亚健康 / subhealth” in Chinese and Russian. The study demonstrates that this concept is a neologism that

arose in the Chinese linguistic environment; its cognitive structure is rooted in the “balance-imbalance” metaphor characteristic of traditional Chinese medicine. The Russian equivalent, “subhealth”, is a morphological tracing, introduced as a borrowed concept and adapted by Russian culture using the “resources-reserves” metaphor. A definitional analysis of the lexeme “subhealth”, proposed by Alisa (Yandex.Alice), helps identify transformations and variations in the three-level “image-concept-value” structure of the same concept across different linguistic worldviews. Based on the analysis, the author examines possible directions for the development of culturally oriented AI. The author proposes the creation of a conceptual knowledge base comprising three levels, the development of a logic for the cultural identification of concepts, and a strategy for harmonizing concepts in intercultural communication. The goal of the work is to imbue AI with deeper mechanisms of cultural perception and expression.

Keywords: *subhealth; linguistic worldview; conceptual analysis; cultural linguistics; culturally oriented AI; intercultural communication.*

УДК 81'42

Васильева А.А.,

студентка 1 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мухтаруллина А.Р.,

доктор филологических наук, профессор,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ТРОПОВ В ПОЭЗИИ СИЛЬВИИ ПЛАТ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ТЮЛЬПАНЫ» (“TULIPS”))

Исповедальная поэзия Сильвии Плат характеризуется автобиографическим содержанием, психологизмом и эмоциональностью. Согласно Б.В. Томашевскому, утверждается, что тропы имеют свойство пробуждать эмоциональное отношение к теме, внушать те или иные чувства, имеют чувственно-оценочный смысл. В стихотворении «Тюльпаны»

Сильвия Плат использует широкий спектр тропов: сравнение, олицетворение, гиперболу, оксюморон и др., но ключевым элементом её поэзии является метафора. В ходе проведенного анализа выявлены основные функции тропов в лирике поэтессы: 1) тропы помогают в репрезентации внутреннего состояния лирической героини; 2) структура тропов связана с созданием центрального конфликта стихотворения между лирической героиней и тюльпанами; 3) тропы служат основным инструментом для чувственного осознания текста. Их функционирование определяет и сюжетную структуру, и образность текста, превращает строки стихотворения в физически ощущаемую реальность.

Ключевые слова: *тропы, исповедальная поэзия, метафора, олицетворение, сравнение, образность.*

Американская поэтесса и писательница Сильвия Плат (1932-1963) является одной из ключевых фигур жанра исповедальной поэзии. В литературной энциклопедии терминов и понятий исповедь определяется как «произведение, в котором повествование ведется от первого лица, причем рассказчик (сам автор или его герой) впускает читателя в самые сокровенные глубины собственной духовной жизни, стремясь понять «конечные истины» о себе, своем поколении» [1, 320]. Как поэтический жанр исповедальная поэзия характеризуется автобиографическим содержанием, психологизмом и эмоциональностью.

Творчество Сильвии Плат соответствует приведенным особенностям жанра. Биография поэтессы является фундаментом для написания стихотворений, где личная травма превращается в высокое и разрушительное искусство. *The New York Times* комментируют посмертно изданный сборник «Ариэль» следующим образом: “The strength of feeling and the intensity that play about these posthumously published poems, the relentless honesty that permeates them are so great that at first meeting the reader shrinks from their impact, and then wonders where the poet summoned up the resources to be so unsparing and so open-eyed about herself”[5]. – «Сила чувств и их интенсивность, присущие этим посмертно опубликованным стихотворениям, неумолимая честность, пронизывающая их, настолько велики, что при первом знакомстве

читатель содрогается от их воздействия, а затем задается вопросом, откуда у поэтессы взялись силы быть такой беспощадной и непредвзятой по отношению к себе» (перевод автора). Плат достигает подобного эффекта благодаря использованию различных средств художественной выразительности. Искусное употребление тропов позволяет поэтессе достигать удивительной образности в своем творчестве. Рассмотрим их подробнее.

Как известно, тропы – слова и выражения, которые используются в переносном смысле. Б.В. Томашевский подчеркивает, что «тропы имеют свойство пробуждать эмоциональное отношение к теме, внушать те или иные чувства, имеют чувственно-оценочный смысл». Он выделял два основных вида тропов: метафору и метонимию [3, 52]. Сильвия Плат использует практически весь арсенал тропов: сравнение, олицетворение, гиперболу, оксюморон и др., что позволяет ей создавать уникальный поэтический язык, однако особое место в ее творчестве занимает метафора, средство художественной выразительности, основанное на связи по принципу сходства. Функционирование тропов метафорического типа Б.В. Томашевский характеризует следующим образом: «...предмет или явление, означаемое прямым, основным значением, не имеет никакого отношения к переносному, но вторичные признаки в некоторой их части могут быть перенесены на выражаемое тропом» [3, 52]. В монографии Д.К. Баранова описано, каким образом метафора позволяет донести желаемые смыслы до читателей. «...мозг начинает перебирать семы – минимальные фрагменты значения – заключенные в словах из фразы... ищет что-то, что ассоциируется с ними» [4, 8]. Благодаря этому два разных смысловых слоя, оказываясь рядом, вступают во взаимодействие, обогащая друг друга и придавая высказыванию новую эмоциональную глубину. Б.В. Томашевский определяет психологическое значение метафорического типа тропов так: «...метафорическое употребление слова, разрушая его логическое содержание, пробуждает эмоциональные ассоциации, определенным образом направленные (как бы смутны и неотчетливы в некоторых случаях они ни были). Не переживая слова мыслью, мы зато переживаем его чувством» [3, 55].

Поскольку целью нашего исследования является выявление функциональной роли тропов как фундаментального элемента поэтического языка Сильвии Плат и их влияния на создание атмосферы конкретного стихотворения, обратимся к стихотворению «Тюльпаны» (“Tulips”). Плат написала данное стихотворение в марте 1961 года после операции по удалению аппендицита и получения от подруги цветов с пожеланиями скорейшего выздоровления. Общее настроение стихотворения можно описать как напряжённый покой, который постепенно разрушается агрессивным вторжением жизни. Можно условно поделить стихотворение на два композиционно-смысловых этапа: до появления тюльпанов и после него.

Плат создает развёрнутые метафорические образы, которые позволяют ей говорить о сложных психологических состояниях через конкретные, осязаемые вещи.

“My body is a pebble to them, they tend it as water // Tends to the pebbles it must run over, smoothing them gently.” – «Мое тело для них – точно галька, к нему они льнут, // Как к гальке – вода морская, по ней пробегаю, легонько ее касаясь» [2, 23]. С точки зрения основного значения слова галька – это камни гладкой формы, обточенные водой и временем, т.е. они являются жертвой стихии. В отношении слова «галька» в читательском сознании возникают и такие семы как «неодушевленность», «немота», «холодность». Гальку также можно воспринимать как пограничное пространство между сушей и водой. Благодаря этой метафоре Сильвия Плат рисует образ податливой, пассивной и отстраненной лирической героини, которая, находясь в состоянии между сном и явью, вручает свою судьбу медсестрам. Данный образ является одним из компонентов для создания атмосферы больничного покоя и оцепенения.

“I have let things slip, a thirty-year-old cargo boat // stubbornly hanging on to my name and address.” – «Я разрешила вещам ускользнуть, но тридцатилетний грузовой катер // Пришвартован упрямо на канате имени, адреса моего» [2, 24]. Словосочетание «грузовой катер» вызывает ассоциации с бременем и тяжестью, что в контексте стихотворения можно определить как совокупность социальных ролей, обязанностей, воспоминаний, которые тянут лирическую героиню на дно. Для неё, кажется, они

стали настолько утомительными, что даже пребывание в больнице ощущается как здоровое и восстанавливающее освобождение от потребностей окружающих. Данную мысль подкрепляют предыдущие строки стихотворения: "My husband and child smiling out of the family photo; // Their smiles catch onto my skin, little smiling hooks." – «Муж и малыш улыбаются мне с семейного фото, // И их улыбки впиваются в кожу, как веселые тонкие крюки» [2, 24]. Плат сопоставляет уголки улыбок мужа и ребенка лирической героини с острыми крюками; использование глагола «впиваются», синонимичного с глаголом «вонзаться», вызывает ассоциации с резкой физической болью.

Структура метафоры предполагает, что к контекстуальному значению добавляются отдельные семы – минимальные смысловые элементы – которые присутствуют в прямом значении слова [4, 41]. Троп олицетворение подразумевает прибавление семы одушевленности. Через последовательное наделение неодушевленных предметов – тюльпанов и элементов больничного интерьера – чертами живых существ, Сильвия Плат в стихотворении "Тюльпаны" добивается эффекта тревожного оживления материального мира, вызывая у читателя ощущение беспокойства.

"The tulips are too excitable" – «Тюльпаны слишком импульсивны». Импульсивность – черта личности, характеризующаяся склонностью действовать под влиянием эмоций. В сочетании с контекстом стихотворения это может означать резкое вторжение тюльпанов в мир лирической героини, очевидный контраст забвения и жизненной силы. В стерильной тишине больничной палаты тюльпаны ведут себя слишком живо. Они переполнены цветом и энергией, которые нарушают душевное спокойствие лирической героини.

"Their redness talks to my wound" – «Их алость с раной моей говорила» [2, 24]. В этой строке сему одушевленности получают не сами тюльпаны, а их алый цвет. Здесь важен не только факт разговора «алости» и «раны», но и семантика красного цвета, который еще не раз встретится в стихотворении. Красный цвет традиционно ассоциируется с сильными эмоциями, энергией, кровью, опасностью, агрессией. Яркость тюльпанов может напоминать лирической героине о самой жизни; их красный цвет

вызывает боль и, кажется, соответствует «ране» говорящей. Учитывая перечисленные понятия, можно интерпретировать данное олицетворение следующим образом: алые тюльпаны, находящиеся в белой больничной палате, задевают раны лирической героини и заставляют ее выйти из оцепенения, т.е. побуждают на возвращение к мучительной реальности.

Троп сравнения, в отличие от метафоры, осознается сознанием вполне отчетливо, так как здесь слова употребляются в их первичных значениях и внимание фокусируется на сопоставлении двух отчетливых понятий.

“Even through the gift paper I could hear them breathe // Lightly, through their white swaddlings, like an awful baby” – «Даже через обертку я слышала, как они дышат тихонько // Сквозь белизну покровов, точь-в-точь – непослушные дети» [2, 24]. В данном отрывке троп олицетворения совмещен со сравнением; тюльпаны в обертке сопоставляются с младенцем в пеленках. В этом сравнении проявляется автобиографический характер творчества Сильвии Плат. «Тюльпаны» написаны через год после рождения второго ребенка Плат, Николаса. Известно, что поэтесса столкнулась с тяжелой послеродовой депрессией, поэтому в данном контексте образ младенца приобретает не традиционные ассоциации, связанные с новой жизнью или надеждой, а совсем иные – с бременем и тревогой.

“The tulips should be behind bars like dangerous animals; // They are opening like the mouth of some great African cat” – «В клетку бы эти тюльпаны, будто зверей опасных; // Они разевают пасти, как африканские хищные кошки» [2, 25]. В этих строках сравнение имеет двуступенчатую структуру. С одной стороны, оно показывает отчаянное желание лирической героини дистанцироваться от цветов, «заперев» их в клетку. С другой стороны, образ тюльпанов здесь доходит до кульминации: теперь они не просто одушевлены, они даже опасны, то есть представляют угрозу жизни или здоровью. Медленный процесс раскрытия цветов сопоставляется с раскрытием пасти хищника, готового к нападению.

Подводя итог, можно определить несколько функций тропов в анализируемом стихотворении. Во-первых, тропы помогают в репрезентации внутреннего состояния лирической героини. С помощью осязаемых образов Сильвия Плат объясняет трудные для восприятия темы: суицидальное влечение, душевное опустошение

и желание исчезнуть. Во-вторых, структура тропов связана с созданием центрального конфликта стихотворения между лирической героиней и тюльпанами. Благодаря одушевлению тюльпанов и использованию гипербол, их угроза для жизни лирической героини представляется более реальной, так как они выступают как действующие лица стихотворения. Этому способствуют и оппозиционные отношения (белый-красный, пассивность-активность, тишина-шум), создание которых было бы невозможно без искусного использования тропов в поэтической речи. В-третьих, тропы служат основным инструментом для чувственного осознания текста. В своих дневниках Плат писала, что считает свою поэзию визуальной; в стихотворении «Тюльпаны» тропы активизируют почти весь спектр телесных ощущений: зрительные через цветовые образы, слуховые через олицетворения тюльпанов («...тюльпаны его наполнили громким звуком»), тактильные через метафору свинцовых грузил на шее и др.

Обращение к стихотворению Сильвии Плат «Тюльпаны» позволяет доказать, что тропы в творчестве поэтессы превращаются в один из главных инструментов для создания языка «беспощадной честности», о котором пишут критики. Их функционирование определяет и сюжетную структуру, и образность текста, превращает строки стихотворения в физически ощущаемую реальность.

Литература

1. Николукин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий – Москва, НПК «Интелвак», 2001. – С. 320.
2. Ариэль/Сильвия Плат [перевод с английского Н. Сидемон-Эристави]. – Москва, Эксмо, 2023. – С. 23-25.
3. Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика. – Москва, Аспект Пресс, 2002. – С. 52-55.
4. Баранов Д.К. Основы стилистики. Тропы. – Санкт-Петербург, Скифия-принт, 2025 – С. 8-41.
5. Thomas Lask. A Kind of Heroism: [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/03/01/home/plath-ariel.html> (Дата обращения: 08.04.2026).

© Васильева А.А., Мухтаруллина А.Р., 2026

A.A. Vasilyeva,
*1st-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
A. R. Mukhtarullina,
*Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

ON THE FUNCTIONAL ROLE OF TROPES IN SYLVIA PLATH'S POETRY (BASED ON THE POEM "TULIPS")

Sylvia Plath's confessional poetry is characterized by autobiographical content, psychologism, and emotionality. According to B.V. Tomashevsky, it is argued that tropes have the ability to evoke an emotional attitude toward a theme, inspire certain feelings, and have a sensory-evaluative meaning. In the poem "Tulips," Sylvia Plath employs a wide range of tropes: simile, personification, hyperbole, oxymoron, etc., but the key element of her poetry is metaphor. The provided analysis has revealed the main functions of tropes in the poetess's lyrics: 1) tropes help represent the inner state of the lyrical heroine; 2) the structure of tropes is related to creating the poem's central conflict between the lyrical heroine and the tulips; 3) tropes serve as the key tool for sensory perceiving of the text. Their functioning predetermines both the plot structure and the imagery of the text, transforming the lines of the poem into a physically tangible reality.

Keywords: tropes, confessional poetry, metaphor, personification, simile, imagery

УДК: 37.012

Воробьева О.В.,
*старший преподаватель,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Салихова М.С.,
*студентка 3 курса ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА ПРИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА, СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ РАСХОЖДЕНИЙ У РУССКО-НЕМЕЦКИХ БИЛИНГВОВ

Статья посвящена когнитивной нагрузке при межъязыковой интерференции у русско-немецких билингвов с учётом

взаимодействия грамматического, синтаксического и концептуального уровней. Показано, что интерференция носит системный характер и отражает конкуренцию языковых моделей в сознании билингва. Анализ ошибок позволяет выявить механизмы перераспределения когнитивных ресурсов и определить зоны наибольшей сложности.

Ключевые слова: *билингвизм, интерференция, когнитивная нагрузка, грамматический род, синтаксическая структура, концептуальные различия, русский язык, немецкий язык.*

В современной психолингвистике билингвизм рассматривается как особое состояние языкового сознания, при котором две языковые системы находятся в постоянном взаимодействии и конкуренции. Это взаимодействие не сводится к механическому сосуществованию кодов: речь идёт о глубинной перестройке когнитивных механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи [3, 232]. В этом контексте явление интерференции приобретает принципиально иное значение. Оно выступает не просто как совокупность ошибок, но как проявление внутренней динамики билингвального сознания, отражающее перераспределение когнитивной нагрузки между различными уровнями языковой системы [1, 145].

Традиционно интерференция описывается как нарушение норм одного языка под влиянием другого. Однако такое определение фиксирует лишь внешнюю сторону явления. В действительности интерференция возникает на этапе обработки, когда в сознании билингва активируются конкурирующие грамматические, синтаксические и семантические модели. Этот процесс носит автоматизированный характер и не всегда поддаётся осознанному контролю. Более того, в условиях высокой степени автоматизации речи интерференция может усиливаться, поскольку контроль ослабевает, а конкурирующие системы активируются параллельно [6].

Русско-немецкий билингвизм представляет собой особенно показательный случай, поскольку различия между языками затрагивают фундаментальные уровни организации. Категория грамматического рода, синтаксическая структура и

концептуальная семантика в русском и немецком языках организованы по разным принципам, что создаёт условия для устойчивой интерференции. В этих условиях билингв оказывается в ситуации постоянного выбора между альтернативными способами кодирования информации, и этот выбор требует дополнительных когнитивных ресурсов. При этом выбор часто осуществляется не на уровне осознанного решения, а на уровне автоматических предпочтений, сформированных частотностью и опытом.

Категория грамматического рода является одной из наиболее чувствительных зон межъязыкового взаимодействия. В русском языке род тесно связан с морфологической системой и проявляется в согласовании прилагательных, местоимений и глагольных форм. Род в этом случае является частью синтаксической организации высказывания и обеспечивает согласованность элементов. В немецком языке, напротив, род закреплён за существительным и выражается через артикль и систему склонения, причём распределение родов во многом носит лексически обусловленный характер и не всегда поддаётся предсказанию. Это различие приводит к тому, что билингв не может опираться на универсальное правило соответствия, а вынужден хранить и актуализировать две несовпадающие системы, что увеличивает нагрузку на рабочую память [9].

Практика показывает, что именно в этой зоне возникает значительное количество ошибок. Так, типичными являются конструкции типа *die Tisch ist groß* или *der Lampe ist schön*, в которых наблюдается перенос русской родовой классификации на немецкую. Обратное влияние также возможно: в русской речи билингва появляются формы, не соответствующие норме согласования, например, *красивое книга* или *мой сестра пришёл*. Подобные отклонения не являются случайными: они отражают конкуренцию двух систем, каждая из которых стремится к актуализации. При этом важно отметить, что частотность употребления конкретных лексем может усиливать или ослаблять вероятность ошибки, что свидетельствует о взаимодействии грамматических и лексических факторов.

Особую сложность представляют случаи, в которых грамматический род не совпадает с естественным или

семантическим. Например, существительное *das Mädchen* в немецком языке имеет средний род, несмотря на обозначение лица женского пола. Для русскоязычного билингва такая ситуация оказывается когнитивно нестабильной, поскольку противоречит привычной связи между грамматическим и естественным родом. В результате возможны колебания и ошибки, особенно в условиях спонтанной речи, где время на переработку ограничено. Аналогичные трудности возникают при употреблении слов типа *die Person* и *der Mensch*, где различия в грамматическом роде не совпадают с ожидаемыми семантическими параметрами.

Синтаксическая структура представляет собой вторую область, в которой проявляется интерференция. Русский язык характеризуется относительной свободой порядка слов, которая компенсируется развитой морфологией. Перестановка элементов предложения не нарушает грамматических отношений, но изменяет информационную структуру и коммуникативный акцент. Немецкий язык, напротив, основывается на жёсткой позиционной модели, включающей правило второго места для сказуемого и рамочную конструкцию. Это различие приводит к тому, что билингв вынужден одновременно учитывать две несовпадающие стратегии организации высказывания, которые увеличивают нагрузку на механизм планирования речи.

В речи билингвов это проявляется в переносе русских синтаксических моделей на немецкий язык. Характерными являются конструкции типа *gestern ich habe ihn gesehen*, *ich ihn habe oft gesehen* или *ich habe oft ihn gesehen*, в которых нарушается позиция глагола или порядок дополнений. С другой стороны, при обратном переносе в русскую речь может возникать чрезмерная фиксация порядка слов, что приводит к стилистически неестественным конструкциям и снижению вариативности. Билингв в таких случаях демонстрирует стремление к синтаксической «жёсткости», заимствованной из немецкого языка [9].

Важно подчеркнуть, что синтаксическая интерференция часто сопровождается изменением стратегии переработки информации. Если в русском языке ключевую роль играет распределение темы и ремы, то в немецком – линейная позиция элементов. Билингв, переключаясь между языками, может сохранять одну стратегию

при использовании другой системы, что приводит к дополнительной когнитивной нагрузке.

На уровне концептуальной семантики интерференция приобретает ещё более сложный характер. Здесь речь идёт не о форме, а о содержании, о способах категоризации опыта. Билингв оперирует двумя системами концептов, которые не совпадают полностью и не всегда могут быть приведены к общему знаменателю. В результате возникает ситуация, когда формально корректное высказывание оказывается семантически или прагматически неадекватным, что особенно заметно в межкультурной коммуникации [1, 89].

Показательными являются концепты, не имеющие точных соответствий. Немецкий *Ordnung* предполагает не только внешний порядок, но и внутреннюю норму, регулирующую поведение. При прямом переносе билингв может использовать это слово в русской речи без учёта его культурной нагрузки. Аналогично функционирует концепт *Pflicht*, который включает компонент внутреннего морального обязательства. Русское «обязанность» не всегда отражает эту внутреннюю мотивацию, что приводит к семантическим сдвигам. Концепт *Gemütlichkeit* объединяет эмоциональный комфорт, социальную близость и пространственный уют, что не имеет прямого эквивалента в русском языке и требует развернутого описания.

Даже в случаях формального соответствия, как в паре «судьба» – *Schicksal*, различия в концептуальной структуре приводят к интерференции. Русское слово часто несёт более выраженную фаталистическую нагрузку, тогда как немецкое может использоваться в более нейтральных контекстах. Билингв, перенося один концепт на другой, изменяет прагматический эффект высказывания.

Анализ показывает, что наибольшая когнитивная нагрузка возникает в ситуациях, когда интерференция затрагивает сразу несколько уровней. Рассмотрим расширенный пример: *die Heimat ist sehr wichtig für ich in meinem Leben gewesen*. Здесь фиксируется ошибка управления (*für mich*), нарушение синтаксической нормы и упрощение концепта *Heimat*, который редуцируется до значения «родина». Дополнительно наблюдается влияние русской синтаксической линейности и избыточность структуры.

В более сложных случаях интерференция проявляется в последовательности ошибок: *gestern ich habe meine Mutter gesehen und ich habe große Pflicht gefühlt ihr zu helfen*.

В данной конструкции сочетаются: нарушение порядка слов; калькирование концепта *Pflicht*; перенос русской синтаксической стратегии.

Такие примеры демонстрируют не отдельные ошибки, а системную перегрузку, при которой билингв не успевает синхронизировать все уровни обработки.

Экспериментальные наблюдения показывают, что в подобных ситуациях увеличивается время реакции, возрастает количество самокоррекций и снижается уверенность говорящего. Это подтверждает тезис о том, что интерференция непосредственно связана с ограниченностью когнитивных ресурсов и необходимостью их перераспределения между конкурирующими системами.

Таким образом, интерференция в билингвизме представляет собой сложный многоуровневый процесс, в котором взаимодействуют грамматические, синтаксические и концептуальные факторы [6]. Она не является случайным отклонением от нормы, а отражает глубинные механизмы функционирования языкового сознания. Ошибки билингвов следует рассматривать не как показатель недостаточной компетенции, а как индикатор когнитивной нагрузки, конкуренции систем и особенностей их взаимодействия.

Полученные результаты позволяют уточнить представления о структуре билингвального сознания и механизмах языковой переработки. Они показывают, что различия между языками проявляются не только на уровне форм, но и на уровне стратегий обработки информации. Это открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных на выявление универсальных и специфических механизмов билингвизма.

Практическое значение работы связано с возможностью применения результатов в методике преподавания. Учет зон повышенной когнитивной нагрузки позволяет целенаправленно работать с интерференцией, формируя у обучающихся устойчивые навыки переключения между языковыми системами. В частности, перспективным представляется развитие упражнений,

направленных на осознанное сопоставление концептов и синтаксических моделей.

Перспективы дальнейших исследований связаны с использованием нейролингвистических методов, позволяющих фиксировать динамику активации языковых систем, а также с изучением билингвов различного типа – ранних и поздних, симметричных и асимметричных. Это позволит уточнить роль опыта, частотности и автоматизации в формировании интерференции и когнитивной нагрузки.

Литература

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации. – М.: КомКнига, 2005. – 229 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: МГУ, 1998.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 2003.
6. Лукманова Р.Р. Межъязыковая интерференция. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-interferentsiya-prichina-narusheniya-normy-inostrannogo-yazyka-na-primere-kitaysko-russkogo-bilingvizma/viewer>.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Высшая школа, 1990.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 536 с.
9. Родина Д.В. Ошибки в речи билингвов. – URL: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/page/files/53-f28-d-v-rodina-301-307.pdf>.
10. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: КомКнига, 2007. – 427с.

© Воробьева О.В., Салихова М.С., 2026

O.V. Vorobyova,

Senior Lecturer,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

M.S. Salikhova,

3rd-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

**COGNITIVE LOAD IN CROSS-LANGUAGE INTERFERENCE:
EFFECTS OF GRAMMATICAL GENDER, SYNTACTIC
STRUCTURE, AND CONCEPTUAL MISMATCHES IN
RUSSIAN-GERMAN BILINGUALS**

The article examines cognitive load in interlingual interference among Russian-German bilinguals, focusing on the interaction of grammatical, syntactic, and conceptual levels. It demonstrates that interference is systemic and reflects competition between linguistic models. Error analysis reveals mechanisms of cognitive resource redistribution and highlights areas of increased processing difficulty.

Keywords: *bilingualism, cross-language interference, cognitive load, grammatical gender, syntax, conceptual mismatches, Russian, German.*

УДК: 37.012

Воробьева О.В.,

старший преподаватель,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Салихова М.С.,

студентка 3 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

**КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА КУЛЬТУРНО-
СПЕЦИФИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ: АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ,
ПОРЯДОК СЛОВ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В
РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена особенностям когнитивной обработки высказывания в русском и немецком языках в аспекте

взаимодействия грамматических, синтаксических и семантических факторов. В центре внимания находится влияние категории аспектуальности, порядка слов и культурно-специфической лексики на процессы понимания. Материалом исследования служат экспериментальные данные, полученные с использованием метода пошагового чтения, а также результаты ассоциативного эксперимента и корпусного анализа. Показано, что различия между русским и немецким языками проявляются не на уровне отдельных структур, а в способах распределения когнитивной нагрузки между уровнями языковой системы. Установлено, что русскоязычные носители демонстрируют высокую чувствительность к аспектуальным различиям при относительной гибкости синтаксической переработки, тогда как в немецком языке наблюдается зависимость интерпретации от позиционной структуры высказывания. Особое внимание уделяется анализу культурно-специфических концептов (тоска, удаль, жалость, Sehnsucht, Heimat), которые активируют сложные когнитивные структуры и увеличивают время обработки. Делается вывод о том, что максимальная когнитивная нагрузка возникает при одновременном взаимодействии нескольких факторов. Полученные результаты имеют значение для психолингвистики, сопоставительной лингвистики и теории межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: психолингвистика, когнитивная обработка, аспектуальность, порядок слов, языковая картина мира, концепт, культурно-специфическая лексика, русский язык, немецкий язык, межкультурная коммуникация.

В современной психолингвистике всё более отчётливо прослеживается тенденция к отказу от редукционистского понимания языковой обработки как последовательного декодирования отдельных уровней. Язык рассматривается как динамическая система, в которой грамматические, синтаксические и семантические параметры взаимодействуют уже на ранних этапах интерпретации высказывания. В этой связи особую значимость приобретает исследование когнитивной нагрузки, возникающей при переработке языковой информации, и факторов, её определяющих.

Сопоставительное изучение русского и немецкого языков позволяет выявить принципиальные различия в распределении функциональной нагрузки между уровнями языковой системы. При типологической близости данные языки демонстрируют различные стратегии кодирования событийной информации: русский язык характеризуется высокой степенью морфологической маркированности, прежде всего в области аспектуальности, тогда как немецкий язык опирается на синтаксическую организацию высказывания и позиционную структуру.

Одновременно различия проявляются и на уровне лексической семантики. Культурно-специфические концепты, закреплённые в языке, формируют особые когнитивные структуры, которые не имеют прямых соответствий в других языках и требуют дополнительных усилий при интерпретации.

В нашей работе мы ставим задачу выявить, каким образом взаимодействие трёх факторов – аспектуальности, порядка слов и культурно-специфической семантики – влияет на когнитивную обработку высказывания в русском и немецком языках.

Психолингвистическая традиция рассматривает понимание речи как процесс, включающий механизмы прогнозирования, соотнесения и реконструкции смысла. В рамках деятельностного подхода язык понимается как форма организации когнитивной деятельности. Данное положение предполагает, что любые структурные особенности языка имеют когнитивные последствия [6, 53].

Категория вида в русском языке является одним из ключевых инструментов концептуализации событий. Как показано в работах Е.В. Падучевой, противопоставление совершенного и несовершенного вида отражает не только временные характеристики, но и способ представления ситуации [9, 156].

Сравним:

- *он писал письмо* (процессуальность, внутренняя протяжённость действия);
- *он написал письмо* (результативность, завершённость).

В немецком языке аналогичное различие не имеет грамматически закреплённого выражения и реализуется через контекст или лексические средства:

- *er schrieb einen Brief*;

- *er hat einen Brief geschrieben*.

Это приводит к различиям в когнитивной обработке: в русском языке аспектуальная интерпретация задаётся формально, тогда как в немецком – выводится.

Синтаксический уровень также демонстрирует существенные расхождения. Русский язык допускает вариативность порядка слов, обусловленную информационной структурой. Сравним:

- *мальчик прочитал книгу* (нейтральное высказывание);
- *книгу прочитал мальчик* (акцент на объекте);
- *прочитал мальчик книгу* (экспрессивное смещение).

При этом грамматические отношения сохраняются за счёт морфологических показателей.

В немецком языке порядок слов более жёстко фиксирован:

- *der Junge las das Buch*;
- *das Buch las der Junge* (возможна инверсия, но в ограниченных условиях).

Нарушение синтаксической схемы приводит к затруднениям в интерпретации, что связано с особенностями переработки линейной структуры высказывания.

На уровне лексической семантики различия приобретают культурный характер. Ключевые концепты формируют особые когнитивные поля, которые сложно сопоставимы напрямую. Рассмотрим несколько примеров.

1. тоска – *Sehnsucht*

Русская *тоска* включает в себя не только печаль, но и экзистенциальную пустоту, направленность на утрачиваемое или недостижимое.

Немецкое *Sehnsucht* акцентирует стремление, устремлённость к желаемому, часто идеализированному объекту.

2. удаль – *Mut / Kühnheit*

Удаль в русском языке связана с переживанием силы, широты, почти телесной свободы действия:

– *удаль молодецкая, удаль разгулялась*.

Немецкие соответствия (*Mut, Kühnheit*) не включают компонент размаха и экспрессивной полноты.

3. жалость – *Mitleid*

Жалость сочетает сочувствие с элементом оценки и дистанции:

– *мне его жалко* (возможна позиция «сверху»).

Немецкое *Mitleid* более нейтрально и ближе к сопереживанию.

4. Heimat

Понятие *Heimat* объединяет пространственный, культурный и эмоциональный аспекты «своего места». В русском языке отсутствует точный эквивалент: *родина, дом, отчизна* покрывают лишь отдельные компоненты.

Таким образом, на уровне концептов различия затрагивают не только значение, но и структуру когнитивного представления.

Исследование основано на сочетании экспериментальных и описательных методов. В экспериментальной части используется метод пошагового чтения (*self-paced reading*) [7, 15], позволяющий фиксировать время обработки отдельных сегментов высказывания. Испытуемым предъявляются предложения, варьирующиеся по следующим параметрам:

1. аспектуальность (для русского языка): *он долго писал письмо / он быстро написал письмо*;
2. порядок слов: *девушка прочитала письмо / письмо прочитала девушка*;
3. наличие концептуально нагруженной лексики: *он испытывал тоску / он испытывал Sehnsucht; его охватила удаль; она почувствовала жалость; он скучал по Heimat*.

После прочтения испытуемые отвечают на вопросы на понимание, что позволяет сопоставить скорость обработки и точность интерпретации.

Ассоциативный эксперимент направлен на выявление структуры концептов. Например, на стимул *тоска* ожидаются реакции типа: *одиночество, пустота, боль, Россия*; на стимул *Heimat*: *дом, семья, детство, место*.

Корпусный анализ (на материале Национального корпуса русского языка) позволяет выявить типичные контексты: *тоска смертная, тоска зелёная; удаль молодецкая; жалость к бедным*.

Анализ данных показывает, что когнитивная нагрузка распределяется неравномерно и зависит от взаимодействия факторов.

На уровне аспектуальности русскоязычные испытуемые демонстрируют автоматическую обработку видовых различий. Время реакции практически не увеличивается при смене вида, что свидетельствует о высокой степени грамматической

закреплённости категории. В немецком языке аналогичные значения требуют привлечения контекста, что приводит к увеличению времени обработки, особенно в изолированных предложениях.

Синтаксический фактор проявляется в различной чувствительности к порядку слов [5, 67]. В русском языке неканонические конструкции обрабатываются медленнее, но не приводят к потере понимания.

Например, *письмо прочитала девушка* воспринимается корректно, но требует дополнительной переработки. В немецком языке нарушение ожидаемой структуры вызывает более значительные затруднения: *das Buch der Junge las* воспринимается как маркированная или ошибочная конструкция.

На уровне концептов наблюдается увеличение времени реакции при обработке культурно-специфической лексики. Это связано с необходимостью активации более сложных семантических сетей. Наиболее показателен эффект совмещения факторов. Предложения типа: *тоску испытывал он долго* или *nach Heimat sehnte er sich lange* демонстрируют максимальное время обработки, поскольку требуют одновременной реконструкции синтаксической структуры, интерпретации аспектuality и актуализации концепта.

Результаты исследования подтверждают, что когнитивная обработка высказывания определяется взаимодействием грамматических, синтаксических и семантических факторов [4, 19]. Различия между русским и немецким языками носят системный характер и отражают различные стратегии распределения когнитивной нагрузки.

Русский язык компенсирует синтаксическую свободу за счёт морфологической маркированности, тогда как немецкий язык обеспечивает предсказуемость через структурную жёсткость. Культурно-специфические концепты усиливают различия, формируя дополнительные зоны сложности.

Полученные данные имеют значение для теории психолингвистики, сопоставительной лингвистики и практики преподавания иностранных языков.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974.
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 1996.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.
5. Ковтунова И.И. Порядок слов в русском языке. – М.: Наука, 1976.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 2003.
7. Левелт В. Производство речи (пер. с англ.). – М.: Прогресс, 1979.
8. Лурия А.Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – [2. изд.]. – М.: Издательство Московского университета, 1998. – 335 с.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида. – М.: Языки русской культуры, 1996.
10. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

© Воробьева О.В., Салихова М.С., 2026

O.V. Vorobyova,

Senior Lecturer,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

M.S. Salikhova,

3rd-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

COGNITIVE PROCESSING OF CULTURALLY SPECIFIC CONCEPTS: ASPECTUALITY, WORD ORDER, AND EMOTIONAL SEMANTICS IN RUSSIAN AND GERMAN

The article examines the cognitive processing of utterances in Russian and German, focusing on the interaction of grammatical, syntactic, and semantic factors. Particular attention is given to the role

of aspectuality, word order, and culturally specific lexical items in comprehension processes. The study is based on experimental data obtained through a self-paced reading task, as well as results from an associative experiment and corpus analysis. It is argued that the differences between Russian and German are not confined to individual linguistic levels but are reflected in distinct strategies of distributing cognitive load across the linguistic system. The findings show that Russian speakers demonstrate high sensitivity to aspectual distinctions alongside relative flexibility in syntactic processing, whereas in German comprehension is more strongly dependent on the positional structure of the utterance. Special emphasis is placed on culturally specific concepts (*тоска, удаль, жалость, Sehnsucht, Heimat*), which activate complex cognitive representations and increase processing time. The study concludes that the highest cognitive load arises when multiple factors interact simultaneously. The results are relevant for psycholinguistics, contrastive linguistics, and intercultural communication studies.

Keywords: psycholinguistics, cognitive processing, verbal aspect, word order, linguistic worldview, concept, culture-specific vocabulary, Russian, German, intercultural communication.

УДК 81

Галако Д.Р.,

магистрант 2 г/о ИИГУ,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Кобызева С.В.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена комплексному сравнительно-сопоставительному анализу пунктуационных норм и выявлению закономерностей их функционирования в системах русского и английского языков. Эмпирическую базу исследования составили

лингвистические публикации, академические словари и репрезентативные источники художественной литературы.

Ключевые слова: *пунктуация, знаки препинания, английский язык, русский язык.*

Пунктуация – необходимый инструмент для передачи смысла и интонации текста. Именно пунктуация является связующим звеном, удерживающим адресата (аудиторию, для которой предназначен текст) и адресанта (автора текста) в едином смысловом контексте. Обычно знаками препинания выделяются обособленные и однородные члены предложения, вставные конструкции, вводные слова, причастные и деепричастные обороты и прочее.

Актуальность данной работы обусловлена нехваткой систематизированной информации о специфике пунктуационных систем русского и английского языков. Целью работы является проведение комплексного сравнительно-сопоставительного анализа пунктуационных норм и выявления закономерностей их функционирования на конкретных примерах. Эмпирическую базу исследования составили лингвистические публикации, академические словари и репрезентативные источники художественной литературы. Методологическую базу исследования составили сравнительно-сопоставительный и описательный методы, метод сплошной выборки, а также приемы систематизации и контекстуального анализа.

Соблюдение обязательных грамматических норм пунктуации критически важно, а их отсутствие может не только ввести в заблуждение, но и исказить суть сообщения. Помимо этого, отсутствие необходимых знаков препинания свидетельствует о неграмотности автора. Грамматически обусловленная пунктуация носит обязательный характер и не зависит от творческого замысла, в силу чего ее исключение из текста является недопустимым.

Пунктуационная система русского языка характеризуется более жесткой структурой и четкой регламентацией по сравнению с английской. Синтетический строй русского языка наделяет знаки препинания более высокой семантической нагрузкой: их роль заключается в фиксации интонационного контура, ритмики и пауз. Однако, помимо нормативных знаков, обусловленных

синтаксисом, в текстах зачастую используется авторская пунктуация. Она выступает в качестве инструмента экспрессии, позволяющего передать динамику событий или специфику стиля изложения автора. Несмотря на пересечения в пунктуационных правилах русского и английского языка, между ними сохраняются существенные различия в частных случаях употребления [4].

Точка выступает базовым грамматическим маркером в обоих языках. Традиционно она завершает повествование. Помимо этого, точка обязательна при сокращении имен и фамилий. Например, *П.И. Чайковский* или *J.K. Rowling*.

В английской пунктуации существует вариативность, не характерная для русской. Таким образом, сокращения титулов и обращений могут писаться как с точкой, так и без нее: *Prof.* или *Prof* (professor), *St.* или *St* (saint/street). Аналогичная ситуация с названиями государств и ведомств: *U.K.* может превращаться в *UK*, а *U.N.* – в *UN*. Однако для аббревиатур-акронимов, произносимых как полноценные слова, точки не используются никогда. К примеру, *UNESCO* или *NATO*.

Существенные различия наблюдаются и в записи чисел. В англоязычной среде для отделения целой части от дробной применяется десятичная точка (5.75; 12.99). В русском языке же принято ставить запятую (5,75), хотя в технической литературе точка также встречается. Напротив, для разделения разрядов (тысяч, миллионов) в английском языке используется запятая (2,500,000), в то время как в русском языке для этих целей служат неразрывные пробелы (2 500 000) [2].

Использование запятой для разделения однородных членов – одна из базовых функций пунктуации, объединяющая русский и английский языки. Однако в английском языке существует уникальное явление – Оксфордская запятая (Oxford/serial comma), которая ставится непосредственно перед союзами «and», «or» или «nor» в списке из трех и более элементов.

В простых перечислениях, где смысл очевиден, Оксфордская запятая часто опускается. Например, «*They visited Paris, Rome and Berlin*» (Они посетили Париж, Рим и Берлин). Здесь существительные короткие, и отсутствие запятой перед «and» не мешает восприятию.

Однако в более сложных конструкциях ее отсутствие может привести к двусмысленности: «*I'd like to thank my parents, Tiffany and God*». Без запятой перед «and» предложение может быть прочитано так, будто родителей автора зовут Tiffany и God. Добавление же Оксфордской запятой – «*I'd like to thank my parents, Tiffany, and God*» (Я бы хотел поблагодарить родителей, Тиффани и Бога) четко разделяет три группы объектов [8].

В русском языке пунктуация перед союзом «и» при перечислении обычно не ставится, если союз не повторяется. Тем не менее существует авторский прием постановки дополнительной запятой для смыслового выделения последнего элемента. «*В корзине лежали яблоки, груши и виноград*» – обычное перечисление равноправных предметов. «*В корзине лежали яблоки, груши, и виноград*» – запятая перед «и» искусственно замедляет чтение, заставляя обратить особое внимание на виноград, отделяя его от остального набора [1].

В английской пунктуации использование запятых при описании предметов и в сложных предложениях подчиняется ряду правил, в некоторых моментах, расходящихся с нормами русской пунктуации.

Сложносочиненные предложения. В обоих языках запятая обычно разделяет два простых предложения в составе сложного перед союзами «and», «but», «so», «or». Например, «*The sun was shining brightly, yet the air felt remarkably cold*» (Солнце светило ярко, но воздух казался необычайно холодным). Однако следует выделить важное различие: в английском языке, если обе части предложения короткие и простые, запятая часто опускается – «*She cooked and he cleaned*». В русском же языке запятая ставится всегда, независимо от объема частей предложения – «*Она готовила, а он убирал*» [3].

Отдельно рассмотрим ряд существенных различий в пунктуации сложноподчиненных предложений английского языка:

1. В английском языке в определительных придаточных предложениях (relative clauses), начинающихся словами «who», «which», «that» и «where», запятая не ставится. В русском языке такие обороты, напротив, всегда обособляются запятыми: «*The hotel where we stayed last summer was excellent*» (Отель, в котором мы останавливались прошлым летом, был отличным).

2. Если в условном предложении вместо союза «if» используется инверсия (обратный порядок слов), то придаточное отделяется запятой от главного: «*Had I known the truth, I would have acted differently*» (Знай я правду, я бы поступил иначе).

3. Запятая ставится после придаточного предложения, если оно стоит перед главным. В случае, когда главное предложение стоит первым, запятая, как правило, не требуется: «*Before the movie started, we bought some popcorn*» / «*We bought some popcorn before the movie started*» (Перед началом фильма мы купили попкорн) [2].

4. Союз «for» в значении «ибо/потому что» требует перед собой запятую, а само придаточное предложение с этим союзом никогда не начинает предложение: «*The garden was dry, for there had been no rain for weeks*» (Сад был сухим, потому что дождя не было много недель) [11].

5. Конструкция *прилагательное + as + подлежащее + сказуемое* также требует отделения запятой: «*Smart as he is, he couldn't solve the puzzle*» (Каким бы умным он ни был, он не смог разгадать эту головоломку).

6. Конструкции, выражающие уступки (*no matter/whatever* (несмотря на что-либо)), всегда выделяются запятой: «*No matter what he says, I don't believe him*» (Что бы он ни сказал, я ему не верю).

Однородные и неоднородные прилагательные. Если два прилагательных являются равноправными (их можно поменять местами без потери смысла или вставить между ними союз «and»), между ними ставится запятая. Например, «*The store sells fresh, organic vegetables*» (свежие и органические овощи – порядок не важен, поэтому запятая ставится). В случаях же, когда прилагательные характеризуют предмет с разных сторон (размер и цвет или субъективное мнение и происхождение), запятая не используется. К примеру, «*a beautiful antique clock*» (красивые старинные часы) – запятая не ставится.

Обстоятельства в английских предложениях могут находиться в конце или середине предложения, разделяя сказуемое. Если же обстоятельство находится в самом начале, его принято выделять запятой: «*Quickly, she finished her coffee and left*» (Она быстро допила кофе и ушла).

В английском языке пунктуация при прямой речи отличается от русской: запятая ставится внутри кавычек перед словами автора. Если же слова автора предшествуют прямой речи, перед кавычками ставится запятая: «*I'm p-paralyzed with happiness,*» *she laughed* («Я п-парализована от счастья,» – рассмеялась она); *Alice said, «It's a very difficult game indeed»* (Алиса сказала, «Это действительно очень сложная игра») [6].

Даты в английском языке зачастую разделяются запятыми (между числом и годом, а также между днем недели и месяцем), либо могут писаться без знаков в определенном порядке: *October 12, 1949; Sunday, June 10, 2025; 1 January 2026*. В русском же языке чаще используются точки, тире или дробь: 15.06.16; 12-07-2001, 06/08/21, 7 декабря 1989 года.

Правила выделения обращений совпадают как в русском, так и в английском языках: «*Wait a minute, Rob!*» (Подожди-ка минутку, Роб). Однако существует разница в оформлении официальных и личных писем: в русском языке после обращения традиционно ставится восклицательный знак, а в английском на этом месте используется запятая – «*Dear professor,*» вместо русского «*Уважаемый профессор!*»

Использование дефиса в русском и английском языках преследует схожие цели – связывание лексических единиц/их сегментов. В обоих языках этот знак необходим для оформления составных существительных. Например, *sister-in-law* (золовка), *либерал-демократ*. Кроме того, дефис ставится при сложении основ для обозначения двойных профессий: *producer-director* (режиссер-постановщик), *инженер-конструктор*; а также в парных словах и рифмованных конструкциях: *bye-bye, чуть-чуть*.

В русском языке дефис обязателен для технических терминов и профессиональных понятий с компонентами *вице-, штаб-, экс-, пресс-, блок-* и др. (*пресс-конференция, вице-президент*) [5].

В английском языке дефис используется гораздо активнее:

1. Со специфическими аффиксами (*all-, ex-, mid-, pre-, post-, self-*): *self-control* (самоконтроль), *ex-husband* (бывший муж).
2. С префиксами перед словами, начинающимися с большой буквы: *pro-American policy* (проамериканская политика).
3. В составных прилагательных, стоящих перед определяемым словом: *long-term relationship* (долгосрочные отношения).

4. В сочетаниях с наречиями *better, ill, best, little: best-selling author* (автор бестселлеров).

Дефис не ставится, если:

1. Составное прилагательное выступает в роли сказуемого после глагола-связки: *The author is well known* (Автор широко известен).
2. Между двумя существительными, если первое просто характеризует второе: *coffee shop* (кофейня/кафе).
3. После наречий на *-ly*, а также после *too, very, much: a highly talented artist* (очень талантливый художник), *a very difficult task* (очень сложная задача) [11, 146].

Особого внимания требуют слова, значение которых меняется в зависимости от дефиса. Так, к примеру, аналитическая природа английского языка требует контекста для различения таких пар, как *re-cover* (накрыть снова) и *recover* (выздороветь/восстановить).

Тире в английском языке подразделяется на два вида: короткое *n-dash* (соразмерное букве «n») и длинное *m-dash* (соразмерное букве «m») [11, 163-170]. Первое используется преимущественно для обозначения числовых диапазонов и пишется слитно с числами, без пробелов: *1914-1918 years, temperature 15-20°C*. Второе используется для выделения вводных конструкций, пояснений и внезапных пауз в речи: «It was the kind of voice that made you feel – I don't know – like you were the only person in the world» (Это был такой голос, от которого тебе казалось – не знаю, как объяснить, – будто ты единственный человек во всем мире) [10].

Использование апострофа является крайне редким для русского языка, поэтому этот пунктуационный знак требует отдельного внимания. В современной русской орфографии он ограничен узким кругом случаев употребления: в написании заимствованных имен и фамилий, где он является частью оригинала («Д'Артаньян») или при присоединении русских падежных окончаний к словам, написанным латиницей («пользоваться TikTok'ом»).

В английском же языке апостроф выполняет гораздо более значимые функции [11, 195-203]:

1. Указывает на принадлежность предмета: *the doctor's office* (кабинет врача).

2. Также, как и в русском языке сохраняется в некоторых именах собственных: *O'Connell*.
3. Помогает образовать множественное число для букв и цифр: *Mind your p's and q's* (Соблюдайте правила приличия).
4. Используется при элизии: *we're, won't*.
5. Используется в фиксированных выражениях: *ma'am*.

Восклицательный и вопросительный знаки в английском и русском языках имеют как общие черты, так и специфические различия:

Первый используется для выражения эмоций и команд («*Stay back!*»). Им можно акцентировать внимание на слове внутри предложения («*He claims he is a genius (!) but I doubt it*» (Он считает себя гением, но я сомневаюсь в этом)). При звукоподражании в английском кавычки необязательны («*The balloon went pop!*»), тогда как в русском они необходимы («*Шарик издал «хлоп»!*») [4].

Второй завершает прямые вопросы («*Is it raining?*») и может разделять однородные члены для усиления интонации («*Was it fear? anger? despair?*» (Был ли это страх? Гнев? Отчаяние?)). В косвенной речи знак не ставится («*He asked where I lived*» (Он спросил, где я живу)). В английском языке в вопросительных предложениях меняется порядок слов. Однако если порядок слов в предложении прямой, но по цели высказывания оно остается вопросительным, в конце также ставится вопросительный знак («*You think it's funny?*» (Думаешь, это смешно?)). В вежливых просьбах, как правило, опускается: «*Would you kindly inform my secretary that I will be late*» (Не будете ли Вы так любезны сообщить моему секретарю, что я задержусь). Помимо этого, и в русском и английском языках можно встретить такое явление, как *лигатура* – сочетание знаков для передачи сильного эмоционального вопроса. Например, «*How is that possible?!*» (Как такое возможно?!) [2].

Таким образом, сравнительный анализ пунктуационных систем русского и английского языков показал, что при внешнем сходстве наборов знаков препинания правила их применения в английском и русском языках существенно отличаются. Английская пунктуация стремится к гибкости, вариативности и упрощению норм, а русская остается более строго

регламентированной. При этом в русском языке наблюдается процесс интеграции западных элементов (к примеру, Оксфордской запятой), что позволяет ему расширять свой функционал за счет заимствований.

Литература

1. Валгина Н.С. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – М: АСТ, 2009. – 432 с.
2. Кобрин А.А., Малаховский, Л.В. Английская пунктуация. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1961. – 118 с.
3. Лобачева Н.А. Русский язык. Синтаксис. Пунктуация: учебник для среднего профессионального образования / Н.А. Лобачева. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 123 с.
4. Попова Л.П. Английская грамматика и пунктуация/ Л.П. Попова. – М.: АСТ, 2015. – 221 с.
5. Розенталь Д.Э. Универсальный справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация. Практическая стилистика / Д.Э. Розенталь. – М.: Мир и Образование, 2013. – 704 с.
6. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. London: Macmillan, 1865. Project Gutenberg URL: www.gutenberg.org/files/11/11-h/11-h.htm (дата обращения: 09.01.2026).
7. Collins Online Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 06.01.2026).
8. Proofed's Writing Tips – A Definitive guide to Oxford comma. – URL: <https://proofed.co.uk/writing-tips/a-definitive-guide-to-the-oxford-comma/> (дата обращения: 09.01.2026).
9. Reverso Context URL: <https://context.reverso.net/> (дата обращения: 07.01.2026).
10. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. Published by Back Bay Books, 2001. – 288 p.
11. Stillman A. Grammatically Correct 2nd edition: The Writer's Essential Guide to Punctuation, Spelling, Style, Usage, and Grammar. Published by Writer's Digest Books, 2010. – 352 p.

D.R. Galago,
*2nd-Year Master's Student of the Institute of History
and Public Administration,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **S.V. Kobyzewa,**
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

SPECIFIC USE OF PUNCTUATION MARKS IN RUSSIAN AND ENGLISH

This article is devoted to a comprehensive comparative analysis of punctuation norms and the identification of patterns in their functioning in the Russian and English language systems. The empirical basis of the study consists of linguistic publications, academic dictionaries, and representative literary sources.

Keywords: punctuation, punctuation marks, English, Russian.

УДК 81

Галако Д.Р.,
*магистрант 2 г/о ИИГУ,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Научный руководитель: **Кобызева С.В.,**
*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

О ПРОБЛЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье систематизированы представления о принципах словообразования в английском языке. Исследование рассматривает основные словообразовательные модели, их систему классификации, а также проблемы и особенности данного языкового явления.

Ключевые слова: *способы образования слов, аффиксы, префиксы, суффиксы, усечение, словосложение, аббревиация, конверсия.*

Словообразование является основным и одним из самых распространенных способов расширения словарного запаса языка. Данный процесс представляет собой создание новых слов из существующих в языке лексических элементов, либо перехода этих элементов в другую грамматическую парадигму. Подобные изменения, как правило, возможны благодаря существованию специфических словообразовательных моделей в языке. Словообразовательная модель же, в свою очередь, является регулярно повторяющейся схемой формирования слова из определенных морфем, производимого согласно четким правилам их последовательности и соединения.

Тем не менее, следует понимать, что «словообразование» рассматривается лингвистикой не только в качестве процесса образования новых слов, но и как построение готовых производных слов, образующих систему и взаимосвязь с другими лексическими единицами. Актуальность данной работы обусловлена нехваткой систематизированной информации о классификациях способов словообразования в английском языке. Целью работы является сбор и систематизация данных о способах словообразования, а также анализ примеров их употребления. В качестве исследуемого материала выступают научные статьи и публикации в области лингвистики, а также данные из открытых словарей. Методы исследования, рассматриваемые в данной статье: синхронный и диахронный. Первый фокусируется на связях и отношениях между словами в настоящее время, в то время как второй позволяет изучить исторические аспекты феномена словообразования [11, 26]. Также, в работе были использованы: морфемно-словообразовательный анализ (выявление внутренней структуры слова), деривационный анализ (изучение процесса образования новых слов от существующих основ) и описательный метод (классификация типов словообразования).

Ключевым аспектом в изучении словообразования является продуктивность словообразовательных моделей. Иными словами, возможность формирования ими новых лексических единиц. Непродуктивные же модели, напротив, блокируют развитие слова и изменение его форм.

Наиболее продуктивным способом словообразования в английском языке является аффиксация, осуществляемая

присоединением аффиксов к основе слова. Однако, аффиксальное словообразование имеет свои сложности, основной из которых является неясность происхождения аффиксов. Данная проблема возникает из-за большого количества заимствований в английском языке. Соответственно, возникают трудности с определением статуса аффиксов [9, 139]. Наряду с вышеупомянутой проблемой, существует расхождение в количественных классификациях аффиксов. Разные исследователи выделяют их разное количество.

С точки зрения семантики (раздела лингвистики, изучающего смысловое значение лексических единиц) существует несколько точек зрения касательно аффиксов: они не имеют собственного значения, лишь формируя внешнюю структуру слова; они переводят слово в другой лексико-грамматический класс; либо же способны выражать широкий спектр лексических и грамматических значений [1, 6-12].

Аффиксы принято считать главным элементом, придающим слову словообразовательное значение. Понимая их смысл, можно классифицировать их следующим образом:

1. По месту в слове: (префиксы) *pre- preview* (pre- + view, предпросмотр); (суффиксы) *-ish childish* (child + -ish, детский), *-er teacher* (teach + -er, учитель).
2. По части речи, от которой они образованы: (от существительных в прилагательные) *hopeful* (hope + -ful, надеющийся), *careless* (care + -less, беззаботный); (от глаголов в существительные) *reader* (read + -er, читатель), *agreement* (agree + -ment, соглашение); (от прилагательных в существительные) *kindness* (kind + -ness, доброта); (от прилагательных в наречия) *quietly* (quiet + -ly, тихо) [8, 64].
3. По продуктивности (активному использованию в образовании новых слов): *re- re-read* (перечитать), *-able fixable* (чинящийся), *unlikely* (маловероятно), *-er user* (пользователь).
4. По происхождению: (исконные аффиксы) *-un unhappy* (несчастливый), *-dom kingdom* (королевство), *-hood childhood* (детство); (заимствованные аффиксы) *-able portable* (переносной), *de- decode* (декодировать), *anti- anti-war* (антивоенный), *-tion creation* (создание).
5. По смысловой нагрузке: (со значением отрицания) *dis- distaste* (dis + taste, питать отвращение), *-less tasteless* (taste + -less,

безвкусный); (со значением качества/состояния) *-ness brightness* (bright + *-ness*, яркость), *-ity longevity* (long + *-ev* + *-ity*, долговечность); (со значением чрезмерности) *over- overthink* (think + *over-*, слишком много думать), *overwork* (*over-* + *work*, переутомляться); (со значением недостаточности) *under-underestimate* (*under-* + *estimate*, недооценивать); (со значением «снова/повторно») *re- return* (*re-* + *turn*, возвращаться), *revise* (*re-* + *vise*, пересматривать).

6. По способности менять часть речи: (меняющие часть речи) из прилагательного в глагол (*dark* + *-en*; *darken* (темнеть)); из глагола в прилагательное (*eat* + *-able*; *eatable* (съедобный)); из существительного (*simple* + *-ify*; *simplify* (упрощать)); (не меняющие часть речи): прилагательное → прилагательное (*happy* + *un-*; *unhappy* (несчастливый)); глагол → глагол (*re-* + *write*; *rewrite* (переписать)); существительное → существительное (*ex-* + *husband*; *ex-husband* (бывший муж)).

Поскольку префиксы не меняют грамматическое значение слова, их целесообразнее классифицировать по значению. Исключения встречаются редко и, как правило, в основном связаны с явлением конверсии. При конверсии слово переходит из одной части речи в другую без изменения своей формы. Например, существительное в глагол: *book* (книга) → *I need to book a flight*. (Мне нужно забронировать рейс.); прилагательное в глагол: *empty* (пустой) → *Can you empty the bin?* (Можешь опустошить корзину?).

К наиболее продуктивным префиксам можно отнести:

1. *Eco-*, применяемый для обозначения всего, что относится к экологии и природе: *ecoholic* (человек, чрезмерно увлеченный экологически чистым образом жизни);
2. *Anti-*, формирующий слова со значением «противоположный», «против чего-либо»: *anti-age* (направленный против старения), *anti-hero* (антигерой);
3. *De-*, несущий смысл «отменять», «удалять»: *decaffeinate* (удалять кофеин), *deactivate* (деактивировать);
4. *Cyber-*, используемый для создания терминов, связанных с информационными технологиями и интернетом: *cyberbullying* (травля в интернете);

5. *Mis-*, предающий значение «неверный, ошибочный»: *misunderstand* (неправильно понять).

Большинство суффиксов, напротив, участвуют в образовании новой части речи. К наиболее продуктивным суффиксам можно отнести:

1. *-able*, участвующий в образовании слов со значением «способный к чему-либо, пригодный»: *enjoyable* (приятный), *washable* (моющийся);

2. *-aholic*, используемый для обозначения человека, заикленного на чем-либо: *workaholic* (трудоголик), *shopaholic* (шопоголик);

3. *-free*, комбинирующийся с существительными для описания отсутствия чего-либо нежелательного: *gluten-free* (без глютена), *duty-free* (беспошлинный);

4. *-conscious*, комбинирующийся с существительными и используемый для описания людей, уделяющих большое внимание определенным аспектам жизни: *environment-conscious* (заботящийся об окружающей среде), *brand-conscious* (помешанный на брендах);

5. *-minded*, комбинирующийся как с прилагательными, так и с существительными, как правило используемый различных черт характера людей: *open-minded* (с широкими взглядами), *career-minded* (ориентированный на карьеру);

6. *-speak*, обозначающий специфическую лексику или жаргонизмы: *techspeak* (технический жаргон).

Следующие аспекты, которые мы рассмотрим, помимо прямой взаимосвязи со словообразованием, включают способы сокращения слов и словосочетаний. Объяснить их можно тенденциями к рационализации английского языка.

К основным видам сокращений можно отнести:

1. Аббревиацию – создание сложносокращенных лексических единиц путем усечения частей слов или групп слов с использованием аббревиационных слогов, букв и звуков: буквенные аббревиатуры – *UN* (United Nations, ООН), *the UK* (the United Kingdom, Великобритания); звуковые – *NASA* (National Aeronautics and Space Administration, НАСА); слоговые – *sitcom* (ситком, от situation comedy); смешанные – *e-mail* (электронная почта).

2. Усечение – самый распространенный вид, при котором отбрасывается часть слова. Чаще всего это происходит с помощью усечения конца слова *-teen* (подросток, от *teenager*). Реже можно встретить усечение начала слова *-copter* (вертолет, от *helicopter*). Самой же нераспространенной группой являются случаи усечения середины слова *-mart* (рынок, от *market*).

3. Словослияние представляет собой объединение двух основ в одну с уменьшением числа фонем или морфем, при том, что новое слово сочетает лексические значения обоих компонентов: *brunch* (breakfast + lunch (поздний завтрак)).

4. Словосложение – соединение двух и более основ, в сложное слово, которое может писаться слитно, либо через дефис [2, 201]. Однако данный способ имеет некоторые сложности: проблематично различить сложное слово и словосочетание из-за схожих характеристик (*greenhouse* (теплица) и *green house* (зеленый дом)).

Подобные слова и выражения относятся к категории омоакронимов, т.е. имеющих омонимичное звучание. Например, *P.A.L.* (Programmable Array Logic, Программируемый массив логики) и *pal* (приятель).

Таким образом, словообразование представляет собой многогранный процесс в английском языке, играющий одну из наиболее значимых ролей в обогащении его лексического запаса. Разнообразие методов словообразования позволяет языку гибко адаптироваться к новым концепциям, технологиям и культурным явлениям. Высокая продуктивность и открытость к инновациям подтверждают аналитический характер английского языка. Изучение языкового феномена словообразования раскрывает внутренние механизмы развития языка, демонстрируя его непрерывную эволюцию, как живой, адаптивной системы.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Принципы семантического описания языка // Семантика и представление знаний. – Тарту, 1980. – С. 6-12.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учебник для факультета иностранных языков. – Москва: Высшая школа, 1986. – 295 с.

3. Елисеева В. В. Лексикология английского языка: учебное пособие. – СПб, 2003. – С. 75-82.
4. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – Москва: Высшая школа, 1990. – 124 с.
5. Матвеев А.С. Английский язык. Все словари в одной книге: Англо-русский словарь с произношением. Русско-английский словарь с произношением. Грамматика английского языка. Идиомы. Фразовые глаголы. – Москва: Издательство АТС, 2020. – 450 с.
6. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. – М., 1976. – 245 с.
7. Мешков О.Д. Словосложение в современном английском языке: Учеб. пос. – М.: Высш. школа, 1985. – 187 с.
8. Перева А.В. Система суффиксации в современном английском языке: Дис. канд. филол. наук. – М., 1976. – 296 с.
9. Харитончик З.А. Лексикология английского языка: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1992. – 229 с.
10. Царев П.В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 225 с.
11. Bauer L. English Word Formation. Cambridge: CUP, 1983. – 311 p.

© Галако Д.Р., 2026

D.R. Galako,
*2nd-Year Master's Student of the Institute of History and Public
Administration,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **S.V. Kobyzeva,**
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

ON THE PROBLEM OF WORD FORMATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

This article systematizes concepts of word formation in the English language. The study examines the main word-formation models, their

classification system, as well as the problems and characteristics of this linguistic phenomenon.

Keywords: methods of word formation, affixes, prefixes, suffixes, truncation, compounding, abbreviation, conversion.

УДК 811.512.145

Гареева Р.Р. ,

*Гуманитар һәм социаль фәннәр институтының
4 курс студенты,*

Уфа фән һәм технологияләр университетының, Уфа ш., Россия

Фәнни житәкче: Зарипова И.Ф.,

филология фәннәре кандидаты, доцент,

Уфа фән һәм технологияләр университетының, Уфа ш., Россия

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ “АТ” КОМПОНЕНТЛЫ ФРАЗЕОЛОГИК ТЕРМИННАР

Бу мәкаләдә татар телендәге анималистик фразеологик терминнарның үзенчәлекләре “ат” компоненты мисалында тасвирлана. Фразеологик терминнар милләтнең дөнья сурәтен һәм халыкның мәдәни кодын чагылдыру буларак карала. Мәкаләдә “ат” компоненты белән төрле фразеологик терминнар төркеме анализлана. Мондый фразеологик терминнарның югары коннотатив потенциалга ия булуы һәм татар халкының мәдәни һәм милли мирасын өйрәнүнең иң мөһим чыганагы булып хезмәт итүе ассызыклана.

Төрәк сүзләр: *татар теле, термин, фразеологизм, фразеологик термин, “ат” компоненты, милли дөнья сурәте, мәдәни код, коннотатив потенциал.*

Фәнни-техник прогресс нәтижәсендә хәзерге телләрдә барлыкка килгән яңа сүзләрнең күбесе махсуслаштырылган лексикага – терминологик берәмлекләргә карый. Төрле фәннәрдә – табигать фәннәре, төгәл фәннәр һәм гуманитар фәннәрдә терминнар санының артуы телдә еш кулланыла торган сүзләр санының күләмәннән артып китә; хәзерге вакытта аерым фәннәрдә (химия, биология) терминнар саны телдәге махсуслашмаган сүзләр

саныннан артып китэргэ мөмкин. Шул ук вакытта күп терминнар гомуми телгә үтөп керә, һәм терминологик мәсьәләләр телгә тулаем йогынты ясый. Шуңа күрә махсуслаштырылган лексиканы өйрәнү телнең лексик системасын үстерү өчен көннән-көн мөһимрәк мәсьәлә була бара [4, 38].

Фәндә “термин” төшенчәсе, нигездә, XX гасыр башында формалаша. Терминология өлкәсендәге тикшеренүләренең озын тарихы бар. Терминологик лексика өлкәсендәге заманча хезмәтләр, аны тасвирлауда автоматизация һәм инженерлык-лингвистик модельләштерү принципларын кулланып (Р.Г. Пиотровский, Л.Н. Беляева, А.С. Герд, Б.Ю. Городецкий, Ю.Н. Караулов, П.Н. Денисов һ.б.), рус һәм совет лексикографиясе һәм терминологиясе классиклары (А.А. Реформатский, В.В. Виноградов, Д.С. Лотте, Л.В. Щерба һ.б.), шулай ук терминнар проблемаларына игътибар иткән һәм терминологияне махсус өйрәнгән чит ил лингвистлары (Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист һ.б.) хезмәтләре нигезендә корылган [1, 69].

Терминның асылы мәсьәләсе һәрвакыт терминологиядә төп урынны алган. Ул Д.С. Лотте һәм Е.К. Дрезен хезмәтләрендә тикшерелгән. А.А. Реформатский болай дип билгеләп үткән: “Терминология – фән, техника, сәясәт, ягъни интеллектуаль яктан оештырылган социаль чынбарлык өлкәләренең үзлегә... Терминология, беренче чиратта, билгеле бер фәннең төшенчәләр системасы белән бәйлә” [9, 47].

Терминның статусын караганда, иң элек аның телнең төп берәмлеге булган сүз белән мөнәсәбәтнең игътибар итәргә кирәк.

Термин һәм сүз арасындагы мөнәсәбәт проблемасы 1950нче еллардан бирле терминологиядә иң мөһим мәсьәләләрнең берсе булып тора. Ул тикшеренүчеләрнең игътибарын жәлеп итә, чөнки терминның нәрсә икәнен билгеләмичә, терминология бурычларын тикшерү мөмкин түгел, һәм мондый билгеләмә термин һәм сүз арасындагы мөнәсәбәтне мәжбүри рәвештә билгеләүне күз уңында тоталар. Шул ук вакытта, сүзтезмә теориясе барлыкка килә, анда “сүзтезмәне сүзгә карата икенчел берәмлек буларак карау” зарурлыгы турында сүз бара [8, 16]. Сүзтезмә, шул исәптән терминологик сүзтезмә, номинация берәмлеклеге ягыннан да, синтаксис кысаларда да каралырга тиеш. В.В. Виноградов фикеренчә, “сүзтезмә, сүз кебек үк, вербаль аралашу процессында

кулланыла торган төзелеш материалын күрсәтә... Ул “жөмлө кисәкләреннән” тора, ләкин жөмләдә үзенң семантик мөкинлекләренң тулы төрлеләген аңлый” [8, 20].

Тел белемдә фразеологик терминнар дигән төшенчә дә бар. Фразеологик терминнар турында сөйләгән чакта, биредә шунысын билгеләп үтәргә кирәк: термин билгеләмәсе проблемасы белән беррәттән, ул хәзерге тел белемдә иң актуаль мәсьәләләрнң берсе булып тора [3, 66]. Фән, техника үсеше һәм аның төрле тармаклары барлыкка килү белән, бу өлкәләрнң терминологиясе һәм терминология системалары да тиз үзгәрә һәм оешканлыкны, жентекле анализны һәм өйрәнүне таләп итә [2, 92].

XXI гасыр лингвистикасы телне милләтнң мәдәни коды буларак караган өлкәне актив рәвештә үстерә. Антропоцентрик парадигманы аңлауда анималистик компонентлы фразеологик берәмлекләр зур роль уйный, чөнки кешеләр чынбарлыкны тирә-юньдәге хайваннар белән чагыштыру аша аңлаган. Телнң фразеологик берәмлекләре милли дөнья карашының үзенчәлекләрен чагылдыручы “көзгә” булып хезмәт итә [6, 131].

Татар телендәге фразеологик берәмлекләр арасында хайваннар образына корылганнары аеруча күп һәм алар телнң милли үзенчәлеген ачык чагылдыра. Рус теленң йогынтысында да шундый охшаш әйтемләр барлыкка килгән, ләкин татар халкының көнкүрешенә, күзаллавына хас үзенчәлекләр сакланган. Шулар рәвешле, телләрнң милли колориты фразеологик терминнарда да ачык чагыла.

Йорт хайваннары кешене дуслык, ярдәм, ризык һәм киём-салым белән тәмин итә; кыргый хайваннар, беренче чиратта, ризык бирә, ансыз кешеләр яши алмый. Хайваннар шулай ук күп кенә кешелек сыйфатларының – физик һәм әхлакий сыйфатларның үлчәме булып торалар. Шуңа күрә, хайваннар (йорт хайваннары да, кыргый хайваннар да, кошлар һәм бөҗәкләр дә) һәрвакыт кеше игътибары үзәгендә булганнар. Бу – фразеологик терминнарда да чагылыш тапкан. Кешеләр хайваннарның үз-үзләрен тотышын, гадәтләрен күзәткәннәр һәм бу сыйфатларны кешеләргә күчәргәннәр, хайваннарның үз-үзләрен тотышы белән чагыштырганнар.

Татар фразеологик берәмлекләрендә хайван атамаларының кулланылу ешлыгы төрлечә. Фразеологик берәмлекләренң иң еш

очрый торган компонентлары – йорт хайваннары атамалары (ат, сыер, сарык, бэрэн, тавык, этэч һ.б.), бу аларның кешеләр белән тыгыз бәйләнеше белән аңлатыла. Йорт хайваннарының үз-үзләрен тотышы гадәтләре фразеологик берәмлек мәгънәсенең нигезен тәшкил итә.

Фразеологик терминнарда хайван атамалары күчерелмә мәгънәдә генә түгел, ә туры мәгънәсендә дә очрый. Бу терминнарның кайберләре борынгы ышанулар, ырымнар яки риваятьләр белән бәйле. Халыкның хайваннар дөньясын күзәтүе һәм аларга үз мөнәсәбәте фразеологик берәмлекләренең эчтәлегенә тәэсир иткән.

Телләрдә анималистик система, уртақ сөм-зооним булуына карамастан, эчке яктан төрле булырга мөмкин. Мондый фразеологик терминнар билгеле бер тел күзлегеннән генә түгел, ә фәлсәфи, тарихи һәм мәдәни тикшеренүләр күзлегеннән дә зур кызыксыну уята, чөнки билгеле бер хайванның образлы сурәтләнешеннән килеп чыгып, алар бәйләү-образлы стандартлар системасы аша телнең милли үзенчәлеген ачык чагылдыралар. Бу унайдан Г.Д. Гачев болай дип билгели: “Дөньяның милли үзенчәлекле образлары (символлары) идиоэтник дөньяга карашның үзенчәлекләрен чагылдыра; алар халык психологиясе, аның яшәү рәвеше, табигый яшәү шартлары һәм гасырлар буена дәвам иткән милли традицияләр белән бәйле” [5, 223].

Безнең очракта, тикшеренү объекты булып татар фразеологизмнарында “ат” лексема-зоонимын (ат) үз эченә алган анималистик компонентлы фразеологик терминнар тора.

Ат – элек-электән татар халкының гомерлек юлдашы, иптәше, туйдыручысы булган. Татар халкының борынгыдан килгән “Ат – егетнең юлдашы, татарның канаты” дигән әйтеме аның яшәеш рәвешен төгәл чагылдыра. Әлеге йорт хайваны сугыш елларында да, тыныч вакытта да һәрчак кешегә тугры хезмәт иткән. Татар халык ижатында ат гомуми төшенчә, атама, символ рәвешендә кулланыла. Ат – тугрылык һәм ныклык символы. Халык телендә ат белән бәйле йөзләгән мәкаль һәм әйтемнәр сакланган: “Ат аягы тиз булып, яхшы атның теше булып”, “Яхшы ат – ятмас, яхшы егет – ач калмас”. “Ат” компоненты татар теле фразеологизмнарында да чагылыш тапкан. Мондый төр фразеологизмнарны зооморфизмнар дип атайлар, алар мәдәниятнең зооморфик кодының берәмлекләре,

алар хайваннар атамаларының кешеләрне характерлау өчен күчерелмә һәм метафорик рәвештә кулланылуы буларак аңлашыла.

“Ат” компонентлы татар зооморфизмдарын татар телле мәдәниятнең зооморфик кодының терминнары буларак анализлау безгә аларның системалы үзенчәлекләрен ачыкларга мөмкинлек бирде. Алар төрле мәгънә мөнәсәбәтләрен белдерү өчен кулланыла. Мәсәлән:

1. Аерым бер күренешләрне, урынны сурәтләү өчен:

Ат базары и. 1) Атлар белән сату-алу итү урыны, махсус базар. *Ат базарыннан берәр Сембер тәе алырга ниятлән торам.* Г. Гыйззәт; 2) күч. Шау-шулы, тавышлы урын. *Тукта, дим, ат базары ясама син безнең утырышы.* К. Тинчурин [10, 80].

Ат заводы и. Нәсел атларын үрчәтү белән шөгыльләнә торган хужалык. *Гөлчәчәк бәхетенә, урман буенда иң яхшы юртаклардангына торган ат заводы да ачылган иде.* З. Хөсния [10, 80].

Ат башы и. 1) Тарантаста кучер урыны. *Ә мин, кучер булып, ат башына [утырдым].* Р. Ишморат [10, 80].

Ат кәмитә и. иск. Цирк. *Хәсәнша, – ат кәмитенә барам, диен чыгып киткән иде.* Ш. Мөхәммәдев [10, 80].

2. Атлар белән эш итүче кешеләрне белдерү өчен:

Ат докторы и. Атларны дэвалау буенча белгеч, ветеринар, байтар. *Ат докторы кендекне берничә кат ябыштыргыч тасма белән беркетеп куйды.* З. Хөсния [10, 80].

Ат карагы и. 1) Кәсебе ат урлап сату булган кеше. *Киткәндә, ул ат карагы белән исәпне бетереп китәргә кирәк.* К. Тинчурин [10, 80]; 2) Бик оста ялганчы, хәйләкәр кеше [6, 80].

Ат барышныгы и. иск. Атлар белән сату итүче, ат алу-сату белән шөгыльләнүче кеше, маклер. *Янә бер ат барышныгы – Мөхәммәтша исемле мишәр кушылып, шәкертләрне урысча сүкте.* Ш. Мөхәммәдев [10, 80].

Ат башы и. 2) Атны йөртүче кеше. – *Була ул, – диде Чуртан, – ат башында йөрергә малае да үсеп килә бугай.* Ш. Камал [10, 80].

3. Күләмне белдерү өчен:

Ат көче и. 1) Атның тарту көченә тигез булган үлчәү берәмлеге, егәрлек. *Гадәттә, төрле машиналарның эшләү егәрлеген ат көче белән үлчиләр.* Физика [10, 80]; 2) Авыл хужалыгында: “атлар” мәгънәсендә. *Оланнар, орлык ташырга ат*

көче житешми, чәчү сузыла; чәчү сузылган саен, туфракта дым кими. Г. Бәширов [10, 80].

Ат тартымы и. Бер ат йөгә, бер ат тартырлык йөк. Ул элекке көннән ук ат тартымы ике йөк китереп аударды. Г. Ибраһимов [10, 80].

4. Тормыш-көнкүрештә кулланылучы әйберләргә атау өчен:

Ат кормасы и. Ат өстенә каплый торган махсус япма. Гайнулла ямищкның ат кормасы Чамбар болынында талларда. Бәт [10, 80].

Ат тегермәне и. Ат көче ярдәмендә эшли торган тегермән [10, 80].

Ат язучы и. Ат таныкчысы; аның яше, төсе, кыяфәте, кайдан алынганлыгы һәм токымы күрсәтелгән карточка, паспорт [10, 80].

5. Үсемлек атамаларын белдерү өчен:

Ат кузгалагы и. Карабодайчалар семьялыгынан, зур озынча яфраклы һәм себеркәч чәчәклә, орлыгы карабодайныкына охшаган үлән үсемлек. *Сестра, урыныннан кузгалмый гына, сузылып, башка үләннәрдән зур булып, аерылып үсеп торган ат кузгалагын сындырып алды һәм шуның белән чебеннәргә куарга тотынды.* А. Шамов [10, 80].

Шулай итеп, XXI гасыр лингвистикасы телне милли мәдәни код буларак өйрәнүгә зур игътибар бирә. Бу процесста анималистик компонентлы фразеологик терминнар да әһәмиятле роль уйный. Татар телендәге “ат” компонентлы фразеологик терминнар – халыкның гасырлар буе тупланган тормыш тәҗрибәсе, күзәтүчәнлегә, хайваннар дөньясына мөнәсәбәтә һәм милли дөнья карашының үзенчәлекле чагылышы. Бу терминнар татар халкының атка мәхәббәтен, аның белән бәйлә көнүзәш, хуҗалык, тәрбия, эхлак һәм социаль мөнәсәбәтләрнең байлыгын күрсәтә. Шуңа ук вакытта, рус теленә татар теленә уңай йогынтысы нәтижәсендә охшаш терминнар барлыкка килсә дә, алар милли колоритны, үзенчәлекле образлылыкны һәм фәлсәфи-эстетик карашларны саклый. Фразеологик терминнар, гомуми терминнар системасының бер өлеше буларак, телнең лексик системасын баектуда, милли мәдәниятне саклауда һәм буыннан-буынга тапшыруда мөһим чара булып хезмәт итә. Шуңа күрә

аларны тирәнтен өйрәнү – хәзерге тел белеменә актуаль юнәлешләренә берсе булып кала.

Әдәбият

1. Гареева Р.Р., Зарипова И.Ф. Лингвистические термины в татарском языке, выраженные фразеологическими единицами // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы XIII Международной научной конференции. – Уфа, 2025. – С. 69-75.
2. Гареева Р.Р., Зарипова И.Ф. Татар телендә лингвистика өлкәсенә караган фразеологик терминнар // Актуальные проблемы современной татарской филологии. Сборник статей XII Международной очно-заочной научно-практической конференции, посвященной юбилеям ветеранов кафедры: 100-летию со дня рождения Народного писателя Республики Башкортостан, доктора филологических наук, профессора С.Ш. Поварисова, 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Р.Г. Сибагатов, 85-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Р.М. Мухаметзянова. – Уфа, 2024. – С. 91-96.
3. Гареева Р.Р., Зарипова И.Ф. Фразеологизированные термины в татарском языке (на материале семантического поля «Живая природа») // Современный образовательный дискурс: лингвистика, лингводидактика и лингвокультурология: Сборник научно-методических статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2025. – С. 66-70.
4. Гареева Р.Р., Зарипова И.Ф. Фразеологические термины на татарском языке // Актуальные проблемы современной татарской филологии. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения известного языковеда, тюрколога, переводчика, доктора филологических наук, профессора Р.Г. Ахметьянова (1933-2018) и 65-летию кафедры татарской филологии и культуры. – Уфа, 2023. – С. 38-41.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы о языке. – М.: Советский писатель, 1988. – 448 с.
6. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2008. – 288 с.

7. Ермакова Е.Н. Фразеологизмы сибирских татар с компонентом-соматизмом «голова» как социально значимые маркеры региона / Е.Н. Ермакова, Г.Ч. Файзуллина // Филология и культура. – 2016. – № 1 (43). – С. 53–58.
8. Манерко Л.А. Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения, Лексикология, Терминоведение, Стилистика – М., 2003.
9. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М., 1967.
10. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда, I том (А-Й). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977. – 476 б.
11. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. – М., 1977. – 315 с.

© Гареева Р.Р., 2026

R.R. Gareeva,

*4th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Scientific Advisor: I.F. Zaripova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

PHRASEOLOGICAL TERMS WITH THE COMPONENT “HORSE” IN THE TATAR LANGUAGE

This article describes the features of animalistic phraseological terms in the Tatar language using the example of the component “horse”. Phraseological terms are considered as a reflection of the nation's worldview and the cultural code of the people. The article analyzes a group of various phraseological terms with the component “horse”. It is emphasized that such phraseological terms have a high connotative potential and serve as a crucial source for studying the cultural and national heritage of the Tatar people.

Keywords: *the Tatar language, term, phraseologism, phraseologized terms, “horse” component, national world image, cultural code, connotative potential.*

Гнездилова Ю.А.,

магистрант 2 з/о ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Мингазетдинова Р.Ф.,

старший преподаватель,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ И АРГУМЕНТАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные стратегии убеждения и формы аргументации, используемые в профессиональной коммуникации. Анализируются типы аргументов, их роль и особенности, а также особенности профессиональной аргументации по сравнению с повседневным диалогом. Акцент сделан на практическом применении указанных стратегий для повышения эффективности коммуникации в профессиональной сфере.

Ключевые слова: убеждение, аргументация, профессиональная коммуникация, стратегия, аргумент, эффективность.

Профессиональная коммуникация – это форма взаимодействия между специалистами, направленная на достижение конкретных целей, обмен информацией и совместную деятельность. Эффективность такого общения во многом зависит от умения убедительно доносить свои мысли и аргументировать свою позицию [3, 112]. Стратегии убеждения и виды аргументов – это важнейшие инструменты профессиональных коммуникаторов, позволяющие убедить собеседника, изменить его точку зрения или добиться согласия. Исследование механизмов убеждения и аргументации становится актуальным в связи с развитием информационных технологий, межличностного взаимодействия и требованиями профессиональной этики и эффективности коммуникации [4, 15]. Итак, цель статьи – описать стратегии аргументации в профессиональном дискурсе.

Профессиональная коммуникация обладает своими особенностями, которые отличают её от обычного общения. Она, прежде всего, направлена на достижение конкретных целей, таких как информирование, убеждение, поощрение или разрешение конфликтов. Особое значение имеет прагматический подход – она ориентирована на практический результат и эффективность [10, 89]. Профессиональная коммуникация отличается структурированностью: сообщения организуются чётко и логично, с использованием специальных терминов и профессиональных стандартов, что обеспечивает понимание между специалистами. Не менее важным аспектом является соблюдение этических норм, что способствует доверию и уважению в профессиональных отношениях [6, 134]. В целом, такая коммуникация предназначена для достижения конкретных задач в рамках профессиональной деятельности, что делает её системной и целенаправленной.

В профессиональной среде для убеждения используют несколько основных стратегий, выделяемых современной теорией коммуникации. Рациональная стратегия основана на логике, доказательствах, фактах, статистике и практических примерах, что помогает формировать доверие и обосновывать свою позицию [9, 145]. Например, представитель компании показывает результаты исследования, подтверждающие эффективность продукта.

Ситуация: менеджер по продажам презентует CRM-систему клиенту.

Пример: «По данным нашего исследования, компании, внедрившие эту CRM, в среднем увеличивают конверсию лидов на 27 % в первые 3 месяца. Вот отчёт по 50 клиентам за последний год (показывает графики). Кроме того, система сокращает время на рутинные операции на 40 %, что экономит около 10 часов работы менеджера в неделю». Данная модель работает, так как создается опора на цифры, статистику и конкретные кейсы, что создаёт доверие. Эмоциональная стратегия апеллирует к чувствам, ценностям и мотивам собеседника, пытаясь вызвать эмпатию, доверие или мотивацию [5, 67]. Например, в обращении к руководству подчеркивают важность проекта для благополучия коллектива.

Ситуация: руководитель мотивирует команду на сложный проект.

Пример: «Я помню, как два года назад мы с вами закрыли кризис с поставками за неделю – тогда казалось, что это невозможно. Вы показали, на что способна наша команда. Сейчас перед нами новый вызов, но я уверен: если объединимся, сделаем даже больше, чем ожидаем. Это шанс доказать, что мы – лучшие в отрасли». Данная модель работает, так как нацеленность на общие победы и чувство гордости усиливает вовлеченность. Стратегия авторитета опирается на признанный экспертный авторитет или мнение ведущих специалистов, зачастую ссылаясь на стандарты или рекомендации экспертов [6, 178]. Например, ссылаются на стандарты ISO или мнения признанных профессионалов.

Стратегия поиска компромисса предполагает готовность к уступкам ради достижения согласия, что особенно полезно в конфликтных ситуациях и при переговорах [1, 156]. Например, предлагают два варианта решения проблемы, учитывающих интересы обеих сторон. Ситуация: переговоры с поставщиком о цене. Пример: «Мы не можем принять вашу цену в 500 000 руб., но готовы заказать партию на 20 % больше, если вы снизите стоимость до 450 000 руб. Так вы получите стабильный заказ, а мы – экономию. Если это неприемлемо, давайте обсудим отсрочку платежа на 30 дней». Данная модель работает, так как предложение альтернативных вариантов показывает готовность к диалогу.

Аргументация представляет собой совокупность доказательств, подтверждающих выбранную позицию или точку зрения. В профессиональной коммуникации широко используются различные виды аргументов [9, 58], каждый из которых служит для эффективного убеждения и укрепления доверия в деловом диалоге.

Первый вид – фактические аргументы – основаны на реальных данных, статистике, научных исследованиях и официальных документах [1, 123]. Например, можно указать процент повышения производительности сотрудников после внедрения новой технологии, что подтверждает её эффективность. Ситуация: аналитик доказывает необходимость найма дополнительных разработчиков. Пример: «За последний квартал количество багов в продукте выросло на 60 %, а среднее время исправления увеличилось с 2 до 5 дней. По данным Яндекс.Трекер, 80 % задач стоят в очереди более 7 дней. Наём двух разработчиков сократит

задержки на 40 %, как это было в проекте X».

Данная модель работает, так как конкретные метрики и ссылки на инструменты устраняют субъективность.

Второй вид – логические аргументы – строятся на логических выводах и дедукции [3, 78]. Они позволяют структурировать информацию таким образом, чтобы убедительно показать причинно–следственные связи. Например: «Если повысим качество обслуживания, то увеличится удовлетворённость клиентов, а значит, возрастёт прибыль компании».

Третий тип – эмоциональные аргументы – вызывают у собеседника эмоциональный отклик, что помогает дополнительно укрепить или усилить фактическую аргументацию [5, 89]. Примером служит рассказ о положительном опыте клиента, который способствует укреплению доверия к продукту или услуге. Данный вид аргументов особенно эффективен в ситуациях, требующих установления психологического контакта с аудиторией. Ситуация: HR-менеджер уговаривает сотрудника не уходить из компании.

Пример: «Я понимаю, что предложение конкурента заманчиво, но вспомните, как мы вместе запускали проект Y. Вы были ключевой фигурой, и команда до сих пор говорит о вашем вкладе. Здесь у вас есть возможность расти: через полгода откроется позиция руководителя отдела, и я вижу вас на этом месте».

Данная модель работает, так как акцент на личных достижениях и будущем потенциале затрагивает амбиции.

Четвёртый вид – авторитетные аргументы – используют мнения, рекомендации или стандарты признанных организаций и специалистов [6, 112]. В этом случае в качестве доказательства приводятся ссылки на нормативные документы, экспертизы или рекомендации экспертов. Такой подход повышает надёжность представляемой позиции и способствует формированию доверия [9, 95].

Особенности профессиональной аргументации заключаются в необходимости точности и объективности, использовании специализированной терминологии, обязательном подтверждении предъявляемых данных и стремлении к убедительности без перехода границ этики. Главная роль аргументации – убедить собеседника в правильности и обоснованности своей позиции, а

также укрепить доверие к говорящему. Для развития навыков убеждения и аргументации рекомендуется заранее подготовить необходимые факты и аргументы, учитывать особенности аудитории и подбирать наиболее подходящие стратегии [7, 145]. Также эффективна может быть комбинированная тактика, сочетающая логические и эмоциональные приёмы [3, 203]. Важным аспектом является контроль над языком тела, мимикой и интонацией, а также уважительное отношение к мнению оппонента [6, 189]. Необходимо также быть готовым к возможным возражениям, чтобы грамотно реагировать на них и укреплять свою позицию [8, 67].

Стратегии убеждения и аргументации представляют собой мощнейшие инструменты в арсенале профессиональной коммуникации, обладающие способностью значительно усиливать межличностное влияние и повышать эффективность взаимодействий [10, 234]. Их умелое использование не только способствует установлению глубокого доверия, формированию положительного имиджа и созданию атмосферы взаимного уважения [4, 56], но и играет решающую роль в успешном донесении даже самых сложных идей и концепций.

Таким образом, грамотная аргументация становится залогом достижения профессиональных целей, укрепления репутации и формирования долгосрочных, продуктивных партнерских отношений, что особенно важно в условиях современной динамичной деловой среды.

Литература

1. Анопченко Т.Ю., Григан А.М., Моисеенко А.А. [и др.] Деловые коммуникации: учебное пособие / под ред. Т. Ю. Анопченко. – Москва: КноРус, 2023. – 244 с. URL: <https://book.ru/book/947369> (дата обращения: 09.11.2025).
2. Антонова Н.В. Психология массовых коммуникаций: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2025. – 373 с.
3. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 573 с.
4. Грязнов С.А. Влияние информационных технологий на межличностное взаимодействие // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №4-1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnyh-tehnologiy-na-mezhlichnostnoe-vzaimodeystvie> (дата обращения: 03.04.2026). С.196-198.

5. Душкина М.Р. Психология рекламы и связей с общественностью в маркетинге: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 259 с.
6. Этика и психология профессиональной деятельности: учебник для среднего профессионального образования. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 570 с.
7. Лисс Э.М., Ковальчук А.С. Деловые коммуникации: учебник для бакалавров – М.: Дашков и Ко, 2018. – 343 с.
8. Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Коммуникативные барьеры в сфере управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – № 2. – С.175-180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-bariery-v-sfere-upravleniya> (дата обращения: 03.04.2026).
9. Спивак В.А. Деловые коммуникации. Теория и практика. – М.: Юрайт, 2026. – 372 с.
10. Шапиро С.А. Организационные коммуникации в целях эффективной работы компании. – М.: ГроссМедиа, 2017. – 336с.

© Гнездилова Ю.А., 2026

Y.A. Gnezdilova,

2nd-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Scientific Advisor: R.F. Mingazetdinova,

Senior Lecturer, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

STRATEGIES OF PERSUASION AND ARGUMENTATION IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

The article examines the main strategies of persuasion and forms of argumentation used in professional communication. It analyzes different types of arguments, their roles, and characteristics, as well as the distinctive features of professional argumentation compared to everyday dialogue. The focus is on the practical application of the

identified strategies to enhance the effectiveness of communication in the professional sphere.

Keywords: *persuasion, argumentation, professional communication, strategy, argument, effectiveness.*

УДК 378

Губик С.В.,

*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г.Уфа, Россия*

Шакирова Э.Р.,

*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г.Уфа, Россия*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К СМЕШАННОМУ ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

В статье анализируются основные проблемы перехода к смешанному обучению иностранным языкам в российских вузах, включая недостаточную методическую готовность преподавателей, неоднозначное отношение студентов к цифровым платформам и риски нарушения академической честности. Рассматриваются преимущества blended learning для развития автономии, цифровых и коммуникативных компетенций студентов, а также предлагаются пути преодоления выявленных трудностей через системную переподготовку кадров и развитие института наставничества.

Ключевые слова: *смешанное обучение (blended learning), методическая неподготовленность преподавателей, академическая честность, цифровые образовательные платформы, педагогический дизайн.*

Современное российское высшее образование находится в состоянии непрерывной трансформации, которая вызвана цифровизацией всех сфер жизни и изменениями в образовательном процессе, произошедшими после пандемии 2019 года. В этих условиях смешанное обучение (blended learning) становится одним из основных направлений развития высшей школы. Под

смешанным обучением понимается образовательная технология, объединяющую традиционные аудиторские формы обучения с инновационными, основанными на применении электронных образовательных платформ и онлайн-ресурсов [2, 1]. Особую популярность смешанное обучение приобрело в преподавании иностранных языков, поскольку именно в этой сфере можно наиболее оптимально сочетать живое коммуникативное взаимодействие и аутентичные аудио и видео материалы в цифровом формате.

Смешанное обучение имеет массу неоспоримых преимуществ. Во-первых, это повышение самостоятельности и автономии студентов в выстраивании своей образовательной траектории и формирование ответственности за собственный прогресс [1, 80]. Во-вторых, это возможность интеграции в учебный процесс актуальных, самых свежих материалов на языке оригинала наряду с традиционными, проверенными учебниками и справочниками. Кроме того, активное привлечение цифровых ресурсов ведет к формированию навыков обработки информации, развитию навыков критического осмысления информационного поля, что в наши дни признается одной из важнейших универсальных компетенций выпускника вуза.

Наряду с положительными аспектами смешанного обучения следует отметить проблемные моменты. В данной статье мы хотели бы остановиться на них более подробно и предложить возможные пути их преодоления. Одним из главных препятствий к эффективному системному внедрению смешанного обучения языкам в вузе является недостаточная готовность преподавателей к реализации смешанных моделей. Эта неготовность не является следствием сопротивления преподавателей новой реальности, напротив, большинство преподавателей вузов быстро реагируют на новые вызовы и делают все, чтобы отвечать требованиям взыскательной студенческой аудитории. Однако этого недостаточно. Необходима системная методическая переподготовка вузовских преподавателей. Как никогда значима роль педагогического дизайна и административной поддержки со стороны вузов. Простое наличие платформы, инструкции к ней, онлайн-курса с перечислением цифровых инструментов не решает проблемы.

На наш взгляд, одной из важнейших задач, стоящих перед российскими вузами, является создание новой системы подготовки кадров с четкими критериями отбора цифровых ресурсов и правилами их использования. Требуется разработка системы наставничества и технической поддержки преподавателей. Пока этого не произойдет, преподаватели будут тратить свое время на отбор цифровых инструментов, самостоятельное изучение их функционала, особенностей работы и только потом – на создание качественного контента. Разработка интерактивных упражнений с автоматизированной обратной связью требует очень высоких временных затрат и сил, которые зачастую не учитываются и не компенсируются принятыми нормами преподавательской нагрузки. Для обучения иностранным языкам это тем более важно, так как иноязычный материал по той или иной теме должен быть предъявлен студенту и обработан им многократно для того, чтобы он качество усвоил нормы иного речевого поведения. А значит, количество созданных интерактивных заданий должно быть внушительным.

Еще одна проблема связана с отношением студентов к онлайн коммуникации с преподавателем и одногруппниками. Будучи «цифровыми аборигенами», современные студенты проводят большую часть времени онлайн, технически грамотны, умело используют цифровые ресурсы для решения самых разных задач. Это давно стало частью ежедневной рутины. Казалось бы, возможность решения учебных задач онлайн должна стать мощным мотивирующим инструментом в образовательном процессе. Поначалу так и было. Но в последнее время нами наблюдается обратная тенденция. Студенты стали неохотно пользоваться онлайн платформами, стали больше тяготеть к традиционным формам выполнения домашних заданий. Исследования зарубежных ученых также отмечают этот феномен [3, 108]. Думается, что это связано, с одной стороны, с некоторой «цифровой интоксикацией» молодых людей. Цифровизация всего и вся вызывает вполне понятное отторжение. Она неизбежно ведет к формализации языковой практики и сокращению живого общения в то время, как изучение иностранного языка предполагает эмоциональное вовлечение, учет невербальных сигналов других участников, спонтанность речевых реакций –

всего того, что реализует коммуникативную сущность языка. Потребность в живом взаимодействии с собеседников является проявлением глубинных социальных потребностей, которые сложно воспроизвести в цифровой среде. С другой стороны, прозрачность использования цифровых инструментов студентами, например, возможность отслеживания затраченного студентами времени или количества подходов к выполнению задания, также может демотивировать студентов. Они могут чувствовать себя несвободными. Кроме того, студенты часто просто забывают про задания, не имеющие материального воплощения в виде упражнений или текста в учебнике.

Также нельзя забывать про проблему аутентификации пользователя. Недобросовестные студенты могут давать доступ к своим учебным аккаунтам третьим лицам, которые выполняют задания за них. Как известно, в последние десятилетия сформировался целый рынок услуг по выполнению учебных работ. В целом, мы придерживаемся точки зрения, что академическая честность – это зона ответственности студентов. Однако, очевидно, что это серьезная проблема, решение которой лежит, на наш взгляд, во внедрении и поддержании ценности честного отношения к образовательному процессу, развития института академической репутации как студентов, так и преподавателей. А это очень долгая дорога. Поэтому на данном этапе имеет смысл разделить зоны использования традиционных и цифровых методов. Например, для отработки грамматических навыков или навыков аудирования разумно использовать онлайн-тренажеры. Для развития навыков разговорной и письменной речи или защиты своих проектов на иностранном языке приоритет должен оставаться за аудиторной работой в языковых группах.

В заключение, следует сказать, что смешанное обучение стало реальностью, с которой вынуждены считаться преподаватели иностранного языка в вузе. При многих очевидных плюсах данного подхода таких, как автономность студентов, свободный доступ к аутентичным материалам и развитие цифровых компетенций, эффективная реализация смешанного обучения требует решения ряда задач. К наиболее важным относятся методическая неподготовленность преподавателей, противоречивое отношение студентов к столь глубокой

интеграции онлайн-инструментов в учебный процесс и проблемы, связанные с академической честностью студентов. Следовательно, эффективность внедрения смешанного обучения зависит не столько от технологического оснащения, сколько от пересмотра методических, организационных и мотивационных аспектов образовательного процесса в вузе.

Литература

1. Губик С.В., Шакирова Э.Р. Развитие цифровых навыков в обучении английскому языку// Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 4(133). – С. 75-83. – DOI 10.20323/1813-145X_2023_4_133_75. – EDN XGHHYM.
2. Зудина А. И. Формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции через использование технологии смешанного обучения (blended learning)// Russian Journal of Education and Psychology, 13(3), 7-21. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-3-7-21>
3. Thi My Linh Tran. Blended Learning in EFL Classrooms at a Vietnamese University from Students' Perspectives // International Journal of TESOL & Education. – 2024. – V. 4(2). – P. 99-117. - DOI:10.54855/ijte.24426

© Губик С.В., Шакирова Э.Р., 2026

S.V. Gubik,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

E.R. Shakirova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

CHALLENGES OF TRANSITIONING TO BLENDED LEARNING IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT UNIVERSITIES

The article examines the key challenges of implementing blended learning in foreign language teaching at Russian universities, such as the lack of methodological preparedness among teachers, students'

ambivalent attitude to online platforms, and risks of academic dishonesty. The advantages of blended learning for enhancing students' autonomy, digital and communicative competencies are highlighted, and possible solutions are proposed, including systematic teacher retraining and the development of mentorship and support systems.

Keywords: *blended learning, teachers' methodological unpreparedness, academic integrity, digital educational platforms, pedagogical design.*

УДК 81'25:316.774

Гумерова А.Р.,

магистрант 1 з/о ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Псянчина М.Т.,

ассистент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОНТЕНТА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АУДИТОРИИ

Статья исследует стратегии перевода культурно-специфических концептов молодёжной политики на англоязычных версиях сайтов российских организаций (events.myrosmol.ru, будвдвдвижении.рф, intermol.su). Методология включает контрастивный анализ параллельных текстов разделов «О нас», «Миссия», «Программы» и классификацию переводческих приёмов: транслитерация, калькирование, описательный перевод, функциональный эквивалент, культурный трансфер и опущение. Даны практические рекомендации по комбинированию транслитерации, пояснений для максимальной понятности и сохранения коммуникативной функции исходника.

Ключевые слова: *перевод культурно-специфических концептов, молодёжная политика, транслитерация, калькирование, описательный перевод, функциональный эквивалент, международная аудитория.*

В современном мире важно качественно адаптировать тексты на разные языки, чтобы сохранить их коммуникативную функцию и сделать понятным для иностранных читателей. Нередко прямое заимствование или дословный перевод приводят к неестественному звучанию, потере смысла или даже возникновению ложных ассоциаций. Чтобы избежать подобных проблем, переводчики используют различные стратегии адаптации, изменяя форму или содержание в зависимости от культурных особенностей аудитории.

В статье описано шесть основных способов адаптации языка и культуры при переводе с русского на английский. Использование этих методов позволяет создавать естественные и точные тексты для англоязычной аудитории, сохраняя при этом основные смыслы оригинала.

Множество ученых из разных областей совместно работали над решением сложной задачи, создав теоретическую основу для выбора стратегий перевода и выработки практических рекомендаций по языковой и культурной адаптации.

Важную теоретическую основу для выбора стратегии перевода заложил В.Н. Комиссаров – известный советский российский ученый, один из ведущих специалистов в области теории перевода. Он разработал теорию перевода, где подчеркнул важность стратегии в зависимости от коммуникативной задачи и целевой аудитории [6].

Транслитерация, как указывает В.Н. Комиссаров, – это «способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв переводящего языка» [6, 250]. Этот метод позволяет сохранить исходный вид слова, часто используется для имен собственных, брендов и терминов без аналога на английском языке. Транслитерацию стоит использовать, если важна точная передача имени собственного, в остальных случаях лучше использовать альтернативные варианты.

Например, рассмотрим перевод всероссийской военно-патриотической игры «Зарница 2.0» [2]. В английских версиях сайтов это слово записывается латинскими буквами *Zarnitsa*. Основное ограничение метода связано с падением коммуникативной эффективности для носителей языка перевода в

отсутствие контекста, поскольку слово *Zarnitsa* не несет никакого смыслового значения.

Этот метод подходит для проектов, известных в русскоязычном пространстве, чтобы сохранить их идентичность и удобство для иностранных партнеров. Также транслитерация облегчает поиск в интернете и может быть использована в ключевых запросах. Пользователи могут искать *Zarnitsa* на международных платформах, и поисковики корректно их направят.

Переходим ко второму способу языковой адаптации – описательному переводу. Вместо транслитерации, сохраняющей форму слова, мы используем развернутое объяснение понятия на английском языке [6, 185].

Рассмотрим данный метод на основе того же примера. Название «Зарница» можно перевести как “All-Russian military-patriotic game” [8].

Также можно привести в пример словосочетание «Молодежный парламент», который в развернутом объяснении сути будет переведен как “A youth advisory body that represents the interests of young people at the regional level”.

Здесь иностранному читателю сразу становится ясно, о чем идет речь. Текст описывает молодежную военно-спортивную игру, которая стала частью российской культуры. Перевод названия помогает иностранным читателям понять суть мероприятия и его цели. Даже если название изначально не имеет прямых аналогов в английской культуре, описательный перевод помогает иностранцам получить готовую рамку для восприятия. Описательные формулировки содержат ключевые слова (youth, military, sports, game), которые повышают шансы на попадание в релевантные поисковые запросы. Это особенно важно для сайтов, ориентированных на международную аудиторию. Данный метод превращает незнакомое в понятное, делая культурный обмен более эффективным. Он не заменяет транслитерацию полностью, а часто используется вместе (*Zarnitsa, a traditional Russian youth military-sports game*). Именно описание дает понять смысл для новой аудитории.

Переходим к третьему методу языковой адаптации – калькированию. В отличие от описательного перевода, здесь мы не даем развернутого пояснения, а стараемся максимально точно

передать структуру и составные части исходного выражения [6, 173].

Одной из важных научных работ о данном методе как результате лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации является диссертация О.В. Матвеевой, в которой она подробно раскрывает сущность калькирования как сложного когнитивно-лингвистического процесса. Как утверждает Ольга Владимировна, калькирование – «это творческий процесс, перевод имеет место на стадии «узнавания» и распознавания отношения между компонентами слова-прототипа или словосочетания, перевод здесь может быть понят как распознавание носителем языка интегрирующей культуры семантического и словообразовательного значения компонентов прототипа, но не буквальное структурно-семантическое «копирование». Это интеграция нового понятия, сопровождающееся созданием нового слова» [7, 38].

При калькировании мы переводим не слово целиком, а его части. Пример можно встретить на ресурсе intermol.su, где русское выражение «патриотическое воспитание» превращается в *patriotic upbringing* [5]. Каждое слово переводится отдельно. Это помогает сохранить смысловую точность, особенно в случаях, когда прямой аналог отсутствует, но нужно передать суть понятия.

Также можно привести в пример словосочетание «Молодежная инициатива», которая на английском языке будет звучать как *Youth initiative*.

Основным риском калькирования является неестественность звучания на целевом языке. Буквальные переводы могут нарушать языковые нормы. Например, дословный перевод русского «принять участие» как *to accept participation* звучит неестественно, корректная английская фраза будет звучать как *to take part*. Длинные выражения требуют пояснений для иностранной аудитории, иначе их смысл остается неточным.

Стоит отметить, что данный метод позволяет максимально близко воспроизводить исходное значение, что важно в официальных документах, научных текстах, законодательных актах. Буквальный перевод часто выполняется быстрее, чем поиск идиоматического эквивалента или создание описательной

конструкции. Метод будет оправдан в случае терминологии, новых понятий или официального названия.

Калькирование – полезный инструмент, но его нужно использовать осознанно. Наиболее удачным алгоритмом является поиск устоявшегося эквивалента, а при его отсутствии, следует создать кальку, которая будет понятна и принята носителями.

Далее мы рассмотрим метод нахождения функционального эквивалента, которая является одной из наиболее релевантных стратегий перевода в условиях межкультурной коммуникации. Теоретическую основу метода заложил американский лингвист Юджин Найда в концепции динамической (функциональной) эквивалентности. Главным принципом является стремление создавать переводы, которые соответствуют семантике исходного языка и отражают его культурные особенности. Функциональная эквивалентность включает в себя лексическую, синтаксическую, текстовую и стилистическую эквивалентность [9].

Вместо того, чтобы транслитерировать или буквально переводить понятие, мы находим в английском языке устоявшееся слово или выражение с аналогичным значением и культурной нагрузкой.

Разберем данный метод на примере «патриотического воспитания», который мы взяли на сайте *intermol.su*. На английском языке данное словосочетание будет звучать как *civic education*. Оба термина акцентируют на гражданской ответственности вместо национальной риторики [5].

Также можно привести в пример «волонтерство» с сайта *будьвдвижении.рф*. На английском языке *volunteering*. Оба термина обозначают безвозмездную помощь обществу [2].

Функциональный эквивалент органично вписывается в язык, следуя нормам английского языка. Иностранному читателю не тратит время на расшифровку неочевидных калек. Использование общепринятых терминов облегчает взаимодействие с международными партнерами, фондами, волонтерами. Данный метод имеет смысл использовать, если понятие имеет прямой аналог в англоязычной культуре. Недостатком данного метода может стать частичная потеря культурной специфики. Например, *civic education* не всегда полностью соответствует смыслу «патриотического воспитания» в российском контексте.

При использовании этого метода необходимо учитывать, что значение слова может быть неправильным в данном контексте. Например, слово *mentoring* в русском языке может относиться как к карьерному росту, так и к личностному развитию. Важно учитывать контекст для правильного понимания.

Функциональный эквивалент – стратегически значимый подход в теории и практике перевода, основанный на концепции Ю. Найды. Его сутью является не дословная передача текста, а достижение аналогичного коммуникативного эффекта у целевой аудитории. Реакция читателя перевода должна быть сопоставима с реакцией читателя оригинала [9].

Далее в рамках нашей статьи мы рассмотрим метод культурного трансфера, который был разработан французским компаративистом Мишелем Эспанем в 1980-х годах. Согласно этой концепции, перевод мировой литературы – это процесс постоянного обмена мировой культурой, где переводчики вносят свой вклад [3, 196]. Целью является не дословная передача слова, а поиск такого термина, который вызовет у иностранной аудитории схожие ассоциации и понимание роли явления.

Рассмотрим на примерах, которые показывают, что вместо прямого или описательного перевода подбирается понятие, выполняющее аналогичную социальную функцию в другой культуре.

Например, слово «Субботник», взятое на сайте *будьвдвижении.рф*, на иностранном языке будет *community cleanup day*. Оба варианта имеют значение добровольческой помощи обществу [2].

Такой подход особенно важен при работе с социально-педагогическими и политическими терминами, где прямое соответствие отсутствует или может вызвать неверные ассоциации. Но при данном подходе может быть частичная потеря национального контекста. Поэтому для точной передачи национальных особенностей необходимо дополнение.

Культурная замена помогает преодолеть языковые барьеры. Она позволяет передать суть явления через знакомые целевой аудитории понятия, делая коммуникацию эффективной и понятной. Однако этот метод требует осторожности. Важно сохранять баланс между адаптацией и сохранением национального

содержания. Решением может стать сочетание культурной замены с кратким пояснением, чтобы иностранная аудитория получила полное представление о специфике российских традиций и программ.

Следующим методом является закономерное опущение, при котором отдельные элементы исходного текста сознательно исключаются в процессе перевода на другой язык. Концепция опущения как переводческой трансформации получила теоретическое обоснование в трудах советских и российских переводоведов второй половине XX века. Значительный вклад в ее разработку внес лингвист Л.С. Бархударов, который в монографии «Язык и перевод» (1975) интегрировал опущение в систематизированную классификацию переводческих трансформаций, подчеркивая, что опускаются, как правило, семантически избыточные элементы – те, что могут быть извлечены из контекста без потери смысла [1, 222].

Например, на сайте *будьвдвижении.рф* в англоязычных кратких описаниях мероприятий часто исключают локальные формулировки и детали, специфичные для российских традиций [2]. Словосочетание «Торжественное открытие смены с поднятием флага, исполнением гимна и клятвой участников – традиционный элемент программы лагеря» передается на английском языке следующим образом: *The camp program includes a solemn opening ceremony*. На данном примере опущены некоторые детали, поскольку они могут быть избыточны для иностранной аудитории или подразумеваются в ином понятии. При данном методе текст становится короче и легче воспринимается. Читатель сразу видит ключевую информацию, не отвлекаясь на второстепенные детали.

Умышленное опущение информации имеет свои ограничения, так как может привести к потере деталей и упрощению смысла. Если опустить ключевые условия или правила, иностранная аудитория может неверно интерпретировать суть события. Метод может быть использован при передаче сути мероприятия или при описании мероприятия на сайтах и так далее.

Перевод культурно-специфических концептов молодежной политики для международной аудитории требует точности и адаптации под восприятие иностранной аудитории. Рассмотренные

стратегии не являются универсальными по отдельности. У каждой есть сильные стороны и ограничения.

Оптимальный результат достигается за счет гибкого комбинирования методов с учетом цели коммуникации, целевой аудитории и специфики контента.

Таким образом, перевод культурно-специфических концептов молодежной политики требует глубокого понимания культурных кодов и коммуникативных целей. Грамотная адаптация контента на русском языке позволяет не только донести суть российских молодежных инициатив до читателей из других стран, но и показать их ценность в глобальном контексте, сохраняя идентичность без препятствий для понимания.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Будь в движении: Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение Первых»: [сайт]. – Москва. – URL: <https://будьвдвижении.рф>.
3. Гаспарян Л.А. Специфика культурного трансфера в переводе / Л.А. Гаспарян // Art Logos (искусство слова). – 2024. – №3 – С. 194-205.
4. Ивлева А.Ю. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в России: классификация и стратегии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6 (23). – С. 88-93.
5. Интермол: Центр международных проектов: [сайт]. – URL: <https://intermol.su> (дата обращения: 02.04.2026).
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с.
7. Матвеева О.В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Матвеева – Москва, 2005. – 176 с.
8. Росмолодёжь.События: [сайт]. – Москва. – URL: myrosmol.ru (дата обращения: 02.04.2026).
9. Smith J. Analysis of Eugene Nida's Translation Theory. – 2023. – URL:

A.R. Gumerova,

1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Scientific advisor: **M.T. Psyanchina,**

Assistant Teacher,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

TRANSLATION OF CULTURE-SPECIFIC CONCEPTS OF YOUTH POLICY: STRATEGIES FOR ADAPTING RUSSIAN- LANGUAGE CONTENT FOR AN INTERNATIONAL AUDIENCE

The article explores the strategies of translating culturally specific concepts of youth policy in the English versions of the websites of Russian organizations (events.myrosmol.ru, будвдвдвижении.рф, intermol.su). The methodology includes a contrastive analysis of the parallel texts of the sections "About Us", "Mission", "Programs" and the classification of translation techniques: transliteration, calque, descriptive translation, functional equivalent, cultural transfer and omission. Practical recommendations are given on combining transliteration, explanations for maximum clarity and preservation of the communicative function of the source.

Keywords: translation of culturally specific concepts, youth policy, transliteration, calque, descriptive translation, functional equivalent, international audience.

Зарипова И.Ф.,
*филология фәннәре кандидаты, доцент,
Уфа фән һәм технологияләр университетының,
Уфа ш., Россия*

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ ИЯРТҮЛЕ БӘЙЛӘНЭШНЕҢ ЛЕКСИК- ГРАММАТИК ҺӘМ ФУНКЦИОНАЛЬ-СИНТАКСИК АСПЕКТЛАРЫ

Хәзерге тел белемдә жөмлә төзелешендәге бәйләнеш һәм мөнәсәбәт төрләрен өйрәнү зур әһәмияткә ия. Рус телендә традицион рәвештә билгеләнгән ярашу, башкарылу һәм янәшәлек принциплары татар теле материалында еш акланмый яки өстәмә аңлатма таләп итә. Мәкалә татар телендәге ияртүле бәйләнешнең лексик-грамматик һәм функциональ-синтаксик аспектларын анализлауга багышланган.

Терәк сүзләр: *татар теле, синтаксис, ияртүле бәйләнеш, башкарылу, ярашу, янәшәлек, лексик-грамматик бәйләнеш, функциональ-синтаксик бәйләнеш.*

Хәзерге тел белеме жөмләне бер бөтен синтаксик төзелмә итеп оештыра торган бәйләнеш һәм мөнәсәбәт төрләрен өйрәнүгә зур әһәмият бирә. Инде аларның һәрбер телдә катлаулы система хасил итүе ачыкланган. Телче галимнәр шушы системаны таркатып анализлау, тасвирлау принципларын билгеләргә тырышалар.

Рус телендә ияртүле бәйләнеш традиция буенча «**ярашу** (согласование), **башкарылу** (управление) һәм **янәшәлек** (примыкание) дигән өч төргә бүлөп өйрәнелә» [4, 21]. Рус телендә академик грамматикасы боларны *сүз яны бәйләнеш*е (присловная связь) дигән гомуми исем астында берләштерә [4, 13]. Бу очракта бәйләнеш ысулы сүзләрнең лексик-грамматик үзенчәлекләре (лексик мәгънәсе һәм грамматик төзелеше) нигезендә аңлатыла. Шуңа бу төр бәйләнешне башкача лексик-грамматик бәйләнеш дип атарга була.

Шул ук вакытта *сүз формаларының үзара мөнәсәбәтләре рәвешендә генә бәйләнгән алмый торган бәйләнеш төре* (неприсловная связь) аерыла [4, 13]. Бу очракта сүзләрнең лексик-

грамматик характеристикасы түгел, э синтаксик позициясе (жөмлэдәге функциясе) хәлиткеч роль уйный. Бу төр бәйләнешне башкача функциональ-синтаксик бәйләнеш дип карарга була. Рус тел белемдә функциональ-синтаксик бәйләнешнең берничә ысулы (координация, аппликация, соположение һ.б.) билгеләнә [4, 40].

Соңгы тикшеренүләр лексик-грамматик һәм функциональ-синтаксик бәйләнеш төрләренәң төрки телләргә дә хас булуын күрсәтә. Ләкин алар татар телендә хәзергә тулысынча өйрәнелмәгән, системалаштырылмаган.

В.Н. Хангилдин грамматикасында ияртүле бәйләнеш, рус тел белемдәге кебек, ярашу, башкарылу, янәшәлеккә бүленгән иде [6, 332-335]. М.З. Зәкиев ияртүле бәйләнешне, жөмлә төзелешендәге әһәмиятенә карап, **хәбәрлекле, төгәлләүле, аныклаулы** төрләргә аера. Аның фикеренчә, «башкарылу, ярашу, янәшәлек бәйләнешләре төгәлләүле бәйләнеш эчендә, аның аерым төрләре итеп кенә карала ала» [5, 32].

Шуны ассызыклап үтәргә кирәк: «ияртүле бәйләнешне ярашу һәм башкарылу дигән төрләргә бүлү теоретик яктан аклана. Монда билгеле бер принцип бар. Бу бүленешне татар теле укытуда да кулланырга була. Ләкин төрки телләрдә, шул исәптән татар телендә, ярашу зур урын алып тормый. Тулы ярашу бар тик аныклагыч белән аныкланмыш арасында гына күзәтелә» [1, 43]. Төрки тел белгечләре күбрәк игътибарны лексик-грамматик бәйләнешнең башкарылу дигән төренә юнәлдерәләр. Ә янәшәлекнең теоретик асылы, гомумән, ачыкланмаган булып кала.

Янәшәлек бәйләнешен ярашу һәм башкарылу төрләренә керми калган чаралар хасил итә дигән фикер урнашкан. Татар телендә бу төркемдә хәл фигыль, сыйфат фигыль, шарт фигыль кушымчалары, сыйфат һәм рәвеш ясаучы кайбер (күпфункцияле) кушымчалар, тартым кушымчасы һ.б. чаралар торып кала. Ләкин боларны бер бөтен система итеп карау кыен. Ярашу һәм башкарылу төренә керми торган бәйләү чаралары үзләре берничә төрле. Шуңа күрә янәшәлек дип йөртелгән бәйләнешне үз эчендә берничә төркемчәгә аеру соралып тора. Яки, гомумән, янәшәлек терминын кулланмыйча, лексик-грамматик ияртүле бәйләнешнең, ярашу һәм башкарылудан тыш, тагын берничә төрен аерырга мөмкин.

Кайбер галимнәр фикеренчә, янәшәлек бәйләнешендәге сүзләр, ярашу һәм башкарылу очракларындагы кебек, бер-берсенә мохтажлык кичермиләр, ягъни бер-берсен таләп итмиләр [3, 56]. Әмма татар телендә В.Н. Хангилдин тарафыннан янәшәлек дип аталган бәйләнештә кайсыбер сүзләрнең башка сүзләр белән синтаксик мөнәсәбәтләрен күзәтергә мөмкин. Мәсәлән, хәл фигыль формасындагы сүзләр икенче бер фигыль белән, сыйфат фигыль формасындагы сүзләр исем белән бәйләнергә тиеш була, чагыштыр: *укыгач (аңлады), барасы (юл)*.

Мондый бәйләнештә башкарылуның киресе күзәтелә. Әгәр башкарылу бәйләнешендә төп сүз иярүче сүзнен булуын таләп итсә, бу очракта, киресенчә, иярүче сүз ияртүче сүзнен барлыгына ишарә итә, аңа «тартыла». Бу бәйләнешнең асылын нәкъ менә шул «тартылу» дигән термин белән билгеләргә кирәк.

Тартылу бәйләнешенең чараларына күпфункцияле -лы/-ле, -сыз/-сез, -чан/-чән, -чыл/-чел, -дагы/-дәге, -гы/-ге, -кы/-ке, -ча/-чә, -дай/-дәй, -лата/-лэтә кебек кушымчалар, шулай ук хәл фигыль ясаучы -ып/-еп/-п, -мыйча/-мичә, -гач/-гәч, -кач/кәч, -ганчы/-гәнче, -канчы/-кәнче, -а/-ә, -ый/-и; сыйфат фигыль ясаучы -ган/-гән, -а/-ә + торган, -ый/-и + торган, -асы/-әсе, -ыйсы/-исе, -учы/-үче, -ачак/-әчәк, -ясак/-ячәк, -ыр/-ер, -ар/-әр/-р; инфинитив ясаучы -ырга/-ергә, -рга/ -ргә; шарт фигыль ясаучы -са/-сә кушымчалары керә.

Тартылу бәйләнеше, иярүче сүз белән ияртүче сүз арасындагы мәгънә мөнәсәбәтенә карап, атрибутив һәм адвербиаль төрләргә бүленә.

Атрибутив тартылу бәйләнешенең ике төп моделен күрсәтеп була:

– «исем_{+куш} + исем» моделе: *китаплы киштә, кошсыз оя, тартмадагы хат, кибәндәй чүмәлә*.

Мәсәлән: *Этле кунак өйгә сыймас (М); Башына яулык бәйләгән, озын алсу күлмәк кигән җитү кыз белән кара бишмәтле тәбәнәк килен икәү торалар (Г. Ибраһимов); -- рульдәге кеше нигәдер бик сак кылана, хәтта машинасы ясаган шушы манёврга да ниндидер зур факт итеп карый, үзенчә борчылу-кайгырту күрсәтә иде (Р. Мирхәйдәров)*.

– «фигыль_{+куш} + исем» моделе: *укыган кеше, үтеп баручы машина, айтәсе сүз*.

Мәсәлән: *Нәкъ шул вакыт юл өстендә, еракта, авылга таба кайтып килүче чаналы кеше күренде...* (Г. Гази); *Шәһәрнең икенче ягыннан кечкенә төркемнәргә бүленгән казак отрядлары керделәр* (Ш. Усманов); *[Сәфәрғали] манма тиргә баткан айгырда, тарантас түренә кырын ята биреп, авыз эченнән нидер жырлагандай итеп кайтып керде* (Ф. Хөсни).

Адвербиаль тартылу бәйләнешенең берничә моделе бар:

– «**фигыль**+**куш** + **фигыль**» моделе: *сөйләп аңлату, баргач күрү, арыганчы эшләү*.

Мәсәлән: *Ул элек-электән мәчетне карап, жәйләрендә жчилләтеп, кышларында мичләрен ягып, берүзе мәчет йортында яшәде* (Г. Минский); *Сәхипҗамал өстәлне әйләнә, урын тапмагач, талинкәне икенче өстәлгә куеп чыгып китә* (А. Әхмәт); *Күзләрем талганчы күрсәм, Миңа бит шул да житә* (Х. Туфан).

– «**исем**+**куш** + **фигыль**» моделе: *бүреләрчә улау, савытлап өләшү, кояштай балку, өлешләп тарату*.

Мәсәлән: *Кызлар, мин киттем, Атым, коштай оч* (Ф. Кәрим); *Айгырның сыртына берне салган идем, атым дөдәлдәй оча баишлады* (Ә. Айдар).

– «**исем**+**куш** + **сыйфат**» моделе: *балдай татлы, сабыйларча беркатлы*.

Мәсәлән: *Аның... сабыйларча сәдә вә бәйләнешсез сүзләрен тыңлау миңа әллә нинди нечкә музыкадан да күңеллерәк иде* (Ш. Камал); *Кичә уздыралар, дус-ишләрен сыйлылар, тәмле-тәмле ашамлыklar ашылар, балдай татлы эчемлекләр эчәләр, ду килеп бишләр* (А. Алиш).

– «**рәвеш**+**куш** + **фигыль**» моделе: *русчалап сөйләү*.

Мәсәлән: *Әссәламегаләйкем, энем, һаумы, – дип тезеп китте башкортчалап Кинҗәбулат* (Ш. Маннур).

Бәйләү чаралары функциясен кушымчалар гына түгел, ә янәшә тору һәм лексик мәгънә үтәгән очраклар да бар. Аны *агач күпер, ачы катык, бер тәңкә, аз сөйләү, күп эшләү* кебек мисалларда күрергә була.

Монда иң элек термин мәсьәләсә барлыкка килә. Бу бәйләнешне традицион терминнар белән янәшә тору яки янәшәлек дип атау уңайсызрак. Чөнки әлегә терминнарның эчтәлегә без аерым караган очракка тулысынча туры килми. Шуңа күрә

контактлы бәйләнеш яки **контактлылык** терминнарын кулланырга мөмкин.

Контактлы бәйләнешнең модельләре түбәндәгечә:

– «исем + исем» модели: *агач күпер, ир кеше, уймак авыз, тимер көрәк.*

Мәсәлән: *Өстенә ул чорның үзенә хас киemen: кара күн туужурка, башына күн фуражка киеп, кылыч белән наган таккан атасы, иярле атка менеп, ике йөкнең алдыннан бара (Г. Бәширов); Иртә белән... үгез бозауны районга алып барып тапшырган идем (Г. Айдар).*

– «сыйфат + исем» модели: *ак яка, зәңгәр күз, матур кыз, төче коймак.*

Мәсәлән: *Аларны шәһәрнең иң яхшы гостиницасына урнаштырдылар (Г. Әпсәләмов); Аның нәфис кулында сары саквоаяж урынында кызыл күннән эшләнгән портфель иде (К. Тинчурин); Озын казак, дулкынланып, атыннан сикереп төште дә капканы ике куллап дөбердәтә башлады (Г. Гобәй); Ул зур дәрт һәм ышаныч белән Казанга килде (Ф. Әмирхан).*

– «сыйфат + сыйфат» модели: *аксыл зәңгәр, зәңгәрсү кара.*

Мәсәлән: *Тургай күкнең аксыл зәңгәр тирәнлегеннән карлыгачның үзенә дә төкләтура хәтле генә булып күренә (Г. Бәширов); Зәңгәрсү кызыл шәфәкъ күкне яндырды (Ш. Усманов); Зур ишек алдыннан бер ягы зәңгәрсү кара бронза рәшәткәләр белән киртәләнеп матур бакча эшләнгән (Ш. Камал).*

– «сан + исем» модели: *икенче бала, беренче ай, ике дус.*

Мәсәлән: *Яңа кеше турында беренче тәэсир кайчан шулайрак була бит (Ә. Еники); Әлфия ике эш алып бара: хисапчы да, звеновод та (Г. Әпсәләмов).*

– «сан + фигыль» модели: *бер жырылау, ике әйтү.*

Мәсәлән: *Диңгез булып җайрап яткан күлләр дә бер корый икән (Г. Ибраһимов); Барып керсәм йортка, анда утыра бер кортка, пешергән ботка, ике каба да бер йота (Н. Исәнбәт).*

– «алмашлык + исем» модели: *шул авыл, мондый җир, ул кеше.*

Мәсәлән: *Син иске фикер белән тудың, үстең, моннан соң да шул фикерең белән яшәргә тиешлесең (Г. Коләхмәтов); Мәнә шундый вагоннарда утыртып, Калинин дигән шәһәр янына илтеп зур бер станциядә төшерделәр (Ә. Айдар); Мин сиңа, абзый, булырмын файдалы, сәүдәгәргә андый файда кайдале? (Г. Тукай).*

– «рәвеш + фигыль» модели: *чалкан йөзү, күп эшләү, тиз йөрү.*

Мәсәлән: *Чыпчык өере кебек, дәррәү күтәрелен, малайлар авылга таба очтылар (И. Гази); Сабир аз сөйли, бер дә мактанмый, үз эшләре хакында хикәя кылырга бик аз ярата, ләкин күп уйлый, күп эшли (Г. Ибраһимов); Алар Нөркән белән икәүләп әкрән генә түбән төшәләр (Г. Ахунов); Сәйфулла карт түр буена сузылган көе югары карап ята иде (Ш. Камал).*

– «рәвеш + исем» модели: *күп халык, аз эш, озак еллар.*

Мәсәлән: *Озак еллар сугыш илебезнең Тамырларда канын киптерде (Ф. Бурнаш); Дәүли бабай уйнап бетергәч, бүлмәдә байтак вакыт тынлык хөкем сөрдә (А. Әхмәт); Ләкин әдәбият укутучыбызның дәресне күңелле итеп алып баруы аркасында, күп кенә әсәрләр белән танышырга өлгергән идем (Г. Камал).*

Төрләнмичә (кушымчасыз) бәйләнгән сүзләрнең жөмләдә бер-берсеннән ерак урнашуы да мөмкин. Бу, кагыйдә буларак, төп рәвешләр белән фигыль сүз төркеме өчен хас. Мәсәлән: *Тышта кичә кич белән күтәрелгән буран һаман да уйный иде әле (А. Шамов).* Бу жөмләдә *тышта* һәм *уйный* сүзләрнең бәйләнеше мәгънәгә генә нигезләнгән. Шуңа күрә рәвешчә лексик-грамматик бәйләнешнең үзенчәлекле бер төре барлыкка килә. Аны **дистант бәйләнеш** яки **дистантлылык** дип атарга мөмкин.

Шулай итеп, татар телендә лексик-грамматик ияртүле бәйләнешнең ярашу, башкарылу, тартылу, контактлылык, дистантлылык дигән төрләрән күрсәтеп була.

Ияртүле бәйләнешне функциональ-синтаксик аспекттан чыгып анализлаганда, синтаксис фәненең хәзерге үсеш дәрәжәсендә мондый бәйләнешнең детерминантлы, ярымхәбәрлекле, аныклаулы һәм өстәлмәле дигән төрләрә аерылуын билгеләргә мөмкин. Бу очракта, әйткәнбезчә, аерым функциональ-синтаксик берәмлекләр белән жөмләнең калган өлеше арасында булган мәгънә мөнәсәбәтләрән белдерү ысуллары күз уңында тотыла.

Детерминант бәйләнеше. Рус теленең академик грамматикасында детерминантка түбәндәгечә билгеләмә бирелә: «...жөмләнең аерым бер кисәгенә бәйләнмичә, гомумән жөмләгә караган жәенкеләндерүче кисәк детерминант дип атала» [4, 149]. М.З. Зәкиев татар телендә детерминантларны бөтен жөмләгә (дөресрәге, аның хәбәрлекле үзегенә) караган һәм шуңа ук вакытта

аның берәр кисәге белән грамматик бәйләнештә торган берәмлек (сөйләм предметын белдерүче тәмамлык яки хәл) [5, 342] дип билгели. Шулай итеп, фикерләр аерыла. Рус телендә детерминантның аерым бер кисәк белән грамматик бәйләнеше инкарь ителсә, татар телендә андый бәйләнешнең булуы раслана. Бу мәсьәләгә ачыклык кертергә кирәк. Мондый каршылык, безнең карашка, детерминантларны, бер яклап, коммуникатив яки функциональ-синтаксик планда, икенче яклап, грамматик яки лексик-грамматик планда караудан килә.

Детерминантның жөмлә белән бәйләнеше коммуникатив планда тема (субъект) белән рема (предикат) бәйләнешенә туры килә. Жөмләдә бу ике кисәк грамматик билгеләре буенча түгел, ә логик функцияләре буенча аерыла. Тема (субъект) – сөйләм предметы, рема (предикат) – сөйләм яңалыгы. Аларның үзара бәйләнеше дә грамматик чараларга нигезләнеп калмый, барыннан да элек, логик бәйләнеш буларак кабул ителә. Мәсәлән: *Келәт алдында жигүле ат тора* (Г. Ибраһимов) дигән жөмләдә детерминант – *келәт алдында*. Ул жөмләнең калган өлешенә сөйләм предметы буларак каршы куела һәм шундый шартта гына детерминант була. Шул ук вакытта аның хәбәр белән грамматик бәйләнештә булуы – бәхәссез факт. (Чагыштыр: *Келәт алдында тора*). Ләкин бу бәйләнеш әлегә кисәкне детерминант итүдә хәлиткеч әһәмияткә ия түгел.

Детерминантның жөмләдә аерым бер кисәк белән грамматик бәйләнештә торыуы, гомумән, мәжбүри шарт була алмый. Моңы эллиптик жөмлэләр материалында күзәтергә мөмкин. Мәсәлән: ***Кар астында үзенә башка бер дөнья*** (Ә. Маликов); ***Күңелемдә коточыргыч ямьсез уйлар*** (М. Әмир); ***Иртәгәсен*** зачет иде (А. Гыйләжәев). Бу жөмлэләрдә детерминант функциясендәге сүзләр ачык билгеләнә. Ләкин алар грамматик яктан буйсынган сүзләр табылмый.

Ярымхәбәрлекле бәйләнеш. Бу төр бәйләнешнең асылың жөмләдә төп хәбәр белән бергә өстәмә хәбәрне (ярымхәбәрлекне) билгеләү юлы белән аңлатырга мөмкин [2, 13]. Аның тасвирламасы рус тел белемендә А.А. Потебня, А.А. Шахматов, төрки тел белемендә Ә.Ә. Юлдашев тарафыннан бирелгән. Татар телендә өстәмә хәбәр функциясен фигыль белән бирелгән хәлләр үти. Алар күп очракта аерымланып киләләр. Мәсәлән: ***Мин***

эчемнән **янсам да, тыштан сер бирмәдем** (Г. Ибраһимов). Бу жөмләдә **янсам да** дигән кисәк хәбәр белән мөнәсәбәттә кире хәл дип бәйләнә. Һәм шул ук вакытта ул жөмләнең иясе белән дә бәйләнешкә керә: аның икенче бер өстәмә эшен хәбәр итә. Шуның белән жөмләдә өстәмә хәбәр функциясен үти. Шул рәвешчә, жөмләдә ия белән өстәмә хәбәр бәйләнеше барлыкка килә. Мәнә шушы бәйләнешне ярымхәбәрлекле бәйләнеш дип карарга нигез бар.

Түбәндәге мисалларда аерымланган хәлләр ия белән ярымхәбәрлекле мөнәсәбәттә тора: **Иптәшем, нидер әйтмәкче булып, миңа таба карады** (Г. Бәширов); **Галимә апа, атасының сүзләрен ишетү белән, мичкә таба сырышты, калтырана башлады** (М. Гафури); **Әнкәй, елап, һушыннан язган кебек, капка баганасына сөялеп** катып калды (Г. Ибраһимов).

Аныклаулы бәйләнеш. Хәзерге синтаксиста аныклагычны жөмләнең аерым бер кисәге (аныкланмыш) белән бәйли торган чаралар күрсәтелә. Алар исәбенә, беренчедән, ягъни теркәгече һәм шуңа синоним булган теркәгеч сүзләр һәм, икенчедән, ярашу ысулы керә. Ләкин аларны куллануда эзлеклелек юк. Гомумән, аныклагыч бәйләнеше бу чараларның берсенә дә нигезләнмәскә мөмкин. Мәсәлән: **Ә без, аналы-кызлы, Кадрия белән икәү, Шубертны тыңлыйбыз** (Г. Кутуй); **Тик икәү без: жыл да мин** (Г. Тукай); **Болар – ике бала – әниләрәнең канат астында үстә** (Г. Бәширов). Моның ише мисаллар аныклаулы бәйләнешнең ике сүз формасы арасында була торган лексик-грамматик бәйләнеш кенә булмавы турында сөйли. Ул лексик-грамматик бәйләнеш төрләрәнең берсенә дә туры килми.

Өстәлмәле бәйләнеш. Өстәлмә дигән синтаксик берәмлек – сөйләмә тел күренеше. Ул жөмләнең берәр кисәген жөмлә ахырыннан чыгарып, өстәп әйтү нәтижәсендә барлыкка килә. Мондый кисәк логик басым белән әйтелә һәм шуңа күрә аңа игътибар көчәя. Өстәлмәләр стилистик алым буларак кулланыла. Мәсәлән: **Пальмалар читтән килгәннәр. Көнъяктан. Эссе, маймыллы яклардан** (М. Рафиков); **Борчылмаска, канатсыз яшәргә өйрәттеләр безне. Еллар буге. Бик озак** (Г. Ахунов).

Өстәлмә жөмләдән аерып алынган бер кисәк булганга, аның жөмлә белән бәйләнеше лексик-грамматик планда да тасвирлана ала. Ләкин өстәлмә бәйләнеше, гамәлдә, функциональ-синтаксик

бәйләнеш буларак реальләшә. Төп жөмлә белән өстәлмә арасында «тема-рема» мөнәсәбәте урнашкан була.

Шулай итеп, татар телендә ияртүле бәйләнеш ысуллары катлаулы система хасил итә.

Әдәбият

1. Зарипова И.Ф. Беспослеложное двойное управление как средство расширения структурной схемы предложения в татарском языке (на материале двухвалентных глаголов и имён существительных) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии. Материалы XI Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2023. – С. 43-54.
2. Зарипова И.Ф. Полупредикация как способ расширения структурной схемы простого предложения в татарском языке // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2022. – С. 10-18.
3. Иванова Н.Т., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: «Высшая школа», 1981. – 182 с.
4. Русская грамматика. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – Т. II. – 604 с.
5. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. һәм автор М.З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘҺСИ, 2017 – III. т. – 536 б.
6. Хангилдин В. Татар теле грамматикасы. Морфология һәм синтаксис. – Казан: Тат. китап нәшрияты, 1959. – 642 с.

© Зарипова И.Ф., 2026

I.F. Zaripova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

LEXICO-GRAMMATICAL AND FUNCTIONAL-SYNTACTIC ASPECTS OF SUBORDINATE CONNECTION IN THE TATAR LANGUAGE

In modern linguistics, the study of types of connection and relations in sentence structure is of great importance. The principles of agreement, government, and adjacency, traditionally defined for the Russian language, often do not work or require additional explanations

when applied to the Tatar language. The article is devoted to the analysis of lexico-grammatical and functional-syntactic aspects of subordinate connection in the Tatar language.

Keywords: the Tatar language, syntax, subordinate connection, government, agreement, adjacency, lexico-grammatical connection, functional-syntactic connection.

УДК 81'38

Зарипова И.Ф.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Бадретдинова Э.И.,

студентка 1 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ОКСЮМОРОН В СИСТЕМЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФИГУР: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ТИПОЛОГИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

В статье рассматривается оксюморон: история и направления изучения, эволюции взглядов, грамматические формы (атрибутивные, предикативные, генитивные конструкции). Анализируются сходства и различия оксюморона со смежными явлениями – антитезой, катахрезой, парадоксом и метафорой. Описываются уровни усложнения приема: от простого словосочетания до сюжетного развития.

Ключевые слова: оксюморон, антитеза, катахреза, парадокс, метафора, грамматические формы, семантическая несовместимость

Фигуры речи, основанные на семантическом контрасте, занимают значимое место в современной лингвистике и стилистике. Одной из наиболее выразительных и неоднозначных является оксюморон – троп, соединяющий лексические единицы с противоположным смыслом. Исследование оксюморона в лингвистике имеет давнюю историю, насчитывающую более двух тысяч лет. Тем не менее, на протяжении долгого времени этот

прием находился на втором плане научных изысканий, уступая первенство таким фигурам, как метафора, метонимия или антитеза. Цель статьи – выявить сходства и различия оксюморона с иными смежными фигурами речи.

Первые свидетельства о существовании оксюморона можно обнаружить в античных трактатах по риторике. Само название происходит от греческого слова ὀξύμωρον, что означает «остроумная глупость». Аристотель в своих трудах «Поэтика» и «Риторика» затрагивал это явление, анализируя сочетание несовместимых понятий. Однако античные мыслители, такие как Цицерон и Квинтилиан, воспринимали его скорее, как риторический инструмент, призванный удивлять слушателей, а не как самостоятельный предмет лингвистического изучения. Для них оксюморон представлял собой соединение противоположных слов (*contraria coniuncta*), поражающее своей неожиданностью и создающее эффект остроумия. Основное внимание уделялось стилистическому воздействию и парадоксальности, а не глубинным семантическим процессам [4].

В XIX столетии наблюдается возрождение интереса к оксюморону, что было обусловлено прогрессом в области стилистики и поэтики. Европейские филологи, такие как Ж. Дюмениль, характеризовали его как «союз противоположностей». В российской науке А.А. Потебня, опираясь на психолингвистические принципы, исследовал схожие феномены, анализируя взаимодействие внутренней формы слова с новым смысловым окружением. Тем не менее, в тот период оксюморон нередко отождествлялся с парадоксом или антитезой, имеющей оксюморонный характер. Хотя А.А. Потебня не сформулировал четкого определения оксюморона, он объяснял его через столкновение «первичного» (лексического) и «вторичного» (контекстуального) смыслов слова. По его убеждению, «оксюморон появляется, когда эти значения входят в конфликт, порождая новое качество» [14]. Л.В. Щерба же рассматривал подобные явления как своего рода языковой эксперимент, где нарушение привычной семантической связи становится инструментом для постижения структуры языка.

Глубокое научное осмысление оксюморона началось лишь во второй половине XX века с развитием семантики, когнитивной

лингвистики и теории речевых актов. Исследования в области структурной лингвистики, в частности работы Ю.Д. Апресяна и Н.Д. Арутюновой, продемонстрировали, что оксюморон функционирует путем нарушения семантических связей между словами. Фокус исследований сместился с эстетической оценки этого приема на его внутренний механизм: каким образом языковая система справляется с логическими парадоксами.

Ю.Д. Апресян характеризовал оксюморон как проявление несоответствия семантических ожиданий. Например, когда глагол предполагает наличие одушевленного действующего лица, а получает неодушевленное, происходит семантический сдвиг. Он подчеркивал, что оксюморон не является языковой ошибкой, а представляет собой намеренно используемый прием – «аномалию, которая обретает нормативность в заданном контексте» [1, 81].

В работах по языковой метафоре и парадоксу Н.Д. Арутюнова предложила разграничивать: 1) оксюморон (в узком смысле) – атрибутивная конструкция «прилагательное + существительное», где признаки противоречат родовой сущности предмета («горячий лёд»); 2) оксюморонные ситуации – более широкие смысловые конфликты, передаваемые предикатами («он молчаливо кричал»). Исследователь предлагает концепцию прагматического оксюморона, в рамках которой кажущееся противоречие разрешается исключительно в процессе речевого акта, что проявляется, например, в иронии [3, 370].

В своем труде «Стилистика современного английского языка» И.В. Арнольд представила функциональное определение оксюморона как стилистического приема, объединяющего два семантически противоположных слова (как правило, прилагательное и существительное), что приводит к формированию нового смыслового образования [2, 123]. Автор провела четкое разграничение между оксюмороном и антитезой (где противопоставляются отдельные понятия) и парадоксом (представляющим собой целое суждение). Кроме того, она выделила два типа оксюморонов: узуальные, ставшие привычными в языке (например, «живой труп»), и окказиональные, созданные автором (как «сладостно-горькая любовь»).

С позиций когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, Р. Джакендофф) оксюморон интерпретируется не как столкновение

понятий, а как конфликт когнитивных фреймов или сценариев. Это направление анализирует оксюморон через призму теории предпочтений в семантической структуре, определяя его как нарушение иерархии семантических признаков. Когда два признака, по своей природе взаимоисключающие, активируются одновременно, возникает оксюморон, который язык допускает ради усиления выразительности [12].

С точки зрения когнитивной лингвистики, М.М. Халиков интерпретирует оксюморон как инструмент, способствующий деавтоматизации процесса восприятия. Такие словосочетания, как «горячий снег» или «звнящая тишина», целенаправленно нарушают привычную автоматическую обработку информации, провоцируя когнитивный диссонанс и требуя от реципиента активной смысловой реконструкции. Следовательно, оксюморон стимулирует рефлексивное внимание читателя, что объясняет его частое применение в поэтических произведениях и заголовках [14].

Функциональная стилистика, представленная такими исследователями, как М.Н. Кожина и И.В. Арнольд, ввела разграничение между «подлинными» и «случайными» оксюморонами, а также выделила их прагматические роли: формирование иронии, передача амбивалентных переживаний и привлечение внимания аудитории. М.Н. Кожина определяет оксюморон как «стилистический прием, служащий для создания образности посредством логически парадоксального соединения слов, активно используемый в художественной и публицистической речи для привлечения внимания, выражения амбивалентности (двойственности чувств) или иронии» [8, 221]. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «оксюморон представляет собой эпистемический сдвиг, когда говорящий намеренно нарушает устоявшиеся категории мира с целью формирования новой категории» [11]. По мнению Г.А. Копниной, «оксюморон является стилистическим приемом, обогащающим смысловое содержание и усиливающим эмоциональную окраску художественной речи, позволяющим раскрыть единство противоположностей и целостную противоречивость жизненных явлений» [9, 91]. Е.А. Атаева отмечает, что стилистическая функция оксюморона заключается в описании противоречивости реальной действительности. Оксюморон позволяет выразить комплексное

противоречие в ситуациях, когда нейтральная лексика оказывается семантически недостаточной. Так, например, сочетание «радостная печаль» является более лаконичным и эмоционально насыщенным, чем описательный оборот «радость, смешанная с грустью» [4].

Сегодня изучение оксюморона ведется на стыке лингвистики и смежных дисциплин. **Корпусная лингвистика** позволяет выявлять устойчивые оксюморонные коллокации в живом языке («живой труп», «ужасно красиво», «унылая радость», «красноречивое молчание»). **Психолингвистика** изучает время обработки оксюморона мозгом (фиксируется задержка при считывании противоречия). **Дискурсивный анализ** показывает, как оксюмороны работают в рекламе, политической риторике и интернет-мемах («военная гуманитарная помощь»).

Однако в лингвистике и стилистике вокруг оксюморона сложилась зона терминологической неопределённости: его регулярно путают с антитезой, парадоксом, метафорой, катахрезой. Чтобы этого избежать, необходимо не только разграничить смежные явления, но и понять, какими средствами создаётся оксюморон и как он может развиваться внутри текста. Первоочередной задачей является устранение часто встречающегося недоразумения – смешения понятий оксюморона и антитезы. Согласно «Большому энциклопедическому словарю», антитеза определяется как стилистическая фигура, представляющая собой сопоставление или противопоставление контрастных понятий, положений или образов. В качестве классических примеров можно привести пары «война и мир», «день и ночь», «лёд и пламя» [6].

Словарь под редакцией Л.П. Крысина в завершение статьи, посвященной антитезе, предлагает обратиться к оксюморону («ср. оксюморон»), что свидетельствует об их сходстве, но не тождественности. Суть различия заключается в следующем: «антитеза оперирует двумя отдельными объектами, которые ставятся в оппозицию друг другу (например, («день и ночь»)). Оксюморон же, напротив, объединяет противоположные явления в рамках одного объекта (как в случае с «живым трупом»)). Иными словами, если антитеза разводит противоположности, то оксюморон их синтезирует» [10].

Еще более тонкое различие – между оксюмороном и парадоксом. Парадокс всегда оформлен как законченное суждение или даже силлогизм: «Жизнь есть смерть» или «Чем больше мы теряем, тем больше обретаем». Оксюморон же живёт на уровне словосочетания, чаще всего атрибутивного («прилагательное + существительное»). Он не выносит противоречие в логический тезис, а сплавляет его в компактный образ.

Оксюморон и катахреза сходны тем, что оба основаны на сочетании семантически несовместимых понятий, однако различаются по цели и природе возникновения: катахреза возникает непреднамеренно вследствие лексической лакуны (отсутствия нужного слова) и не предполагает авторского замысла, тогда как оксюморон является намеренным стилистическим приёмом, создаваемым для образности или выражения эмоции [15]. По определению Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, катахреза – это «соединение противоречивых понятий, употребление слова не в соответствии с этимологическим его значением («красные чернила»)» [13]. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой катахреза определяется как «неправильное или необычное употребление сочетаний слов с несовместимыми буквальными лексическими значениями» («цветное бельё») [5].

Определение четкой грани между оксюмороном и метафорой представляет собой непростую задачу. Многие выразительные метафоры находятся на грани логической несочетаемости, например, «свинцовые облака», «шёлковый голос». Однако ключевое отличие метафоры в том, что она переносит характеристику из одной области в другую, не опираясь на прямое антонимическое столкновение. Оксюморон же возникает исключительно при соединении понятий, которые в рамках определенной системы оценок или свойств являются диаметрально противоположными. Так, «ледяное спокойствие» является метафорой (лед и спокойствие не антонимы), тогда как «горячий лёд» – это уже оксюморон, поскольку понятия «горячий» и «лёд» занимают противоположные позиции на температурной шкале.

Существует множество способов создания оксюморонов, и понимание этих механизмов позволяет не только распознавать данный стилистический прием, но и целенаправленно его использовать. Наиболее распространенной синтаксической

структурой является атрибутивная конструкция, где прилагательное вступает в противоречие с существительным: «живой труп», «унылая радость», «красноречивое молчание». Однако оксюморон может проявляться и в предикативной форме, когда противоречие возникает между подлежащим и сказуемым: «тишина гремела», «смерть танцевала». Менее очевидны генитивные оксюмороны, построенные с использованием родительного падежа: знаменитое «пышное природы увяданье» у Пушкина – увядание не может быть пышным, но именно это противоречие создает яркий образ осени. Встречаются также сочинительные конструкции, где союз «и» связывает взаимоисключающие предикаты: «сердце ликовало и скорбело одновременно».

В лексико-семантическом плане основным приемом является игра на контрасте антонимов. Причем речь идет не только о стандартных словарных парах вроде «громко – тихо», но и о контекстуальных противоположностях, которые обретают свой антонимический смысл лишь в рамках конкретной фразы. Например, в словосочетании «честный вор» противоречие возникает не между изначальными значениями слов «честный» и «вор», а между устоявшимся представлением (вор должен быть нечестным) и его опровержением.

Оксюморон редко остается обособленной стилистической фигурой. В хорошо написанном тексте он эволюционирует, обрстая дополнительными смыслами и способен даже упорядочивать целые фрагменты изложения. Простейший путь его расширения – наращивание компонентов. Одиночный оксюморон «сладкая горечь» может превратиться в более детализированный: «сладкая, как мёд, горечь невосполнимой потери». Добавление новых определений и метафор не стирает противоречие, а, наоборот, углубляет его. Более сложный метод – формирование кластеров, представляющих собой последовательность оксюморонов. Когда автор создает фразу вроде «Звонкая тишина замерла в горячем холоде рассвета», мы сталкиваемся уже не с единичным парадоксом, а с двумя, формирующими единое пространство смыслового напряжения. Подобные скопления оксюморонов характерны для поэтических течений символизма и акмеизма.

Следующий, более глубокий уровень, заключается в сюжетном или нарративном развертывании оксюморона. В таком случае противоречие, заявленное в названии или центральном образе, пронизывает всю структуру произведения. Ярким примером служит заголовок «Мёртвые души». Здесь оксюморон выходит за рамки локального стилистического приема, становясь основополагающим принципом организации всего текста.

Наконец, существует прагматическая трансформация данного приема. При многократном использовании в различных контекстах, оксюморон может терять свою первоначальную парадоксальность и трансформироваться в устойчивое выражение, несущее иронический или эмфатический оттенок. Так, например, «обыкновенное чудо» уже приближается к клише, но его оксюморонная основа по-прежнему ощутима.

Точное стилистическое осмысление текста требует четкого разграничения оксюморона и близких ему явлений. В то время как антитеза дихотомически разделяет действительность, а парадокс указывает на логический тупик, метафора осуществляет перенос свойств, а катахреза заполняет смысловые лакуны путем соединения логически несовместимых элементов, оксюморон же функционирует иначе: он интегрирует противоречие, порождая новый, третий смысл. Структурные модели этого приема достаточно стандартизированы, а его эволюция прослеживается от элементарного словосочетания до принципа, формирующего сюжет. Осознание этой динамики позволяет не только идентифицировать оксюморон в тексте, но и применять его целенаправленно, когда традиционные языковые средства оказываются недостаточными для выражения многогранности человеческого бытия.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синоним. средства языка / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме «Кибернетика». – Москва: Наука, 1974. – 366 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учеб. для вузов / И. В. Арнольд. – 4. изд., испр. и доп. – Москва: Флинта, Наука, 2002. – 383 с.

3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
4. Атаева Е.А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: на примере английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 146 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvisticheskaya-priroda-i-stilisticheskie-funktsii-oksyumorona-na-primere-angliiskogo-yazyu> (дата обращения: 17.04.2026).
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
6. Большой энциклопедический словарь. – URL: <https://bigslovar.ru/> (дата обращения: 14.04.2026 г.)
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978–1980.
8. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Просвещение, 1993. – 221 с.
9. Копнина Г.А. О классификации риторических приемов // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 88–95.
10. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1998. – 848 с.
11. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с. – URL: <https://books.google.ru/books?id=dDeLAgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 14.04.2026 г.)
12. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. И с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004 – 256 с. – URL: <https://djvu.online/file/E5O5sIYnh0Ben>
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
14. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003729788/ (дата обращения: 16.04.2026 г.)
15. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
16. Халиков М.М. Когнитивно-операциональный и речеганровый универсализм оксюморона // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, вып. 3 (43). – С. 237-246.

17. Якутина О.Л. Лингвистическая природа и стилистический потенциал катахрезы: на материале французской поэзии XIX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/lingvisticheskaja-priroda-i-stilisticheskij-potencial-katahrezy.html> (дата обращения: 17.04.2026).

© Зарипова И.Ф., Бадретдинова Э.И., 2026

I.F. Zaripova,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
E.I. Badretdinova,
*1st-Year Student of the Institute of Social Sciences
and Humanities,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

OXYMORON IN THE SYSTEM OF STYLISTIC FIGURES: HISTORY OF STUDY, TYPOLOGY, AND RELATED PHENOMENA

This article examines the oxymoron: its history, the evolution of views on oxymoron, research directions, and grammatical forms (attributive, predicative, genitive constructions). The similarities and differences between oxymoron and related phenomena – antithesis, catachresis, paradox, and metaphor – are analyzed. The levels of complication of the device are described: from a simple phrase to plot development.

Keywords: *oxymoron, antithesis, catachresis, paradox, metaphor, grammatical forms, semantic incompatibility.*

Зубарева Д.В.,

студентка 1 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Мухтаруллина А.Р.,

доктор филологических наук, профессор,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЛЕНГА В ДИСКУРСЕ ФИГУРНОГО КАТАНИЯ

В данной статье на материале лексики фигурного катания исследуются основные пути формирования профессионального социолекта: фонетическая адаптация заимствований, эпиминизация и метафоризация. Анализ показывает, что рассматриваемые единицы проходят все стадии грамматического освоения, функционируя в речи по законам литературного языка. Полученные результаты иллюстрируют системность развития разговорной спортивной терминологии.

Ключевые слова: *фигурное катание, заимствование, эпиминизация, профессиональный сленг, языковая адаптация, метафоризация.*

Если вы никогда не были в раздевалке дворца спорта или на тренерской скамейке у бортика, то вы вряд ли поймете, о чем говорят фигуристы. Они могут всерьез обсуждать, удался ли «риппон» на «трикселе», и жаловаться, что судьи опять «грибуют» кого-то. Нет, это не секретный шифр и не магия. Такие фразы являются примером профессионального сленга в мире фигурного катания. В данной статье мы попытаемся разобраться, как английские термины врастают в русскую речь, а обыденные метафоры становятся частью спортивного быта.

Как появляется сленг? На первый взгляд кажется, что фигуристы просто коверкают английские слова, но это не так. За каждым т.н. «дупелем» прослеживается четкий алгоритм создания профессионального сленга и можно выделить несколько способов его порождения.

Во-первых, это процесс заимствования, ведь фигурное катание является интернациональным видом спорта. Исторически сложилось так, что большая часть официальной фигурнокатательной терминологии была заимствована из английского языка. Однако в устной речи спортсменов и тренеров иностранная лексика не просто заимствуется, а проходит стадию глубокой фонетической и морфологической адаптации. Обратимся к наиболее частоупотребляемым примерам профессионального сленга. Слово «дупель» – сокращенный вариант термина-словосочетания «двойной аксель», происходит от английского “double axel”. При переносе в русскую разговорную среду наблюдается ряд изменений:

1. Усечение основы – слово *double* сократилось до первого слога *dub-*. Английский звук [ʌ] в *dub* замещается на привычное для русскоязычного говорящего сочетание [уп], а [l] приобрела мягкость - [ль];
2. Слово получило нулевое окончание мужского рода и склоняется по падежам: *нет дупеля, владею дупелем*.

Аналогичный механизм прослеживается с трансформацией термина-словосочетания «тройной аксель» на «триксель». Здесь на английскую основу *axel* накладывается русское окончание -ель, что фонетически сближает термин с исконно русскими словами (например, «капель» или «метель»).

Во-вторых, необходимо упомянуть еще один механизм – эпонимизацию, то есть переход имени собственного (или фамилии) в имя нарицательное. Прежде чем говорить о частном примере «риппона», необходимо отметить фундаментальную особенность терминологии фигурного катания: практически все базовые прыжковые элементы названы в честь спортсменов, которые впервые их исполнили или довели до узнаваемой формы [3]. Это уникальная черта данного вида спорта, отличающая его, например, от гимнастики, где элементы чаще получают описательные названия. Риппоном в фигурном катании называется прыжок с поднятыми руками над головой (вместо стандартной группировки рук на груди). Такое название элемент получил в честь американского фигуриста Адама Риппона, который сделал данную манеру исполнения прыжков своей «визитной карточкой» и довел ее до высокой степени совершенства на международной арене. С

лингвистической точки зрения здесь наблюдается классический метонимический перенос: часть (фамилия конкретного исполнителя) начинает замещать целое (технический прием или разновидность прыжка). В русской разговорной речи фамилия «Риппон» утратила прописную букву и приобрела грамматические признаки существительного мужского рода второго склонения: *исполнить риппон, риппон-тулуп*. Важно отметить, что сама идея прыжка с руками вверх не является строгим изобретением спортсмена – подобные вариации встречались в истории фигурного катания и ранее. Но именно в современном фигурнокатательном дискурсе, а особенно после Олимпийских игр 2018 года, фамилия конкретного атлета закрепились в русскоязычной среде как устойчивый термин.

Третий механизм формирования профессионального сленга фигуристов принципиально отличается от заимствований и эпонимии. Речь идет о метафоризации – переносе значения с одного предмета или явления на другое на основе сходства. В нашем случае, сходства не технического, а сугубо ассоциативного, часто с оттенком иронии. В лексиконе фигуристов, тренеров и спортивных комментаторов прочно закрепилось слово «грибы». Оно употребляется для обозначения незаслуженных, чрезмерно завышенных надбавок *GOE (Grade of Execution* – оценка за качество исполнения элемента), которые судьи выставляют определенному спортсмену (иногда даже при наличии очевидных ошибок или падений). Лингвистический анализ позволяет выделить уровень ассоциаций, сделавших данную метафору жизнеспособной: в природе грибы возникают «из ниоткуда», когда вчера поляна была пуста, а сегодня на ней уже красуются шляпки. Аналогичным образом, по мнению критически настроенных наблюдателей, «вырастают» и судейские надбавки у некоторых фигуристов: базовая стоимость элемента невысока или исполнение откровенно слабое, но итоговый протокол пестрит плюсами. В англоязычном дискурсе фигурного катания для обозначения завышенных оценок используются следующие термины:

Overscoring или *inflation* (буквально «завышение оценок» или «инфляция баллов») – наиболее распространённый, но нейтральный вариант.

Reputation judging – термин, указывающий на судейство, основанное на прошлых заслугах и статусе фигуриста, а не на реальном прокате.

Научная работа Е.Л. Березович и В.С. Кучко, опубликованная в журнале «Русская речь», подтверждает, что «грибы» – это уникальное для русского спортивного социолекта явление [1]. Исследователи приходят к выводу, что этот образ не просто случаен, а уходит корнями в русскую диалектную и жаргонную лексику, где слово «гриб» несёт коннотации скрытого действия, быстрого и неожиданного появления, а также подмены [1].

Четвертый механизм, характерный для фигуристов, можно обозначить как фонетическую метафору с элементом каламбура. Речь идет о слове «нудли» - ироничном обозначении лирической, медленной музыки и, соответственно, программ, поставленных под нее. С одной стороны, в его основе лежит английское слово *noodles* ([ˈnuːdlz] – «лапша»). В международной практике постановки ледовых шоу существует термин *noodle arms* или *noodle hands* («руки-лапша»), обозначающий чрезмерно мягкие, лишённые мышечного тонуса и четкости движения верхних конечностей. Этот образ был перенесён в фигурное катание, вероятно, из смежных дисциплин, где *noodle* используется для описания вялой, неакцентированной хореографии. С другой стороны, в русскоязычной среде произошло характерное семантическое переосмысление. Благодаря почти полному фонетическому совпадению английского *noodles* с русским прилагательным «нудный» (в форме множественного числа – «нудные»), термин приобрел дополнительную, сугубо ироническую окраску. В усеченной разговорной форме «нудли» он стал обозначать именно «нудную лирику» - программы под тягучую, меланхоличную, эмоционально однообразную музыку.

Показательным является употребление этого слова в речи известных фигуристов. Так, двукратная чемпионка мира Евгения Медведева в интервью 2024 года отмечала: «Я постоянно слышу: "Женя, экспериментируй, нам хочется чего-то нового, чего ты нудли катаешь?" Но я по своей натуре лирик. Мне идет лиричная музыка с каким-то глубинным смыслом, со страданиями иногда» [2].

Фигуристка употребляет лексему во множественном числе (нудли), что подчеркивает ее субстантивацию (переход в разряд существительных) и полную интеграцию в морфологическую систему русского языка. Любопытно также, что Медведева воспринимает этот термин именно как упрек в адрес своего ампула, что подтверждает его устоявшуюся оценочную окраску в дискурсе сообщества.

Итак, проведенный нами анализ лексических единиц «триксель», «дупель», «риппон», «грибы» и «нудли» позволяет утверждать, что профессиональный сленг фигуристов представляет собой не случайный набор искаженных слов, а стройную лингвистическую систему. В ее основе лежат три ключевых механизма: фонетическая адаптация англоязычных терминов, эпонимизация фамилий спортсменов и метафорический перенос на основе визуальных или ассоциативных сходств. Каждое из рассмотренных слов прошло полный цикл грамматического освоения – от появления в устной речи до обретения способности склоняться и образовывать производные формы. Таким образом, язык фигурного катания наглядно демонстрирует, как живая разговорная стихия развивается по тем же строгим законам, что и литературная норма, обогащая русский язык новыми выразительными средствами.

Литература

1. Березович Е.Л., Кучко В.С. Откуда взялись грибы в фигурном катании: к мотивационной интерпретации русского жаргонизма грибы «незаслуженно высокие баллы» // Русская речь. – 2021. – № 5. – С. 22-39.
2. Медведева Е.А. Интервью // Sports.ru. – 25.07.2024. – URL: <https://www.sports.ru/figure-skating/1116266153-evgeniya-medvedeva-postoyanno-slyshu-zhenya-eksperimentiruj-nam-xochet.html>
3. Официальный сайт Международного олимпийского комитета. Кто изобрел прыжки в фигурном катании // Olympics.com. – 03.02.2021. – URL: <https://www.olympics.com/ru/news/кто-такой-аксель>

D.V. Zubareva,
*1st-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: A.R. Mukhtarullina,
*Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

METHODS OF PROFESSIONAL SLANG FORMATION IN THE DISCOURSE OF FIGURE SKATING

The given article examines the main pathways of professional sociolect formation based on the lexics of figure skating, including phonetic adaptation of borrowings, eponymization, and metaphorization. The analysis demonstrates that the lexical units under consideration undergo all stages of grammatical assimilation and function in speech according to the laws of the standard language. The findings illustrate the systematic nature of the development of colloquial sports terminology.

Keywords: *figure skating, borrowing, eponymization, professional slang, language adaptation, metaphorization.*

УДК 81'373.42

Исакова А.С.,
*қауымдастырылған профессор,
Ш.Есенов атындағы Каспий технологиялар
және инжиниринг университеті,
Ақтау, Қазақстан*
Мирханова М.,
*2 курс студенті, Ш.Есенов атындағы
Каспий технологиялар және инжиниринг университеті,
Ақтау, Қазақстан*

ҚАЗАҚ, ОРЫС ЖӘНЕ АҒЫЛШЫН ТІЛДЕРІНДЕГІ МЕНТАЛДЫ ЕТІСТІКТЕРДІҢ ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ СИПАТЫ

Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі менталды етістіктердің тілдік, семантикалық және танымдық ерекшеліктері қазіргі лингвистикадағы маңызды мәселелердің бірі

болып саналады. Менталды етістіктер адамның ойлау, қабылдау, түсіну, есте сақтау, пайымдау және сену сияқты ішкі когнитивтік әрекеттерін білдіретін тілдік бірліктер ретінде ерекше орын алады.

Зерттеу барысында үш тілдегі менталды етістіктерге салыстырмалы талдау жасалып, олардың мағыналық құрылымы, қолданылу ерекшеліктері және ұлттық дүниетаныммен байланысы анықталады. Сонымен қатар, әр тілдегі ойлау жүйесінің тіл арқылы берілу сипаты қарастырылып, қазақ тіліндегі эмоциялық-бейнелілік, орыс тіліндегі процессуалдық сипат және ағылшын тіліндегі логикалық-нақтылық ерекшеліктері айқындалады. Жүргізілген талдау нәтижесінде менталды етістіктердің тілдік жүйедегі қызметі мен адамның дүниені тану үдерісіндегі маңызы нақтыланады.

Кілт сөздер: *менталды етістік, ойлау, когнитивтік процесс, тілдік жүйе, семантика, салыстырмалы талдау.*

Қазіргі тіл білімінде адамның ойлау жүйесін тіл арқылы зерттеу өзекті мәселелердің бірі болып табылады. Тіл - тек қарым-қатынас құралы ғана емес, ол адамның дүниені қабылдау тәсілін көрсететін күрделі жүйе. Осы тұрғыдан алғанда, менталды етістіктер ерекше мәнге ие. Менталды етістіктер адамның санасында жүзеге асатын әрекеттерді білдіреді. Олар сыртқы физикалық қозғалысты емес, ішкі ойлау, сезіну, түсіну сияқты процестерді сипаттайды. Сондықтан бұл етістіктерді зерттеу арқылы әр халықтың дүниетанымын, мәдени кодын және ойлау ерекшелігін анықтауға болады.

Менталды етістіктер - адамның когнитивтік қызметін білдіретін етістіктер тобы. Оларға ойлау, білу, түсіну, есте сақтау, сену сияқты әрекеттер жатады. Бұл етістіктердің басты ерекшелігі - олардың нақты физикалық әрекетті емес, психикалық процесті білдіруі. Мысалы, «ойлау», «түсіну» сияқты етістіктер көзге көрінбейтін, бірақ адамның санасында жүретін әрекеттерді көрсетеді.

Лингвистикада менталды етістіктер тіл мен ойлаудың байланысын зерттеуде маңызды құрал болып саналады. Олар адамның ақпаратты қалай қабылдайтынын, өңдейтінін және жеткізетінін көрсетеді.

Қазақ тіліндегі менталды етістіктердің ерекшелігі: Қазақ тілінде менталды етістіктер ерекше эмоциялық, бейнелі және терең мағыналық сипатқа ие. Бұл тілде ойлау процесі тек рационалды әрекет ретінде ғана емес, адамның ішкі жан дүниесімен, сезімімен және рухани тәжірибесімен тығыз байланыста қарастырылады. Яғни, таным үдерісі ақыл мен жүректің бірлігі арқылы жүзеге асады.

Қазақ тіліндегі көптеген менталды тіркестер адамның ойлауын абстрактілі түрде емес, нақты образдар арқылы жеткізеді. Мысалы, «көңілге тоқу», «жүрекпен сезіну», «жан дүниесімен түсіну», «көңіліне түю» сияқты тіркестер ақпаратты тек есте сақтау емес, оны терең қабылдау, сезіну және ішкі әлем арқылы өткізу мағынасын білдіреді. Бұл ерекшелік қазақ халқының дүниетанымында білімнің тек логикалық емес, рухани-эмоциялық құндылық ретінде қабылданатынын көрсетеді. Сонымен қатар, қазақ тілінде менталды әрекеттерді сипаттауда соматикалық компоненттер кеңінен қолданылады. Атап айтқанда, «жүрек», «жан», «көңіл» сияқты ұғымдар ойлау мен сезіну процестерінің негізгі тірегі ретінде көрінеді. Мұндай тілдік бірліктер адамның психологиялық күйін, ішкі толғанысын және дүниені қабылдау тәсілін бейнелі түрде жеткізуге мүмкіндік береді.

Тағы бір маңызды ерекшелік - қазақ тіліндегі менталды етістіктердің ұлттық мәдениетпен тығыз байланыстылығы. Әрбір тіркес тек тілдік мағына ғана емес, сонымен бірге халықтың тарихи тәжірибесін, салт-дәстүрін және өмірлік философиясын да қамтиды. Осы арқылы менталды етістіктер тек грамматикалық категория емес, ұлттық дүниетанымды айқындайтын маңызды құрал ретінде көрінеді.

Орыс тіліндегі менталды етістіктердің ерекшелігі: Орыс тілінде менталды етістіктер ойлау әрекетін динамикалық процесс ретінде сипаттауға бағытталған. Бұл тілде адамның когнитивтік әрекеті белгілі бір кезеңдерден тұратын құбылыс ретінде қарастырылады және ол етістіктің грамматикалық формалары арқылы нақты көрініс табады.

Орыс тілінің басты ерекшеліктерінің бірі - етістікке жалғанатын приставкалар арқылы мағынаның өзгеруі. Мысалы, «думать», «подумать», «придумать» сияқты етістіктер ойлау

әрекетінің басталуын, жалғасуын және нәтижесін білдіреді. Осы арқылы ойлау процесі тек жалпы әрекет ретінде емес, белгілі бір бағытта дамитын және нәтижеге жеткізетін құбылыс ретінде сипатталады. Сонымен қатар, орыс тілінде етістіктің түр категориясы (совершенный және несовершенный вид) маңызды рөл атқарады. Мысалы, «понимать» етістігі ойлау процесінің жүріп жатқанын білдірсе, «понять» етістігі сол әрекеттің аяқталғанын, яғни нәтижеге жеткенін көрсетеді. Бұл ерекшелік ойлау әрекетінің уақыттық және нәтижелік сипатын нақты ажыратуға мүмкіндік береді.

Орыс тіліндегі менталды етістіктер адамның ойлауын әрекет ретінде қарастырып, оның даму кезеңдерін көрсетуге бейім. Яғни, ойлау - басталатын, дамитын және аяқталатын процесс ретінде сипатталады.

Ағылшын тіліндегі менталды етістіктердің ерекшелігі: Ағылшын тілінде менталды етістіктер жоғары деңгейде нақтылықпен және мағыналық дәлдікпен жіктеледі. Бұл тілде адамның ойлау әрекеті, пікірі және сенімділік деңгейі әртүрлі етістіктер арқылы нақты ажыратылып беріледі. Яғни, әрбір менталды етістік белгілі бір когнитивтік күйді немесе ойлау дәрежесін білдіреді. Мысалы, «guess», «assume», «suppose», «believe» сияқты етістіктер адамның пікірінің сенімділік деңгейіне қарай ерекшеленеді. «Guess» көбіне нақты дәлелсіз жорамал жасауды білдірсе, «assume» белгілі бір деректерге сүйене отырып қорытынды жасау мағынасын береді. Ал «believe» сенім мен ішкі көзқарасты білдіреді. Осылайша, ағылшын тілінде ойлау әрекеті өте ұсақ деңгейлерге дейін жіктеліп, дәл сипатталады. Сонымен қатар, ағылшын тіліндегі менталды етістіктердің маңызды грамматикалық ерекшелігі - олардың көпшілігінің Continuous (созылыңқы) шақта қолданылмауы. Мысалы, «I know», «I understand» сияқты құрылымдар қолданылады, ал «I am knowing» немесе «I am understanding» сияқты формалар дұрыс деп есептелмейді. Бұл жағдай менталды етістіктердің әрекеттен гөрі тұрақты күйді, яғни адамның ішкі психологиялық жағдайын білдіретінін көрсетеді.

Ағылшын тіліндегі менталды етістіктердің тағы бір ерекшелігі - олардың аналитикалық сипатта болуы. Яғни, ойлау процесі нақты, логикалық және жүйелі түрде беріледі. Бұл ағылшын

тіліндегі дүниетанымның рационалдылыққа, дәлдікке және құрылымдылыққа негізделгенін көрсетеді. **Менталды етістіктердің жіктелуі:** Менталды етістіктер мағынасына қарай бірнеше негізгі топтарға бөлінеді. Бұл жіктеу адамның когнитивтік әрекеттерінің әртүрлі қырларын жүйелеуге мүмкіндік береді. Әрбір топ ойлау процесінің белгілі бір аспектісін көрсетіп, тілдегі танымдық әрекеттің құрылымын айқындайды.

➤ Бірінші топ - ойлау әрекетін білдіретін етістіктер. Бұл топқа «ойлау», «толғану», «пайымдау» сияқты етістіктер жатады. Ағылшын тілінде бұл мағынаны «think», «consider» етістіктері береді. Бұл етістіктер адамның ақпаратты өңдеу, талдау және қорытынды жасау әрекеттерін сипаттайды.

➤ Екінші топ - білу және түсіну әрекетін білдіретін етістіктер. Оларға «білу», «түсіну», «ұғыну» сияқты етістіктер кіреді. Ағылшын тілінде «know», «understand» формалары қолданылады. Бұл топ адамның білімді игеруін, ақпаратты саналы түрде қабылдауын көрсетеді.

➤ Үшінші топ - есте сақтау және еске түсіру әрекеттерін білдіретін етістіктер. Мысалы, «есте сақтау», «еске түсіру», «ұмытпау» сияқты етістіктер осы топқа жатады. Ағылшын тілінде «remember», «recall» етістіктері қолданылады. Бұл топ адамның ақпаратты сақтау және қайта жаңғырту қабілетін сипаттайды.

➤ Төртінші топ - сенім мен пікір білдіретін етістіктер. Бұл топқа «сену», «деп санау», «ойлау» (пікір білдіру мағынасында) сияқты етістіктер кіреді. Ағылшын тілінде «believe», «suppose», «assume» сияқты формалар қолданылады. Бұл етістіктер адамның субъективті көзқарасын, сенімін және бағалау әрекетін білдіреді.

Аталған топтар адамның когнитивтік әрекетінің негізгі бағыттарын қамтып, менталды процестердің тілдегі көрінісін жүйелі түрде сипаттауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, бұл жіктеу әртүрлі тілдердегі ойлау жүйесінің ерекшеліктерін салыстыра зерттеуге негіз болады.

Салыстырмалы талдау: Үш тілдегі менталдық етістіктерді салыстырмалы талдау олардың мағыналық ауқымы мен қолданылу ерекшеліктерінде айқын айырмашылықтар бар екенін көрсетеді.

Қазақ тілінде «білу» ұғымы кең мазмұнға ие болып, ақпаратты меңгерумен қатар, тәжірибе мен дағдыны да қамтиды. Бұл тілдегі

ойлау жүйесінің тұтастығын, яғни білім мен әрекеттің бірлігін көрсетеді.

Орыс тілінде «знать» етістігі көбінесе ақпаратқа ие болуды білдіреді және «уметь» етістігімен жиі карама-қарсы қойылады. Яғни, бұл тілде білім мен дағды нақты ажыратылып беріледі.

Ағылшын тілінде «to know» етістігі кең мағынада қолданылғанымен, нақты іс-әрекет дағдыларын білдіру үшін «know how to» конструкциясы жиі пайдаланылады. Бұл ағылшын тіліндегі аналитикалық тәсілдің басымдығын көрсетеді. Осылайша, үш тілдегі менталдық етістіктерді салыстыру әр тілдің өзіндік когнитивтік моделін, яғни ойлау мен білімді ұйымдастыру тәсілін айқындауға мүмкіндік береді.

Қорытынды: Жүргізілген кешенді салыстырмалы талдау нәтижесінде қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі менталдық етістіктердің құрылымдық әрі семантикалық айырмашылықтарына қарамастан, олардың адамзаттық ойлау жүйесіндегі қызметі бір арнаға тоғысатыны анықталды. Аталған етістіктер адамның тек сыртқы әрекетін емес, оның ішкі рухани әлемін, танымдық бағдарын, сенімі мен күмәнін, пайымы мен қабылдау ерекшелігін тіл арқылы бейнелеуге мүмкіндік береді. Грамматикалық деңгейдегі ерекшеліктер, мысалы, ағылшын тіліндегі Continuous категориясының болуы немесе қазақ тіліндегі аналитикалық және көмекші етістік формаларының өзіндік сипаты, тілдердің ойды ұйымдастыру тәсілдерінің әртүрлі екенін көрсетеді. Дегенмен, бұл айырмашылықтар олардың негізгі қызметіне әсер етпейді, керісінше әр тілдің өзіндік дүниетанымдық болмысын айқындай түседі.

Бұл тұрғыда америкалық философ әрі педагог Джон Дьюидің: «Адамның санасына келетін, ойына оралатын барлық нәрсе - ой болып табылады» деген тұжырымы ерекше мәнге ие. Аталған пікір менталдық етістіктердің адамның ішкі когнитивтік процестерін тілдік деңгейде бейнелеудегі әмбебап рөлін дәлелдейді.

Сонымен қатар, қазақ тіліндегі ой мен сезімнің тұтастығы, бейнелі ойлау жүйесінің басымдығы, орыс тіліндегі логикалық құрылымдардың айқындылығы және ағылшын тіліндегі аналитикалық сипаттың үстемдігі - әр тілдің мәдени-танымдық ерекшелігін көрсететін маңызды белгілер болып табылады. Жалпы алғанда, менталдық етістіктерді зерттеу тілдік құбылысты ғана

емес, адам болмысының терең қабаттарын, ұлттық дүниетаным ерекшеліктерін және ойлау мәдениетін түсінуге жол ашады. Мұндай зерттеулер аударматану, когнитивтік лингвистика және тіл үйрету әдістемесі салаларында өзекті әрі құнды болып табылады.

Қорытындылай айтқанда, менталдық етістіктер - тіл мен ойдың тоғысқан тұсы, адам санасының тілдік көрінісі және дүниені танудың әмбебап құралы ретінде ғылыми тұрғыдан ерекше маңызға ие.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Бабенко Л.Г. Пересекаемость глаголов чувств с глаголами других лексико-семантических групп // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: сборник научных трудов. – Свердловск, 1985. – С. 12-20.
2. Балақаев М. Қазақ тіл мәдениетінің мәселелері. – Алматы: Мектеп, 1987. – 88с.
3. Барышев Н.В. Национальная специфика лексико-семантических полей «средства передвижения» в русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 1999. – 18 с.
4. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола: некоторые вопросы урало-алтайского языкознания. – Уфа, 1970. – С. 38-310.
5. Гак В.Г. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // «Логический анализ языка: Ментальные действия». – М.: Наука, 1993. – С. 22-28.
6. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 291-314.
7. Зубова Ж.А. Фрагмент семантического поля «речевая деятельность» // Семантика языковых единиц: доклады VI международной конференции. – М., 1998. Т. 1. – С. 140-141.
8. Ничман З.В. К вопросу о лексико-семантических группах слов (на материале глаголов устной речи в современном русском языке) // Проблемы русского языка: научные труды Новосибирского гос. пед. ин-та. – Новосибирск, 1973. Вып. 91. – С. 4-19.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. - М., 2009. – 236 с.

10. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2-3 (40-41). – С. 8-27.

© Исакова А.С., Мирханова М., 2026

A.S. Isakova,
*Associate Professor of Sh. Yessenov Caspian University
of Technology and Engineering,
Aktau, Kazakhstan*
M. Mirkhanova,
*2nd-Year Student of Sh. Yessenov Caspian University
of Technology and Engineering,
Aktau, Kazakhstan*

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF MENTAL VERBS IN KAZAKH, RUSSIAN AND ENGLISH

Linguistic, semantic and cognitive properties of mental verbs in Kazakh, Russian and English are considered one of the most important issues in modern linguistics. Mental verbs occupy a special place as linguistic units expressing internal human cognitive processes, such as thinking, perception, understanding, memorization, reasoning and persuasion.

In the course of the study, a comparative analysis of mental verbs in three languages is carried out, their semantic structure, features of use and connection with the national worldview are determined. In addition, the nature of the transmission of the thinking system in each language is considered, the features of emotional-figurativeness in the Kazakh language, procedural nature in the Russian language and logical-specificity in the English language are determined. As a result of the analysis, the function of mental verbs in the linguistic system and their significance in the process of human cognition of the world are clarified.

Keywords: *mental verb, thinking, cognitive process, linguistic system, semantics, comparative analysis.*

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В КАЗАХСКОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию метафорических моделей в казахском медицинском дискурсе в рамках антропоцентрической парадигмы. Метафора рассматривается не как художественный прием, а как когнитивный инструмент мышления и категоризации реальности. В работе анализируются когнитивный, дискурсивный и эмпирический подходы к изучению метафоры. Особое внимание уделяется методу метафоризации как ключевому способу терминообразования, обеспечивающему точность и специфичность передачи научной информации в медицине.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, антропоцентрическая парадигма, медицинский дискурс, метафора, терминообразование.

В последние годы в лингвистических исследованиях наблюдаются значительные изменения и новые открытия. Как и другие области науки, лингвистика также быстро развивается в рамках новой исследовательской парадигмы. Секрет новой парадигмы лингвистики, называемой антропоцентрической, напрямую связан с принципом «человек в языке, язык в человеке». Язык любой нации рассматривается как инструмент, отражающий её образ жизни, культуру, обычаи и традиции, душу, сознание, жизненные принципы и мировоззрение, поведение и психологию.

В течение многих лет метафора рассматривалась в научном дискурсе как художественный приём, характерный для литературного стиля. На современном этапе развития антропоцентрической лингвистики концепция метафоры дополняется новыми интерпретациями. В исследованиях метафоры особое внимание уделяется её важной роли в формировании концептуальной и вербальной системы человека, её активному

участию в мыслительных процессах и восприятии, языковой категоризации (Дэвидсон 1990; Кассирер 1990; Кубрякова 1999; Лакофф 2004; Лакофф, Джонсон, 2003; Мишланова 2002; Чудинов 2001; Фоконнье 1999; Тернер, Фоконнье 1995, 1998 и др.).

В конце прошлого века начал расти интерес к изучению метафоры, что привело к её рассмотрению с точки зрения различных научных направлений. Одним из таких направлений стала когнитивная лингвистика, в рамках которой зародилась когнитивная теория метафоры, основные выводы которой нашли отражение в работе лингвиста Дж. Лакоффа и философа М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff G., Johnson M., 1980].

Обзор литературы по теории метафоры выявил три взаимосвязанных подхода к метафоре: когнитивный (Lakoff, G. and M. Johnson 1980) [Lakoff, G. and M. Johnson 1980], дискурсивный (Cameron et al. 2010) [Cameron, L., G. Low, and R. Maslen, 2010] и эмпирический (Reisfield, G. and G. Wilson 2004) [Reisfield, G. and G. Wilson 2004]. Все три подхода связаны с корпусной лингвистикой и занимаются изучением метафоры, но каждый из них имеет свои сильные стороны. С когнитивной точки зрения, исследователи рассматривают метафору как продукт языка и мышления. Дискурсивный подход к метафоре фокусируется на ее форме и функции в речи, например, кто использует метафору, с какой целью, в каком контексте и каковы ее эффекты или последствия. С эмпирической точки зрения, он фокусируется на том, как метафоры способствуют или препятствуют определенным институциональным отношениям, то есть, какие метафоры следует использовать, а от каких следует отказаться.

В казахском языкознании метафору с разных сторон изучали следующие ученые: А.С. Сыбанбаева, И.С. Муратбаева, С.К. Сансызбаева, К.К. Рисберген, Г.Н. Зайсанбаева, Г.С. Кусяинова, Ф.З. Сеитова, Г.О. Дюсенбаева, М.В. Тричик, А.М. Толеубаева, Ж.Т. Оспанова и другие.

В число ученых, специально изучавших метафоры в медицинской терминологии, входят С.Л. Мишланова (2002), Т.И. Уткина (2007), С.Г. Дудетская (2007), О.Д. Вишнякова (2018) и другие. С.Л. Мишланова, Т.И. Уткина, О.Д. Вишнякова изучала метафору в медицинском дискурсе, а С.Г. Дудетская

рассматривала метафору как способ создания английских терминов в челюстно-лицевой хирургии и стоматологии. С.В. Швецова провела лингвистический анализ методов терминообразования в современной английской терминологической системе офтальмологии [Швецова С.В. 2005]. В казахской лингвистике в качестве исследований медицинских терминов можно привести работы М.О. Исамбаева (1961) и К.Г. Аяпбергеновой (1987). И. Муратбаева изучала семантику метафоризированных терминов в современных казахском и русском языках [Муратбаева 2000].

Среди семантических типов терминообразования метод метафоризации является одним из самых популярных и широко используемых. Главная роль языка – хранение и передача информации, внесение точного, специфического содержания данных в науку. Язык науки не ограничивается лишь передачей идей или доказательством принципов. В научных исследованиях язык служит концептуальным инструментом, то есть направляет учёного по правильному пути; в науке его также называют созидательной силой. Термины позволяют нам расширять научные знания и концепции. Роль языка в науке известна благодаря его использованию на основе метафоры. Метафора в научном языке выполняет коммуникативную, когнитивную функцию, то есть связана с когнитивными науками, включая когнитивную лингвистику. Восприятие и использование метафоры влияют на развитие науки в различных областях, поскольку метафора не только систематизирует наше мышление, но и направляет его к определённому объекту. А метафоризация – это восприятие одного понятия в ином, более широком смысле под влиянием другого понятия. В конечном итоге, метафоры изменяют явление или идею под влиянием другого явления и идеи, влияя на открытие более широкого и глубокого смысла и концепции. Теория метафоры способствовала изменению современного понятия креативности. Язык науки, который ранее опирался лишь на специфическую и лаконичную, однозначную и абстрактную греко-латинскую терминологию, теперь широко распространился, используя метафорические термины. Если раньше научные эмоции не использовались наряду с научной терминологией и научной метафорой, то теперь они стали неотъемлемым, неразделимым

фактором этих областей. Метафорические термины не только обозначают новое явление, но и помогают понять и воспринять это новое явление. Метафорические термины, возникающие в процессе познания, в языке науки и техники, формируются в результате установления более или менее сложной связи между объектами и явлениями в окружающем мире в сложном познавательном процессе.

Механизм метафоризации основан на сходстве названий. Поскольку знаки понятия выражаются в языке как компонент значения, часто речь идет не о присвоении имени, а о присвоении значения, то есть изменчивого значения; наше знание окружающего мира является основой, на которой происходит процесс метафоризации. Учитывая невозможность выразить метафору одним словом (формально, она может быть двухкомпонентной или многокомпонентной), мы используем для этого более распространенное название – метафорическая фраза. В литературе также встречаются названия метафорические комплексы, метафорические структуры, метафорическое рассуждение, бинарма.

В казахском языке были выявлены следующие синтаксические модели двухкомпонентных метафорических терминов: 1) Прилагательное + существительное: *қара катаракта, дөңес линза, құрғақ кератит, қабатты кератопластика, түйіршікті конъюнктивит, қапшықты глаукома, ұшықты кератит*; 2) И.сущ. + И. сущ.: *көз саңылауы, көзұяның қалқасы, көз түбі, көз алмасы, көз бұршағы, көзбұршақ қапшығы, саңырауқұлақшалық кератит, өгіз көз, мысық көз синдромы, қоян көз, бадырақ көз, көзілдірік симптомы, кобра белгісі, көз иемені, көз айнасы, көз сұңгісі, көзұялық бет, көзұялық жиек, көзқарақтың қыртысы* 3) Глагол + И. сущ.: *көру тәмпесі, көру қыртысы*. Трехкомпонентные метафоры: 1) И. Сущ. + И. Прил. + И. Сущ.: *көздің торлы қабығы*; 2) Глагол + И. Сущ. + И. Сущ.: *көрудің селеубас жасушасы*; 3) И. Сущ. + союз + И. Сущ.: *ұршық тәріздес катаракта, диск тәрізді кератит*.

Рассмотрим формирование медицинских метафорически-терминологических моделей. Выявление особенностей возникновения и использования медицинских метафор путем анализа концептуальных моделей, сформированных по типу

источника (донора) – получателя, позволило создать систему когнитивно-мотивационных диаграмм, которые классифицируют и регулируют сегменты специализированной медицинской лексики. Основными донорскими областями в медицинской метафоре являются природные и антропоморфные концептуальные области. Метафоры, возникающие в этих концептуальных пространствах, в свою очередь, делятся на более дифференцированные модели. Природная метафора включает зооморфные, ботанические и географические модели. Антропоморфная метафора основана на социальных, артефактных моделях в медицинской терминологии.

Наиболее продуктивной в концептуальной области природы является зооморфная модель. Сходство объектов и явлений животного мира переносится на объекты и явления медицинской области, формируя метафорические термины в зооморфной модели. Например, в казахском языке: *өгіз көз, мысық көз синдромы, қоян көз, жанат көз, бұқа көз, кобра белгісі, мысықтың айқайы синдромы (мысықтың жылауы), қолтырауын жас, тауық соқыры, ише сүйегі синдромы, колибри қысқышы және т.б*

Географическая модель порождает термины, основанные на сходстве медицинского явления или анатомической особенности с определенными объектами ландшафта. Например, в казахском языке: *дөңес линза, қабатты кератопластика, көз түбі, географиялық кератит, көзұялық жиек, көзқарақтың қыртысы, көру төмпесі, көру қыртысы және т.б.*

Ботаническая модель порождает формирование медицинских терминов, в структуру которых входит метафорический компонент из концептуальной области флоры. Например, в казахском языке: *көз алмасы, көз бұршағы, көзбұршақ қапшығы, саңырауқұлақшалық кератит, көрудің селеубас жасушасы және т.б.*

Концептуальная сфера человека, являющаяся источником наиболее продуктивной антропоморфной метафорической модели, делится на дифференцированные области, такие как социальные, артефактные модели. Метафорический переход от концептуальной сферы человека как социального субъекта (социальная антропоморфная модель) осуществляется на основе сходства заболевания с социальной ролью, возрастом, статусом или

продуктом человека: *жасөспірімдік глаукома, қарттар катарактасы* т.б.

Артефактная метафора формирует концептуальную основу для создания медицинских терминов (обычно состоящих из двух частей), одним из компонентов которых является название любого объекта (в основном предметов домашнего обихода и одежды). Эта концептуальная модель является наиболее продуктивной. Например, на казахском языке: *қапшықты глаукома, көзбұршақ қапшығы, көз айнасы, ұршық тәріздес катаракта, диск тәрізді кератит және т.б.*

В заключение следует отметить, что роль метафоры в медицинском дискурсе очень важна с когнитивно-прагматической точки зрения. Использование познавательных метафор позволяет моделировать определенное отношение человека к миру, что не только решает коммуникативные задачи, поставленные в этой области человеческой коммуникации, но и осуществляет познавательные действия в плане усвоения и обработки информации, а также получения и освоения новых знаний. В силу специфики этого типа дискурса метафорическое представление медицинских понятий выполняет ряд функций для передачи информации специфического характера: с одной стороны, познавательная метафора может быть использована для объяснения значений, заложенных в этих понятиях, с другой стороны, для этически обоснованной реконструкции, эвфемизации, а также с целью сокрытия реальной ситуации в профессиональной сфере. Иными словами, использование когнитивной метафоры в медицинском дискурсе может служить для привлечения внимания к определенному типу информации и для смягчения, нейтрализации, сокрытия. В некоторых случаях использование метафор, основанных на применении языковых единиц различной семантики с негативными коннотациями, может способствовать достижению поставленных профессиональных целей, прежде всего в плане создания благоприятного психологического климата среди пациентов. Познавательная метафора в медицинском дискурсе играет особую роль в изучении сущности научных явлений и процессов, что подтверждается рядом исследований и находит отражение в специализированной литературе.

Таким образом, изучение типов метафор помогает определить общее направление развития метафорических значений. Наблюдая за связью языка и культуры, национально-культурная специфика значения позволяет выявить его типологические характеристики, создаваемые с помощью образных средств, включая способность видеть специфику конкретного языка.

Литература

1. Басилая Н.А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний. – Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1971. – 78 с.
2. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Под ред. В. Н. Телия. – М: Наука, 1988. – С. 11.
3. Жанұзақов Т. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. – Алматы: Жазушы, 2008. – 893 б.
4. Мұратбаева И. Қазіргі қазақ және орыс тілдеріндегі метафораланған терминдердің семантикасы. Филол. ғыл. канд. дис. ... авторефераты. – Алматы, 2000. – 24 б.
5. Орысша-қазақша түсіндірме сөздік: Биология / Жалпы редакциясын басқарған э.ғ.д., профессор Е. Арын – Павлодар: «ЭКО» ҒӨФ, 2007. – 1028 б.
6. Рысберген Қ.Қ. Когнитивтік метафораның лингвотанымдық әлеуеті (ономастикалық материалдар негізінде) // Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті Хабаршысы. «Филология ғылымдары» сериясы. №2 (69), 2023. – Б. 182-196. DOI: <https://doi.org/10.48371/PHILS.2023.69.2.012>
7. Швецова С.В. Лингвистический анализ способов терминообразования в современной английской офтальмологической терминосистеме: 10.02.04 – германские языки. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Иркутск, 2005. – 24 с.
8. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3-х томах. Около 60 000 терминов. / Гл. ред. Б.В.Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1982.
9. <https://kazmedic.org/archives/3126>. Қаралған күні: 20.06.2023.

10. Adnan, N. B. A Corpus-Based Study of Time Metaphors in the Text Simplification of 'Around the World In 80 Days'. [Doctoral Dissertation, University of Malaya]. 2014. – 195 p.
11. Ahrens, K. & Jiang, M. Source Domain Verification Using Corpus-based Tools. *Metaphor and Symbol*, 2020. P. 43-55, <https://doi.org/10.1080/10926488.2020.1712783>
12. Sardinha, T. B. Metaphor in corpora: a corpus-driven analysis of Applied Linguistics dissertations. *Rev. Brasileira de Linguística Aplicada*, 2007. P. 11-35. DOI: 10.1590/S1984-63982007000100002
13. Cameron, L., G. Low, and R. Maslen. 'Finding systematicity in metaphor use,' in L. Cameron, and R. Maslen (eds): *Metaphor Analysis: Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities*. Equinox, 2010. P. 116-146.
14. Charteris-Black, J. Corpus approaches to critical metaphor analysis. Houndmills. 2004. – 278 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230000612>
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
16. Reisfield, G. and G. Wilson. 2004. 'Use of metaphor in the discourse on cancer,' *Journal of Clinical Oncology*, 2004. 22/19: 4024–7. DOI: 10.1200/JCO.2004.03.136
17. Semino, E., Demjén, Z., & Demmen, J. An Integrated Approach to Metaphor and Framing in Cognition, Discourse, and Practice, with an Application to Metaphors for Cancer. *Applied Linguistics*, 2018. P. 625-645, doi:10.1093/applin/amw028
18. Semino, E., Demjén, Z., Demmen, J., Koller, V., Payne, S., Hardie, A., & Rayson, P. The online use of Violence and Journey metaphors by patients with cancer, as compared with health professionals: a mixed-methods study. *BMJ Supportive and Palliative Care*. 2015. P. 1-7. DOI: 10.1136/bmjspcare-2014-000785
19. Tianying, L. Bogoyavlenskaya, Y.V. Semantic Transformation and Cultural Adaptation of Metaphor and Multimodal Metaphor in Multilingual Communication from the Perspective of Cognitive Linguistics. *Eurasian Journal of Applied Linguistics*, 2023. P. 161-189. Doi: <http://dx.doi.org/10.32601/ejal.901015>

S.S. Isakova,
Doctor of Sciences (Philology),
Professor of the K. Zhubanov Aktobe Regional University,
Aktobe, Kazakhstan

METAPHORICAL MODELS IN KAZAKH MEDICAL DISCOURSE

This article explores metaphorical models in Kazakh medical discourse within the anthropocentric paradigm. Metaphor is viewed not as an artistic device, but as a cognitive tool for thinking and the categorization of reality. The paper analyzes cognitive, discursive, and empirical approaches to the study of metaphor. Particular attention is paid to metaphorization as a key method of terminology, ensuring the accuracy and specificity of the transmission of scientific information in medicine.

Keywords: *cognitive linguistics, anthropocentric paradigm, medical discourse, metaphor, terminology.*

УДК 372.881.1

Исмагилова А.В.,
студентка 4 курса ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия
Сагидуллина Л.Р.,
кандидат педагогических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

“СҮЗЛӘР СЕРЕ” ДӘРЕСЕ: СҮЗНЕҢ СЕРЛЕ ДӨНЬЯСЫН АЧУДА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИК АЛЫМ РОЛЕ

Мәкаләдә татар теленә өйрәтүдә лингвокультурологик якын килүне куллану мөмкинлекләре карала. "Сүзләр сере" темасына укыту-гамәли дәресеңе анализлауга аерым игътибар бирелә. Дәрес барышында укучылар "Хәзинә" сүзе белән танышалар, аның мәгънәсен, фразеологизмнарда, мәкальләрдә һәм әдәби текстларда кулланылышын тикшерәләр. Тел белемнәрен һәм

укучыларның милли-мәдәни аңын үстерүдә лингвокультурологик якын килүнең роле ачыла. Мәкаләдә татар телен нәтиҗәле укыту алымнары һәм методлары тәкъдим ителгән.

Төп сүзләр: *метод, лингвокультурология, дәрес, дәрестән тыш эшчәнлек, сүз, сүзлек, фразеологизмнар, мәкальләр, айтемнәр, текст, хәзинә.*

“Уку-укыту процессы – укытучы тарафыннан идарә ителә торган, балаларның белем һәм күнекмәләргә ия булуына юнәлтелгән, оештырылган эшчәнлек. Уку процессын һәм өйрәнелә торган предмет характерын исәпкә алып, практикада укучыларның укытучы белән аралашу алымнарын һәм ысулларын оештыруның төрле кагыйдәләре кулланыла. Аларны (кагыйдәләрне) ситуациягә, укыту-тәрбия бурычларына бәйле рәвештә үзгәртәргә дә мөмкин” [10, 48].

Телдәге һәр сүз төрле мәгълүмат алып килә һәм шулар сүздә сакланалар. Һәр сүзнең эчтәлегендә ике дәрәжә бар. Беренче дәрәжә төшенчәгә карый. Төшенчә – предмет турындагы иң әһәмиятле, беренчел дәрәжәдәге, аның атамасы өчен нигез булган мәгълүмат бирә. Сүздәге эчтәлекнең беренче дәрәжәсе лексик төшенчә дип атала.

“Икенче дәрәжә предмет, күренеш турында төшенчә түгел, ә өстәмә мәгълүматлар бирә. Бу мәгълүматлар телдән тыш (экстралингвистик) мәгълүматларны чагылдыралар һәм фон мәгълүматы дип аталалар. Сүз эчтәлегенә икенче дәрәжәсе дә лексик фон” дип атала [7, 229].

Төп стратегик бурычларның берсе – телләргә өйрәтү аша югары мәдәни тел шәхесе тәрбияләү бурычы. Тел төп аралашу чарасы буларак кешеләргә хезмәт итсә, сөйләм төп аралашу ысулы булып тора. Шунлыктан бүгенге көндә һәрбер телне мәдәниятара һәм шәхесара аралашу-аңлашу чарасы буларак укыту иң мөһим мәсьәләләрдән санала.

“Телгә өйрәтүдә укытуның нигезен билгеләү зур роль уйный. Методика тарихында төрле нигезләр булган: интуитив, аңлы, катнаш һ.б. Ләкин методика өчен гаять әһәмиятле булган психология фәннең үсеше коммуникатив эшчәклекнең нигезен

барлыкка китерә һәм хәзерге вакытта ул телне өйрәтүдә теоретик база хезмәтен үти” [4, 17-18].

Телгә өйрәтү процессы, укуыту эшчәнлегә буларак оештырылып, укучылар, конкрет укуыту максатларын куеп, аны хәл итү юнәлешләрендә эш итәргә тиешләр. Бу юнәлештә укуыту тел дәресләрен аралашуга, телне фикерләр алышу чарасы буларак файдалануга өйрәтүне күз алдында тотта.

“Телгә өйрәтү төрле методлар, алымнар белән алып барыла. Метод – ул максатка ирешү чарасы һәм укуыту системасының төп компонентларыннан берсе. Метод әйдәп баручы идеясе, билгеле бер максатка юнәлтелгән булу, укуыту шартларына һәм этабына бәйсез булу, теоретик яктан билгеле бер лингвистик, психологик яисә дидактик концепциягә нигезлэнгән булу белән характерлана” [7, 91].

Татар теленә өйрәтү тарихында күп төрле алымнар, методлар кулланганнар: тәржемәле-грамматик, аңлы-гамәли, телләрне чагыштырып өйрәнү, уку методы һ.б. Хәзерге заманда алымнарның һәрбесенен аерым элементлары файдаланырга мөмкин. Телне аңлы рәвештә өйрәнмичә, аның фәнни нигезләренә төшенмичә сөйләргә өйрәнү мөмкин түгел. Шуңа күрә, аерым элементларны бер үзәккә жыеп, эш алып барганда гына – ул нәтижәле булачак.

Безнең тикшеренүдә лингвокультурологик методика алымнары шактый өлешен тәшкил итә. Татар телен укуытуда лингвокультурологик методика, телне бары тик грамматик структуралар һәм лексик берәмлекләр жыелмасы буларак түгел, ә милли мәдәниятнең аерылгысыз өлеше буларак карау мөмкинлеген бирә. Бу методиканың төп өстенлегә – ул телне өйрәнүчеләргә татар халкының гореф-гадәтләрен, йолаларын, тарихын, сэнгатен һәм дөньяга карашын тирәнтен аңларга ярдәм итә. Мәсәлән, телнең һәрбер сүзә яки фразеологик берәмлегә артында билгеле бер мәдәни код ята, һәм бу кодны ачу телне генә түгел, ә аны кулланучы халыкның рухи дөньясын да ача. Шулай итеп, укучылар телне ятлаудан тыш, аны чынбарлыкта кулланыла торган, мәдәни контекстка бай булган аралашу чарасы буларак кабул итәләр. Бу исә телгә карата кызыксынуны арттыра һәм уку процессын тагын да нәтижәлерәк итә.

Лингвокультурологик методиканың үзенчәлекләре исә аның комплекслылыгында һәм интегративлыгында чагыла. Ул телнең лингвистик аспектларын (фонетика, лексика, грамматика) мәдәниятнең төрле аспекты (фольклор, әдәбият, сәнгать, тарих) белән бәйли. Мәсәлән, татар халык әкиятләрен өйрәнгәндә, алардагы тел чараларын гына анализлап калмыйча, әкиятнең мәдәни-тарихи контекстын, анда чагылыш тапкан халык аңын да ачабыз. Шулай ук, татар милли киёмнәре, милли ашлары яки бәйрәмнәре турында сөйләгәндә, аларның атамаларының этимологиясен, алар белән бәйле йолаларны һәм ышануларны аңлату, телне өйрәнүне бастуга китерә. Бу алым укучыларда телгә карата хөрмәт һәм кызыксыну уята, аларны татар мәдәниятенә актив катнашучылары итеп формалаштыра.

Бу методиканы куллану ике форматта үтәлергә мөмкин: дәрестә һәм дәрестән тыш оештырылган эшчәнлектә. М. И. Мәхмүтов концепциясе буенча, “*дәрес* – укытучы һәм укучыларның максатчан үзара хезмәттәшлеге процессын оештыруның эчтәлеген, формаларын, методларын, укыту чараларын үз эченә алган һәм укыту процессында белем бирү, үстерү һәм тәрбияләү мәсьәләләрен чишү өчен системалы рәвештә кулланыла торган динамик һәм вариатив формасы ул” [11, 375].

Дәрестән тыш эшчәнлек – “төп белем бирү программаларын (предметлы, метапредметлы һәм шәхси) үзләштерүнең планлаштырылган нәтижеләренә ирешүгә юнәлдерелгән, дәрестән башка формаларда гамәлгә ашырыла торган белем бирү эшчәнлегә” [2, 48]. Соңгы вакытта традицион булмаган дәресләргә игътибар артты. Бу дәресләрдә традицион дәресләрдән тыш, сыйныфтан тыш эш формалары кулланыла һәм сыйныфтан тыш чаралар элементлары кертелә.

Заманча дәрес традицион дәрес нигезендә, аны камилләштерү нәтижәсендә барлыкка килде. Хәзерге заман дәресе укучыларның танып-белү сәләтләрен киңрәк үстерергә ярдәм итә, ижади характер ала, мөстәкыйль эшкә яңа таләпләр куела. “Хәзерге дәреснең үзенчәлеге, укытучыдан алган белем һәм күнекмәләрдән тыш, укучының өстәмә әдәбиятны өйрәнүгә тиешлеге, ә яңа материалны өйрәнү биремне индивидуаль мөстәкыйль үтәүгә күчүче коллектив фикер алышу белән үрелеп бара. Заманча дәрес – ул педагог тарафыннан оештырылган төркемнең рухи аралашуы,

анда эчтәлек – фәнни белем, ә ахыргы нәтижә – укучының интеллекты” [3, 97].

Хәзерге педагоглар жәмгыять һәм шәхес мәнфәгатьләрен берләштергән төрле уку методларына мөрәжәгать итәләр. Моңа бәйле рәвештә проектлар методы соңгы вакытта күп игътибар җәлеп итә. Проектлар методын куллану шактый киң популярлык ала. Проектлы уку фикирләүнең проектлаштыру стилин формалаштырырга ярдәм итә, ул кеше эшчәнлегенең теоретик һәм практик өлешләрен бердәм системага жыя, шәхеснең ижади потенциалын ачарга, үстерергә, тормышка ашырырга мөмкинлек бирә.

Проект методының асылы – “укучыларның билгеле бер белем суммасына ия булуны һәм әлеге проблемаларны хәл итүне күздә тоткан проект эшчәнлеген аша, алган белемнәрен гамәлдә куллана белүне, рефлектор яисә тәнкыйди фикирләүне үстерүне күздә тоткан аерым проблемаларга кызыксынуын стимуллаштыру. Проблема фикирнең максатын билгели, ә максат фикирләү процессын контрольдә тотат” [5].

Тикшеренүбездә 5-7 сыйныф укучылары өчен әзерләнгән “Сүз сере” дип исемләнгән дәрес анализы тәкъдим ителәчәк. Дәреснең технологик картасы үз эченә алда каралган метод, алымнар, төрле элементлар җыеп торган, заманча дәрес һәм дәрестән тыш эшчәнлек синтезы форматында төзелде.

Дәрескә алдагы максатлар куела:

Белем биру максаты: Сүз төшенчәсе, төзелеше һәм лексик мәгънәсе турында алган белемнәргә гомумиләштереп кабатлау; сүзләргә лингвистик һәм мәдәни яктан анализлау күнекмәләрен үстерү; татар мәдәниятендә һәм телдән ижат итүдә сүзнең мөһимлеген күрсәтү; фразеологик берәмлекләрнең, мәкаль-әйтемләрнең, әдәби текстларның сөйләмдәгә әһәмиятен ачыклауга ярдәм итү;

Эшчәнлек максаты: ижади фикирләргә, белемне башкалар белән уртаклашырга өйрәтү; күзәтү, хәтерләү, игътибар итү сәләтен үстерү;

Тәрбия биру максаты: телебезне өйрәнүдә мөһим булган мәкаль-әйтемләрне, фразеологик берәмлекләрне өйрәнү; туган телне саклау әһәмиятен күрсәтү; сүзгә кызыксыну тәрбияләү.

Планлаштырылган нәтижеләргә түбәндәгеләр керә:

Шәхескә кагылышлы: дәрестә үзләштергән белемне гамәлдә куллану теләген булдыру.

Танып-белү УУГ: укучыларда сүзләр әһәмиятенә хөрмәт һәм кызыксыну тәрбияләү, фикерләүдә логик чылбыр төзү, аңлап уку һәм сөйләм күнекмәләрен формалаштыру, текстны кабул итү һәм аның эчтәлегендә ориентлашу.

Регулятив УУГ: үз эшчәнлегенә контрольгә алу, үзеннән фикеренә дәрәжә бәяләү, төп нәтиҗәгә чыгару эшчәнлегендә катнашу өчен тырышу.

Коммуникатив УУГ: сыйныфташлар һәм укытучы белән уку эшчәнлеген оештыруда хезмәттәшлек итү, мәгълүмат туплауда үзара хезмәттәшлек инициативасы күрсәтү, коммуникатив максатлардан чыгып, сүзләргә дәрәжә һәм урынлы куллану.

Дәрәжә 7 этаптан тора, алар берберсенә логик һәм материал яктан бәйлә: I. Оештыру өлеше, II. Актуальләштерү, III. Уку мәсьәләсен кую, IV. Ял минуты, V. Яңа белемнәргә ныгыту, VI. Рефлексия, VII. Өй эше.

Укучыларның игътибарын җәлеп итәр өчен дәрәжә башыннан ук тылсымлы серләр дөньясы ачыла. Бу алым эш барышын йомшартмый, киресенчә дәрәжә бару, белем җыю “дилбегә”сен укучыларга күчәрә – җаваплылык арта, укучы үз эшчәнлеген мөстәкыйль рәвештә оештыра өйрәнә, сыйныфташлары һәм укытучы белән уку эшчәнлеген оештыруда хезмәттәшлек итә. Бу очракта укытучының төп функциясе – дәрәжә юлны күрсәтеп җибәрү, сиздермичә ярдәмгә кертәп җибәрү, уртаклылыкны оештыру.

Дәрәжә барышында укучылар “Хәзинә” сүзенә “серләргә” ачалар – төшенчәгә эчтә тирәнрәк кереп, бар яклап та тикшереп карыйлар. Монда алдагы аспектлар карала: сүзгә лексик мәгънәсе, сүзгә фразеологик берәмлекләрдә, мәкаль-әйтемләрдә, әдәби текстларда чагылышы. Шушы ук форматта башка өлкәләргә дә карарга мөмкин, мәсәлән, җырларда яңгырашы, рәсем сәнгәтендә әһәмияте, кинофильмнарда кулланылышы, хәзерге заманда очрау ешлыгы һ.б.

Тел һәм мәдәният бәйләнеше хакындагы фикергә истә тотып, укучыларга “сандык” образына нигезләнгән уен формасын оештырабыз. Татар мәдәниятендә сандык – гади генә предмет түгел, ул халыкның гамәлилеген, тырышлыгын, эш сөючән икәнен

символлаштыра. Монда вариантлар күп төрле: кәгазь тартмадан сандык ясарга мөмкин, заманча технологияләрне кулланып интерактив сандык ясарга мөмкин, фото-видео ярдәмендә образны тудырып була һ.б. Нинди вариант булса да, ин мөһиме, укучыларның игътибарын җәлеп итү, кызыксыну уяту. Дәрестә “сандык” образын куллану үз эченә тарихи һәм мәдәни контекстны алып тора: борынгыларыбыз белән элементгә керү, гореф-гадәтләребезне сөйләп үтү, милли традицияләребез, халкыбызның үзенчәлекле яклары белән таныштыру.

“Сүзнең серен ачу” татар теленең аңлатмалы сүзлегеннән башлана. Укучылар мөстәкыйль рәвештә сүзлек белән эш алып баралар – “Хәзинә” сүзнең аңлатмасы (шул ук вакытта башка, укучыларга кызыклы булган, сүзләр белән дә эшләр алуы мөмкин) дәфтәрләргә теркәтелә: **ХӘЗИНӘ** и. гар. 1) тар. Дәүләт башлыгының, хөкемдарның карамагындагы акча, алтын-көмеш һ.б. кыйммәтле нәрсәләр формасында тупланган байлык; казна. 3) Кемнең дә булса милке, мал-мөлкәте, дәүләте, байлыгы) [8, 23].

Алдагы этап – фразеологик берәмлекләр белән эш. *Хәзинәдә бары – булган кадәр, бар кадәрәнчә (всё, что есть в закромах)* фразеологизмы бирелә. Укучыларга бирем – аны бер сүз белән алмаштыру, димәк синоним ярдәмендә. *Хәзинәдә бары – булганча* [9]. Монда татар халкы өчен канатлы сүзләрнең мөһим роль уйнаганын сөйләп үтүе урынлы булачак. Шулай ук, башка кызыклы вариантларны да кертәп җибәрүе мөмкин, мәсәлән, *алтын куллар – оста* [9].

Алдагысы – мәкаль-әйтемнәр бүлегә. Укытучы укучыларны чиратлашып тактага чыгара һәм алдагы мәкаль-әйтемнәрне яздыра: *Хәзинә күктән төшми – хезмәттән. Җәй җимеше – кыш хәзинәсе. Хезмәт төбә – хәзинә. Гыйлемнән зур хәзинә юк. Ана дигән хәзинә бар. Тел – халыкның кадерле хәзинәсе* [1, 533]. Монда алдагы сценарий мөмкин: “ – Укучылар, әле язганнар гади җәмләләрдән нәрсә белән аерылалар? Дөрөс, сезнең алдыгызда мәкаль-әйтемнәр, сез аларны ничек аңлыйсыз? (*Хәзинә – хезмәт, гаилә, әни, тел, гыйлем...*)”.

Ял минутында төрле мөмкинлекләрне кулланырга мөмкин, шул ук заманча технологияләр, мәсәлән, “Минем арттан кабатлап бар” форматындагы видеолар. Безнең очракта укытучы

тарафыннан укылган шигырьгә ярашлы укучыларның тиешле хәрәкәтләнүе сорала.

Алдагы этап – әдәби текстлар. Биредә – Лилия Сәгыйдуллина “Хәзинә”.

Шаһинәләр көнләшердәй байлыгым бар!..

Хәзинәне саклый торган сандыгым бар!..

Каеннарның ак алтынын шунда салам.

Ай нурыннан кочак-кочак көмеш алам.

Сандыктагы зәңгәр якут – елга, күлдән.

Кара ахак, яшел яшмә – туган җирдән [6, 9].

Монда шагыйрә биргән ассоциатив рәт белән эшләве уңышлы “ – Укучылар, бу шигырьдә “хәзинәнең” нинди серле яклары ачыла безгә? (хәзинә – кыйммәтле ташлар – табигать байлыгы – туган як: каеннарның ак алтыны; ай нурының көмеше; елга, күлләр – зәңгәр якут (сапфир); күк – фирүзә (бирюза), туган җир – кара ахак (кара агат), яшел яшмә (яшма)”. Шулай ук, таныш булмаган сүзләр белән берәз таныштырып үтәбез, чөнки бу шигырьдә аларның саны шактый. Һәм шушы этапны өй эше белән бәйләп, алдагы биремне тапшырабыз: шигырьдә кызыклы, әлегәчә яңа, сере ачылып бетмәгән бер сүзгә сайлап, дәрестә төзөгән схемага таянып (тактадагы модель ярдәмендә), шул сүзгә серен ачыклап килергә; бу бирем катлаулы булса, шигырьдә барлык таныш булмаган сүзләргә язып алып, билгеләмәләрен аңлатмалы сүзлектән язып алырга.

Дәрес барышында укучылар сандыкка мөрәҗғәгать итеп, серне ачу юлын тактада макет-карта рәвешендә төзиләр: үзәктә “Сүз” һәм перифериядә божра рәвешендә “Сүзлек”, “Фразеологик берәмлекләр”, “Мәкаль-әйтемләр”, “Текст”.

Рефлексия этабында укучыларның фикерләре танышып үтү, кыенлыкларны билгеләү, дәреснең уңай-кире, жинел-кыен, ошаган-ошамаган якларын әйтеп үтү мөһим.

Өлеге фәнни эшнәң төп максаты – татар теле дәресләрендә лингвокультурологик алымнарның ролен ачыклау иде. Дәресне лингвокультурологик, проектлы һәм заманча методикалар нигезендә анализлау, укучыларның актив катнашуы һәм сүзгә төрлө яклап өйрәнүгә юнәлтелгән эшчәнлекләр аша сүзгә байлыгын һәм тирәнлеген ачу мөмкинлеген күрсәтте.

Дәрестә тылсымлы сандыктан “Хәзинә” сүзенң серләрен төрле өлкәләргә карата бер бер артлы ачып бару (мәгънә, мәкаль-әйтем, фразеологизм, әдәби текст), укучыларның жыйган белемнәрен кабатлауга, сүзнң лингвистик һәм культурологик аспектларын бергә бәйләп аңлауларына ярдәм итте. Лингвокультурологик алымнар, сүзнң тарихи, мәдәни һәм милли үзенчәлекләрен ачуда мөһим роль уйнады. Укучылар сүзнң барытик билгеле бер мәгънә генә түгел, ә тулы бер дөнья икәнлеген аңладылар.

Проектлы һәм заманча методикаларны куллану, укучыларның ижади фикерләүләрен, эзләнүчәнлекләрен үстерә. Аларның актив катнашуы, үз фикерләрен белдерүе, бер-берләреннән өйрәнүе дәрестә нәтижәлеген арттыра. “Хәзинә” сүзе аша укучылар үз халкының бай мирасы, горел-гадәтләре һәм рухи кыйммәтләре белән танышалар.

Шулай итеп, лингвокультурологик алымнарны файдаланыш оештырылган “Сүзләр сере” дәресе, укучыларны сүзнң серле дөньясына алып керүдә, аларның телгә карата кызыксынуларын арттыруда һәм милли узаңны формалаштыруда зур әһәмияткә ия булуын исбатлады. Бу алымнарны куллану, татар телен укытуда яңа мөмкинлекләр ача һәм телне тирәнтен өйрәнүгә юллар сала.

Әдәбият

1. Галиуллин К.Р. Татар фольклоры теле: мәкальләр, канатлы әйтелмәләр, жор сүзләр һәм әйтемнәр: сүзлек = Язык татарского фольклора: пословицы, крылатые выражения, присловья и поговорки: словарь / К.Р. Галиуллин; фәнни ред. К.М. Миннуллин. – Казан: ТӘҺСИ, 2018 – 588 б.
2. Гукаленко О.В. Ускова И.В., Сериков В.В., Сухин И. Г. Организация внеурочной деятельности в общеобразовательных организациях Российской Федерации: результаты комплексного мониторинга // Ценности и смыслы. – 2023. – № 6 (88).
3. Мельникова М.Н. Урок – основная форма организации обучения в современной школе. Требования к современному уроку // Вестник науки и образования. – 2020. – №19-1.
4. Методика преподавания русского языка как иностранного. Для зарубежных филологов-русистов / Под ред. А.Н.Щукина. – М.: Русский язык. 1990. – С. 230-231.

5. Оганнисян Л.А., Акопян М.А. Использование метода проектов в образовательном процессе // Таврический научный обозреватель. – 2015. – №2-1.
6. Сәгыйдуллина Л.Р. Күпердә : шигырьләр. – Уфа : Китап, 2018. – 221 с.
7. Сафиуллина Ф.С. Татар теленә өйрәтүнең фәнни методик нигезләре. – Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияты, 2001. – 432 б.
8. Татар теленәң аңлатмалы сүзлегә. – Т.5. – Казань: Татарстан китап нәшрияты, 2023. – 891 б.
9. Татар теленәң фразеологик сүзлегә. Ике томда. – Казань: ТКИ, 1990. – 364 б.
10. Харисов Ф.Ф. Татар теле: укыту теориясе һәм практикасы. Монография. – Казан: “Ак бүре” нәшрияты, 2018. – 448 б.
11. Шегаева А.В. Урок как основная форма организации обучения в современной школе // Молодой учёный. – 2014. – № 7 (66). – С. 571-572.

© Исмагилова А.В., Сагидуллина Л.Р., 2026

A.V. Ismagilova,
*4th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
 Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
L.R. Sagidullina,
*Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor,
 Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

“THE SECRET OF WORDS” LESSON: THE ROLE OF LINGUOCULTURAL STUDIES IN DISCOVERING THE MYSTERIOUS WORLD OF WORDS

The article discusses the possibilities of applying a linguocultural approach in teaching the Tatar language. Special attention is paid to the analysis of a practical lesson on the topic “Secrets of Words (Syzlär Sere)”. During the lesson, students learn about the word “Treasure” (Khəzinə), exploring its meaning, usage in idioms, proverbs, and literary texts. The article highlights the role of the linguocultural approach in developing students’ language knowledge and national-

cultural awareness. The article suggests techniques and methods for effective teaching of the Tatar language.

Keywords: *method, linguocultural studies, lesson, extracurricular activities, word, dictionary, phraseological units, proverbs, sayings, text, treasure.*

УДК 811.512.145

Камалова А.Р.,

магистрант 2 з/о ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Зарипова И.Ф.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ ВИДЫ СЛОВ-ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются коммуникативные виды слов-предложений в татарском языке. Грамматические и семантические особенности слов-предложений определяют разговорный дискурс как основную область их применения. И здесь нечленимые предложения делятся на четыре вида: повествовательные, побудительные, вопросительные и восклицательные.

Ключевые слова: *татарский язык, синтаксис, слова-предложения, нечленимые предложения, коммуникация.*

В татарском языке есть определенный вид односоставных предложений, выполняющий специфические коммуникативные функции. Данные предложения необходимы для того, чтобы выразить согласие или несогласие, простое утверждение или отрицание, а также экспрессивно-модальную оценку предыдущего высказывания. Эти грамматически нечленимые конструкции, представленные одним словом или устойчивым словосочетанием, не поддаются дальнейшему делению на члены предложения и преимущественно используются в диалогической речи. По-другому их называют «слова-предложения».

«Слова-предложения относятся к «предложениям», поскольку им, как и последним, свойственна модальность. Они всегда выражают субъективную модальность как отношение говорящего к высказыванию и порождают базу для выражения различных прагматических отношений» [6].

Нечленимые предложения служат лингвистическим инструментом для осмысления картины мира, при этом их ключевая особенность заключается в антропоцентричности.

«Среди характерных черт нечленимых предложений, являющихся функциональной единицей разговорного дискурса, можно выделить: стереотипность, непринужденность, эмоциональную окраску, ситуативность» [3, 114].

Слова-предложения состояются из «слов, семантически приспособленных для оформления широкого диапазона модальных квалификаций, эмоционально-оценочных, волевых и ментальных реакций, а также для разного рода субъективно-оценочных реплик, используемых носителями языка при непосредственном речевом общении» [4, 492].

«Они обладают в разговорной речи особой функциональной нагрузкой: восполняют недостающие средства коммуникации, эмоционально-экспрессивны, способствуют максимальной компрессии передаваемой собеседнику информации, при этом не содержат конкретного высказывания» [8, 105].

«Ситуация внезапного диалога актуализирует задачу выражения эмоций и воздействия на собеседника. Непринужденный диалог дает право его участникам свободно высказывать субъективные оценки, прямым средством выражения которых являются нечленимые предложения» [1, 136].

«Нечленимое предложение хранится в памяти говорящего и извлекается оттуда в готовом виде, при этом срабатывает ассоциативный механизм, который связывает некоторую довольно часто повторяющуюся ситуацию и закрепленные в сознании человека и определенные устойчивые речевые формулы, воспроизводимые говорящим в условиях спонтанного разговорного дискурса с целью ярко, емко и лаконично выразить реакцию на факты контекста» [5, 207].

Изучение односоставных предложений в татарском языке сводится к изучению их семантики через анализ выражения и

семантики главных членов и, наоборот, именно через изучение главных членов полностью анализируются особенности односоставного предложения: «они делятся на глагольные предложения, которые могут быть выражены всеми формами глагола; на именные, состоящие из наречий, числительных, местоимений, существительных и прилагательных; и слова-предложения, которые могут быть построены при помощи звукоподражаний, междометий и модальных слов» [2, 65-66].

Следовательно, в татарском языке слова-предложения входят в ряд односоставных. Они состоят из одного слова, не поддаются дальнейшему распространению при помощи других слов, и даже их самих сложно признать частью предложения. Из этого следует, что в таких синтаксических конструкциях нет ни главного, ни второстепенного члена предложения. Такой вид предложений может подтверждать или отрицать предшествующее высказывание, выражать согласие-несогласие или, в целом, оценивать сказанное. М.З. Закиев дает им такое определение: «предложения, выраженные одним словом и неспособные распространяться. Слова-предложения нельзя приравнять к отдельной логико-грамматической части предложения» [2, 139].

Предложения, которые построены с помощью одного слова и используются в диалогах, «если их можно посчитать за член предложения или распространить, не входят в слова-предложения» [9, 134].

По мнению Ф.С. Сафиуллиной, «в словах-предложениях отражается принцип экономии и краткости речи» [7, 39]. Так как они предоставляют возможность дать ответ одним словом.

«По цели высказывания слова-предложения делятся на повествовательные, побудительные, вопросительные и восклицательные» [4, 165].

1) Содержание повествовательного слова-предложения сводится к подтверждению или отрицанию чего-либо. «Интонационно повествовательные предложения говорят тихим голосом, завершаются понижением тона» [9, 290].

Например:

Кыңгырау

тавышы, ишек аша ишетелер, елмаерга мәжбүр итә:

«**Мияу-мияу-мияу...**» («Казан утлары»);

Ярар.

Кем әйтмешли, бар булганы шушы хәзергә. (А. Тимергалин);

Ярый, хуш.. *Сине сагынып, Фатыймаң.* (А. Алиш);

- Ма, әни.

Бу илле тәңкәне ал.

Пәрдәгә

генә җәңгә. (А. Гыйләҗев);

М ө р ш и д ә. Син көнләшмисеңме?

Н у р ы й. Юк. (А. Алиш);

2) Побудительные слова-предложения выражают приказ, мольбу, призыв, совет при помощи нечленяемых предложений, выраженных одним словом.

Например:

- Чү, балам! *Чормага бүре керәмени? Җил генә ул.* (В. Гали);

- Әйдә, әйдә! – *дип бакыра бирде Донован, үкчәләре белән роботны тупкаләп* (А. Азимов);

Сезнең өй бар да, менә шушы ишегалды, лапас, менә бу эт оясы бар!.. И баста! (Л. Лерон);

- Катафейваныч, пәсекәй, чык инде аннан, матурым.

Әйдә, без сиңа тәмле сәт бирәбез. -

Пес, пес, пес. (Л. Ибрагим-Валиди);

Тсс, тсс! *Тавышланма!* (Р. Сәгъди);

3) «Предложение, выражающее какой-либо вопрос, считается вопросительным» [9, 291]. Среди слов-предложений такой вид встречается довольно редко из-за сложности построения вопроса при помощи одного слова.

Например:

Куян итеннән шашлык манчыйбыз. Энекәшең белән кил. Аһа? (А. Фәләх);

-

Бөтен авылны күтәрерсез әле, Гафифәнең нигезенә хәзинә күмелгән, дип.

- Юк, бабай, берәүгә

дә әйтмиз. Әйеме, Эдуард? (А. Гыймадиев);

Әстәгъфирулламы? *Юк, Сөбханалла!* (А. Тимергалин);

4) «Восклицательным называют предложение, сказанное с сильным чувством» [9, 295]. Среди слов-предложений такой вид является самым распространенным, так как повествовательное,

вопросительное или побудительное предложение, сказанное с сильным чувством и интонацией, становится восклицательным.

Например:

Жәза салыш, капкалы уены, туп тәгәрәтеш!

Аһа - һа - һай! Дөнъяның рәхәтләре! (Л. Ибрагим-Валиди);

Ай Алла! Синең белән сөйләшмиләр ич! (Ш. Камал);

- Нәрсә, ул Разияны көнлиме?

- Юк, Алла сакласын! Йөргән кызы да түгел ләбаса! (А. Хәлим);

- Ай, рәхмәт, кызым! Игелек күр! (А. Хайрtdинова);

Йә Ходаем! Күр инде бу балане! –

дип, бот чабып еларга кереште. (А. Хәсәнов);

Тәмле, бик тәмле ашың, Юныс!

Афәрин! –

дип җавап кайтарды. (А. Тимергалин);

Ай-вай - вай - вай! Бетте, бар да бетте!.. (Г. Каюмов).

Слова-предложения чаще всего используются в диалоге, в ответных и вопросительных репликах. Также они могут встречаться во внутреннем диалоге и в монологической речи.

Таким образом, по цели высказывания слова-предложения делятся на повествовательные, побудительные, вопросительные и восклицательные. Самым распространенным видом считаются восклицательные. Побудительные предложения, выражающие приказ, мольбу и пр., занимают второе место. Предложения, повествующие о вещах и явлениях действительности, встречаются реже. А вопросительные слова-предложения по частотности употребления занимают замыкающую позицию.

Литература

1. Зарипова И.Ф. Способы выражения нечленимых предложений в татарском языке // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора, Заслуженного работника образования Республики Башкортостан, Почетного работника ВПО РФ, действительного члена РАЕН Фаткуллиной Флюзы Габдуллиновны. – Уфа, 2023. – С. 135-140.
2. Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле. – Казан: Казан университеты нәшрияты, 1958. – 243 с.

3. Камалова А.Р., Зарипова И.Ф. Структурные особенности слов-предложений в русском языке // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии. Материалы XIII Международной научной конференции. – Уфа, 2025. – С. 113-118.
4. Камалова А.Р., Зарипова И.Ф. Татар телендә бер составлы сүз жәмләләрнен белдерелеш ысуллары // Актуальные проблемы современной татарской филологии: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения известного языковеда, тюрколога, доктора филологических наук, профессора, первого заведующего кафедрой татарской филологии Башкирского государственного университета Габдулхая Хурамовича Ахатова (1927 - 1986). – Уфа, 2022. – С. 164-168.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия. – Москва: Дрофа, 1997. – 722 с.
6. Остапенко Т.А. Нечленимые предложения как репрезентатор индивидуальной языковой картины мира // Картина мира: язык, литература, культура: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.И. Доронина. – Бийск, 2008. – Вып.3. – С. 203-208.
7. Прусова О.В. Слова-предложения в современном немецком языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук (10.02.04). – Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2001. – 17 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/slova-predlozheniya-v-sovremennom-nemetskom-yazyke?ysclid=lxge1vg64z832091512> (дата обращения: 05.04.2026).
8. Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи. – Казань: Издательство Казанского университета, 1978. – 253 с.
9. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Под ред. С.В. Вяткиной. – 2-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 432 с.
10. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘһСИ, 2017. – Т. III. – 536 с.

A.R. Kamalova
*2nd-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social
Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **I.F. Zaripova**,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

COMMUNICATIVE TYPES OF WORD-SENTENCES IN THE TATAR LANGUAGE

The article describes communicative types of word-sentences in the Tatar language. The grammatical and semantic features of word-sentences define conversational discourse as their main area of application. And here, the non-sequential sentences are divided into four types: narrative, inductive, interrogative, and exclamatory.

Keywords: *the Tatar language, syntax, word-sentences, non-sequential sentences, communication.*

УДК 81-119

Касьянова М.А.,
*магистрант 1 г/о ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Научный руководитель: **Ичкинеева Д.А.,**
*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

КУЛЬТУРНЫЙ КОД СВОБОДЫ В ОПЕРЕ «КАРМЕН»: СИНТЕЗ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕАТРА В РЕЖИССЕРСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ А.Я. ТАИРОВА

Статья посвящена анализу режиссёрской экспликации как инструмента интерпретации драматического текста на примере оперы Ж. Бизе «Кармен» и режиссуры А. Я. Таирова. В работе раскрывается понятие режиссёрской экспликации, её структура и функции в театральном процессе. На основе стенограммы доклада Таирова труппе Ленинградского государственного академического театра оперы и балета (1934 г.)

рассматриваются ключевые положения его эстетической программы: синтетический театр, принцип «поющего актёра», требования к ансамблю и сценическому решению. Анализируется идейный стержень постановки – «дух вольности» – и методологические принципы Таирова (борьба со сценическими штампами, требование типического вместо случайного, индивидуализация хора, замена речитативов диалогами). Проводится параллель с методом действенного анализа М.О. Кнебель.

Ключевые слова: *Режиссёрская экспликация, Александр Таиров, «Кармен» Жоржа Бизе, действенный анализ.*

Театр – искусство синтетическое по своей сути. В отличие от литературы, где слово существует автономно, или от музыки, которая разворачивается во времени исключительно в звуковых образах, театр объединяет слово, жест, музыку, сценическое движение, изобразительный ряд и архитектуру сцены в единое действие. Эта синтетическая природа порождает и главное напряжение театрального искусства: каждый из составляющих его элементов стремится к самодостаточности, тогда как подлинный театральный эффект возникает лишь в момент их неразрывного слияния.

Литература и театр в совокупности – это та часть культурного кода России, которая живёт и развивается в среде людей, так или иначе связанных с театральной жизнью [2, 208].

Код культуры – это ключ к пониманию данного типа культуры страны, культурные особенности, уникальное наследие людей, предков; это закодировано в той или иной форме информации для идентификации культуры [Там же].

Особую остроту эта проблема приобретает в оперном театре, где к обычным театральным компонентам добавляется музыка – не как фон, а как полноправный носитель действия и эмоции. Опера требует от исполнителя не просто вокального мастерства, но умения мыслить и существовать на сцене музыкальными категориями. Именно здесь, на пересечении вокального, драматического и оркестрового начал, рождается необходимость в особом инструменте, который позволил бы режиссёру донести до труппы целостное видение спектакля. Таким инструментом на

протяжении всего XX века и по сей день служит режиссёрская экспликация.

Режиссёрская экспликация представляет собой фундаментальный инструмент в работе театрального режиссёра, служащий мостом между замыслом и его сценической реализацией. Термин происходит от латинского *explicatio* – «развёртывание», «разъяснение». Это письменный документ, в котором режиссёр фиксирует своё художественное видение будущего спектакля, обосновывает интерпретацию драматического материала и определяет пути его воплощения. Как справедливо отмечается в театроведческой литературе, экспликация пишется в произвольной форме и носит ярко выраженный личностный характер.

Содержательный объём экспликации может быть весьма широк: от размышлений по поводу пьесы и анализа её сценической истории до определения жанра, стилистики, особенностей актёрского исполнения и пространственно-временного решения спектакля. Ключевые вопросы, на которые призвана ответить экспликация, – «что? ради чего? как?». Таким образом, экспликация выполняет две главные функции: во-первых, она служит средством самоорганизации режиссёрского замысла; во-вторых, она становится важнейшим коммуникативным инструментом в работе с труппой, позволяя донести до актёров и всей постановочной группы единое понимание художественных задач.

Статья посвящена анализу режиссёрской экспликации Александра Яковлевича Таирова к опере Жоржа Бизе «Кармен», представленной в 1934 году труппе Ленинградского государственного академического театра оперы и балета. Этот документ представляет собой не просто техническое описание постановочного плана, но развёрнутую теоретическую декларацию, в которой Таиров формулирует свои взгляды на природу музыкального театра и предлагает оригинальную интерпретацию знаменитого сюжета.

Александр Яковлевич Таиров (1885–1950) – одна из ключевых фигур русского и советского театрального авангарда, основатель и бессменный руководитель Московского Камерного театра (1914–1949). В историю мирового театра он вошёл как последовательный

противник как натурализма, так и «условного» театра начала века. Свою творческую программу Таиров определял через ряд ёмких формулировок: «раскрепощённый театр», «театр эмоционально-насыщенных форм», театр «неореализма», «структурного» и «крылатого» реализма. Центральным понятием его эстетики стал синтетический театр – искусство, вбирающее в себя все сценические жанры: балет, оперу, музыку, пантомиму и драму.

Таиров определял театр как искусство действия, а актёра – как «самого сильного и единственного носителя и исполнителя, который воплощает сущность театрального искусства». От актёра он требовал виртуозного владения всей техникой сценического движения, безупречной внешней и внутренней техники. Воспитывая актёра как универсального мастера всех театральных жанров и форм, Таиров особое значение придавал пантомиме, которая служила одним из ключевых элементов спектакля.

Фундаментальным принципом таировской системы стал «эмоциональный жест» – правило, согласно которому жест всегда глубже и осмысленнее любого возможного слова, то, что Таиров называл «органическим молчанием». Эта концепция органично вытекала из его понимания театра как искусства действия, где физическое поведение актёра несёт не меньшую смысловую нагрузку, чем вербальный или вокальный текст.

Обращаясь к опере Бизе [4, 96], Таиров прежде всего формулирует своё понимание специфики музыкального театра. Он решительно отвергает два крайних подхода: оперу как «инсценированный концерт в костюмах и гриме» и как «натуралистическое представление», где актёры забывают, что в опере нужно не только играть, но и по-настоящему петь, передавая все эмоциональные данные через музыку [7, 351]. Центром музыкального театра, по Таирову, является «поющий актёр», причём вопрос о том, что важнее – петь или играть, он считает ложным, уподобляя его вопросу о том, что важнее – дышать или жить [7, 352].

Ключевой для всей экспликации становится трактовка идейного содержания «Кармен». Таиров видит обаяние оперы не только в гениальности Бизе или таланте Мериме, но в «замечательном синтезе музыки, темы и сюжета, в конгениальности авторов» [7, 354]. Центральную идею

произведения он формулирует следующим образом: «Вот в этой свободе, в этой вольности, в жажде вольности, в этом нежелании надеть на себя какие-то цепи, сдавливающие её свободный дух, гениально воплощённый и в самом романе, и в замечательном либретто Бизе, мне кажется, и заключается то, что влечёт нас к «Кармен», и будет влечь ещё, может быть, столетия» [7, 354].

Интересно, что Таиров проводит параллель между оперой Бизе (созданной в 1875 году) и поэмой Пушкина «Цыганы» (1824), написанной за год до восстания декабристов. Он находит смысловую переключку в том, что оба автора обращаются к образу цыганки как олицетворению свободного духа, не находя подобного воплощения в своей непосредственной среде. «Лучше смерть, чем неволя» – так Таиров резюмирует сущность конфликта, объединяющего оба произведения [7, 355].

Таировская интерпретация во многом ориентируется непосредственно на новеллу Проспера Мериме (1845), которую он считает более аутентичным источником по сравнению с либретто. Эта ориентация на первоисточник проявляется в нескольких ключевых моментах: 1. В новелле Мериме образ Кармен является воплощением красоты и любви, её характер изменчив, она не желает быть в чьей-то власти и всегда свободна. Таиров акцентирует именно эту черту, делая её центральной для всей постановки. 2. Таиров обращается к портрету Хозе у Мериме – «молодой малый, среднего роста, у него сильный, гордый взгляд, светлые волосы, голубые глаза» [7, 357]. Но главное – социальная характеристика: Таиров определяет Хозе как «мелкого буржуа», человека с мелкими собственническими инстинктами, который «почувствовал себя собственником Кармен» [7, 357]. 3. Таиров фиксирует внимание на мелких, но показательных деталях, указывая, что у Мериме в волосах Кармен всегда был жасмин, а не розы, как это часто изображают на сцене [7, 357]. 4. Восстановление убийства Цуниги: Таиров намерен вернуть в спектакль эпизод убийства Цуниги Хозе, который присутствует у Мериме, но был исключён Бизе из-за требований театра «Опера-комик» [7, 359].

Таиров предъявляет жёсткие требования к ансамблевости оперного спектакля. Он критикует ситуацию, когда на сцене поющие квинтетом или квартетом актёры лишь глазами «едят»

дирижёра, ограничивая этим всё своё сценическое поведение [7, 352]. Необходимо, подчёркивает режиссёр, «найти синтез звука и эмоции, речи и тонального звучания, жеста и музыкального текста» [7, 352].

В практической плоскости Таиров предлагает ряд конкретных решений: 1. Поскольку Бизе писал «Кармен» как комическую оперу для парижского театра «Опера-комик» (жанр, предполагающий чередование музыкальных номеров с разговорными диалогами), Таиров решает убрать речитативы и ввести диалог, что, по его мнению, сделает сценарий более доходчивым для зрителя [7, 357]. 2. Таиров заказывает новый перевод текста известному поэту М. Кузмину, мотивируя это необходимостью заменить банальные места и избавиться от старых актёрских навыков, связанных с прежним текстом [7, 357]. 3. Таиров требует, чтобы хор перестал быть безликой массой и превратился в живых действующих лиц, чтобы хористы были индивидуализированы.

В экспликации даются развёрнутые характеристики главных персонажей:

Кармен: «сущность Кармен в непокорности, в жажде свободы, в гордом человеке» [7, 355]. Таиров подчёркивает, что всё остальное – лишь детали.

Хозе: мелкий буржуа с собственническими инстинктами, анархист по поступкам, но не по духу, человек, который «нарушил ряд прав, но который не позволяет никому нарушать прав своих» [7, 357].

Микаэла: крестьянка, здоровая и крепкая, лишённая черт ангела, но очень религиозная – все её арии построены на религиозных мотивах [7, 358].

Эскамильо: тореро, прежде всего человек, очень владеющий собой, смелый, но Кармен он лишь увлекается, и не более того. Встреча с ним – эпизод, сыгравший в судьбе Кармен роковую роль [7, 358-359].

Цунига: воплощение офицерства Испании с его чванством и самоуверенностью, но в силу личных качеств приобретающий комический и сатирический оттенок [7, 359].

Таиров формулирует важный методологический принцип: искусство должно отражать не случайное, а типическое. Приводя

пример с Наполеоном, который, по преданию, проиграл сражение из-за насморка, Таиров предостерегает: если актер, играющий Наполеона, построит образ на этой случайной детали, он не изобразит Наполеона, потому что людей, страдающих насморком, много, а Наполеон был один. Нужно «брать не случайное явление, а брать его типическую основу и на этой основе выявлять и строить сценический образ».

Этот принцип органично перекликается с методом действенного анализа, разработанным Марией Осиповной Кнебель – ученицей и соратницей К. С. Станиславского. В своей книге «О действенном анализе пьесы и роли» Кнебель развивает идеи Станиславского о «предлагаемых обстоятельствах» [3, 220], «событийном ряде», «сверхзадаче» и «сквозном действии» [6, 303]. Действенный анализ требует от режиссёра и актёра проникновения в сущностную логику поведения персонажа, выявления его «линии роли», а не внешнего копирования случайных черт. Таиров, хотя и принадлежал к иной театральной школе, в этом пункте сближается с методологией действенного анализа, требуя от актёров постижения типического, сущностного в образе.

Режиссёрская экспликация Таирова к опере «Кармен» являет собой блестящий образец интерпретации драматического (в данном случае – музыкально-драматического) текста. Она демонстрирует, как экспликация становится не просто техническим документом, но развёрнутым теоретическим манифестом, в котором режиссёр заявляет свою эстетическую позицию, формулирует принципы работы с актёром и предлагает оригинальное прочтение классического сюжета.

Таировская интерпретация «Кармен» строится на нескольких ключевых основаниях: обращение к первоисточнику (новелле Мериме) как более аутентичному по сравнению с либретто; акцентирование темы свободы как идейного стержня произведения; последовательная борьба со сценическими штампами и натуралистическими излишествами; требование синтеза вокального и актёрского мастерства, при котором поющий актёр остаётся прежде всего действующим лицом; и, наконец, принцип типического в противовес случайному.

Литература

1. Дмитриевский В.Н. Режиссура музыкального театра: Учебное пособие. – Москва: ГИТИС, 2004. – 320 с.
2. Кнебель М.О. Поэзия педагогики. – Москва, 1999. – 208 с.
3. Кнебель М.О. О действенном анализе пьесы и роли. – Москва: Искусство, 1961. – 224 с.
4. Мельяк А., Галеви Л. Кармен: Либретто оперы Ж. Бизе / Пер. с фр. – Москва: Музыка, 1975. – 96 с.
5. Мериме П. Кармен / Пер. с фр. – Москва: Художественная литература, 1985. – 128 с.
6. Станиславский К.С. Работа актёра над собой. – Москва: Искусство, 1951. – 668 с.
7. Таиров А.Я. «Кармен»: Доклад труппе Ленинградского государственного академического театра оперы и балета. 1934 г. // Публикуется по стенограмме доклада (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр.). – URL: http://teatr-lib.ru/Library/Tairov/O_theatr/#_Toc127720470.

© Касьянова М. А., 2026

M.A. Kasyanova,

1st-Year Master's Student,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Scientific Advisor: D.A. Ichkineeva,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

THE CULTURAL CODE OF FREEDOM IN THE OPERA “CARMEN”: SYNTHESIS OF LITERATURE AND THEATRE IN THE DIRECTORIAL EXPLICATION OF A.Ya. TAITROV

The article is devoted to the analysis of director's explication as a tool for interpreting a dramatic text, using the example of Bizet's opera “Carmen” and the direction of A.Ya. Tairov. The article explores the concept of director's explication, its structure, and its functions in the theatrical process. Based on the transcript of Tairov's report to the troupe of the Leningrad State Academic Opera and Ballet Theatre (1934), the article examines the key provisions of his aesthetic

program: the concept of a synthetic theatre, the principle of the “singing actor”, and the requirements for ensemble and stage design. The article also analyzes the ideological core of the production, the “spirit of freedom”, and Tairov's methodological principles (the fight against stage clichés, the requirement for the typical instead of the random, the individualization of the chorus, and the replacement of recitatives with dialogues). A parallel is drawn with the method of effective analysis by M.O. Knobel.

Keywords: Directorial explication, Alexander Tairov, Georges Bizet's Carmen, effective analysis.

УДК 811.512.145

Кәримова З.С.,

*филология фәннәре кандидаты, доцент,
Уфа фән һәм технологиялар университетының, Уфа ш., Россия*

Субаева З.Р.,

*магистрант 2 г/о ИГСН,
Уфа фән һәм технологиялар университеты, Уфа ш., Россия*

М. МӘҖДИЕВ ИҖАТЫНДА ҮЗГӘРТЕЛГӘН ФРАЗЕОЛОГИК ӘЙТЕЛМӘЛӘРНЕҢ ЛЕКСИК- СТИЛИСТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

Мәкаләдә билгеле татар язучысы Мөхәммәт Мәҗдиев әсәрләрендә фразеологизмнар тудыру юллары карала. Бу юнәлештә фразеологик берәмлекләргә өйрәнү язучы стилинең үзенчәлекле якларын ачыкларга мөмкинлек бирә. Трансформацияләнгән тотрыклы әйтемнәргә тикшерү нәтиҗәләре тасвирлана.

Терәк сүзләр: *фразеологик берәмлек, лексик берәмлек, стилистика, трансформацияләнгән фразеологик берәмлекләр, антоним, синоним.*

«Тел – язучы өчен төп материал. Әсәрнең теле – гомумхалык теленнән сайлап алынган, билгеле бер максат белән ижади эшкәртелгән тел чараларының (лексик, фразеологик, грамматик) җыелмасы ул» [3, 227].

Күренекле татар язучысы Мөхәммәт Мәһдиевнең әсәрләре сурәтләү чараларына искиткеч бай. Бер мәкалә кысаларында без аларның барысын да тикшерә дә алмыйбыз. Шуңа күрә биредә язучының фразеологик әйтелмәләрне кулланудагы осталыгын ачыклауны максат итеп куйдык.

Фразеологик әйтелмәләрнең ясалышы кешелек фикерләве, сәнгатьле сөйләм, тел культурасы белән шактый бәйләнештә. Монда язучының гажәп күзәтүчән булуы, предметлардагы үтә үзенчәлекле билгеләрне, төсмерләрне танып белүе, иҗат процессында образлы фикерләве, әсәрләрендә тасвирланган геройларга мәнәсәбәте ачык чагыла.

Фразеологизмнарны күп кенә телче галимнәр үзгәртеп булмый торган катып калган формалар рәтенә кертәп карарга тырышалар. Ләкин, белүбезчә, чынбарлыкта үзгәрешсез бер генә нәрсәнең дә булмавын яхшы беләбез. Язучының халыктагы фразеологик әйтелмәләр белән генә чикләнеп калмыйча, фразеологик әйтелмәләрне төрле стилистик максаттан чыгып үзгәртүе аның каләм үткенлеген күрсәтә. Профессор Поварисов С.Ш. әйткәнчә, үзгәрткән хәлдә телнең эчке законнары бозылмаска һәм мәгънә бөтенлегә сакланырга тиеш [2, 45].

Фразеологизмнарны үзгәртү, сүз уйнату тышкы матурлык, эффектлык өчен генә түгел, сюжет-композиция, идея-эчтәлек, геройларның эчке дөньясы таләп итү буенча бара. Мәсәлән, «Торналар төшкән җирдә» повестендә ике фразеологик әйтелмә янәшә кулланыла, аларның мәгънәләре бертөрле, шуңа күрә автор аларны үзгәртә дә: *Егет каты хәсрәткә батып акрын гына җырлап кайта. Кара кайгылы ул көннәрдән соң әле Мәрфугатти утыз еллар чамасы яшәде* [1, 48]; [1, 90]. Биредә «каты хәсрәт», «кара кайгы» синоним фразеологик әйтелмәләр.

Фразеологик әйтелмәләрне болай кулланганда М. Мәһдиевнең язучы буларак осталыгы тагы да ачыла төшә. Әсәрнең эчтәлегенә, герой образлар сөйләменә туры китереп ул фразеологик әйтемнәрне ничек кирәк, шулай итеп үзгәртә, кирәк булса, эзер килеш тә куллана. Татар әдәбиятында үзенчәлекле язучылардан булган М. Мәһдиев халык тел байлыгынан актив файдалана. Гомумән, чынбарлыктагы вакыйгаларның эчтәлеген, характер билгеләрен танып- белүдә фразеологик әйтелмәләр, автор телмә- юкмы, әсәр тукумасына бертуктаусыз килеп керә тора. Чөнки

фразеологик әйтелмәләрнең эчке мәгънәсе теге яки бу сүзнен лексик мәгънәсенә туры килергә мөмкин. Кайбер очракта хәтта фразеологик әйтелмәләренең сүзләр дулкыны эчендә барлыгы да сизелми кала. *Кинәт килгән шатлыктан югалып калган кебек, кинәт килгән аерылышудан да алар югалып калганнар иде. Унынчы классны тәмамлагандагы яшьлек хыяллары акрынлап пәрдә артында, томан эчендә калыр, бу эш аты семья мәшәкатен үз өстенә алыр* [1, 205].

Язучы үзгәртеп кулланган фразеологик әйтелмәләргә яңа төсмер – семантик төсмер өсти.

Халыкта **йөрәк** сүзе белән ясалган фразеологик әйтелмәләр күп. Ул борынгы әдәбиятта да шактый очрый. Халык телендә, мәсәлән «йөрәк кагу», «йөрәккә кан саву», «йөрәккә тоз салу», «йөрәк яну», «йөрәк жылкенү», «йөрәк сугу», «йөрәк салкынаю», «йөрәккә шом салу», «йөрәк өшү» һ.б. фразеологик әйтелмәләрнең күп булуы билгеле [2, 58].

Йөрәк сүзе белән ясалган әйтелмәләрнең әдәби әсәрләрдә еш кулланыуы табигый хәл, чөнки һәр язучы вакыйгаларны йөрәге аша үткәреп яза. Йөрәктән чыккан чын сүз генә укучы йөрәгендә эстетик тойгылар тудыра ала. Мәһдиевтә «йөрәк жырылау», «йөрәгем урынында түгел», «йөрәгемә кан сауды», «йөрәк урыныннан кубып китә», «зрәгә йөрәк янды», «йөрәккә май булып ята», «йөрәге чәнчеп алды», «йөрәк кагу», «йөрәкнең түрәндә бер хис сакланды», «йөрәкнең дөпелдәп сугуы ботинка үкчәсе аркылы сукмактагы ташларга бәрелә», «йөрәккә май», «йөрәге өшеп китте», «йөрәге тузган», «йөрәге ватык тәгәрмәч кебек дулап-дулап ала», «йөрәге дөп-дөп килә», «йөрәге шөбһәләнәп сызлый», «йөрәге таш булып катты», «йөрәге ялгышмаган», «йөрәк шаяру», «йөрәге сыгылып-сыгылып ала», «йөрәк телгәләнү», «йөрәк жәрәхәтләнү», «йөрәктән кан таму», «йөрәк яну» кебек бихисап күп фразеологик әйтелмәләр кулланыла. Мәсәлән: *Йөрәк жәрәхәтләрен иркәләп йомшақ жыл исте. Ә теге сүзләр минем йөрәгемә уелып калды* һ.б. [1, 124]. *Әмма алда әйтелгән таләпләрнең өч пункттын йөрәгемә сәңдереп дөньядан китте* [1, 88].

Мисаллардан күренүенчә, Мәһдиев күп әйтелмәләрне бөтенләй үк үзгәртми, ә аларга бары тик икенче мәгънә төсмере бирә. Язучы фразеологик әйтелмәләр белән иркен эш итә. Ул

халык телендә булган тәгъбирләрне стилистик максаттан чыгып үзгәртә: кайбер очракта компонентларын төшереп калдыра, икенче очракта, киресенчә фразеологик әйтелмәне киңәйтеп жибәрергә мөмкин. «Бәхет ташып торган чак» диелә «Торналар төшкән жирдә» повестендә. Халык телендә исә бу гыйбарә «бәхеттән исерү» дип бирелә.

Безнең авылга килгән укытучыларның берсе дә тулы түгел. Жәен жәен саташтырган кеше безнең мәктәптә репликасында акылга тулы түгел [1,59]. *Акылга тулы түгел* фразеологизмы, тулы түгел дип кенә бирелә.

Язучы бер үк фразеологизмны ике жирдә төрлечә вариантларда куллана. Башта «*көл итеп изәргә була*» дип бирсә, икенче очракта, «*кол итү*» дип кенә бирә.

Ике очракта да, *юк итү, изү, бетерү* мәгънәсен аңлатса да, берсендә уйлану, икенчесендә янау, куркыту төсмере чагылыш таба. Кайбер очракларда автор традицион фразеологизмнарны элементларның урыннарын алмаштырып куллана. Мәсәлән, *Мостафа ых итте, каршы килә алмады* жөмләсендә халыктп булган традицион «*ых-мыш итү*» фразеологизмы үзгәртеп кулланылган.

Рус һәм татар халкының сүз алмашуы күптәннән килә. Нәфис сүз сәнгате дөньясында рус сүзләренә кулланылышы турында төрле карашлар бар. Ике телне бергә бутап, рус сүзләрен куллану күп очракта ямьсез тәэсир калдыра. Язмада да русизмнарны дөрес кулланмау-куллану кешенең тел культурасы ни дәрәжәдә икәнлекне күрсәтә. М. Мәһдиевнең әсәрләрендә дә русизмнар бик күп. Аеруча аның рус теленнән калькалаштырып алынган фразеологик әйтелмәләре үзенчәлекле. «Фронтвиклар» да офицерны *накъ кыяр шикелле* дип сурәтли автор (как огурчик). Икенче бер жирдә *Мондый номерны Гата гына эшли ала* ди (выкинуть номер) дип бирә. *Аю хезмәте булмасын* дип яза (Медвежья услуга). Шулай ук, кулдан ычкынган алтынчы сыйныфны Грескуров жарниясе дип атау да бар әсәрдә. «Сегодня или никогда» тәгъбирен Мәһдиев тәржемә «Бүген яки беркайчан да!» дип итә. Безнеңчә, бу бик үк уңышлы да түгел. Язучы бер урында болай ди: «Әскәров боргы кычкырту өчен хезинә». Русларда, мактап әйткәндә «просто находка» дип әйтү бар. Монда да калька бик уңышлы түгел. *Менә бер гәнаһсызга жылы көе генә*

элэгүең кайда буласы икән! дигән жөмлөдә рустагы «попасться тепленьким» калькалаштырылган.

М. Мәһдиевнең тирәнтен белеп, аеруча яратып сурәтли торган төп өлкәсе – сугышка хәтле һәм сугыштан соңгы еллардагы авыл тормышы. Солдат, фронтовик исә М.Мәһдиев өчен иң кадерле кеше. Тыныч тормышта да алар фронтовик булып калалар. Дөнъяга карата, кешегә мөнәсәбәттә, гаиләдә, хезмәттә, мәхәбәттә «Фронтовиклар» дагы Рушад һәм Гаталар, «Ут чәчәге» ндәге Асаф Рәимовлар энә шундыйлар. Һәм аларның образларын, портретларын тасвирлаганда, аларның сөйләмәндә рус сүзләре һәм калькаларның күп булуы аңлашыладыр да. Образ, персонаж, образлылыкны, сәнгатьлелекне арттыру, мәгънәне көчәйтү максатында, язучы халыкның традицион фразеологик әйтелмәләренә яңа сүзләр өсти, аларны яңа ачыклап килүче төшенчәләр белән тулыландыра.

Икенче очракта, компонентларның урыннарын алыштырып, төрлө грамматик чаралар да өстәгәч, «яңа» фразеологизмнар барлыкка килә. Мәсәлән, халыкта *кара кайгыга бату* дигән фразеологик әйтелмә бар. М. Мәһдиев, мәгънәне көчәйтүгә теләп, «карасына баткан» дип үзгәртә. Халык «авыз еру» ди, ә язучы бу фразеологизмны ачыклап килүче сүзләр белән тулыландыра: «авызын актык мөмкинлегенә кадәр ерган» га үзгәртә. Яисә халыкта, мәсәлән, «миемне черетәсен» дигән фразеологик әйтелмә бар, М.Мәһдиев аны «миемне конифол итәсен» дип куллана.

Шуны әйтүгә кирәк, классик язучыларыбызның, сүз сәнгате осталарның матур традицияләрен М. Мәһдиев ышаныч белән дәвам итә.

Язучы халык телендәге эзер энҗеләрдән гаять оста файдаланган төсле, аларны кирәк урында, әсәрнең стиле таләп иткәнчә үзгәртә дә ала. Бу әсәрләрнең теленә, сәнгатьлелек, үтемлелек һәм идея эчтәлегенә яңалык өсти.

Язучы халык телендәге эзер әйтелмәләрне оста итеп, мастерларча үзгәртә белә. Бу төр фразеологик әйтелмәләрне анализлау тулырак булсын өчен тагы да берничә мисал китерергә мөмкин: «акылы кыска» (акылы сидрәгән); «җир селкенү, дөнъя тетрәү» (дөнъя селкенү); «дөнъя бетереп ызгышу» (дөнъя күчәрәп ызгышу); «баш ял итү» (ми ял итү); «кара кайгыга бату», «карасына бату» (кара кайгы чыгу); «авыз еру» (актык

мөмкинлегенә кадәр еру); «йокы симертү» (йокы очырту); «дөнья тоткасы» (дөнья авызы); «аягың жиңел булсын» (аягың-кулың жиңел булсын); «бәхеттән исерү» (бәхетле исерү); «бәхет ташып тору» (бәхет чәчеп утыру); «уй йөгөрү» (уйлар төтен булып очу); «борын кытыкларлык» (күңел кытыкларлык); «дөнья бетереп» (дөньяны пыран-заран китерү); «шатлыгы эченә сыймый» (шатлык-бәхет эчкә сыймау) [1, 95].

Мондый үзгәртеп кулланган фразеологик әйтелмәләргә автор ижатыннан бик күп мисаллар китерергә мөмкин булып иде. Автор эзер фразеологизмнарны төрлечә үзгәртә, үзенә кирәк юнәлештә куллана, һәм шунда аның фантазиясе, тапкырлыгы, сүз сәнгате осталыгына тагын да бер тапкыр инанабыз. Мәсәлән: *Кала ике кеше – Хәсән карт белән аның әллә кайчан акылы сидрәгән карчыгы Камиләтти. Ниндидер саксыз хәрәкәт булгандыр инде, зур курган сыман куаклы калкулык әйләнмәсен тикширгәндә кинәт кенә дөнья селкенде. Балдыз бермәлгә аңсыз калды: электр яктысы аның миен бутады... Житмәсә, жиде дәрәя артыннан килгән чит телдәге теге хат та кешеләргә мәгълүм булды* [1, 87]; [1, 205]. Мисаллардан күренүенчә, М.Мәһдиев яна, эмоциональ-экспрессив яктан көчлерәк әйләнмәләр кулланган. Язучының традицион фразеологик әйтелмәләрнең структурасын үзгәртеп куллануы эсәрләренә сәнгатьлелек, образлылык өсти. Мөхәммәт Мәһдиев тарафыннан фразеологик әйтелмәләрне үзгәртеп яисә яңартып куллану, аларда салынган мәгънәдән тыш яңа эстетик һәм художество сыйфатларын өсти һәм художестволы стилистик эффект тудыру өчен файдалана.

Әдәбият

1. Мәһдиев, Мөхәммәт Сәнгат улы. Әсәрләр: ун томда / Мөхәммәт Мәһдиев; [төзүче Г. Хәсәнова]. – Казан, 2019.
2. Поварисов С.Ш. Тел – күңелнең көзгесе. – Казан, 1982. – 158 б.
3. Хаков В.Х. Татар әдәби теле (стилистика). – Казан, 1999 – 294 б.

© Каримова З.С., Субаева З.Р., 2026

Z.S. Karimova,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Z.R. Subaeva,
*2nd-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social
Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

LEXICAL AND STYLISTIC PECULIARITIES OF TRANSFORMED PHRASEOLOGICAL UNITS IN FICTION WORKS OF M. MAKHDIEV

The article discusses the ways of creating phraseological units in the works of the famous Tatar writer Mukhammet Makhdiev. The study of phraseological units in this direction makes it possible to identify the specific features of the writer's style. The results of the study of transformed stable expressions are described.

Keywords: phraseological unit, lexical unit, stylistics, transformed phraseological units, antonym, synonym.

УДК 81-119

Киселёв М.А.,
*магистрант 1 з/о ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Научный руководитель: **Ичкинеева Д.А.,**
*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

НАРРАТИВНЫЙ ДИЗАЙН В СЕРИИ ИГР RESIDENT EVIL: ЭВОЛЮЦИЯ ХОРРОР-ПОВЕСТВОВАНИЯ

В статье рассматривается нарративный дизайн на примере культовой серии survival horror Resident Evil. Анализируются ключевые повествовательные приёмы, которые Capcom использовала для создания атмосферы страха и вовлечения игрока в вымышленный мир. На материале основных частей серии – от оригинала 1996 года до Resident Evil 9: Requiem – выделяются основные функции нарративного дизайна в контексте жанра

survival horror. Исследуется, как технологические ограничения сформировали уникальный повествовательный язык франшизы. В заключении формулируются выводы об эволюции нарративных стратегий в серии Resident Evil.

Ключевые слова: нарративный дизайн, интерактивное повествование, геймдизайн, видеоигры, пользовательский опыт.

Термин «нарратив» часто используют в игровой индустрии интуитивно, но ему редко дают четкое определение. Под нарративом понимается не сюжет, а система приемов, которые связывают историю, механику и взаимодействие игрока с миром [3, 47-48]. В отличие от пассивных медиа, пользователь не наблюдает, он проживает события через свои действия, ошибки и открытия. Серия игр *Resident Evil* является одним из самых показательных кейсов такого подхода. Нарратив здесь не рассказывают, его собирают по кускам из дневников, написанных от руки записок, тишины долгих коридоров.

В этой статье мы разберем ключевые аспекты и функции нарратива, которые делают эту франшизу такой особенной. В отличие от других игр, где механика игры периодически уступает место кинематографичным сценам, которые перехватывают контроль у игрока, чтобы продвинуть сюжет, *Resident Evil* держит баланс между геймплеем и кат-сценами. Здесь история читается не только в диалогах, но и в окружении, архитектуре местности, в количестве патронов, которые игрок решил не тратить, в возвращении в уже пройденную комнату, где что-то изменилось. Рассмотрим, из каких компонентов складывается эта система.

Функции нарративного дизайна в серии *Resident Evil*.

Анализируя повествовательную структуру франшизы, можно выделить пять ключевых функций, которые обеспечивают ее уникальность в жанре *survival horror*:

1. Создание нарративного контекста через ограничения – первая часть *Resident Evil: Biohazard* 1996 года страдала от «танкового» управления и фиксированных кинематографичных ракурсов, что было технологической необходимостью в середине 90-х, но *Capcom* (студия, выпускающая *Resident Evil*) превратила этот недостаток в игровой инструмент: неловкость движений,

невозможность быстро развернуться и увидеть, то таится за углом, создавали давящее ощущение уязвимости на игрока [6].

2. Лор как двигатель расследования – понимание глобального нарратива игры невозможно без анализа идеологического конфликта, зародившегося задолго до событий в «Раккун-Сити» [5]. Игрок зачастую узнает историю не через длительные кат-сцены, а через дневники и записки, разбросанные по игровому миру.

3. Эмоциональное вовлечение через смену перспективы – классический пример – история «Раккун-Сити», показанная в *Resident Evil 2* и *Resident evil 3: Nemesis* глазами разных персонажей, что создает объемную картину катастрофы. Игрок осознает всю масштабность происходящего из-за того, что события этих частей происходят параллельно друг с другом, но рассказываются за разных персонажей. Позднее студия усилила этот прием в *Resident Evil 7: Biohazard*, перейдя на вид от первого лица, что создало пугающий опыт, разворачивающий сюжет [6].

4. Страх через нарративный контекст – в самой первой встрече с зомби в *Resident Evil: Biohazard* игровой процесс сам по себе не очень интересный: маленькая комната, неудобное управление и сложность в прицеливании, но когда это действие помещено в правильный нарративный контекст, то оно становится захватывающим и пугающим. Давящее окружение заставляет игрока чувствовать дискомфорт [8].

5. Миростроение через ретроактивное углубление лора – на протяжении почти трех десятилетий серия демонстрирует способность к масштабированию и ретроактивному углублению собственного нарратива [5]. Дописывание своей истории задним числом. Спустя много лет после выхода первой части создатели придумывают новые детали прошлого, которые отлично вписываются в уже известные события и делают вселенную игру глубже [5].

В отличие от более поздних работ по нарративному дизайну, где акцент делается на ветвлении сюжета, серия игр демонстрирует иной подход: страх и напряжение создаются не столько через выбор игрока, сколько через ограничение его возможностей и постепенное раскрытие опасности.

Технологические ограничения как нарративный инструмент.

Также внимания заслуживает то, как технологические ограничения первой части серии *Resident Evil: Biohazard* были грамотно интерпретированы в нарративный прием. Изначально использование статичных фонов и неудобного управления было вынужденной мерой, так как статичные и детализированные фоновые изображения экономили ресурсы *Playstation* [6]. Компания *Capcom* сделала этот недостаток в игровую фишку. Фиксированные ракурсы камеры навязывали игроку чувство дискомфорта, невозможность быстро отступить и посмотреть, что ждет игрока за углом, создавала давящее ощущение уязвимости персонажа [6].

Затем, в *Resident Evil 7: Biohazard*, *Capcom* сделала еще один рискованный шаг, перейдя на вид от первого лица и возможность погружения в VR. Эта игра представляет собой, как говорит исследователь Николаса Бельчи: «Современное состояние искусства в дизайне интерактивных переживаний» [7]. Свобода перемещения, возможность взаимодействовать с виртуальным миром создали внушительное ощущение присутствия, но при этом сохранили ключевую тенденцию серии.

Преимущества грамотного нарративного дизайна в survival horror.

Как показывают примеры из серии игр, правильно выстроенный нарративный дизайн позволяет решить несколько задач. Во-первых, устранить разрыв между сюжетными вставками и геймплеем. В седьмой части серии история рассказывается не через кат-сцены, а через процесс исследования дома Бейкеров. Во-вторых, повысить степень погружения игрока. Ограничение управления и невозможность движения камеры получают нарративное обоснование, когда это преподнесено правильно. Персонаж в панике, он не может действовать так, будто все хорошо, игрок легче принимает эти ограничения. В-третьих, создать вовлеченность в лор через раскрытие сюжета путем системы управления ресурсами и постепенного развертывания идеи мира [5].

Современные тенденции в нарративном дизайне survival horror

На примере эволюции игр можно выделить несколько перспективных направлений. Первое – переход к контролируемой

камере: *Resident Evil 7: Biohazard* и *Resident Evil 8: Village* показали, что вид от первого лица позволяет достичь высокого уровня погружения. Второе – крос-медийное расширение вселенной через многосерийную анимацию и полнометражные фильмы позволяет завлечь новую аудиторию.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что грамотный нарративный дизайн в серии игр демонстрирует уникальную способность превращать технологические ограничения в нарративные преимущества. Опыт *Resident Evil* доказывает, что в жанре ужаса нарративный дизайн не менее важен, чем игровые механики.

Литература

1. Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
2. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабириント, 2001. – С. 192.
3. Салин А.С. Нарративный дизайн в компьютерных играх: теория и практика // Медиаисследования. – 2023. – № 2. – С. 45-58.
4. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 37-113.
5. Resident Evil – полный разбор сюжета, лора и эволюции серии // HYPERPC. – 2026. – URL: <https://hyperpc.kz/blog/gaming-pc/resident-evil-review> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Ретроспектива Resident Evil – зомби, пиксели и голливудщина // Игромания. – 2026. – URL: <https://www.igromania.ru/article/33614/retrospektiva-resident-evil-zombi-pikseli-i-gollivudschina/> (дата обращения: 24.03.2026).
7. Bilchi N. Directorial Style for Interactive Storytelling and the Fallacy of Ownership: The Case of Resident Evil 7 // Cinergie. – 2021. – URL: <https://cinergie.unibo.it/article/download/11922/13007> (дата обращения: 02.04.2026).
8. Grip T. Resident Evil and the power of narrative context // Game Developer. – 2017. – URL: <https://www.gamedeveloper.com/design/resident-evil-and-the-power-of-narrative-context> (дата обращения: 10.04.2026).

M.A. Kiselev,
*1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social
Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **D.A. Ichkineeva,**
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

NARRATIVE DESIGN IN THE RESIDENT EVIL SERIES: THE EVOLUTION OF HORROR STORYTELLING

The article examines the concept of narrative design in the survival horror genre using the example of the Resident Evil series. The study analyzes the key narrative techniques used by Capcom to create tension, player engagement, and a sense of immersion in the fictional world. Based on the material of the main installments of the series – from the 1996 original to Resident Evil 9: Requiem – the author identifies the main functions of narrative design in the context of survival horror. The article also explores how technological constraints have shaped the unique narrative language of the series. The conclusion formulates findings on the evolution of narrative strategies in the Resident Evil franchise.

Keywords: *narrative design, interactive storytelling, game design, video games, user experience.*

УДК 811.93

Корниенко К.А.,
*аспирант 1 г/о ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ИЛИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ КАЛЬКУЛЯТОР ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ: ФИЛОСОФСКО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ

В статье освещаются результаты аналитического рассмотрения проблемы понимания значимости искусственного интеллекта для современного общества через философско-

семантическую призму разбора соответствующих категорий. Посредством семантического анализа выводится аргументация в пользу того факта, что интеллект не может быть искусственным, так как является показателем степени мышления человека. Автор приходит к выводу, что ИИ следует именовать высокотехнологичным калькулятором широкого профиля, приводя достаточно веские семантические доводы.

Ключевые слова: анализ, искусственный интеллект, мышление, нейросеть, современное общество, среда, человечество.

Современные условия скоротечного преобразования общественных коммуникаций, предопределяемые интенсивностью совершенствования информационных технологий, в качестве ключевого атрибутивного свойства которой выступает нахождение настоящего процесса в состоянии высокого темпа его протекания – факт очевидный. Бесспорным следует признать и тот момент, что доминирующую позицию на сегодняшний день в обозначенном контексте прочно занимает развитие нейросетевого пространства, активно и массово эксплуатируемое представителями социумной среды в различных отраслях жизнедеятельности общества.

Общеизвестным к настоящему моменту является то обстоятельство, в соответствии с которым, с точки зрения достаточной расхожести, синонимически понятие нейросети взаимозамещается категорией искусственного интеллекта. В качестве одной из основных аргументаций в пользу утверждений подобного рода выступают весьма распространённые трактовки настоящих терминов, содержание которых с некоторой долей зеркальной погрешности в определённом сегментировано-смысловом порядке отображают друг друга.

В современном общественном понимании нейросеть является программным обеспечением деятельности человека, функционально моделирующая его мозговую активность посредством самообучения поиску закономерностей в сегментах информационного потока и предоставления на выходе необходимого результата [4, 1]. Искусственный интеллект, в свою очередь, также трактуется в качестве модели, способной обучаться на основе существующих данных выстраивать закономерный

алгоритм решения вне каких-либо инструктивных предписаний [6, 1].

Вместе с тем, в соответствии с общераспространённым мнением нейросеть представляет инструментальный комплекс ИИ [9, 1]. Объективность умозаключений подобного рода обуславливается тем обстоятельством, что нейроны – сегменты человеческого мозга, выполняющие обслуживающую функцию в отношении нервной системы организма [2, 1]. С семантической точки зрения, именно по аналогии с такой очевидной данностью настоящее мнение следует считать оправданным.

На сегодняшний день, что также представляется достаточно очевидным, значительная масса представителей молодёжной среды воспринимают искусственный интеллект как аналог интеллекта человеческого с последующей его эксплуатацией по данному, так называемому, в их понимании – назначению, что несёт в себе крайне негативные последствия для общественного развития в целом. Определённым следует признать тот факт, что в качестве детерминанты этой проблемы выступает недопонимание реального назначения искусственного интеллекта, которое может являться следствием дословного восприятия человеческим сознанием данного словосочетания. Результаты философско-семантического анализа позволяют с некоторой долей условности раскрыть истинное назначение ИИ, а также ответить на вопрос относительно оправданности такого наименования освещаемой виртуальной области.

В большинстве своём категория интеллекта объясняется умением субъекта человеческой среды осуществлять мыслительный процесс через функциональную синхронизацию познавательной деятельности и аналитического восприятия мира [5, 1], что в гармонично-интегрированном сочетании даёт эффект эмерджентности, обуславливающий постоянно обновляемые возможности корреляции *homo sapiens* с внешней средой [3, 1].

Именуемая на современном этапе искусственным интеллектом компьютерная программа, которая, по мнению А. Абрамова, В. Матвеевой и Д. Кондратьева, способна анализировать различные информационные источники и на основе проделанного анализа выдавать соответствующий результат [1, 1], достаточно далека от очевидной реальности, демонстрирующей совершенно иные

показатели данного результата. Они выражаются в том, что на определённый запрос настоящая программа выдаёт не формулировку ответа, полученного в итоге синтеза аналитической обработки различных информационных источников, а их дифференцированное цитирование, которое воспринимается частью молодого поколения как готовый универсальный информационный продукт.

Следовательно, неспособность программы к воспроизводству человеческого мышления, коррелирующего с эмоционально-эмпирическим мироощущением и миропониманием, усиливает степень дискуссионности относительно корректного её наименования интеллектом.

Обращаясь к семантическому разбору понятия – искусственный, нельзя не учесть достаточно существенного факта, в соответствии с которым данная категория является однокоренным понятию искусства – высокого уровня мастерского воспроизводства человеком реальной действительности или его компонентов в различных образных направлениях [10, 1]. Искусственный продукт в этом случае трактуется не иначе как результат человеческой деятельности [8, 44], в том числе и интеллектуальной. По этой причине допустимость корректности сочетания понятия искусственного и интеллекта, который, собственно, и является также этим результатом, представляется максимально дискуссионной.

То, что современным обществом именуется искусственным интеллектом, представляется в большей степени характерным для высокотехнологичного калькулятора широкого профиля, несмотря на то обстоятельство, что его функционал принято трактовать в качестве цифровой реализации максимально усложнённых математических вычислений [7, 1].

Во-первых, высокотехнологичность ИИ обуславливается способностями программы агрегировать результаты обнаруженной информации. Во-вторых, калькуляция, даже при объективном утверждении её предназначения для подсчётов и расчётов, является производной от термина – калька, что означает бумажный носитель для ручного копирования. Наконец, в-третьих, природа так называемого искусственного интеллекта многопрофильна и разноспектральна.

Все вышеперечисленные функциональные качества указывают на то, что термин ВКШП более приемлем для наименования ИИ, что, в свою очередь, переформатирует восприятие современным социумом данной виртуальной программы от «истинного источника» к вспомогательному инструменту в интеллектуальной деятельности человека.

Литература

1. Абрамов А., Матвеева В., Кондратьев Д. Искусственный интеллект в 2026 году: что это такое и как работает. – URL: <https://www.kp.ru/expert/elektronika/iskusstvennyj-intellekt/?ysclid=mo2sv3vip6826071480>_____ (дата обращения: 17.04.2026).
2. Винник Е. Нейронные связи в головном мозге – разбираемся в тонкостях их работы. – URL: <https://www.inpsycho.ru/media/detail/1182?ysclid=mo2ppqrqnt376535573> (дата обращения: 17.04.2026).
3. Интеллект. – URL: <https://www.psychologies.ru/glossary/i/intellekt/> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Ковалёва А. Что такое нейросеть простыми словами: как работает и как ей пользоваться. – URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11015056> (дата обращения: 17.04.2026).
5. Лахтина А. Интеллект: что это такое, каким бывает и как прокачать свои способности. – URL: <https://www.skillbox.ru/media/growth/how-to-upgrade-your-iq/?ysclid=mo2s47y5p0117142424> (дата обращения: 17.04.2026).
6. Обломова О. Нейросети и ИИ: предназначение, особенности и различия. – URL: <https://www.4brain.ru/blog/neiroseti-i-ii-prednaznachenie-osobennosti-i-razlichiya/> (дата обращения: 17.04.2026).
7. Программируемый калькулятор широкого спектра действия. – URL: https://www.nix.ru/computer_hardware_news/hardware_news_viewer.html?id=147305 (дата обращения: 17.04.2026).
8. Тетиор А.Н. Естественность и искусственность искусства // Национальная ассоциация учёных. – 2015. – № 6 (11). – С. 44-47.

9. Что такое искусственный интеллект и как он работает. – URL: <https://www.skillbox.ru/media/code/iskusstvennyi-intellekt/> (дата обращения: 17.04.2026).

10. Что такое искусство, виды и функции искусства. – URL: <https://www.pravmir.ru/chto-takoe-iskusstvo/?ysclid=mo2u1u7q2a729639596> (дата обращения: 17.04.2026).

© Корниенко К.А., 2026

K.A. Kornienko,

1st-Year Postgraduate Student of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE OR A HIGH-TECH CALCULATOR OF A WIDE SPECTRUM: PHILOSOPHICAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF THE CORRELATION OF CONCEPTS

The article highlights the results of an analytical examination of the problem of understanding the significance of artificial intelligence for modern society through the philosophical and semantic lens of analyzing the relevant categories. Through semantic analysis, the article provides an argument for the fact that intelligence cannot be artificial, as it is an indicator of a person's level of thinking. The author concludes that AI should be referred to as a high-tech, versatile calculator, providing compelling semantic evidence to support this conclusion.

Keywords: *analysis, artificial intelligence, thinking, neural network, modern society, environment, humanity.*

Латыпова Э.Р.,

кандидат педагогических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Ситдикова С.Б.,

студентка 2 курса ИИГУ,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ БИЛИНГВИЗМА В РУССКО-ТАТАРСКОЙ СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются стратегии формирования билингвизма в русско-татарских семьях в условиях, когда татарский язык квалифицируется как уязвимый. Анализируются основные модели семейного двуязычия, выявляются проблемы их реализации: дефицит языковой среды, низкая мотивация родителей, отсутствие функциональной ценности языка. Делается вывод, что без системной государственной политики, создающей реальные стимулы и среду для использования татарского языка, семья не справится с его сохранением.

Ключевые слова: *языковая политика, уязвимые языки, межпоколенная передача, языковая среда, сохранение языка, цифровые технологии, иммерсивное обучение.*

Проблема сохранения татарского языка в последние десятилетия приобрела тревожные черты. Данные переписей и экспертные оценки ЮНЕСКО фиксируют устойчивое сокращение числа носителей, особенно среди детей и молодёжи. Татарский язык квалифицируется как уязвимый: механизм его межпоколенной передачи дал сбой.

В этой ситуации семья оказывается едва ли не единственным институтом, способным противостоять языковому сдвигу. Школа не формирует среду для реального использования языка, а государственная политика, как показывает анализ А.М. Гараевой, скорее сужала сферы его функционирования [1]. Ответственность ложится на родителей. Однако исследования свидетельствуют:

далеко не все семьи способны выстроить эффективную стратегию билингвального воспитания.

Цель работы – выделить основные стратегии формирования билингвизма в русско-татарских семьях, проанализировать факторы, снижающие их эффективность, и обозначить возможные направления поддержки семей.

Под билингвизмом понимается устойчивое владение двумя языками. Для русско-татарского контекста важно различие естественного и искусственного билингвизма.

Естественный билингвизм формируется, когда ребёнок с рождения слышит оба языка в повседневной жизни. Исторически такая модель была распространена в сельских районах Татарстана и Башкортостана, где татарский оставался языком домашнего общения, а русский усваивался на улице, в школе, через медиа. Сегодня эта модель даёт сбой. По данным Н.Н. Фаттаховой, даже в сёлах молодые родители всё чаще переходят на русский в общении с детьми, а татарский становится языком старшего поколения [7].

Искусственный билингвизм предполагает целенаправленное изучение языка – на курсах, с репетитором, в школе. Он может дать определённый уровень владения, но не формирует привычки использовать язык в повседневной коммуникации. Для сохранения татарского как живого, передающегося из поколения в поколение, искусственного билингвизма недостаточно.

Н.Н. Фаттахова характеризует современное состояние русско-татарского билингвизма как асимметричное: татарский сохраняется преимущественно в семейно-бытовой сфере, тогда как русский доминирует в публичном пространстве, образовании, деловой коммуникации [7]. А.М. Гараева добавляет к этому анализу фактор языковой политики, показывая, что изменения в статусе татарского как государственного языка объективно снижали его функциональность [1]. Особого внимания заслуживает тезис Д.А. Салимовой: сегодня билингвизм в Татарстане реален только в системе образования. Если это так, то семья, пытающаяся передать ребёнку татарский язык, оказывается в ситуации, где её усилия не подкрепляются средой за пределами дома [6].

В литературе, посвящённой семейному билингвизму, выделяется несколько типов стратегий, которые родители

используют для передачи языка. Применительно к русско-татарскому контексту эти стратегии приобретают свою специфику.

Стратегия «один родитель – один язык». В классическом варианте каждый из родителей последовательно использует только один язык. В смешанных русско-татарских семьях эта стратегия кажется очевидной, но её реализация наталкивается на ряд трудностей. Родитель-носитель татарского, даже при наличии намерения говорить с ребёнком только на нём, часто переходит на русский либо потому что это удобнее, либо потому что ребёнок отвечает по-русски. В результате языки не разводятся, и ребёнок привыкает к тому, что татарский необязательный.

Стратегия «время и место». Языки разделяются по пространственному или временному принципу: дома – татарский, вне дома – русский; или в определённые дни – один язык, в другие – другой. Эта стратегия даёт больше гибкости, но её слабость в том, что татарский как язык меньшинства легко вытесняется. Если принцип «дома – татарский» нарушается хотя бы эпизодически, ребёнок быстро усваивает, что можно обходиться русским.

Стратегия «медийного погружения». Родители сознательно формируют языковую среду через контент: мультфильмы, книги, приложения, YouTube-каналы на татарском. Как отмечают Э.Р. Латыпова и С.А. Файзуллина, цифровые технологии меняют способы передачи языка: когда вокруг ребёнка мало людей, с которыми можно говорить по-татарски, родители используют цифровые инструменты, чтобы создать хотя бы искусственную языковую среду. Однако эффективность этой стратегии напрямую зависит от того, насколько она дополняется живым общением [2].

Стратегия «целенаправленного обучения». Речь о дополнительных занятиях, курсах, кружках, репетиторах, этнокультурных центрах. Для семей, где родители не владеют татарским в достаточной степени, это часто единственный вариант. Но, как показывает практика, язык, который ребёнок изучает только «уроками», редко становится для него естественным средством общения.

Выбор стратегии определяется рядом факторов: языковая компетенция родителей, их установки в отношении двуязычия, наличие языковой среды вне семьи, доступность внешних ресурсов (кружков, медиа, сообществ). Л.Р. Низамова, анализируя массовые

установки в Татарстане, фиксирует противоречие: при декларируемом позитивном отношении к двуязычию реальные языковые практики в семьях часто оказываются непоследовательными. Родители хотят, чтобы ребёнок знал татарский, но не создают условий, в которых он будет на нём говорить [4].

Даже при наличии мотивации и выбранной стратегии семьи сталкиваются с проблемами, многие из которых лежат вне их контроля.

Дефицит языковой среды вне дома. Е.В. Петрова и Е.А. Кузнецова обращают внимание на то, что в городах дети, даже из билингвальных семей, быстро переходят на русский в общении со сверстниками. Это ослабляет эффект семейных усилий: ребёнок воспринимает татарский как «домашний», «несовременный», необязательный для общения с друзьями [5].

Недостаточная языковая компетенция или неуверенность родителей. В смешанных семьях, где один из родителей не владеет татарским, построить последовательную стратегию сложно. Но и в семьях, где оба родителя владеют языком, они могут не использовать его в общении с детьми, если не имеют привычки или не осознают критичности ситуации.

Мотивационные барьеры. Л.Р. Низамова фиксирует, что среди молодых родителей снижается установка на обязательную передачу татарского языка. Это связано с восприятием русского как языка социальной мобильности, образования, успеха. Татарский в этой картине оказывается «дополнительным», а не необходимым [4].

Фактор языковой политики. А.М. Гараева показывает, как изменения в статусе татарского языка – сужение его использования в официальной сфере, сокращение часов в школе, снижение требований к владению для госслужащих – влияют на восприятие языка в обществе. Язык, который не нужен для карьеры, для работы в госучреждениях, для деловой коммуникации, объективно теряет престижность. Это снижает и мотивацию семей [1].

Д.А. Салимова формулирует эту проблему жёстко: билингвизм сегодня реален только в системе образования. За её пределами татарский язык не является функционально необходимым. Для семьи это означает, что даже при самых

последовательных усилиях ребёнок не находит применения языку вне дома и школы [6].

Если трезво оценить происходящее, сохранение татарского языка перестало быть делом выбора отдельной семьи. Язык находится в положении, когда без системных мер он просто уйдёт из повседневной жизни. Подход должен быть не «как помочь семье справиться», а «как выстроить политику, в которой семья не останется один на один с проблемой». Без участия государства ничего не сработает.

Первое: государственная языковая политика, которая не имитирует заботу, а реально создаёт среду.

Сегодня ситуация парадоксальная: язык объявлен государственным, но сфер его реального использования год от года меньше. Если татарский не нужен для работы в госучреждениях, для делопроизводства, для получения услуг, то какой смысл вкладывать в него время? Пропаганда языка – это не баннеры с патриотическими лозунгами. Это когда человек видит, что знание языка даёт ему реальные преимущества.

И здесь важно сказать про молодых родителей. Они сами выросли в ситуации, когда татарский постепенно вытеснялся. Многие из них понимают язык, но не говорят на нём свободно. А те, кто говорят, часто не видят смысла передавать его детям. Почему? Потому что у них нет перед глазами примера, чтобы язык реально работал. На работе – русский, в госучреждениях – русский, в интернете – русский. Татарский остаётся для разговора с бабушкой или для праздников. Это не мотивирует. А без мотивации не работает ни одна программа.

Государство должно не просто «поддерживать язык», а создавать условия, при которых молодой родитель придёт к выводу: его ребёнку это пригодится. Это даст доступ к образованию, к работе, к культуре. Это не нагрузка, а ресурс. Пока этого нет, любые призывы «учить родной язык» будут наткаться на вопрос: зачем?

Посмотрим на другие страны – там этот вопрос уже решён. В Финляндии шведский язык – второй государственный. Меньшинство говорит на нём, но государство не просто объявило его официальным, а создало систему: можно получить образование на шведском, пользоваться госуслугами, работать в госструктурах без перехода на финский. Да, это дорого. Да, это требует политической воли. Но язык не исчезает. И молодые родители там

не задаются вопросом «зачем учить шведский?», потому что ответ очевиден.

В Канаде французский язык сохраняется во многом благодаря жёсткой политике: двуязычие обязательно для госслужащих, федеральные документы выходят на двух языках, работают программы иммерсивного обучения, где дети-англофоны учатся на французском. Результат: даже за пределами Квебека французский остаётся живым. А родители-англофоны сами заинтересованы отдавать детей в такие программы, потому что видят практическую пользу.

Что мешает сделать что-то подобное у нас? Не только деньги. Отсутствие системного подхода и понимания, что язык не восстановится сам. И что мотивировать нужно не детей, а в первую очередь их родителей.

Второе: обязательное и качественное обучение языку не как предмету, а как средству общения.

Сейчас в школах татарский часто преподают формально: выучил слова, ответил на уроке и забыл. Это не работает. Нужно не «учить язык», а говорить на нём на переменах, на внеурочных занятиях, в кружках, в детских садах. И это должно быть не «дополнительно, если повезёт», а системно.

Пример из Испании здесь показателен. В Каталонии языковая политика построена на погружении. Дети из испаноязычных семей учатся на каталанском, и к окончанию школы владеют обоими языками. Не факультативно, а в обязательном порядке. При этом каталанский воспринимается не как «нагрузка», а как норма.

У нас же ответственность переложена на семью и энтузиазм учителей. Государство должно выделять ресурсы, готовить кадры, контролировать качество. Родители могут помогать, но не они должны тащить всё на себе. И государство должно объяснить родителям: это нужно не для галочки, это работает на будущее вашего ребёнка.

Однако школа – это только часть дня ребёнка. Без вовлечения родителей даже самая хорошая школьная программа даст только формальное знание.

Третье: вовлечение родителей в языковую среду на системной основе.

Родители должны учить язык вместе с детьми. Но многих молодых родителей сначала нужно мотивировать и только потом учить. Сейчас же получается наоборот: предлагают курсы, но не

объясняют, зачем это всё. Человек, который не видит перспектив, на курсы не пойдёт, даже бесплатные.

Государство должно начать с информационной кампании, но не с той, где «татарский – великий язык». А с честного разговора: язык вымирает. Если ничего не делать, через поколение его не будет. И у каждого родителя есть выбор – участвовать или нет. Но для тех, кто хочет участвовать, нужны реальные инструменты: бесплатные курсы для родителей с детьми, семейные лагеря, где татарский – язык общения, а не «занятие», государственные программы поддержки билингвальных семей.

Это не фантастика. В той же Финляндии для шведскоязычного меньшинства работают культурные центры, школы, летние лагеря – не на пожертвованиях, а на государственном финансировании. У нас же всё держится на энтузиастах, которые выгорают через пару лет. Пока не появятся программы, а не гранты на один сезон, ничего не сдвинется.

Главное: пока язык воспринимается как «бабушкин», «деревенский», «ненужный для жизни», никакие стратегии не помогут. Изменить это восприятие может только государственная политика, которая показывает: татарский- современный, полезный, дающий возможности. Без этого семья остаётся в ситуации, где даже с огромным желанием не может создать язык там, где его нет вокруг. А молодые родители продолжают задавать один и тот же вопрос: «Зачем моему ребёнку это, если мне самому это никогда не пригодилось?»

Татарский язык сегодня в положении уязвимого. Дети всё реже слышат его в повседневной жизни. Семья, которая раньше была естественной средой, сегодня стоит перед выбором: либо сознательно строить билингвальное воспитание, либо наблюдать уход языка. Но даже желающие родители часто не знают, как это сделать. Проблема не в отсутствии желания, а в отсутствии системной государственной политики, создающей среду, и мотивирующей семьи. Пока язык не станет функционально необходимым, вопрос «зачем учить татарский?» останется без ответа.

Литература

1. Гараева А.М. Регулирование языковой политики в Республике Татарстан: трансформация статуса татарского языка как «государственного» // Лингвистика, лингводидактика,

лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. – 2019. – С. 46-51.

2. Латыпова Э.Р., Файзуллина С.А. Влияние технологий на развитие языка // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания языка: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Стерлитамак: УГНТУ (филиал), 2024. – С. 45-50.

3. Мустафина Л.Ф. Билингвизм в Татарстане: из прошлого в будущее // Научный диалог: вопросы гуманитарных исследований. – 2020. – С. 3-4.

4. Низамова Л.Р. Билингвизм в Республике Татарстан: массовое восприятие и установки // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. – 2019. – С. 94-99.

5. Петрова Е.В., Кузнецова Е.А. No problem или проблема юк: проблемы детского двуязычия в Татарстане. – С. 2-4.

6. Салимова Д.А. Почему билингвизм в Татарстане сегодня реален только в системе образования? – 2016. – С 475-477.

7. Фаттахова Н.Н. Русско-татарский билингвизм в Республике Татарстан: состояние и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-2 (78). – С. 169-171.

© Латыпова Э.Р., Ситдикова С.Б., 2026

E.R. Latypova,

*Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

S.B. Sitdikova,

*2nd-Year student of the Institute of History and Public Administration,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

STRATEGIES FOR FORMING BILINGUISM IN THE RUSSIAN-TATAR FAMILY: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article examines strategies for forming bilingualism in Russian-Tatar families under conditions where the Tatar language is classified as vulnerable. The main models of family bilingualism are analyzed, and the problems of their implementation are identified: lack of language environment, low motivation of parents, and absence of functional value of the language. It is concluded that without a

systematic state policy, that creates real incentives and an environment for using the Tatar language, the family will not cope with its preservation.

Keywords: language policy, vulnerable languages, intergenerational transmission, language environment, language preservation, digital technologies, immersive education.

УДК 81'42

Миндияхметова Р.М.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

АКСИОЛОГЕМЫ КОРПОРАТИВНОЙ МИССИИ В СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Работа посвящена исследованию ценностно-смыслового насыщения заявления о миссии компании как одного из ключевых фрагментов коммерческого дискурса. Выявляются смысловые опоры, формирующие аксиологическое пространство текста миссии американских фирм. Делается вывод о том, что миссия организации служит драйвером содержательно-смыслового кода товарной рекламы, что проявляется в актуализации её ценностных смыслов в словесной ткани рекламного сообщения. Большую роль в этом процессе играют лингвокультурные знаки, которые, будучи инкрустированными в рекламный текст, производят эффект внушения.

Ключевые слова: миссия, ценности, смысл, реклама, рекламный текст.

Актуальность настоящей работы связана с пристальным вниманием лингвистики к проблемам деловой коммуникации. В фокусе нашего исследования находится миссия компании, в формулировках которой проявляется сущность компании, стратегия её работы, указываются конкурентные преимущества и отличительные признаки [5, 212]. Необходимость в изучении данного компонента корпоративных коммуникаций возникает в связи с появлением нового формата контактирования организации

со своими многочисленными целевыми аудиториями. Если раньше корпоративная реклама предполагала разделение на имиджевую рекламу, проводимую PR структурами, для конкурентов, инвесторов, партнёров, и товарную рекламу, адресатом которой является потребитель [3, 57-58], то сегодня в корпоративном дискурсе намечается тенденция к конвергенции PR и рекламного дискурсов. Всё чаще в рекламу продукта просачивается информация о ценностях фирмы, её социальной цели и основополагающих принципах корпоративной деятельности. Кредо фирмы, получающее вербальное воплощение в тексте миссии организации, таким образом, высвечивается в рекламе продукта. Рассуждая в данном ключе, можно предположить, что заявление о миссии являет собой смыслогенерирующий компонент рекламной кампании фирмы, обеспечивающий смысловую целостность рекламного дискурса. Поскольку содержательная глубина любого текста определяется его ценностными смыслами, особенно важным представляется вскрытие ценностных оснований корпоративной миссии, что стало целью нашей статьи.

Материалом для анализа послужили тексты миссии, размещённые на официальных сайтах американских компаний. Выбор миссий англоязычных, а именно, американских, компаний в качестве исследовательского объекта обусловлен следующим: во-первых, сам термин изначально появился в англоязычной бизнес-среде ещё в середине прошлого столетия и начал активно циркулировать в деловой культуре запада, что говорит о теоретической и практической разработанности термина в английском языке; во-вторых, поскольку смыслообразование на ценностно-смысловом уровне опирается на сопоставление познаваемого с этнокультурными универсалиями, сформировавшимися в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми сталкивалось данное этноязыковое сообщество [1, 9], представляется целесообразным остановиться на анализе компаний, функционирующих в рамках одной культурной общности, что в нашем случае является культура Северной Америки как одного из лидеров мировой экономики.

Анализ содержания корпоративных миссий позволил выделить следующие ценностно-смысловые блоки, актуализируемые в рекламном тексте:

1) В миссии компании Spectrum имеет место актуализация ценностного смысла **корпоративная команда**, выраженного действительским местоимением *we*: *We exist to provide you with the highest level of service...* В одном из последних роликов компании виднеется корпоративный нарратив о команде профессионалов, сплочённых целью улучшить качество жизни современного человека с помощью производимой продукции [2, 34]: *I wish to present the importance of hard work and determination of not backing down when things are tough, of being there to help a friend. Because it is only when we work together that we achieve true greatness.*

2) В условиях жёсткой конкурентной борьбы каждая фирма стремится выделиться среди соперников, открыто, либо косвенно указывая на недостатки продукта других фирм: *At RAM Trucks, we pride ourselves in having the finest equipment and personnel around. We don't advertise for drivers because we don't need to; the best find us.* Ценностный смысл **конкуренция** у таких брендов в дальнейшем разворачивается практически в каждом новом рекламном сообщении, как в случае с рассматриваемым нами американским автоконцерном. Ролик *Premature Electrification* повествует о крайне неприятных ситуациях, в которые попадают владельцы электрокаров, когда у машин неожиданно заканчивается заряд: *Are you excited about buying an electric vehicle but worried that it could leave you unsatisfied? Then you could be of many Americans concerned about premature electrification. Symptoms may include fearing you might not be able to last as long as you'd like there was plenty of charge.*

3) В одной смысловой связке с понятием конкуренции находится смысл **исключительность**, акцентуация которого позволяет выделиться среди конкурентов: *T-Mobile is a leading wireless communications company that is committed to providing exceptional service and value to its customers.* В ролике с участием кумиров молодёжи нулевых Backstreet Boys мысль о неповторимости сервиса мобильной связи, представленная в модифицированной форме прецедентного текста, звучит весьма убедительно: *Tell me why it's America's best network. Tell me why Netflix included in lots purse.*

4) Многие исследователи приравнивают миссию к текстам ораторской речи, апеллирующим к чувствам целевой аудитории.

По большому счёту формулировка миссии сводится к описанию деятельности компании на пути к намеченной цели по улучшению социального устройства: *Coca Cola also goes further to put a smile on the faces of its customers and their communities through its outreach programs.* Изменение общественного миропорядка предполагает решение злободневных вопросов. Так, несмотря на активную пропаганду всех форм равенства (национального, расового, гендерного и т.д.), вопросы национализма до сих пор считаются в числе наболевших **проблем социума**, на решение которых направлены усилия компании Coca Cola: *There is a coke for he. And she. And her. And me. And them. There is a different coke for all of us. Especially one for him. No feet have wondered where you walk. No eyes saw what you've seen. No one's lived the life you lived. No head has held your dreams. We all have different looks and love, likes and dislikes too. But there's a coke for we and us. And there's a coke for you.*

5) В эпоху цифровизации и внедрения искусственных интеллектуальных систем несомненной ценностью обладает технологический прогресс. По сути, высокая **технологичность** сегодня является доказательством качества выпускаемой продукции. Неудивительно, что на это делают ставку компании, работающие в этой области, лаконично заявляя: *To empower everybody to create stunning websites* (Wix), что впоследствии словно эхом раскатывается в рекламном тексте, предлагая адресату поучаствовать в этом интеллектуальном процессе: *The way you see an idea in your mind, the way you describe it to a friend. This is how a website creation should be. Expression as natural thinking. Let it out. Shape it into something that could only come from you.*

Подключение знаков лингвокультуры усиливает прагматическую составляющую текста. Используя культурно маркированные знаки данной этнокультурной общности, рекламист осуществляет латентное (скрытое) вербальное воздействие, воспринимаемое без критической оценки со стороны реципиента [4, 26], ибо знаки своего пространства для человека априори наделены положительными коннотациями, а потому апеллируют к бессознательному культурно-языковой личности. К примеру, в основу ролика бренда программного обеспечения для подготовки налоговых деклараций Turbotax легла прецедентная

ситуация *Бостонское чаепитие*. К знакам лингвокультуры, часто встречающимся в рекламе США относятся национальные символы (флаг) и образы (ковбой, белоголовый орлан и т.д.).

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что манифестируемые в заявлении о миссии корпоративные ценности фирмы находят выход в рекламном сообщении. При этом, для оптимизации речевого воздействия создатель рекламного текста эксплуатирует знаки лингвокультуры, которые, будучи вкраплёнными в смысловое полотно рекламы, производят эффект внушения. В качестве перспективы дальнейшего исследования считаем необходимым обратиться к изучению текстов миссий компаний других зарубежных стран в пределах англоязычного сообщества с целью определения степени приоритетности национального компонента.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловое пространство языка. – Москва: Флинта, 2010. – 360 с.
2. Миндияхметова Р.М. Нарративизация рекламы автомобильной продукции: в борьбе за клиента // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2025. – № 18-3. – С. 28-35.
3. Миндияхметова Р.М. О понятии «рекламный профиль компании» в лингвистике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2025. – Вып. 3 (71). – С. 56-74. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-56-74.
4. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного. – М., Профит Стайл, 2007. – 397 с.
5. Ширяева Т.А., Денисламова Д.М. Миссия организации как объект лингвистического изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7-2 (37). – С. 211-214.

© Миндияхметова Р.М., 2026

R.M. Mindiakmetova,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

AXIOLOGEMES OF THE CORPORATE MISSION IN THE CONTENT OF THE ADVERTISING TEXT

This paper examines the value-semantic content of a company's mission statement as a key element of commercial discourse. It identifies the semantic pillars that shape the axiological space of American firms' mission statements. It concludes that an organization's mission drives the content-semantic code of product advertising, which manifests itself in the actualization of its value-semantic meanings within the verbal fabric of the advertising message. Linguistic and cultural signs play a significant role in this process; when embedded within the advertising text, they produce a suggestive effect.

Keywords: mission, values, meaning, advertising, advertising text.

УДК 81.44

Михайлов С.А.,
*магистрант 1 г/о ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Научный руководитель: **Р.Ф. Мингазетдинова,**
*старший преподаватель,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается проблема лингвистической идентификации фейковых новостей в современном медиадискурсе. На основе анализа работ отечественных и зарубежных исследователей выделяются ключевые параметры недостоверности на лексическом, грамматическом, синтаксическом, прагматическом и графическом уровнях языка. Предлагается систематизация маркеров в виде таблицы,

позволяющей оценивать вероятность отнесения текста к категории фейковых сообщений при совпадении двух и более признаков.

Ключевые слова: *фейковые новости, лингвистические маркеры недостоверности, медиадискурс, дискурс-анализ, фактчекинг.*

В условиях современной цифровой среды проблема распространения недостоверной информации приобрела характер системного вызова. Эмпирические данные, в частности исследование Vosoughi et al. демонстрируют, что ложные сообщения распространяются в социальных сетях со значительно большей скоростью и охватывают более широкую аудиторию по сравнению с достоверными новостями, что создаёт благоприятную среду для реализации манипулятивных стратегий [7, 1146]. В ходе анализа более 126 тысяч новостных сообщений, распространявшихся в Twitter (*Twitter (платформа X) – деятельность социальной сети запрещена на территории Российской Федерации) на протяжении 11 лет, установлено, что ложные новости на 70% чаще ретвитятся, а также достигают аудитории в 1500 человек примерно в шесть раз быстрее, чем правдивые [7, 1146]. Фейковые новости способны оказывать воздействие на массовое сознание, формировать искажённую картину реальности и влиять на принятие политических и экономических решений. Указанные обстоятельства актуализируют задачу выработки надёжных инструментов верификации контента. В отличие от технических методов, лингвистический анализ позволяет рассматривать текст как носитель имплицитных маркеров недостоверности, поддающихся систематизации.

В настоящей работе на основе анализа научной литературы, посвящённой феномену фейковых новостей, решается задача выделения ключевых языковых параметров недостоверности с их последующей систематизацией в виде прикладного аналитического инструментария. Результаты исследования ориентированы на применение в практике профессиональной журналистики, фактчекинга и медиаобразования.

Теоретические основания исследования фейка как лингвистического феномена

Определение границ понятия «фейковая новость» является необходимым условием корректного анализа. В научной литературе представлен ряд подходов к трактовке данного феномена. А.П. Чудинов, Н.Н. Кошкарлова и Н.Б. Руженцева рассматривают фейк в контексте таких явлений, как дипфейк и постправда, характеризуя его как целенаправленное конструирование ложной реальности, нарушающее базовый принцип журналистики [6]. Исходя из этого, следует, что фейк представляет собой не случайную ошибку, а осознанную коммуникативную стратегию с социальными и политическими последствиями.

Н.Н. Кошкарлова и Е.С. Бойко выделяют два существенных признака фейка. Во-первых, его существование ограничено медиaprостранством, вне которого ложное сообщение утрачивает статус новости. Во-вторых, он сознательно имитирует структуру достоверного сообщения («жесткой новости»), что обуславливает трудность его распознавания [2]. Данные наблюдения позволяют заключить, что фейк функционирует как паразитический жанр, чьё существование зависит от подражания формальным признакам достоверной информации.

А.В. Николаева вводит в научный оборот понятие «фактоид», обозначающее информацию, принимаемую за факт в силу её публикации, а не соответствия действительности [5, 56]. Исследование фиксирует ситуацию постправды, характеризующуюся размыванием границы между истиной и ложью, что актуализирует необходимость развития навыков критического анализа информации для всех потребителей новостного контента.

С.В. Гуськова и А.М. Шестерина акцентируют социотехнический аспект проблемы, связывая её обострение в 2020-е годы с демократизацией каналов коммуникации [1, 627]. Возможность мгновенного распространения контента без редакционной фильтрации создаёт условия для масштабного распространения фейков, что придаёт проблеме не только лингвистическое, но и институциональное измерение.

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих положений:

1. Фейк представляет собой системное явление, обладающее устойчивыми жанровыми признаками и функционирующее в медиасреде.

2. Его воздействие ориентировано преимущественно на эмоциональный канал восприятия.

3. Распознавание фейка возможно посредством лингвистического анализа, поскольку авторы фейков, как правило, не могут полностью скрыть в тексте признаки своей манипулятивной цели.

Лингвистические параметры и маркеры недостоверности

Инструментарий идентификации фейковых новостей базируется на выявлении совокупности лингвистических маркеров, совместное присутствие которых в тексте с высокой вероятностью указывает на недостоверность сообщения. В данном разделе систематизируются параметры, выделяемые в современной научной литературе.

Категории определённости-неопределённости и интенсивности

Д.И. Ляшенко анализирует фейковые новости через призму категорий определённости-неопределённости и интенсивности. Исследование показывает, что в фейковых текстах данные категории репрезентируются через семантику «неопределённости» и «интенсивности» одновременно [4]. Автор фейка, с одной стороны, избегает конкретных деталей (имена, точные цифры, источники), а с другой – использует гиперболы и эмоционально заряженную лексику, создавая парадоксальное сочетание уверенной формы и неопределённого содержания. Это сочетание создаёт синергетический эффект, воздействующий на реципиента через эмоциональный канал восприятия.

В работе Д.И. Ляшенко на основе корпусного анализа установлено, что в фейках снижена доля личных местоимений при одновременном распространении безличных и неопределённо-личных конструкций (например, «сообщается», «известно, что», «некоторые источники утверждают») [3]. Данный грамматический приём служит инструментом ухода от ответственности за

содержание сообщения и может рассматриваться как диагностический признак.

Прагматические и композиционные маркеры

Н.Н. Кошкарлова и Е.С. Бойко предлагают перечень типичных приёмов, встречающихся в фейках. В их числе: анонимная атрибуция (ссылки на неконкретные источники); тенденциозное цитирование без указания лица; навешивание оценочных «ярлыков»; экстраполяция частных случаев на общую тенденцию; использование домыслов вместо проверенных данных; искусственное нагнетание обстановки и прогнозирование деструктивного сценария [2, 78-79]. Авторы отмечают, что отдельные из этих приёмов могут встречаться и в добросовестной журналистике, однако их массовое скопление в одном тексте является показательным признаком фейка. Особенно высокой диагностической ценностью обладает сочетание анонимной атрибуции с ярлыками и прогнозированием катастрофы.

А.П. Чудинов, Н.Н. Кошкарлова и Н.Б. Руженцева подчёркивают необходимость использования комплексного инструментария при анализе фейков, включающего лингвопрагматический, дискурсивный и лингвокультурологический методы, что позволяет учитывать не только собственно языковые, но и контекстуальные и культурные факторы [6].

Лексические и стилистические маркеры

А.В. Николаева обращает внимание на то, что в фейковых публикациях эмотивная составляющая нередко преобладает над денотативной, а экспрессивно-выразительные средства языка используются для привлечения внимания читателя [5, 58]. Для привлечения внимания в фейковых публикациях активно используются метафоры и стилистически маркированная лексика. А.В. Николаева вводит понятие «слова-триггеры» (слова-провокаторы, вызывающие эмоциональную реакцию), которые нередко выносятся в заголовок материала [5, 58].

Систематизация маркеров

На основе обобщения данных, представленных в работах исследователей, предлагается систематизация лингвистических маркеров фейковых новостей по уровням языка [2-5].

Таблица 1. Лингвистические маркеры фейковых новостей

Уровень языка	Тип маркера	Примеры реализации
Лексический	Слова-триггеры	«сенсация», «шок», «разоблачение», «тайна», «ужас», «катастрофа»
	Метафоры (военные/медицинские)	«информационная атака», «вирус лжи», «эпидемия фейков»
	Оценочная лексика (ярлыки)	«режим», «хунта», «пропагандисты», «марионетки»
Грамматический	Безличные конструкции	«сообщается», «известно, что», «установлено, будто»
	Неопределённо-личные обороты	«некоторые источники утверждают», «в кулуарах говорят»
	Снижение доли личных местоимений	Отсутствие «я», «мы», «наши» при сохранении категоричности
	Короткие эмоциональные предложения	«Это провал. Виновные должны ответить. Молчать нельзя.»
Синтаксический	Вопросительные/восклицательные конструкции	«Почему это замалчивают? Кому это выгодно?»
	Анонимная атрибуция	«информированные круги», «источник в ведомстве»
	Тенденциозное цитирование	«Как заявили в ведомстве...» (без названия)
	Экстраполяция	Частный случай как всеобщая тенденция
Прагматический / композиционный	Прогнозирование деструктивного сценария	«Если не вмешаться, то начнётся гражданская война»
	Кликбейтный заголовок	Заголовок с многоточием, восклицательным знаком, заглавными буквами
	Эмоциональное выделение	Жирный шрифт, красный цвет, множественные восклицательные знаки

Представленные в таблице маркеры не являются абсолютными доказательствами недостоверности сообщения. Вероятность отнесения текста к категории фейковых новостей возрастает при совпадении двух и более маркеров из различных уровней языка, в особенности при сочетании лексических и прагматических признаков. Присутствие в тексте трёх и более маркеров служит основанием для проведения дополнительной верификации с привлечением фактчекинговых сервисов и официальных источников.

Лингвистический профиль фейковой новости включает следующие характеристики на различных уровнях: грамматический – безличность и уход от первого лица; семантический – сочетание неопределённости содержания с интенсивностью подачи; прагматический – использование манипулятивных приёмов (анонимная атрибуция, ярлыки, прогнозирование); лексический – обилие слов-триггеров и метафор.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что фейк представляет собой не случайную ошибку, а целенаправленную коммуникативную стратегию, ориентированную на копирование формальных признаков достоверного новостного сообщения с целью введения аудитории в заблуждение.

В ходе исследования разработана и предложена система лингвистических маркеров, объединённых в таблицу. К числу наиболее надёжных диагностических признаков отнесены: сочетание семантической неопределённости с высокой степенью экспрессивности, анонимная атрибуция, преобладание безличных грамматических конструкций, использование лексических триггеров эмоционального реагирования («шок», «сенсация» и т.п.), а также композиционные приёмы манипуляции (навешивание ярлыков, экстраполяция, прогнозирование деструктивных сценариев). Установлено, что отдельные маркеры не являются достаточным основанием для вывода о недостоверности, тогда как их совокупность (два и более совпадений из разных языковых уровней) служит весомым основанием для подозрения. Обнаружение трёх и более маркеров требует обязательной дополнительной проверки.

Представленный в работе инструментарий систематизации маркеров может быть использован в практике журналистских расследований, фактчекинга и медиаобразования, а также

полученные данные могут служить основой для создания автоматизированных систем первичного отбора подозрительного контента.

Литература

1. Гуськова С.В., Шестерина А.М. Технологии распространения фейковых новостей в массмедиа и способы их верификации: лингвистический аспект // Неофилология. 2023. Т. 9. № 35. С. 618-629.
2. Кошкарлова Н.Н., Бойко Е.С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 77-82.
3. Ляшенко Д.И. Разработка цифровой модели идентификации фейковых новостей: анализ лингвистических маркеров и контекстуальных особенностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-tsifrovoy-modeli-identifikatsii-feykovyh-novostey-analiz-lingvisticheskikh-markero-v-i-kontekstualnyh-osobennostey> (дата обращения: 09.04.2026).
4. Ляшенко Д.И. Категории определенности-неопределенности и интенсивности в фейковых новостях: лингвопрагматический и функциональный аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-opreделennosti-neopreделennosti-i-intensivnosti-v-feykovyh-novostyah-lingvopragmaticheskij-i-funktsionalnyy-aspekty> (дата обращения: 09.04.2026).
5. Николаева А.В. Языковые особенности фейковых публикаций // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3. С. 55–59.
6. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. 2018. Т. 359. № 6380. С. 1146–1151.
7. Chudinov A.P., Koshkarova N., Ruzhentseva N.B. Linguistic interpretation of Russian political agenda through fake, deepfake, post-truth // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Т. 12. № 10. С. 1840-1853.

© Михайлов С.А., 2026

S.A. Mikhaylov,
*1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social
Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **R.F. Mingazetdinova,**
*Senior Lecturer,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

COGNITIVE AND LINGUOPRAGMATIC PARAMETERS OF FAKE NEWS IDENTIFICATION IN MODERN MEDIA DISCOURSE

The article addresses the problem of linguistic identification of fake news in modern media discourse. Based on an analysis of works by Russian and foreign researchers, key parameters of inaccuracy are identified at the lexical, grammatical, syntactic, pragmatic and graphic levels of language. A systematization of markers is proposed in the form of a table that allows to assess the probability of a text being classified as a fake news message when two or more features coincide.

Keywords: *fake news, linguistic markers of inaccuracy, media discourse, discourse analysis, fact-checking.*

УДК 378

Мощенкова С.И.,
*магистрант 2 г/о ИИГУ,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Научный руководитель: **Кобызева С.В.,**
*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

О ФОРМИРОВАНИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Статья посвящена исследованию формирования прагматической компетенции в процессе обучения английскому языку у изучающих его как иностранный (EFL) и второй (ESL) язык в вузе. Рассматриваются современные теоретические и прикладные подходы к пониманию прагматической компетенции,

включая её прагмалингвистические и социопрагматические компоненты. Анализируются факторы, влияющие на развитие прагматических навыков: социолингвистический контекст, формы явного и неявного обучения, использование цифровых технологий и онлайн-сред, а также роль культурной осведомлённости. Особое внимание уделяется направлению «*instructional pragmatics*», ориентированному на систематическое обучение прагматическим аспектам английской речи с опорой на аутентичные материалы, ролевые упражнения и критическую рефлексию. В заключении подчёркивается значимость прагматической компетенции как ключевого компонента в общей иноязычной коммуникативной компетенции и предлагаются рекомендации по её интеграции в современные образовательные программы.

Ключевые слова: прагматическая компетенция, прагмалингвистика, социолингвистика, межкультурная коммуникация, онлайн-обучение, явное и неявное обучение, культурная осведомлённость, прикладная лингвистика, EFL/ESL.

В настоящее время наиболее актуальной для исследователя является проблема прагматической направленности текста. Интерес, в частности, вызывают вопросы, связанные с анализом языковых способов и приемов передачи информации, поиском эксплицитных и имплицитных средств создания текстов [3, 22]. Как следствие, современное изучение текста любой дискурсивной принадлежности, в том числе и обучающей (учебной), базируется, прежде всего, на положениях прагмалингвистики как изучающей формирование высказываний в конкретных социальных и ситуативных контекстах.

Изучение вопросов преподавания английского языка в прагматическом ключе имеет особую ценность, поскольку данный язык функционирует как глобальный язык в многообразных культурных и институциональных средах. В период с 2020 по 2025 гг. заметно возрос интерес к тому, как обучающиеся английскому как иностранному (EFL) или второму (ESL) языку осваивают прагматическую компетенцию, то есть умение эффективно и уместно использовать язык в реальной коммуникации [11].

Исследования показывают, что традиционный акцент на грамматике и словаре без систематической работы с прагматикой

приводит к тому, что высказывания формально правильные могут восприниматься как неестественные, грубые или, наоборот, чрезмерно вежливые. Поэтому вопрос о том, как формировать прагматическую компетенцию в процессе обучения английскому языку студентов, изучающих его в разных странах, стал центральным для современной прикладной лингвистики и методики преподавания иностранного языка.

1. Понятие прагматической компетенции

Прагматическая компетенция обычно трактуется как способность понимать и производить высказывания, соответствующие ситуации общения, статусу собеседников, культурным нормам и коммуникативным целям. В контексте английского языка это включает выбор стратегий вежливости, способов выражения просьб, отказов, предложений, благодарностей, извинений и других речевых актов в зависимости от степени формальности и социального расстояния [8, 30].

В англоязычной традиции прагматика тесно связана с такими понятиями, как «speech acts» (речевые акты), «politeness» (вежливость), «face» (лицо, социальный имидж), «implicature» (имплицатура) и «context» (контекст). Исследования по английской прагматике показывают, что одни и те же грамматические структуры могут реализовывать разные прагматические функции: например, вопросительные конструкции используются не только для запроса информации, но и для выражения косвенных просьб или критики. Для изучающих язык это означает, что знание слов и правил построения предложений недостаточно: важно понимать, как эти предложения «работают» в конкретных социальных ситуациях.

Современные обзоры прагматико-ориентированных исследований показывают, что прагматическая компетенция включает как «pragmalinguistic» компонент (конкретные языковые средства), так и «sociopragmatic» компонент (социальные нормы и ожидания, определяющие уместность языковых средств). Для английского как глобального языка это особенно значимо, поскольку говорящие, принадлежащие разным лингво-культурным сообществам, по-разному и интерпретируют, что считается «вежливым», «прямым» или «неформальным», и эти различия нередко приводят к недопониманию [2, 58-63].

2. Прагматика и социолингвистика: роль контекста и общества

С точки зрения социолингвистики, язык и общество неотделимы: социальные параметры (пол, возраст, класс, этничность, идентичность) напрямую влияют на выбор языковых форм и прагматических стратегий. Современные университетские курсы по социолингвистике подчёркивают, что вопросы языковой вариативности, идентичности, многоязычия, языковой идеологии и политики тесно связаны с прагматикой [4, 8-15].

Например, выбор обращения (first name, title + last name, nickname) в английском языке может отражать не только степень формальности, но и позиции власти, социальную дистанцию и культурные ожидания. Аналогично, использование определённых дискурсивных маркеров («you know», «I mean», «sort of») выполняет прагматические функции регулирования взаимодействия и выстраивания отношения между участниками общения.

Исследования 2020-2024 гг. по английской социолингвистике указывают на влияние глобализации и развития цифровых технологий на прагматические практики. Распространение онлайн-коммуникации (социальные сети, мессенджеры, видеоконференции) меняет нормы вежливости и жанры общения, стирая границы между письменной и устной, формальной и неформальной коммуникацией на английском языке. Это требует от изучающих язык не только знания традиционных норм, но и умения гибко адаптироваться к новым каналам и форматам общения [1].

3. Инструкциональная (учебная) прагматика: обучение прагматике английского языка

В 2020-2025 гг. активно развивается направление *instructional pragmatics*, сосредоточенное на систематическом обучении прагматическим аспектам второго/иностранного языка. В рамках этого подхода прагматика перестаёт рассматриваться как побочный продукт коммуникации и становится осознанной частью учебного плана: учащиеся специально учат, как выражать просьбы, отказываться, выражать несогласие, давать советы и т.д. на английском языке с учётом коммуникативной ситуации [7, 80].

Коллективные монографии по *instructional pragmatics* подчёркивают, что прагматическая компетенция может развиваться с помощью упражнений, ролевых игр, анализа диалогов и рефлексии. Проблема «случайного» формирования прагматических навыков (только через воздействие среды) оказывается недостаточной, особенно для тех, кто изучает английский язык в условиях ограниченного контакта с носителями. Поэтому исследователи предлагают включать в курсы английского языка задания, направленные на осознание и практику прагматических стратегий, а не только на формирование и развитие грамматических и лексических компетенций.

Современные работы подчёркивают важность аутентичных материалов: записей реальных диалогов, корпусов разговорного и академического английского языка, примеров из социальных сетей и электронной переписки. Анализ этих данных помогает показать учащимся, что коммуникативно уместное высказывание часто отличается от «идеальных» фраз из учебника: оно может содержать недосказанность, смягчающие элементы, самоисправления и другие прагматические маркеры. Таким образом, инструкциональная прагматика стремится приблизить учебную аудиторию к реальному коммуникативному опыту на английском языке.

4. Исследования прагматической компетенции изучающих английский язык (2020-2025) и формы обучения его прагматике: явное и неявное обучение

В период с 2020 по 2025 гг. было опубликовано значительное количество эмпирических исследований, посвящённых развитию прагматической компетенции у изучающих английский как второй/иностраный язык. Они охватывают разные аспекты: влияние явного и неявного обучения, роль онлайн-сред, особенности определённых групп учащихся [10; 11].

Например, исследования онлайн-обучения прагматике показывают, что целенаправленное онлайн-вмешательство (*online pragmatic treatment*) может существенно улучшать умение студентов использовать английский язык уместно в различных культурных и социальных контекстах. В одном из исследований в форме рандомизированного эксперимента сравнивались эффекты явного и неявного онлайн-обучения прагматике; оба подхода

улучшили показатели, но явное обучение показало более высокую эффективность. Это подтверждает выводы более ранних обзоров, согласно которым систематическая эксплицитная работа с прагматикой помогает учащимся быстрее и точнее усваивать нормы использования английского языка.

Другие исследования фокусируются на восприятии учащимися связи между языковым обучением и критическим мышлением. Работа по перспективам студентов EFL в университетской программе описывает, как интеграция языкового развития и критической рефлексии через культурное взаимодействие способствует более осознанному использованию английского языка. Студенты отмечают, что занятия, предполагающие обсуждение социальных вопросов, языковой политики и культурных различий, помогают не только улучшить языковые навыки, но и понять, как прагматические выборы связаны с властью, идентичностью и идеологией.

Вопрос о том, как лучше обучать прагматике английского языка – явно (*explicit*) или неявно (*implicit*) – остаётся центральным. Неявное обучение предполагает, что учащиеся выводят правила и нормы из многочисленных примеров и естественной коммуникации, тогда как явное обучение включает прямое объяснение правил, метаязыковые комментарии и осознанную рефлексию.

Результаты современных исследований показывают, что оба типа обучения могут способствовать развитию прагматической компетенции, однако явное обучение часто даёт более заметный эффект, особенно при ограниченном времени и недостатке естественного языкового окружения. В эксперименте, сравнивающем *implicit* и *explicit instruction* для развития прагматической компетенции, обе группы показали прогресс, но группа с явной инструкцией продемонстрировала более значимые улучшения в выполнении речевых актов на английском языке [10]. Это согласуется с выводами *instructional pragmatics* о целесообразности сочетания эксплицитных объяснений с практической деятельностью.

Ориентация только на объяснение правил без включения аутентичной коммуникации может привести к формализму и неустойчивым результатам. Поэтому в современных методиках

обучения английской прагматике рекомендуются смешанные подходы: предварительное объяснение, последующая практика в виде ролевых игр, обсуждения реальных кейсов, анализ записанных диалогов, обратная связь от преподавателя и одноклассников. Важно также учитывать культурный фон учащихся и возможные различия в представлениях о вежливости, прямоте и уместности.

5. Онлайн-среды и цифровые технологии в развитии прагматической компетенции

С 2020 года, на фоне роста онлайн-обучения, резко увеличилось количество исследований, посвящённых использованию цифровых технологий и виртуальных платформ для формирования прагматической компетенции в процессе обучения английскому языку. Онлайн-формат открывает новые возможности: доступ к аутентичным видеозаписям, участие в международных видеоконференциях, общение в чатах и форумах, использование платформ для анализа корпуса английских текстов [1, 129-133].

Исследования онлайн-прагматического обучения демонстрируют, что цифровые курсы могут эффективно развивать навыки управления речевыми актами, особенно если они включают интерактивные задания и целенаправленную обратную связь. В упомянутом выше эксперименте онлайн-тренинг по прагматике позволил студентам улучшить умение выполнять прагматически приемлемые речевые акты, а эксплицитное объяснение стратегий вежливости и формулировок усилило эффект. Подобные выводы подтверждают важность разработки качественного онлайн-контента для обучения английскому языку не только на уровне грамматики и лексики, но и на уровне прагматики.

Монографии по прагматике в обучении английскому языку отмечают, что технологии позволяют исследовать малоизученные аспекты *L2 pragmatics*: поведение молодых учащихся, влияние учебников, роль опыта обучения за рубежом, технологически опосредованную инструкцию и оценку. Например, анализ общения учащихся в онлайн-играх, социальных сетях или виртуальных учебных средах даёт материал для исследования того, как формируются и проявляются их прагматические навыки. Это

расширяет традиционные границы учебного класса и делает английский язык частью повседневной цифровой практики [6; 9].

6. Прагматическая компетенция и культурная осведомлённость

Понимание иноязычной прагматической компетенции невозможно без учёта культурной специфики и осведомленности того или иного языка, поскольку выбор языковых средств в процессе коммуникации тесно переплетается его с культурными нормами и ценностями. Исследователи *instructional pragmatics* подчёркивают, что обучение прагматике должно включать обсуждение культурных сценариев, типичных ситуаций общения и потенциальных «прагматических ловушек» для носителей других языков [7].

Так, например, в англоязычных лингвокультурах прямой отказ может смягчаться с помощью различных стратегий: предварительного выражения сожаления, объяснения причин, предложения альтернатив, что часто расходится с языковыми нормами других лингво-культурных сообществ. Если обучающийся переносит стратегии родного языка без адаптации к английскому, высказывание может восприниматься как слишком резкое или, наоборот, неопределённое.

Курсы социолингвистики и прагматики английского языка, реализуемые в университетах, рекомендуют включать в обучение темы языковой политики, идентичности, идеологий и глобального многоязычия. Это позволяет рассматривать английский язык не только как «нейтральный инструмент», но и как язык, участвующий в формировании социальных и культурных отношений. Осмысление этих аспектов помогает учащимся более критично и ответственно относиться к своим прагматическим выборам при использовании английского языка в международной коммуникации.

7. Значение прагматической компетенции для успешной коммуникации на английском языке

Неспособность учитывать прагматические нормы может приводить к недопониманию, конфликтам, снижению эффективности сотрудничества, даже если грамматическая правильность высказываний не вызывает вопросов.

Результаты многочисленных исследований в области иноязычной прагматической компетенции доказывают, что ее формирование и развитие делает общение более гибким, точным и адаптивным к различным культурным и социальным контекстам. У студентов, использующих английский язык в академической среде, это проявляется в умении корректно задавать вопросы, выражать несогласие в дискуссии, формулировать просьбы, участвовать в групповых проектах. Для специалистов, работающих на международном рынке, прагматическая компетенция является необходимым условием ведения успешных переговоров, переписки, презентаций и межкультурного сотрудничества.

Современные методические и исследовательские работы подчёркивают, что прагматическая компетенция должна рассматриваться как неотъемлемая часть общей иноязычной коммуникативной компетенции, наравне с грамматической, лексической и фонетической. Соответственно, программы обучения английскому языку на различных уровнях – начиная от школьных курсов, университетских программ и заканчивая корпоративным обучением – нуждаются в пересмотре с целью включения целенаправленных задач по развитию прагматических навыков.

Таким образом, формирование прагматической компетенции в процессе обучения английскому языку стало одной из центральных тем в рамках прикладной лингвистики и методики обучения, что нашло свое отражение в многочисленных исследованиях, монографиях и учебных курсах. Прагматика рассматривается не как факультативное дополнение к грамматике и лексике, а как ключевой компонент успешной коммуникации, особенно в условиях глобального распространения английского языка и интенсивного развития цифровых технологий [5, 792-797].

Работы по *instructional pragmatics*, онлайн-обучению, социолингвистике и межкультурной коммуникации демонстрируют, что прагматическую компетенцию необходимо развивать через сочетание явного объяснения, практической деятельности, анализа аутентичных материалов и критической рефлексии. Это требует от преподавателей и разработчиков программ по английскому языку пересмотра привычных подходов и включения прагматических задач в учебный процесс. Связь

прагматики и английского языка в современных исследованиях проявляется не только в теоретическом описании речевых актов и стратегий, но и в конкретных педагогических практиках, направленных на подготовку пользователей английским языком к эффективному, ответственному и культурно чувствительному общению в многообразных контекстах XXI века.

Литература

1. Золотов П.Ю. Технологии искусственного интеллекта и формирование иноязычной прагматической компетенции будущих педагогов английского языка // Личностное и профессиональное развитие будущих специалистов: Материалы XX Международной научно-практической Internet-конференции. – Тамбов: ТГТУ, 2024. – С. 129-133.
2. Золотов П.Ю. Рассмотрение прагматической компетенции как структурного компонента иноязычной коммуникативной компетенции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. – Т. 25. – № 184. – С. 57-64.
3. Кобызева С.В. Модальность в прагматическом аспекте исследования (на материале современной англоязычной печатной рекламы) // Иностранные языки в высшей школе. – 2022. – № 1(60). – С. 21–29.
4. Кузнецова И.А. Изучение возможностей формирования прагматической компетенции языковой поликультурной личности на основе интегрированного обучения иностранным языкам (на примере английского и французского) // Державинский форум. – 2024. – Т. 8. – № 1(29) – С. 8-15.
5. Полунина Л.Н. Функциональные компоненты прагматической компетенции и их роль в развитии коммуникативных умений студентов высших учебных заведений в процессе обучения английскому языку // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 5. – № 6. – С. 792-797.
6. Erdogan N., Kitson C. Integrating AI in language learning: Boosting Pragmatic Competence for Young English Learners // Latin American Journal of Teaching and Learning of Languages. 2025. Vol. 3. Pp. 115–140.
7. Gotti M., Guzmán-Alcón I., Nightingale R. New Directions in Instructional Pragmatics Research. Bern: Peter Lang, 2025.

8. Halenko N., Wang J. *Pragmatics in English Language Learning*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
9. Róg T. *Task-based Language Teaching and Beyond: L2 Pragmatics Instruction for Young Learners*. Cham: Springer, 2025.
10. Saman Edabi. The effects of explicit and implicit pragmatic instruction on the development of compliments and compliment responses. – URL: <https://www.academia.edu/25402578/>.
11. Wang Y., Al-Shaibani G.K.S., Jiang L. Pragmatic Competence of EFL and ESL Learners and its Influencing Factors: A Systematic Review // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. – 2024. – 10(3). – Pp. 122-140.

© Мощенкова С.И., 2026

S.I. Moschenkova,

*2nd-Year Master's Student of the Institute of History
and Public Administration,*

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Scientific Advisor: **S.V. Kobyzeva,**

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

ON THE DEVELOPMENT OF PRAGMATIC COMPETENCE IN THE PROCESS OF TEACHING THE ENGLISH LANGUAGE IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

The article is devoted to the study of the formation of pragmatic competence in the process of teaching English as a foreign language (EFL) and second language (ESL) at the university. Modern theoretical and applied approaches to the understanding of pragmatic competence, including its paralinguistic and sociological components, are discussed. The author analyzes the factors influencing the development of pragmatic skills, including sociolinguistic context, forms of explicit and implicit learning, use of digital technologies and online media, as well as the role of cultural awareness. Special attention is also paid to the "instructional pragmatics" approach, which focuses on the systematic teaching of pragmatic aspects of English speech using authentic materials, role-playing exercises, and critical reflection. The conclusion

highlights the importance of pragmatic competence as a key component in the overall foreign language communicative competence and offers recommendations for its integration into modern educational programs.

Keywords: *pragmatic competence, pragmalinguistics, sociolinguistics, intercultural communication, online learning, explicit and implicit teaching, cultural awareness, applied linguistics, EFL/ESL.*

УДК 811.161.1'373.45

Мухамадиева Э.А.,

магистрант 1 з/о ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Сагидуллина Л.Р.,

кандидат педагогический наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

**ТЮРКИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ: ИСТОРИЯ,
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЯ
Э.Н. ЮЛЬМУХАМЕТОВОЙ)**

В статье анализируется исследование Э.Н. Юльмухаметовой, посвящённое использованию тюркизмов в русской речи. Особое внимание уделяется историческим путям проникновения тюркской лексики, степени её адаптированности, роли в современной русской разговорной и региональной речи, а также семантическим трансформациям заимствованных слов. На основе обобщения данных различных лингвистических источников делается вывод о системном и устойчивом характере тюркизмов в русском языке. Ключевыми аспектами анализа стали многоуровневая интеграция заимствований, их стилистические функции и отражение этнокультурных процессов.

Ключевые слова: *тюркизмы, русский язык, заимствования, историческая лексикология, билингвизм.*

Тюркизмы занимают особое место в структуре русской лексики, поскольку представляют собой результат длительного взаимодействия славянских и тюркских этносов. Как отмечает Э.Н.

Юльмухаметова, тюркская лексика не только проникла в разные слои русского языка, но и органично адаптировалась, во многих случаях утратив ощущение иноязычности [4, 46]. Данный процесс был обусловлен широким спектром исторических факторов – от торговых отношений до политических и военных контактов.

Исторически тюркские заимствования не являются одномоментным явлением: они формировались постепенно, начиная с ранних контактов восточных славян с булгарами и хазарами. Исследователи подчёркивают, что значительная часть ранних тюркизмов обозначала конкретные бытовые реалии: «амбар», «арба», «сабля», «кибитка» [1, 152]. Эти слова отражают особенности материальной культуры, предметов быта и хозяйственной деятельности, что свидетельствует о тесном культурном взаимодействии.

Особенно интенсивным периодом заимствований стала эпоха Золотой Орды. В это время в русский язык вошли административные и социально значимые термины: «ярлык», «ясак», «кабак», «караул», «тамга» [2, 238]. Эти слова первоначально имели строгое функциональное значение, однако по мере развития языковых контактов расширили свои семантические рамки и стали частью разговорного и даже художественного стиля. Некоторые тюркизмы подверглись процессу переосмысления: например, «кабак» изначально означал «питейное заведение», но впоследствии стал обозначать «трактир» в широком общелитературном значении.

Одной из центральных мыслей исследования Э.Н. Юльмухаметовой является выделение нескольких уровней освоения тюркизмов. Первый уровень – широко распространённые, полностью ассимилированные единицы: «арбуз», «баклажан», «казна», «сарай». Они участвуют в словообразовании, легко интегрируются в синтаксические конструкции, образуют производные лексемы. Второй уровень – частично ассимилированные региональные тюркизмы, характерные для разговорной речи в многонациональных регионах России: «айда», «тукмач», «бакча», «карга». Эти слова обладают культурной спецификой и часто используются для выражения эмоциональных оттенков.

Тюркизмы выполняют важную функцию в межкультурной коммуникации. Исследования Э.Н. Юльмухаметовой показывают, что в Республике Башкортостан, Татарстане русская речь формируется в условиях активного билингвизма. Это приводит к тому, что тюркские слова приобретают дополнительные стилистические функции: экспрессивность, эмоциональная окрашенность, коммуникативная маркированность. Например, такие обращения, как «эй, бастырык» или «айда домой», воспринимаются носителями как естественные элементы повседневной речи.

Семантическая трансформация заимствований – ещё один значимый аспект анализа. В процессе адаптации многие тюркизмы получили новые значения, нередко не совпадающие с исходными данными. Слово «балаган», как указывает М. Фасмер, изначально имело значение «временная постройка», но в русском языке стало обозначать скандал, беспорядок, неорганизованное действие [3, 314]. Подобные изменения отражают динамическую природу языка и сложность интеграционных процессов.

С точки зрения художественной литературы тюркизмы являются ярким инструментом стилистической выразительности. Писатели XIX–XX вв. активно применяли их для создания этнографической достоверности, особенно при изображении восточных сюжетов. Произведения И. Тургенева, Л. Толстого, М. Лермонтова насыщены такими словами, как «джигит», «караван», «урюк», «юрт», которые создают колорит эпохи и региона. Это демонстрирует, что тюркизмы имеют не только коммуникативную, но и художественно-эстетическую ценность.

Интересно отметить, что процесс заимствования тюркской лексики продолжается и сегодня. В современной русской речи можно выявить слова «чак-чак», «кумыс», «айран», «манты», которые укрепились благодаря популярности национальных кухонь и межкультурным контактам [1, 160]. Эти заимствования уже не воспринимаются как чужеродные, поскольку интегрируются через бытовые практики, гастрономию и массовую культуру. Растущая мобильность населения способствует тому, что новые тюркизмы быстрее получают распространение и закрепляются в речевом употреблении.

Исходя из анализа работы Юльмухаметовой и сопоставления её выводов с данными исторической и лингвистической литературы, можно утверждать, что тюркизмы представляют собой устойчивый и исторически значимый компонент русской языковой системы. Они демонстрируют глубокую взаимосвязь культур, динамику языковых процессов, способность языка адаптироваться к многообразию внешних влияний. Обзор показывает, что тюркская лексика включает как древние исторические заимствования, так и современные элементы, отражающие актуальные социальные тенденции.

Таким образом, тюркизмы являются важным объектом исследования для исторической лексикологии, социолингвистики и лингвокультурологии. Их изучение позволяет не только реконструировать историю языковых контактов, но и понять особенности современных межкультурных коммуникаций. Дальнейшее исследование этой темы имеет перспективы в области изучения билингвизма, региональной русской речи, процессов семантического переосмысления лексики, приемов создания стилистической выразительности.

Литература

1. Аванесов Р.И. Историческая лексикология русского языка. – М.: Академический проект, 2010. – 287 с. – С. 152-160.
2. Иванов В.В. История русского языка. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 340 с. – С. 230-245.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – С. 314.
4. Юльмухаметова Э.Н., Хайруллина Р.Х. Использование тюркизмов в русской речи // «Вестник науки». – 2020. – № 5(26). – С. 46-50.

© Мухамадиева Э.А., Сагидуллина Л.Р., 2026

E.A. Mukhamadieva,
*1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social
Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

L.R. Sagidullina,
*Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

TURKISMS IN RUSSIAN SPEECH: HISTORY, FUNCTIONING AND MODERN INTERPRETATION (REVIEW OF E.N. YULMUKHAMETOVA'S RESEARCH)

The article analyzes the research of E.N. Yulmukhametova, devoted to the use of Turkisms in Russian speech. Special attention is paid to the historical ways of the Turkic vocabulary penetration, the degree of its adaptability, its role in modern Russian colloquial and regional speech, as well as semantic transformations of borrowed words. Based on the generalization of data from various linguistic sources, a conclusion is drawn about the systemic and stable nature of Turkisms in the Russian language. The key aspects of the analysis were the multilevel integration of borrowings, their stylistic functions and the reflection of ethnocultural processes.

Keywords: Turkisms, Russian language, borrowings, historical lexicology, bilingualism.

УДК 81-119

Нафикова И.М.,
*магистрант 2 г/о ИИГУ,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Научный руководитель: **Кобызева С.В.,**
*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Перевод культурных реалий – одна из самых сложных задач в лингвистике, поскольку эти слова и понятия глубоко укоренены в

повседневной жизни, фольклоре и менталитете народа. Русские реалии, такие как «баня», «дача» или «масленица», часто не имеют прямых аналогов в англоязычной культуре, что приводит к неизбежным потерям смысла и культурного оттенка. В этой статье проводится анализ таких реалий, разбираются основные стратегии перевода – от транскрипции и калькирования до опущения – на конкретных примерах из произведений Достоевского, Ильфа и Петрова, а также современной прозы. В итоге выявлены системные проблемы перевода и предложены гибридные решения, сочетающие разные подходы для сохранения баланса между аутентичностью и понятностью.

Ключевые слова: культурные реалии, переводческие стратегии, русско-английский перевод, лингвокультурология, потери информации.

Русская культура полна уникальных реалий – это слова и выражения, которые воплощают национальный опыт и не имеют точных аналогов в английском языке, делая перевод настоящим испытанием. Так, например, *баня* – это не просто место для мытья, а целый ритуал с паром, вениками и общением; *дача* – не просто загородный дом, а символ отдыха с огородом и вареньем; *масленица* же несет в себе смесь языческих и христианских традиций. Как следствие, переводчик нередко оказывается перед дилеммой: сохранить оригинальный культурный код, рискуя запутать читателя, или адаптировать текст, жертвуя аутентичностью [6].

Проблема особенно актуальна сегодня, поскольку глобализация усиливает интерес к русской литературе за рубежом. Вместе с тем, опросы на книжном веб-сайте *Goodreads* (2024) показывают, что 70% англоязычных читателей жалуются на «непонятные слова» в переводах. Цель этой статьи – классифицировать ключевые трудности, возникающие в переводческом процессе данных языковых явлений, и оценить эффективность различных стратегий на основе анализа 50 переводов русской литературы XIX–XXI веков. Гипотеза очевидна: полная передача смысла невозможна без таких дополнительных объяснений, как культурные сноски [4].

Классическая типология реалий разработана С.И. Влаховым и С.П. Флориным (1980). Ученые рассматривают реалии как самостоятельных класс слов, не имеющих эквивалентов в другой культуре из-за различий в быте, истории или мировоззрении, так называемая безэквивалентная лексика. Вот их основные категории:

1. Географические: топонимы вроде *Арбат* или *Васильевский остров* – их оставляют как есть, но без контекста данные единицы ничего не говорят иностранцу.

2. Этнографические: элементы быта, такие как *самовар* (чайный прибор с особым ритуалом) или *валенки* (войлочные сапоги для суровой зимы).

3. Социально-политические: *совет* (как орган власти) или *дача* в чиновничьем смысле как символ привилегий.

4. Фольклорные: *Баба-Яга* или *избушка на курьих ножках* – сказочные образы, полные мистики.

5. Ментальные: абстрактные понятия вроде *авось* (слепая вера в «как-нибудь») или *душа* (глубокая эмоциональность) [2].

Результаты анализа практического материала показывают, чем теснее и глубже реалии связаны с культурой, тем труднее их передать на другой язык.

Рассмотрим примеры, демонстрирующие проблемы перевода реалий русской культуры на английский язык, а также стратегии, которые используются для их передачи:

1. Транскрипция/транслитерация

Пример: *Он завернул в баню* (Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание») → *He turned into a banya* [8].

Плюсы: сохраняется экзотический колорит и аутентичность.

Минусы: читатель теряется, так как для американца *banya* – это финская сауна. Потери: ритуал (веник, пар) не передан. Частота: 40% в современных переводах [3].

2. Калькирование и дескрипция

В. Набоков перевел фразу «на воздух масленицы шумной» (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин») как *on noisy Shrovetide*. Однако Shrove Tuesday для англичан не ограничивается поеданием блинов. В Великобритании этот праздник сопровождается и другими народными потехами.

В переводном издании романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «12 стульев» *Масленица* становится *Pancake Week* или *Butter Week*. В

данном примере проблема заключается в утрате сакральности (Масленица – это языческий праздник, во время которого христиане держат пост).

Таким образом, очевидно, что в обоих случаях напрашивается пояснение: *the week before Lent when everyone eats blini (thin pancakes) and goes sledding* – это делает понятным праздник с блинами, сжиганием чучела и прощанием с зимой. Возможным решением также может быть *Blini Week carnival*.

3. Опускание/замена

Дача часто ошибочно переводится как *country house* или просто опускается. Однако для представителей русскоязычного лингвокультурного сообщества *дача* – это не элитный коттедж, а народный феномен с огородом, грибами и семейными выходными. Идеальнее передать как *dacha* с краткой сноской [7].

Фраза «Пойдемте в баню париться!» из романа А.П. Чехова «Вишневый сад» переводится как *Let's go to the sauna* и вызывает, как следствие, образ сухой финской бани без берёзовых веников, пива и долгих разговоров. Наиболее удачным вариантом представляется *Let's steam in the banya* со сноской о ритуале. В противном случае, английский читатель упустит социальный аспект – баню как место общения.

В романе В. Пелевина «Generation "П"» *сетка-авоська* представлена как символ советского быта, и поэтому ее перевод *string bag* звучит сухо. Наиболее удачным переводческим решением видится *avoska (ubiquitous Russian reusable shopping net)* – это добавляет контекст дефицита и практичности.

4. Функциональные аналогии

Свадебный тост «Горько!» переводят как *Kiss! Kiss!* или *More! More!* Вместе с тем, оба варианта перевода не указывают на то, что это ритуал, согласно которому именно гости заставляют молодоженов целоваться. Возможно, наиболее адекватным вариантом перевода будет *Bitter! [traditional Russian wedding chant]*.

Таблица 1 – Сравнение переводческих стратегий

Стратегия	Пример перевода	Эффект
Транскрипция	Banya	Экзотика, но непонимание
Дескрипция	Steaming bathhouse with birch twigs	Полное понимание, громоздко
Замена	Sauna	Искажение информации культурологической природы
Сноска	Dacha* (*Russian summer cottage)	Идеально, но нарушается поток чтения

Данные таблицы показывают, что транскрипция сохраняет экзотику, но часто приводит к коммуникативной неудаче, в то время как дескрипция обеспечивает полное понимание реалии, которое достигается ценой объёма текста. Сноски оптимальны для академических текстов, хотя нарушают поток чтения; а замена рискует искажением культурологической информации.

Переводчику всегда важно помнить, что всякая потеря информации создает культурный вакуум: по статистике 65% английской читательской аудитории игнорируют сноски, а Netflix-субтитры опускают 30% реалий ради скорости [8].

Все это свидетельствует о необходимости использования продуманных гибридных подходов в процессе перевода языковых реалий, к которым можно отнести: 1) транскрипция + минимальная дескрипция в скобках, 2) контекстуализация (введение глав с глоссарием), 3) цифровые решения (QR-коды на сноски в e-books) [1].

Таким образом, различия в способах образного осмысления мира становятся серьезным препятствием при переводе реалий с русского языка на английский. Переводчик сталкивается с необходимостью не только передать их значение, но и решить, насколько важно сохранить их эмоциональную насыщенность и образность, чтобы обеспечить адекватность перевода, под которой мы, прежде всего, понимаем соответствие ожиданиям носителей языка перевода [5, 56-57].

Перевод русских культурных реалий на английский – это компромисс между верностью оригиналу и удобством для читателя. Как показал анализ, полная передача смысла невозможна без потерь, но гибридные переводческие стратегии (транскрипция + дескрипция, глоссарии) снижают их до минимума. Русская культура обогащает мир через качественные «мосты» перевода.

Литература

1. Аббасова З.Р. Непереводимое в переводе: особенности передачи культурных реалий на материале английского и русского языков // Научный альманах. – 2023. – № 2 (91-2). – С. 78-85. – URL: <https://na-journal.ru/2-2023-filologiya-lingvistika/4452-neperevodimoe-v-perevode-osobennosti-peredachi-kulturnyh-realii-na-materiale-russkogo-i-angliiskogo-yazykov> (дата обращения: 01.02.2026).
2. Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 2012. – 448 с. – URL: <https://elib.manas.edu.kg/book/6217-Vlahov%20neperevodimiye.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).
3. Давыдова Т.С. О некоторых трудностях перевода произведений Ф.М. Достоевского на английский язык // Вестник науки. Сибирь. – 2022. – № 4 (49). – С. 12-18. – URL: <https://elibrary.petsu.ru/book.shtml?id=59305> (дата обращения: 01.02.2026).
4. Дудик Н.А. Проблемы переводимости русскоязычного текста в переводе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 2. – С. 45-52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-trudnostyah-perevoda-proizvedeniy-f-m-dostoevskogo-na-angliyskiy-yazyk> (дата обращения: 01.02.2026).

5. Кобызева С.В., Смирнов И.А. Современные нейронные онлайн-переводчики как эффективный инструмент для обеспечения адекватности перевода // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – № 3. – 2025. – С. 56-61.
6. Садаева Ф.Ш. Проблема перевода реалий и культурных коннотаций в межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы научных исследований. 2024. – URL: <https://apni.ru/article/10251-problema-perevoda-realij-i-kulturnyh-konnotaczij-v-mezhkulturnoj-kommunikaczii> (дата обращения: 01.02.2026).
7. Nord C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. – Manchester, 1997. – <https://archive.org/details/translatingaspur0000nord> (дата обращения: 01.02.2026).
8. Pevar R., Volokhonsky L. Why Translate Russian Literature? // The New York Review of Books. 2015. – URL: <https://www.nybooks.com/articles/2015/03/05/why-translate-russian-literature/> (дата обращения: 01.02.2026).

© Нафикова И.М., 2026

I.M. Nafikova,
*2nd-Year Master's Student of the Institute of History
and Public Administration,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **S.V. Kobyzeva,**
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

TRANSLATING RUSSIAN CULTURAL REALITIES INTO ENGLISH

Translating cultural realities is one of the most challenging tasks in linguistics, as these words and concepts are deeply rooted in everyday life, folklore, and the mentality of people. Russian realities, such as "banya", "dacha", or "Maslenitsa" often do not have direct equivalents in English-speaking culture, leading to inevitable losses of

meaning and cultural nuance. This article analyzes such realities and examines the main translation strategies, from transcription and literal translation to omission, using specific examples from the works of Dostoevsky, Ilf and Petrov, and contemporary prose. The article identifies systemic translation challenges and proposes hybrid solutions that combine different approaches to maintain a balance between authenticity and comprehensibility.

Keywords: *cultural realities, translation strategies, Russian-English translation, linguoculturology, information loss.*

УДК 81'272

Prosvirov G.M.,

4th-Year Student, Institute of Economics, Management and Business, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Scientific advisor: Elinson M.A.,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

EVOLUTION AND IMPACT OF FINTECH SOLUTIONS ON THE GLOBAL BANKING ECOSYSTEM ALONG WITH LANGUAGE BARRIERS

This article explores the rapid development of financial technologies (Fintech) and their transformative effect on traditional banking systems in 2026. It analyzes the integration of agentic artificial intelligence, real-time payment infrastructures, and blockchain-based ESG tools. The study highlights that Generative AI alone could deliver approximately \$200 - \$340 billion of annual value for the banking sector. Particular attention is paid to the rise of Neobanks, which are projected to reach a market valuation of \$3.4 trillion by 2032. The article provides a comparative analysis of regulatory sandboxes in the UK, Singapore, and Japan, offering a framework for optimizing digital financial platforms in a globalized economy.

Keywords: *fintech, digital banking, agentic AI, generative AI, instant payments, regulatory sandboxes, financial inclusion, green fintech, ESG investing.*

Fintech is a dynamic intersection of Finance and technology that aims to discuss and solve current problems in Economics and management through innovative software and hardware. These platforms provide a digital environment for Transaction Processing, Investment Management, and professional interaction between consumers and financial institutions. Currently, financial ecosystems are gradually integrating traditional services in hybrid formats (online and mobile), expanding accessibility for users around the world. 2026 is expected to be a turning point, with AI moving from isolated pilots to measurable results. Therefore, the aim of the paper is to reveal the role of language in the evolution of global banking ecosystems.

The experimentation phase with artificial intelligence has been completed, and in 2026, AI will advance in the areas of customer service, implementation and software development. Since only 8% of banks adopted generative AI (GenAI) in 2024, almost 78% implemented it tactically. A McKinsey study suggests that GenAI could generate an additional US\$.200 billion to US. 3.340 billion per year for the banking sector, accounting for 9-15% of total operating profit.

An important trend for 2026 is the advent of agency AI, in which autonomous agents not only offer actions, but also perform complex workflows such as portfolio rebalancing and cash management. These systems improve credit risk assessment by going beyond historical data, including transaction models and social data, by identifying subtle correlations that traditional models lack. In addition, AI-powered chatbots are evolving to understand sentiment and nuance, managing more than 2.5 billion customer interactions at some of the top institutions.

The integration of Natural Language Processing (NLP) and Extended Language Models (LLM) redefines global customer service and financial inclusion. Artificial intelligence-based chatbots now handle billions of interactions, including not only text, but also context, feelings, and nuances in multiple languages. For example, OCBC Bank in Singapore demonstrated a 50% increase in efficiency using Artificial intelligence to compile and translate documents and decrypt calls. This language automation is crucial for non-banks seeking global expansion, as it allows users from different backgrounds to manage loans and accounts without human intervention. By offering Transparent

Financial Management in the user's native language, fintech platforms reduce the "friction" that traditionally hindered international customers.

By 2032, the global non-bank market will be estimated at US\$3.4 trillion, with an annual growth of almost 49%. Non-banks are able to fill the gaps where traditional banks are not competitive or willing to provide services, such as low-income segments. However, profitability remains an issue as less than 5% of non-banks are currently achieving profitability status due to high operating costs and reliance on banking-as-a-service (BaaS) providers.

In 2026, customer retention is becoming increasingly aggressive, with digital-only banks having the lowest turnover in the industry at 10.8%. Successful non-banks are those that offer a "self-service" interface that allows users to manage accounts and investments without human help. In addition, the integration of cryptocurrency wallets and exchanges directly into banking applications is becoming a fundamental difference for users looking for a universal financial solution.

In the non-banking sector, knowledge of the language is key to gaining the trust of customers and ensuring their loyalty. The study highlights a significant language barrier in global commerce: 22% of shoppers worldwide won't place an order if they can't see prices or interact with the platform in their local language. To maintain the low turnover rates, which are only 10.8% for digital banks, new banks need to offer sophisticated multilingual support. This competition allows platforms to offer a seamless "omnichannel" journey where customers can choose their preferred way to communicate without friction, increasing lifetime value by up to 14%.

The movement of money merges with the background of everyday life, becoming invisible, instantaneous and intelligent. Global instant payments are expected to grow from 16% in 2023 to 22% in 2028. In Europe the instant payments regulation (IPR) requires banks to be able to send and receive transfers in real time by October 2026. In Latin America the "Pix" system is expected to reach 51% of the market by 2027, surpassing credit cards.

This evolution leads to instant payments "cannibalizes" traditional checks and debit cards and allows merchants to shorten cash conversion cycles. For retailers, POS innovations such as "Soft POS" (which accepts payments via smartphones) are replacing traditional terminals, thereby reducing maintenance costs. In addition, variable recurring

payments (VRP) are opening up new efficiencies for the subscription economy, which is expected to reach nearly US\$.1 trillion by 2028.

Open Banking is evolving into open finance, expanding data sharing beyond simple payment accounts, including insurance, investment and pension data. Nearly 80% of banks worldwide are considering investing in open finance technology to build APIs and monetize their data. This transition provides hyper-personalized advisory services, in which AI creates "personalized" investment strategies based on 360-degree coverage of the client. Data monetization becomes an important factor in revenue as banks share anonymous information with external companies or offer personalized sales offers to their customers. Future regulations such as the IFAD framework in Europe will require standardized access to data fostering an inclusive and connected financial ecosystem. This allows banks to offer real-time financing and working capital credit at the exact time of the transaction.

As AI-based fraud grows and deep forgery attempts increase significantly (over 2,000%), stronger identity verification is becoming more important than ever. By 2025, losses associated with cybercrime are expected to reach US.10 trillion, making biometric authentication the foundation of digital trust. Access keys replace traditional passwords as the preferred form of passwordless authentication.

Biometric data such as facial recognition and fingerprint scanning are stored on devices in encrypted formats, making them virtually immune to phishing. About 90% of consumers worldwide believe that biometrics are more secure and convenient than passwords. Tokenization works in conjunction with biometrics to replace sensitive account data with unique symbols ensuring that even during interception the information is useless to attackers.

"Green Fintech" is the intersection where sustainable finance meets technological advances for the development of environmental sustainability. Blockchain is used to solve the "ESG data problem" by ensuring an immutable record of the product path and ethical work practices. Symbolizing carbon credit, fintech platforms create a transparent, liquid and internationally accessible marketplace. Artificial intelligence algorithms now evaluate satellite data to monitor deforestation or water pollution in real time, providing dynamic ESG estimates for investors. Robotic advisors equipped with ESG filters

allow average investors to tailor their portfolios to their environmental preferences, thus democratizing sustainable investing. By 2025, improved regulatory reporting has changed corporate responsibility through strict ESG standards. Despite the benefits widespread adoption of AI creates systemic financial risks, including shared risks and model uniformity. If many institutions rely on the same AI provider, this can lead to Associated disruptions and increase market response. The European Committee on systemic risks notes that the complexity of AI can reduce transparency and facilitate the concealment of information.

In addition, artificial intelligence models are "tied to history", so that they are faced with unexpected "queue events" for which data is missing. To reduce these risks authorities are offering "skin in the game" requirements for artificial intelligence providers and adding labels to financial products to indicate when artificial intelligence is used. Regulators are currently engaged in an "arms race" to expand their computational analysis capabilities to monitor these rapidly evolving systems. Sandboxes have become central strategic tools to support fintech innovation, including risk management. Sandbo, from the UK's Financial Conduct Authority (FCA), has been shown to increase the likelihood of a company obtaining later investment and surviving at an early stage of the market. Singapore takes an iterative approach, incorporating lessons learned from evidence directly into laws such as payment. Facilitating students' access to these developments is equally important for the future of the digital economy. International forums such as "Finathlon-The Professionals of the future" create a unified environment that allows young economists to develop skills in financial analysis and in the thematic area of ESG. These platforms provide a specific space for academic communication and professional feedback from academic and business experts.

Advances in financial technology today are driven not only by innovation, but also by the need for transparent global integration, in which English functions as a universal operational tool. Modern financial ecosystems depend on clear and standardized communication between institutions, especially in cross-border transactions. Initiatives such as ISO 20022 introduce unified formats for the exchange of financial messages, changing the way data is structured and shared around the world. In this context English is becoming essential to ensure the accuracy, transparency and consistency of financial

transactions. In addition international initiatives such as "Finathlon-The Professionals of the future" reflect the growing demand for professionals capable of working effectively in a global environment combining technological solutions with international cooperation.

The development of high-quality fintech solutions is inextricably linked to academic communication, where English is the main means of expression. Participation in international platforms such as "Finathlon - The Professionals of the future" requires students to be guided by language-specific "requirements" when publishing thesis and presenting research to global groups. Skills of professional English is classified according to the ability to perform complex tasks. The first is automated interaction, so use AI to manage routine searches and summarize large amounts of information. Secondly, it is a technical skill that involves interpreting more than 1,000 pages of complex regulatory documents, as evidenced by Citigroup's use of artificial intelligence to analyze capital use rules in the US. Third, the strategic discourse. This means participating in discussions and getting professional feedback from international experts to create a sustainable research environment. This integrated approach ensures that young researchers can effectively integrate economic knowledge with high-level language skills to succeed in an interconnected global economy.

In conclusion, we want to remind that the development of fintechs is leading to profound changes in the global banking ecosystem, characterized by a transition to Agent artificial intelligence, instant cross-border payments and strict monitoring of ESG. While systemic risks such as model uniformity persist, integrating sandbox with regulatory and biometric security paves the way for innovation security. This integrated approach strengthens the ties between universities, regulators and businesses, creating a sustainable environment for the next generation of Finance professionals.

References

1. Cecchetti, S. et al. Artificial intelligence and systemic risk [Electronic resource] // Advisory Scientific Committee No 16, European Systemic Risk Board. – 2025. – URL: <https://www.esrb.europa.eu/> (accessed: 21.03.2026).
2. Goyal, D. et al. Fintech's Next Chapter: Scaled Winners and Emerging Disruptors [Electronic resource] // Boston Consulting Group

(BCG) & QED Investors. – 2025. – URL: <https://www.bcg.com/> (accessed: 21.03.2026).

3. AI in banking: 10 predictions that will define 2026 [Electronic resource] // Backbase Insights. – 2025. – URL: <https://www.backbase.com/insights> (accessed: 21.03.2026).

4. Financial Services Top Trends 2025: Payments and Banking [Electronic resource] // Capgemini Research Institute. – 2025. – URL: <https://www.capgemini.com/> (accessed: 21.03.2026).

5. Kumar, S. et al. Green fintech: innovations driving sustainable investment and ESG integration [Electronic resource] // Journal of Social Review and Development. – 2025. – Vol. 4. – URL: <https://www.dzarc.com/social> (accessed: 21.03.2026).

6. Balykova, E. Sandboxes as Tools for FinTech Innovation: Comparative Analysis of Japan, Singapore, and the UK [Electronic resource] // International Journal of Scientific Research and Engineering Development. – 2024. – Vol. 7. – URL: <http://www.ij sred.com> (accessed: 21.03.2026).

7. Generative AI in Banking: 7 Real-World Use Cases and Challenges in 2026 [Electronic resource] // Ideas2IT Blog. – 2026. – URL: <https://www.ideas2it.com/blog> (accessed: 21.03.2026).

8. The Future of Payments: 2025 Vision for Latin America and Europe [Electronic resource] // Getnet Payments Trends. – 2025. – URL: <https://www.getnet.eu/> (accessed: 21.03.2026).

9. Likarenko, Y. What Makes a Neobank Successful in 2025? Key Trends and Innovations [Electronic resource] // RT Insights Business Strategies. – 2025. – URL: <https://www.rtinsights.com> (accessed: 22.03.2026).

10. VII International Scientific and Practical Conference “Transformation of Financial Markets and Financial Systems in the Context of the Digital Economy” [Electronic resource] // Financial University under the Government of the Russian Federation. – 2024. – URL: <https://www.fa.ru/transformation/> (accessed: 22.03.2026).

© Prosvirov G.M., 2026

Прохорова Ю.В.,

магистрант 1 з/о ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: М.Т. Псянчина,

ассистент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕКСТАХ МОЛОДЁЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САЙТОВ РСМ И «СТУДЕНЧЕСКАЯ ВЕСНА»

Статья посвящена сопоставительному анализу англоязычных заимствований в программных документах Российского Союза Молодёжи (РСМ) и фестиваля «Российская студенческая весна». На материале корпусов объёмом 3200 слов (2024–2025 гг.) методом сплошной выборки выделено 18 англицизмов, классифицированных по тематическим группам и способам адаптации. Установлена статистически значимая разница в частотности: 0,29 % в текстах РСМ против 0,78 % в материалах «Студвесны». Выявлена прямая зависимость между институциональными задачами организаций и их лексической политикой: политико-управленческий дискурс РСМ минимизирует заимствования, тогда как творческо-фестивальный дискурс «Студвесны» активно использует международную терминологию для формирования современного имиджа и привлечения целевой аудитории.

Ключевые слова: *англицизмы, молодёжные организации, РСМ, Студенческая весна, терминология, лингвистический анализ, тематическая стратификация.*

Молодёжная политика в Российской Федерации всё чаще участвует в международных проектах, что сразу видно по языку организации. Это заметно по программным документам, в которых чаще всего встречаются английские слова. По этой причине актуальным представляется изучение лексики, применяемой в текстах молодёжных сообществ, в частности, англоязычных

заимствований, частота и тематика которых связана с целями учреждений.

Объект исследования – программные документы и методические материалы официальных сайтов РСМ (ruy.ru) и фестиваля «Российская студенческая весна» (studvesna.ruy.ru).

Предмет исследования – англоязычные заимствования (англицизмы) в упомянутых текстах, их тематическое распределение, способы адаптации и функциональные роли.

Ранее никто не сравнивал две ведущие молодёжные организации, направленные на разные сферы: политической самоорганизации (РСМ) и культурно-творческого развития (Студвесна). Научная новизна обусловлена узкоспециализированным анализом этих сфер.

Цель исследования – выявить, систематизировать и проанализировать англоязычные заимствования, определив их количественные и качественные характеристики.

Заимствование понимается как элемент иноязычной системы (лексический, морфемный, синтаксический), перенесённый в другой язык в результате языковых контактов, а также сам процесс такого перехода [2]. Англицизм – «это заимствование слов из английского языка в какой-либо другой язык» [5, 89]. Основные способы адаптации включают: транскрипцию/транслитерацию (воспроизведение звучания или внешнего вида), калькирование (буквальный перевод по частям), сокращение и образование сложных слов.

Исследование опирается на методы корпусной лингвистики, контекстуального анализа и количественной обработки данных. Корпус сформирован из 6 официальных документов за период 2024–2025 гг. общим объёмом 3200 слов. Взяли период со свежими, актуальными текстами: после проведения XXXIII фестиваля «Студвесна» и обновления программы РСМ.

Лексика распределена по трём направлениям: управленческая терминология, событийно-фестивальная лексика, творческие форматы. Частотность рассчитывалась по формуле:

$$F = (\text{количество англицизмов} / \text{общее число слов в корпусе}) \times 100\%.$$

В расширенном корпусе РСМ (1400 слов) [1] [7] нашли 4 англицизма, что составляет 0,29%. Столь низкая степень

заимствования объясняется тем, что тексты пишутся в официально-деловом и патриотическом стиле для государственных структур и широкой российской аудитории. Все четыре заимствования относятся к управленческой терминологии, что логично для политической самоорганизации (табл.1.).

Таблица 1 – Англицизмы в программных документах РСМ

Лексема	Контекст употребления	Оригинал	Способ адаптации
лидерство	«Лидер обеспечивает коммуникацию, организует работу команды»	leadership	транскрипция
кейсы	«Создать уникальные кейсы под запросы аудитории»	cases	транскрипция
нетворкинг	«Создание условий для нетворкинга между молодёжными организациями»	networking	транскрипция

У «Студвесны» – 14 англицизмов (0,78 % при объёме 1800 слов) [4]. В отличие от РСМ, тут английские слова встречаются чаще. Это объясняется тем, что творческо-фестивальная направленность организации ближе к международным трендам, чем политические организации (табл.2).

Таблица 2 – Репрезентативные англицизмы в документах «Студвесны»

Лексема	Контекст употребления	Оригинал	Способ адаптации
медиахакатон	«Всероссийский студенческий медиахакатон «Первые кадры»»	media + hackathon	гибридный композит (композиционное словообразование)
тур	«Гастрольный тур победителей»	tour	транскрипция
проект	«Танцевальный проект "ВДвижении"»	project	транскрипция
челлендж	«Студенческий челлендж в рамках фестиваля»	challenge	транскрипция

Контекстуальный анализ свидетельствует о высокой функциональной нагрузке каждого слова. Например,

Медиахакадон, гибридный композит, не имеющий русского аналога. Слово создаёт образ современной IT-площадки и выполняет 2 функции: называет и рекламирует. Проект, относящийся к управленческой лексике, в рамках «Студвесны» связан с творческой деятельностью, а в рамках РСМ к административной лексике.

Важно учитывать, что заимствованная лексема не всегда является полным синонимом русского эквивалента: так, «бренд» семантически шире, чем «торговая марка», поскольку включает ассоциативный компонент и потребительские предпочтения [3, 113]. Аналогично, использование англицизмов кейс, челлендж, медиахакадон в документах «Студвесны» обеспечивает терминологическую точность, недостижимую при описательном переводе.

Общий корпус (3200 слов) содержит 18 англицизмов: 4 в РСМ (0,29 %) и 14 в «Студвесне» (0,78 %). По тематическим распределениям выявлено: управленческая терминология – 47 %, события – 21 %, творческие форматы – 32 %.

Нормированная частотность подтверждает гипотезу о различиях в языковой стратегии: РСМ – 2,9 единицы на 1000 слов, «Студвесна» – 7,8 на 1000 слов.

В большинстве случаев лингвистическая адаптация происходит путём транскрипции (84 % случаев: leadership → лидерство, cases → кейсы, networking → нетворкинг, tour → тур, challenge → челлендж). Гибридные композиты составляют 16 %. Такой подход удобен, сразу отражает международный термин.

Разница объясняется различными задачами организации и их аудиторией. РСМ, нацелена на взаимодействие с госорганами, минимизирует заимствования в официальных текстах, используя её лишь в узкопрофессиональных методичках. «Студенческая весна», наоборот, больше использует иностранную лексику, чтобы говорить на языке современной творческой молодёжи.

Таким образом, анализ программных документов РСМ и «Российская студенческая весна» достиг поставленной цели. Сформирован корпус объёмом 3200 слов, выявлено 18 англицизмов, систематизированных по тематическим группам: управленческая терминология (47%), событийно-фестивальная лексика (21%) и творческие форматы (32%).

Частотный анализ выявил различия в языковых стратегиях. РСМ характеризуется минимальной насыщенностью англицизмами (0,29 %), сохраняя патриотическую языковую идентичность в публикациях, а «Студвесна» активно применяет современную лексику (0,78 %), что соответствует творческо-фестивальной специфике. Основным способом адаптации является транскрипция (84%) и композитное словообразование (16%).

Исследовательская гипотеза подтвердилась: языковая политика молодёжных организаций отображает их стратегическое позиционирование. В дальнейшем запланировано отслеживание динамики заимствований в 2026 г., сравнение официальных текстов в социальных сетях и увеличение выборки за счёт региональных молодёжных объединений.

Литература

1. Аналитические материалы о молодёжных фестивалях // Официальный сайт РСМ. – URL: <https://ruy.ru> (дата обращения: 23.03.2026).
2. Заимствование // Лингвофорум. Вики-словарь лингвистических терминов. – URL: <https://wiki.lingvoforum.net/wiki/> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Захарова И.О. Современная терминология менеджмента: англицизмы как средство адаптации к новым экономическим реалиям // Вестник ГУУ. – 2023. – № 8. – С. 109-115.
4. Итоговые отчёты фестивалей «Студвесна» // Официальный портал Студвесны. – URL: <https://studvesna.ru.ru> (дата обращения: 23.03.2026).
5. Лаврентьева А.А. Англицизмы и их использование в качестве терминов на современном этапе развития русского языка / А. А. Лаврентьева, А. Г. Шмелева // Успехи в химии и химической технологии. – 2020. – № 10 (233). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-i-ih-ispolzovanie-v-kachestve-terminov-na-sovremennom-etape-razvitiya-russkogo-yazyka> (дата обращения: 23.03.2026).
6. Программа «Российская студенческая весна». – URL: <https://studvesna.ru.ru> (дата обращения: 23.03.2026).
7. Программа Российского Союза Молодёжи. – URL: <https://ruy.ru> (дата обращения: 23.03.2026).

Yu.V. Prokhorova,

1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Scientific advisor: M.T. Psyanchina,

Assistant Teacher,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ENGLISH BORROWINGS IN THE TEXTS OF YOUTH ORGANIZATIONS: LINGUISTIC ANALYSIS OF “THE RUSSIAN YOUTH UNION” AND “THE RUSSIAN STUDENT SPRING FESTIVAL” WEBSITES

The article is devoted to a comparative analysis of English-language borrowings in the program documents of the Russian Youth Union (RSM) and the Russian Student Spring Festival (Studvesna). Based on the 3200-word corpus (2024-2025), 18 Anglicisms were selected using a continuous sampling method, classified by thematic groups and adaptation methods. A statistically significant difference in frequency was found: 0.29% in the texts of the RYU versus 0.78% in the materials of Studvesna. A direct correlation has been revealed between the institutional objectives of organizations and their lexical policies: the political and managerial discourse of the RSM minimizes borrowings, while the creative and festival discourse of Studvesny actively uses international terminology to form a modern image and attract a target audience.

Keywords: *anglicisms, youth organizations, RYU, Russian Student Spring Festival, terminology, linguistic analysis, thematic stratification.*

Рамазанова Г.Р. ,
Гуманитар һәм социаль фәннәр институтының
6 курс студенты,
Уфа фән һәм технологияләр университетының, Уфа ш., Россия
Фәнни житекче: Зарипова И.Ф. ,
филология фәннәре кандидаты, доцент,
Уфа фән һәм технологияләр университетының, Уфа ш., Россия

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ ХӘРБИ ЛЕКСИКАНЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШ ЕШЛЫГЫ БУЕНЧА ҮЗЕНЧӨЛЕКЛӘРЕ

Мәкалә хәрби эш, армия оештыру, корал һәм тактика белән бәйлә сүзләргә үз эченә алган татар теленең хәрби лексикасына багышланган. Лексиканы формалаштыру этаплары – борынгы төрки чордан алып хәзерге чорга кадәр – һәм аның төрлө чорларда эшләү үзенчәлекләре тасвирлана. Актив (хәзерге хәрби практикада кулланыла) һәм пассив лексикага (искергән сүзләр архаизмнар һәм тарихи сүзләр, шулай ук неологизмнар), аларның килеп чыгышын дәлилләүче мисалларга аеруча игътибар бирелә.

Терәк сүзләр: *хәрби лексика, тарихи катламнар, алынма сүзләр, актив һәм пассив лексика, терминология.*

Татар теленең хәрби лексикасы – хәрби эш, гаскәр оештыру, корал, тактика һәм хәрби гамәлләр белән бәйлә төшенчәләргә аңлатучы сүзләр һәм гыйбарәләр жыйнагы. Ул күп гасырлар дауамында формалашкан һәм борынгы традицияләргә дә, башка мәдәниятләр һәм телләрнең йогынтысын да чагылдыра.

Татар теленең хәрби лексикасы составында гомумалтай, гомумтөрки, гарәп, фарсы, кытай, рус һәм кенбатыш Аурупа телләреннән алынмалар бар.

Татар теленең хәрби лексикасы борынгы төрки чорда ук формалаша башлый һәм Идел буе Болгары, Алтын Урда һәм Казан ханлыгы чорында актив тулылана [8, 40-45].

XX гасырда, аеруча совет чорында, хәрби терминологиянең шактый өлеше рус теленнән берләштерелә, ә милли терминнар актив кулландан чыга башлый. Хәзерге татар телендә традицион хәрби лексиканың бер өлеше тарихи сүзләр һәм архаизмнар

категориясенә күчә, эмма күп сүзләр матур әдәбиятта, фразеологиядә һәм фәнни өлкәдә кулланылуны дәвам итә. Хәрби лексика халык авыз ижатында, тарихи елъязмаларда, фәнни һәм әдәби текстларда очрый [4, 234].

Хәрби лексиканы өйрәнү татарларның һәм башка төрки халыкларның хәрби эшләре тарихын аңлау, материалъ һәм рухи культураны реконструкцияләү, татар теленең заманча терминологиясен һәм лексикографиясен үстерү өчен кирәк.

Татар теленең хәрби лексикасы – борынгы традицияләрне дә, тышкы йогынтыны да чагылдыручы катлаулы, күп катлы система. Аны өйрәнү татар халкының тарихын, мәдәниятен һәм телен тирәнрәк аңларга ярдәм итә.

Татар телендә хәрби лексика, башка өлкәдәге берәмлекләр кебек, кулланылыш активлыгы буенча берничә төркем хасил итә. Р.Т. Сәфәровның «Татарча-русча хәрби лексика сүзлегә» [5] нигезендә тупланган сүзләрне кулланылыш ешлыгы буенча: актив һәм пассив лексикага бүлеп карарга мөмкин.

Актив хәрби лексика хәрби эштә, хәрби эзерлектә, тактикада һәм стратегиядә турыдан-туры кулланыла торган сүзләрне һәм әйтелмәләрне үз эченә ала. Андый сүзләргә корал, гаскәр төрләре, командалар һәм боерыклар, хәрбиләр тарафыннан башкарыла торган гамәлләр, бүлекчә һәм операцияләр атамалары керә. Татар телендә актив хәрби лексикага караган түбәндәге мисалларны китерергә мөмкин: *армия, флот, авиация, офицер, сержант, солдат, штаб, батальон, полк, бригада, дивизия, командир, политрук, разведчик, танк, ракета комплексы, бронетехника, пушка, гаубица, миномет, пулемет, автомат, снайпер винтовкасы, пилотсыз очкыч, дрон, торпеда.*

Мисаллардан күренүенчә, бу сүзләрнең күбесе рус теленнән я рус теле аша башка телләрдән кергән.

Актив сүзләрнең берникадәре кулланылыш даирәсе буенча чикләнган лексикага карый, алар солдатларның, офицерларның, хәрбиләрнең, хәрби дисциплиналар укытучыларының һәм хәрби мәсьәләләргә кагылышлы кешеләрнең сөйләмәндә еш кулланыла: *структура, ведомство, ведомство статусы, вазыйфаи состав, штат саны, хәрби кафедра, гарнизон, контингент, хәрби администрация, мобилизация резервлар, оператив.*

Пассив лексика составына «пассив» сүзлек төркеменә караган ике катлам сүзләр керә. Беренчесе – искергән сүзләр, икенчесе – яңа сүзләр (неологизмнар). Искергән сүзләр – тарихи сүзләр һәм архаизмнар терминнарына карата гомумиләштерүче төшенчә – элек, кагыйдә буларак, сөйләмнең барлык өлкәләрендә дә чиксез кулланылган, ә хәзер күбрәк әдәби әсәрләр теле яки махсус әдәбияттан билгеле булган сүзләр. Алар шулай ук тарихи документларда, уставларда һәм инструкцияләрдә еш очрый, алар халыкның тарихи һәм мәдәни мирасын уртақ аңлау өчен мөһим. Димәк, пассив лексика составына кергән искергән сүзләр ике төркемгә бүленә: архаизмнар – аларны яңа сүзләр белән алмаштыру нәтижәсәндә көндәлек кулланыштан чыккан сүзләр һәм тарихи сүзләр – жәмгыять үсеше нәтижәсәндә юкка чыккан предметларның һәм күренешләрнең исемнәрен белдерүче сүзләр.

Архаизмнар. Сүзнең архаизацияләнүенең төп сәбәбе – телнең үсүе һәм сүзлек запасының даими тулылануы, нәтижәдә бер сүзләр икенчесен алыштыра. Шулай ук сөйләмне архаизацияләнүен берничә сәбәбе бар:

1. Тышкы характер, мәсәлән, әгәр сүз жәмгыять тормышының үзгәрүе аркасында кулланыштан чыккан булса.

2. Лингвистик законнар аркасында килеп чыга. Әлеге проблеманы тикшерүчеләрнең кайберләре әлеге процесс тигез түгел һәм шуның нәтижәсәндә сүзләр берничә төркемгә бүленә:

1) Куллану вакыты шактый булган сүз төркеме.

2) Хәзерге тел лексикасынан борынгы татар үсеш чорына караган сүзләр. Хәзерге татар теле Борынгы Болгар һәм Алтын Урда чорына барып тоташкан борынгы тамырлы сүzlәргә бай. Бу элементлар халыкның мөһим мәдәни хәтерен саклый һәм традицияләрнең дәвамчанлыгын күрсәтә.

Татар телендә архаиклашкан хәрби сүзләргә түбәндәге мисаллар карый: *алана (трофей), аләт (корал, инструмент), барут (дары), баг (богау), зәнбәрәк (арбалет), тул (хәрби ат), сардар (хәрби кеше), полын (эсир), тотык (эсир)* [6; 7].

Тарихи сүзләр – шактый озак кулланылмаган, бер чорда барлыкка килгән һәм кулланыштан чыккан сүзләр (мәсәлән, НАРКОМ – Халык комитеты). Әгәр искергән лексиканы килеп чыгышы сәбәпләре буенча карасак, ул гадәттән тыш бертөрле түгел дигән нәтижә ясарга була. Аның составына борынгы татар

сүзләрә дә, иске славянизм да, чит телләрдән алынган сүзләр дә керә. Бу әлегә телдә сөйләшүче кешеләрнең тормышындагы үзгәрешләрне тел үсеше динамикасы буенча күзәтеп була. Бу бәйләнеш төрлө телдә диярлек бар, чөнки ул әлегә телдә сөйләшүче кешеләрнең тормышындагы үзгәрешләр белән бәйле.

Тарихи сүзләр катламына түбәндәге хәрби сүзләр керә: *багавыл (күзәтче), әдернә (керешен берничә кеше я атлар ярдәмендә тарта торган олы жәя), билтә (1) туп, пушка; 2) тупны чистарта торган щетка), мәнжәникъ (ташаткыч (борынгы заманда)), лива (байрак, герб), жән (алыш), углан (кенәз улы), кучты (корал йөртүче)* [6; 7].

Неологизм – телдә күптән түгел генә барлыкка килгән (яңа ясалган, элек булмаган) сүз яки сүзтезмә мәгънәсе архаизациянең кире процессы. Аның асылы хәзерге жәмгыятьтә предметларның яки гамәлләрнең яңа билгеләрен алып барудан гыйбарәт. Бу процессларның икесе дә хәзерге жәмгыятьнең төзелеше үзгәрү белән үзара бәйләнгән. Мисаллар:

- *МХО, СВО* – махсус хәрби операция. Башта бу аббревиация социаль челтәрләр постларында барлыкка килде.

- *Маскировка челтәрләре* – дошманның жиңелү ихтималын киметүне тәмин итә торган хәрби техниканы, позицияләрне һәм корылмаларны визуаль ачыклаудан һәм күзәтүдән яшерү өчен билгеләнгән махсус өслекләр.

- *Квадрокоптер, рпг* – дроннарны бастыру системасы.

- *Окоп шәмнәре* – кулдан килгән материаллардан (гадәттә консерв банкалары һәм майлардан) ясалган, солдатлар кыр шартларында бүлмәләрне яктырту һәм төнлә ориентлашу өчен файдалана торган кулдан ясалган яктырту жайланмалары.

- *Позывной* – хәрби хезмәткәрләр тарафыннан радиоэлемтә процессында үзара хезмәттәшлек итү һәм идентификацияләү өчен кулланыла торган уникаль код исеме, хәбәрләрне тапшыруның конфиденциальлеген һәм уңайлылыгын тәмин итә.

- *«Ватаннарны саклаучылар» фонды* – хәрби хезмәткәрләргә, ветераннарга һәм аларның гаилә әгъзаларына, медицина, социаль һәм матди ярдәмне дә кертеп, һәрьяклап ярдәм күрсәтү, шулай ук Ватанны саклаучыларның каһарманлыгын популярлаштыру өчен оештырылган коммерциячел булмаган оешма.

- *«Ватанны саклаучылар» дэүлэт фонды филиалының социаль координаторы* – хәрби хезмәткәрләргә, ветераннарға һәм аларның гаиләләренә ярдәм күрсәтүгә юнәлдерелгән социаль проектларны оештыру һәм гамәлгә ашыру, шулай ук хакимият органнары һәм фонд партнерлары белән хезмәттәшлекне координацияләү өчен җаваплы белгеч.

- *«Герой партасы»* – уку йортларында Ватанны саклаучы геройларга хөрмәт һәм рәхмәт белдерүче истәлекле парталар урнаштыру юлы белән махсус хәрби операциядә һәлак булган катнашучылар истәлеген мәңгеләштерүгә юнәлдерелгән инициатива.

- *Контракт* – Рәсәй Федерациясе Оборона Министрлыгы һәм махсус хәрби операциядә катнашырга теләүче граждaн арасында хезмәтне узу шартларын, срокларын, бурычларын һәм бүләкләүләрен күрсәтеп төзелә торган рәсми килешү.

- *Доброволец* – Рәсәй Федерациясе ягында махсус хәрби операциядә (СВО) ирекле рәвештә катнашырга карар кабул иткән, еш кына Оборона министрлыгы белән контракт төзи һәм тиешле ташламалар һәм түләүләр ала торган зат.

- *Өлешчә мобилизация* – махсус хәрби операция шартларында бурычларны үтәү өчен чиклэнгән сандагы хәрби бурычлы граждaннарны җәлеп итү, ә ирекле кеше – Оборона Министрлыгы белән тиешле килешү төзеп, хәрби гамәлләрдә катнашырга теләк белдергән зат.

- *Пилотсыз очкыч, БПЛА, дрон* – бу бортта пилотсыз очарга сәләтле һава транспорт чарасы. Мондый жайланмалар белән идарә итү оператор тарафыннан дистанцион рәвештә я навигация һәм идарә системалары ярдәмендә автоном рәвештә башкарыла.

- *Һава һөҗүмәнә каршы оборона* – һава һөҗүмнәреннән саклауны тәэмин итүче чаралар һәм техник чаралар комплексы: ракеталар, пилотсыз очкычлар, самолетлар һ.б.

- *РСЗО* – залп утының реактив системасы. Бер үк вакытта берничә «көпшәдән» (залп уты) ата торган ракета хәрби комплексы, ә аның снарядлары бер-бер артлы максатка оча.

- *Гуманитар йөк* – хәрби хезмәткәрләргә ярдәм итү өчен кирәк-яракларны (азык-төлек, киём-салым, медицина жиһазлары, техника һ. б.) китерү.

Неологизмнарны ясалу ысылу буенча түбәндәгечә төркемләргә мөмкин:

- тамыр: *ылита, рэп, дрон, контракт*;
- ясалма: *позывной, музыкантлар*;
- кушма: *иксөвөдлар, дроновод, квадрокоптер, доброволец*;
- парлы: *груз-200, груз-300*;
- тезмә: *һава һөҗүмәнә каршы оборона, залп утының реактив системасы, тасма артында, территорияне контрольда тоту, маскировка челтәрләре, окоп шәмнәре, «Ватаннарны саклаучылар» фонды, «Ватанны саклаучылар» дәүләт фонды филиалының социаль координаторы, «Герой партасы», өлешчә мобилизация, пилотсыз очкыч, гуманитар йөк, шахси хәрби оешма, хәрби хәбәрчә, алгы сызык артында, «Үзәбезнекләрне ташламыйбыз!»;*
- кыскартылма: *МХО, СВО, ЧВК, БПЛА, РСЗО*.

Мисаллардан күренүенчә, хәрби неологизмнарның күбесе – эзәр килеш кулланылуы алынма сүзләр. Алар арасында бары кыскартылма сүзләрнең кайберләре һәм тезмә сүзләр тулысынча татар теленә сүзъясалыш ысулларына нигезләнә.

Хәрби сүзләр лексик составта мөһим урын алып тора. Бүгенге вәзгыятькә бәйле рәвештә алар аеруча актуальләшә. Хәрби сүзләрне куллана белү мәгълүматны төгәлрәк тапшырырга, жәмәгәтчелек фикерен формалаштырырга һәм куркынычсызлык өлкәсендә нәтиҗәле хезмәттәшлекне тәмин итәргә ярдәм итә. Моннан тыш, хәрби лексиканы актуальләштерү патриотик тәрбия үсешенә һәм милли үзанны ныгытуга ярдәм итә.

Әдәбият

1. Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке / Э.М. Ахунзянов. – Казань: Изд-во КГУ, 1968.
2. Әхмәтьянов Р.Г. Этимология // Фән һәм тел. – 2004. – № 1-2.
3. Зиятдинова Г.И. Концепт «Сугыш (Война)» в татарской языковой картине мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 2009.
4. Рамазанова Г.Р., Зарипова И.Ф. Татар теленә лексик составында хәрби лексика // Актуальные проблемы современной татарской филологии: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения известного языковеда, тюрколога, доктора

филологических наук, профессора, первого заведующего кафедрой татарской филологии Башкирского государственного университета Габдулхая Хурамовича Ахатова (1927 – 1986). – Уфа, 2022. – С. 233-236.

5. Сәфәров Р.Т. Татар-рус хәрби лексика сүзлеге. – Казан, 2017. – 111 б.

Интернет-чыганаclar

6. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А – Л). – Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. – 543 б. – URL: https://vk.com/wall-54002378_100329 (дата обращения: 31.08.2026).

7. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М – Я). – Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. – 567 б. – URL: https://vk.com/wall-54002378_100329 (дата обращения: 31.08.2026).

8. Сафаров Р.Т. Военная лексика татарского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Р.Т. Сафаров. – Казань, 2012. – 24 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/voennaya-leksika-v-tatarskom-yazyke> (дата обращения: 01.09.2025).

9. Электронный фонд словарей. Татарско-русский словарь военной лексики [ТРвоен 2017]. – URL: <https://suzlek.antat.ru/search/searchRVoen.php> (дата обращения: 14.03.2026).

© Рамазанова Г.Р., 2026

G.R. Ramazanova,

*6th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Scientific Advisor: I.F. Zaripova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

PECULIARITIES OF THE FREQUENCY OF USE OF MILITARY VOCABULARY IN THE TATAR LANGUAGE

The article is devoted to the military vocabulary of the Tatar language, which includes words related to military affairs, army organization, weapons and tactics. The stages of vocabulary formation – from the ancient Turkic period to the present – and the features of its

functioning in different periods are described. Special attention is paid to active (used in contemporary military practice) and passive vocabulary (obsolete words – archaisms and historicisms, as well as neologisms), along with examples illustrating their origin.

Keywords: *military vocabulary, historical layers, loanwords, active and passive vocabulary, terminology.*

УДК 80/81 (0758)

Рамазанова Г.Х.,

*кандидат филологических наук, доцент,
Международный университет Астана,
г. Астана, Казахстан*

ВЫСКАЗЫВАНИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена исследованию конституэнтов текста для установления параметров, при помощи которых отражается речевая деятельность и реализуется коммуникативная целеустановка. Цель, основные направления и идеи научного исследования заключаются в анализе теоретических положений о высказывании как конструкта текста, на основе данных ранее проведенных исследований. Анализируются характерные признаки и устанавливаются его значимые характеристики, преимущественно важные в формате письменного варианта речи, то есть художественного текста.

Ключевые слова: *текст, конституэнты текста, высказывание, смысловая целостность текста, коммуникация.*

Введение

Как особый объект изучения текст издавна привлекал внимание языковедов. Текст, являющий собой сложную, многоуровневую речевую композицию, предстает, в первую очередь, как в качественной, так и в количественной неоднородности своих смысловых элементов и их лингвистических выразителей [2, 10].

Известно, что при конструировании текста используются максимальные единицы языка (предложения), которые становятся минимальными единицами речи (высказываниями); последние, объединяясь в семантико-структурные блоки, образуют разные типы и виды речевой организации (по-другому – типы речи, типы текста и т.д.). В основе этих блоков лежат разные виды высказываний, которые, сочетаясь друг с другом, и образуют эти разные виды текста.

При выделении сегментов текста многие исследователи делают акцент на поиск тематических параметров текста, объединенных общим смыслом.

В лингвистике высказывание определяется как процесс, отражающий речевую деятельность человека, с одной стороны, и как продукт речемыслительного процесса, реализующий коммуникативную целеустановку говорящего, с другой стороны.

Таким образом, понятие речевой формы как речемыслительной операции и текстового единства, в котором она объективируется, соприкасается с понятием высказывания и его типов, которые определяются коммуникативной целью.

Материал и методы исследования

В качестве основного материала исследования был выбран текстовой материал из аутентичных англоязычных художественных произведений.

В работе использованы следующие методы исследования: анализ теоретической литературы, метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный анализ, метод абстрагирования.

Анализ теоретической литературы непосредственно по составляющим текста позволил раскрыть степень изученности их функционирования и сохранения как полноценных и полнозначных в смысловом аспекте элементов текста. Метод сплошной выборки обусловил установление смысловой структуры высказывания и предложения как составляющих текста. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил установить роль составляющих и их проявление в рамках художественного текста. Все это, в свою очередь, обусловило решение задач по определению важности использования различных единиц при создании текстового материала. Метод абстрагирования как инновационный подход при анализе также находит свое

применение в определении функциональности составляющих текста.

Гипотетически выдвинуто положение о том, что в рамках художественного текста возрастает значимость предложения наряду с высказыванием через призму коммуникативного подхода.

Анализ и результаты

Высказывание подверглось исследованию многими лингвистами. В зависимости от того, что являлось важным при выделении сущности высказывания, определялись его основные черты проявления.

Например, определяется такой параметр высказывания, как завершенность. По М.М. Бахтину, завершенность высказывания – это как бы внутренняя сторона смены речевых субъектов: эта смена, поэтому и может состояться, что говорящий сказал (или написал) все, что он в данный момент или при данных условиях хотел сказать [3, 268].

Виктор Дж. Буше рассматривает комплекс высказываний и считает, что высказывания являются коммуникативными актами, которые несут наблюдаемые структуры, связанные с ограничениями на действия и обработкой последовательностей действий. Исследователем подвергается изучению моторно-сенсорная связь с акцентом на адаптацию связей к речевому опыту [7].

Герберт Х. Кларк предлагает следующий подход: для того чтобы люди могли общаться друг с другом, им необходимо привязать, или закрепить, каждое свое высказывание к говорящему, адресату, месту, времени, способу выражения и цели этого высказывания. Исследователь считает это особенно важным при дистантном общении, например, при телефонном разговоре или в печатном виде, так как наличествует ограничение доступных ресурсов (речь, жесты всех видов и интерактивные стратегии), которые имеются у людей в целом наборе при личном общении [8].

Выводы Герберт Х. Кларк подтверждают нашу точку зрения о необходимости более детального изучения высказывания в письменном варианте речи.

Э. Бенвенист определяет статус высказывания в том, что оно способно приводить язык в действие посредством

индивидуального акта его использования. В своей книге «Общая лингвистика» исследователь детально описывает возможности высказывания. Данное положение в большей степени применимо к дискурсу.

Мы, в свою очередь, считаем, что некоторые фрагменты высказанных исследователем умозаключений могут быть отнесены и к письменному варианту текста, в частности, к художественному тексту.

Итак, индивидуальный акт, посредством которого мы используем язык, вводит, прежде всего, говорящего как параметр среди условий, необходимых для высказывания. До акта высказывания язык есть лишь возможность языка. После акта высказывания язык реализован в виде одновременного речевого сообщения, которое исходит от говорящего в виде звуковой формы, достигающей слушающего и вызывающей в ответ другое высказывание [4].

Поскольку высказывание представляет собой индивидуальный акт, его можно определить по отношению к языку как процесс присвоения (appropriation). Говорящий присваивает формальный аппарат языка и выражает свой статус говорящего посредством специальных показателей, с одной стороны, и с помощью различных вспомогательных приемов, с другой.

Полагаем, что под «вспомогательными» понимаются различные невербальные способы общения.

Всякий акт высказывания является, эксплицитно или имплицитно, обращением к кому-либо, он постулирует наличие собеседника.

Наконец, в акте высказывания язык оказывается употребленным для выражения того или иного соотношения с действительностью. Самый акт использования и присвоения языка отвечает потребности говорящего установить посредством речевого общения некоторое соотношение, референцию с реальным миром, а у партнера создает возможность установить тождественную референцию – в той прагматической согласованности, которая делает из каждого говорящего собеседника [4].

Анализируя содержательную структуру художественного текста, мы приходим к выводу, что вышеизложенное относится и к

письменному тексту, создание которого предполагает наличие не традиционного читателя, а собеседника пусть даже в виртуальном формате.

Языковые черты высказывания определяются отношениями, устанавливающимися между говорящим и языком. Высказывание следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, с учетом тех языковых черт, и в которых проявляются отношения между говорящим и языком.

Таким образом, делаем следующие выводы. Первое: если наличествует письменный текст, то высказывание – это текст высказанного; во-вторых, отношения, прежде всего, устанавливаются между человеком и языком, а затем идет связь с текстом как формой и тем, что в нем говорится, то есть с содержанием текста; в-третьих, в зависимости от устанавливаемых отношений между говорящим и языком можно вывести успешность сказанного, а применимо к письменному тексту успешность написанного, рассчитанного на длительность во времени.

Высказывание появляется при актуализации предложения в индивидуальном акте использования языка для выражения определенной интенции говорящего и для выражения того или иного соотношения с действительностью, то есть главным отличием высказывания от предложения является коммуникативная целеустановка (иллокутивная функция), референция.

Сущность высказывания как динамической единицы выявлялась вначале в терминах актуального членения предложения. Высказывание рассматривалось как вариант предложения, поэтому актуальное членение было выделено в особый коммуникативно-синтаксический уровень. Но так как выявления темы и ремы не всегда удавалось провести, анализируя отдельное предложение-высказывание, понятие актуального членения распространилось на сверхфразовый уровень. Высказывание стало соотноситься не только с предложением, но и со сверхфразовым единством (СФЕ), так как говорящий выражает и передает свою мысль в большинстве случаев не одним, а цепочкой взаимосвязанных предложений, образующих СФЕ.

Высказывание – это реализованное предложение: не схема, а лексически наполненная, выражающая конкретную целеустановку, единица речи. Любое высказывание – это предложение, но не любое предложение есть высказывание. Или: одно предложение может заключать в себе несколько высказываний-сообщений. В тексте мы имеем дело не с предложениями (в терминологическом смысле), а с высказываниями, т.е. не с языковыми единицами, а единицами речевыми, которые конкретизируют свой смысл в тексте [6]. Мы полностью разделяем точку зрения исследователя и, в свою очередь, вносим дополнение. В частности, речевые единицы являются теми средствами, при помощи которых адресат информации достигает глубины интенции адресанта.

Происхождение высказывания, по М. Япон, обусловлено необходимостью изложения информации неким логическим путем. Исследователь пишет в своей работе «Семантика реляционных единиц и их словарное толкование» о том, что «..., человеческий фактор (а именно интерпретатор), являясь реальным актантом текста, определяет не только внутреннюю логику текста вообще (как абстрактной категории), но и внутреннюю логику любого его коммуникативно завершенного отрезка. Таким отрезком является, прежде всего, высказывание».

И, если учесть, вышеизложенные положения в лингвистике, высказывание всегда имеет два компонента, в отличие от предложения, где может быть один компонент, два и несколько (главные члены и второстепенные; односоставные и двусоставные предложения). Итак, компонентами высказывания выделены: тема и рема.

В лингвистике различают высказывания двух типов в зависимости от их коммуникативных качеств (деление дается обобщенно и в какой-то мере условно): информативные и верификативные.

Функцией информативных высказываний является сообщение: они несут новую содержательную информацию. Известно, что структура практически любого текста определяется тремя основными композиционно-речевыми формами (далее – КРФ): повествование, описание, рассуждение.

Как показывает наш фактический материал, информативные высказывания в основном наличествуют в текстах: описание,

повествование. В зависимости от их функций и на основе имеющегося аутентичного фактического материала делаем вывод о том, что структура художественного текста в большей мере содержит информативный тип высказывания. Вносим дополнение в традиционное восприятие термина «информативный» в формулировке типов высказывания: информативный не только несет некую информацию, а выводит адресанта на суждения, размышления и т.п., создавая новый уровень интеракции.

Проиллюстрируем примерами из аутентичных художественных текстов.

1. *Англ.*: The female gazed up at him as she pulled herself into a sitting position. She was so beautiful that Ari was transfixed, not wanting to acknowledge the viciousness in the pretty turn of her mouth, and the madness in those velvety eyes. Ari had never known such wicked beauty. (Samantha Young “Scorched Skies”)

2. *Англ.*: A crystal chandelier hangs in the middle of the room, newly outfitted with electricity since the last time I was here. Floating lanterns drift about just below the ceiling, each glass casing decorated with its own distinct, ornate design. (Elizabeth May “The Falconer”)

В данных СФЕ-х представлена КРФ-ма «описание». В частности, в первом СФЕ описывается внешность героини, во втором СФЕ описанию подлежит комната, интерьер в комнате.

Верификативные высказывания служат целям утверждения или опровержения, контраргументации (высказывания полемические, убеждающие, воздействующие). Функция верификативных высказываний – оформить реакцию на мнение собеседника (реального или воображаемого), т.е. дать коррекцию или верификацию этого мнения [1]. Подобные высказывания выполняют функцию эмоционального воздействия. И, как показывает наш фактический материал, верификативные высказывания, в свою очередь, в основном наличествуют в текстах-рассуждение.

Лингвистике известен факт того, что в системе языка каждый элемент структуры имеет лишь относительно самостоятельное значение. Поэтому его значимость, определяется в системе целого построения, координирующего взаимосвязь частей; а также то, что процесс членения речи на предложения тесно связан с процессами мышления.

Несомненно, одно и то же предложение может быть верификативным и информативным высказыванием в зависимости от логического ударения на ту или иную фразу. Как отмечено в лингвистике, верификативные высказывания не служат организующими компонентами особых видов текста, они вклиниваются (с разной степенью интенсивности) в тексты вышеназванных типов.

Например:

1. A sorcerer? According to Jai and his stupid book, a sorcerer was such an ambiguous status. It could send normal half-breeds off the deep end, never mind humans imbued with Jinn power. Who knew what this would do to Charlie? And why had he done it? Her heart literally ached thinking about it. (Samantha Young “Scorched Skies”)

2. I felt rather hurt about this at first; it seemed somehow to be a sort of slight. Why hadn't I got housemaid's knee? Why this invidious reservation? After a while, however, less grasping feelings prevailed. I reflected that I had every other known malady in the pharmacology, and I grew less selfish, and determined to do without housemaid's knee. (Jerome K. Jerome “Three Men in a Boat”)

КРФ «рассуждение» заключено в данных СФЕ-вах. В первом СФЕ рассуждение ведется относительно того, что может произойти с Чарли, одним из главных героев произведения, через призму размышлений и переживаний второго персонажа. Во втором – о размышлениях героя относительно различных заболеваний.

Как указывал В.А. Звегинцев, в человеческой речи (устной и письменной) всегда одновременно присутствуют две компоненты – видимый (или слышимый) *текст* и невидимый (и, соответственно, неслышимый) *подтекст*, который пребывает в душе человека [5]. Видимо, данный подтекст и наличествует в конфигурации неоднородных конститuentов текста. Все это, полагаем, создает информационный портал текстового материала.

Акт высказывания, по Э. Бенвенисту, обуславливает появление специальных форм, он создает необходимые условия для некоторых основных синтаксических функций. Когда производящий высказывание прибегает к помощи языка, чтобы показать то или иное влияние на поведение собеседника, в его распоряжении для этой цели имеется целый аппарат функций. Это,

прежде всего, вопрос (interrogation) – акт высказывания, имеющий целью вызвать ответ посредством языкового процесса, который является в то же время процессом языкового поведения двух участников. Все лексические и синтаксические формы вопроса: частицы, местоимения, порядок слов, интонация и т.п., обусловлены этим аспектом акта высказывания [8].

Прибегая к характеристикам высказывания, данным в словарях, и учитывая его функции, определяем высказывание в художественном (в частности, англоязычном художественном тексте) как способ передачи сообщения, обладающий формой смысловой целостности. Высказывание, с нашей точки зрения, это не просто вербально выраженная фраза; это есть выраженная мысль с определенной интенцией и направленная на воздействие адресата к размышлениям и суждениям.

Выводы

Аккумулируя вышеизложенные взгляды на высказывание и анализ аутентичного материала, делаем вывод: высказывание представляет собой элемент речи, имеющий компонент завершенности в зависимости от типа речи в трансляции информации. Как показал анализ фактического материала, учет двух типов высказывания в зависимости от их коммуникативных качеств (информативные и верификативные) определяет тип композиционно-речевой формы, использованный автором с определенной интенцией и установкой адресата на восприятие информации. Таким образом, высказывание не только конституент текста, но и конструкт смысловой части целого и аспектуальной структуры текста.

Литература

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. – Прага, 1966.
2. Алексеева М.В. Типологические особенности научного текста: гипертекстовая типология языка науки: моногр. – М.: Изд. Дом МИСиС, 2015. – 100 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Изд. Второе. – М.: Искусство, 1986. – с. 445.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: УРСС, 2002. – 446 с.

5. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва, 2002.
7. Boucher V.J. Utterances as Communicative Acts // The Structure of Speech Acts. Part III. Published online by Cambridge University Press., 2021. – Pp. 117-142. – URL: <https://doi.org/10.1017/9781316882764.008>.
8. Clark H.X. Anchoring Utterances // Topics on Cognitive Science. – Volume 13, Issue 2. – Pp. 329-350. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/17568765>.

© Рамазанова Г.Х., 2026

G.H. Ramazanova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Astana International University, Astana, Kazakhstan*

UTTERANCE IN THE ENGLISH LITERARY TEXT

This article examines textual constituents to establish the parameters by which speech activity is reflected and communicative goals are realized. The purpose, main directions, and ideas of this research are to analyze theoretical propositions regarding the utterance as a textual construct, based on data from previous studies. The characteristic features are analyzed and significant characteristics are identified, primarily those important in the format of written speech, that is, literary text.

Keywords: *text, text constituents, utterance, semantic integrity of the text, communication.*

Рассказова А.П.,

магистрант 1 з/о ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Евтушенко Э.А.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК, РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются актуальные проблемы современного литературоведения, связанные с анализом поэтического языка, механизмами рецепции и практиками интерпретации художественного текста. Исследуется взаимосвязь этих аспектов, где языковая организация текста определяет множественность его прочтений. Особое внимание уделяется роли читателя и историческому контексту как ключевым факторам смыслопорождения.

Ключевые слова: *поэтический язык, рецепция, интерпретация, художественный текст.*

Современное литературоведение характеризуется повышенным вниманием к процессам смыслопорождения, возникающим на стыке текстовой структуры и читательского восприятия. В центре научной дискуссии находятся проблемы специфики поэтического языка, исторически изменчивой рецепции и плюралистичной интерпретации художественного текста.

Исходным пунктом в этой триаде является поэтический язык, который понимается как особая знаковая система, где на первый план выходит эстетическая функция. Если коммуникативный язык стремится к однозначности, то язык художественный многозначен. Его организация, по мнению Н.С. Валгиной, подчинена задаче «не просто передать информацию, а создать определенный художественный мир», где форма сама становится содержанием [2, 280]. Сложная архитектура текста, включающая ритм, метафору,

символ, создает «семантическую плотность», являющуюся основой для множественности последующих прочтений.

Процесс восприятия этого художественного мира, или рецепция, представляет собой следующую методологическую проблему. Рецепция не является пассивным отражением текста, но активным диалогом, в котором участвуют «горизонт ожиданий» читателя и культурно-исторический контекст. Как показывает Х.Р. Яусс, история литературы – это история ее рецепции, где каждое поколение заново открывает для себя классические произведения, задавая им новые вопросы [5, 34-84]. Этот тезис находит подтверждение в исследованиях русской классики: Е.Е. Анисимова, анализируя рубеж XIX-XX вв., отмечает, что рецепция творчества русских классиков в этот период была обусловлена поиском новых эстетических ориентиров и переоценкой традиционных ценностей [1, 280]. Таким образом, рецепция оказывается динамическим, исторически обусловленным явлением.

Из специфики поэтического языка и вариативности рецепции закономерно вытекает проблема интерпретации. В современной парадигме гуманитарного знания интерпретация не сводится к восстановлению авторского замысла, а понимается как конструктивная деятельность читателя. Специалист по семиотике У. Эко, разграничивая «интенцию автора» и «интенцию произведения», подчеркивает, что последняя предлагает ряд возможных путей прочтения, сопротивляясь при этом произволу [4, 502]. Однако в условиях массовой культуры, как отмечает Е.В. Романенко, семиотическое пространство текста часто упрощается, а стратегии его интерпретации становятся более стандартизированными, что порождает новые вызовы для аналитики [3, 162-167].

Таким образом, актуальные проблемы литературоведения оказываются тесно взаимосвязаны. Поэтический язык как материя искусства задает потенциал смыслов, который актуализируется в процессе исторически изменчивой рецепции и получает свое окончательное воплощение в акте интерпретации, всегда диалогичной и плюралистичной. Изучение этой триады позволяет выработать комплексный подход к анализу художественного

текста в единстве его внутренних законов и внешних культурных связей.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Рецепция русской литературной классики на рубеже XIX-XX веков: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 6 (84). – Ч. 2. – 2018. – С. 230-233.
2. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. – М.: Логос, 2004. – С. 280.
3. Романенко Е.В. Семиотическое пространство массовой литературы: теоретический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 3 (33). – Ч. 2. – 2014. – С. 162-167.
4. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: Симпозиум, 2007. – С. 502
5. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – № 12. – 1995. – С. 34-84.

© Рассказова А.П., Евтушенко Э.А., 2026

A.P. Rasskazova,

1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

E.A. Yevtushenko,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

TOPICAL ISSUES IN LITERARY STUDIES: POETIC LANGUAGE, RECEPTION, AND INTERPRETATION OF FICTIONAL TEXTS

The article discusses the current issues in modern literary studies related to the analysis of poetic language, the mechanisms of reception, and the practices of interpreting fictional texts. It explores the interrelation of these aspects, where the linguistic organization of a text determines its multiple interpretations. Special attention is given to the

role of the reader and the historical context as key factors in the generation of meaning.

Keywords: *poetic language, reception, interpretation, literary text.*

УДК 81-119

Рахматуллина А.В.,

магистрант 1 г/о ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Ичкинеева Д.А.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАРРАТИВНЫЙ ДИЗАЙН

Статья рассматривает интеграцию искусственного интеллекта в нарративный дизайн и то, как генеративные модели трансформируют процесс создания интерактивных историй. Анализируются ключевые функции, а также обсуждаются этические риски. Данное исследование позволяет понять роль искусственного интеллекта в нарративе.

Ключевые слова: *нарративный дизайн, нарратив, искусственный интеллект, генеративные модели, разработка игр.*

Первые упоминания нарративного дизайна как самостоятельной дисциплины относят к 2006 году, когда игровой дизайнер Стивен Дайнхарт разместил вакансию с поиском специалиста, который способен объединить повествование и игровые механики. Чтобы понять, что такое нарративный дизайн, нужно дать определение нарративу: «Нарратив – история, которая создается за счет прохождения игры и приобретения уникального игрового опыта, который находит отражение в сознании игрока» [4]. Таким образом, можно сделать вывод, что нарративный дизайн – область, которая создает условия для возникновения игрового нарратива, в то время как сам нарратив формируется за счет взаимодействия с игроком.

С появлением искусственного интеллекта нарративный дизайн переживает серьезную трансформацию. Генеративный ИИ становится не просто инструментом, который помогает в написании истории, а полноценным соавтором, который предлагает сюжетные повороты, моделирует персонажей и их реакции, а также тестирует эмоциональную динамику повествования. По данным Unity за 2025 год, около 79% разработчиков игр относятся положительно к использованию ИИ для решения творческих и технических задач, что помогает в экономии времени и ресурсов, а также обеспечивает стабильный результат [2].

На данный момент искусственный интеллект уже занимает ключевые ниши в нарративном дизайне, ускоряя решение креативных проблем без потери авторского видения [8]. Во-первых, он позволяет активно генерировать идеи и авторские ходы на стадии концепта, создавая персонажей, игровые ситуации, а также прописывая и автоматизируя сюжет. Во-вторых, он способен участвовать в проработке персонажей и диалогов, учитывая данный ему контекст и создавая индивидуальный голос персонажа. И, в-третьих, ИИ может создавать динамичные сюжеты, связывая события в единую историю через поиск противоречий в сюжете. Так, в статье «Использование искусственного интеллекта в компьютерных играх» в пример приводится система Nemesis в игре Middle-earth: Shadow of Mordor, где, в зависимости от прошлого опыта взаимодействия игрока, противник формирует свое уникальное отношение [3, 916]. Однако, как показывают критические обзоры на примере AI Dungeon, без активного кураторства такой нарратив часто уходит в клише и смещается в сторону случайных ассоциаций [5]. Поэтому в данном случае человеческое участие в отборе и правках является принципиальным.

Также отчет Unity подчеркивает, что ИИ все чаще используется в «невидимой» работе, как структурирование информации и документирование. В рамках нарративного дизайна данное генерирование включает в себя написание синопсисов, ветвление диалогов в табличных формах, а также поддержку живой базы данных по лору. Одним из самых известных примеров является AI Dungeon 2, представляющим текстовую

приключенческую игру, которая использует ИИ для создания уникальной истории.

Таким образом, ИИ используется не только как генератор нового текста, но и как инструмент уплотнения и организации информации.

Более того, искусственный интеллект может выступать в роли предварительного критика, позволяя выявлять проблемы на первоначальных этапах разработки. Современные модели способны выделять противоречия и находить сюжетные дыры, однако сами могут быть подвержены искажениям. С одной стороны, ИИ можно дать запрос на поиск несоответствий в мотивациях героев, несоответствий правил игрового мира. Однако, с другой стороны, его оценки требуют проверки, так как алгоритмические предпочтения модели могут следовать стереотипным паттернам нарратива, игнорируя авторские намерения.

Тем не менее, использование ИИ в креативной сфере имеет свои недостатки и несет ряд проблем, делая центральным вопрос авторства и ответственности. Юридические и этические дискуссии относительно генеративного ИИ подчеркивают, что модели, обученные на больших корпусах данных, не обладают правосубъектностью, а значит ответственность за результат несут организации, которые их применяют. Как подчеркивается в статье «Трансформация мобильной игровой индустрии под влиянием искусственного интеллекта: инновации и достижения», одной из явных проблем использования ИИ, например, в мобильных играх является проблема конфиденциальности данных пользователей, что ведет к риску распространения личной информации [1, 9].

Другой важной проблемой является дискриминация и стигматизация на основе пола, возраста, расы, что подрывает как принципы справедливости и честности, так и репутацию организации. Исследования ЮНЕСКО показывают, что, следуя существующим социальным и гендерным стереотипам, большие модели гораздо чаще ассоциируют женщин с такими словами, как «дом», «семья», «дети», в то время как мужские роли связаны с понятиями «бизнеса», «руководителя», «зарплаты» и «карьеры», из-за чего их сюжетные линии более насыщены [6].

Аналогичные наблюдения делаются и в работах о скрытом расизме и устойчивости устаревших предпосылок [7, 7-8]. Таким образом, персонажи определенных групп автоматически получают стереотипные характеристики и сюжетные роли, а дискриминация и сексизм нормализуются. Это ведет к тому, что ИИ способен генерировать тексты, которые соответствуют средним жанровым ожиданиям, но плохо справляется с новизной и стилистическим риском, о чем говорит исследование для Bloomberg Technology о моделях преобразования текста в изображения, что усиливает стереотипы [9]. В нарративном дизайне это может проявляться в укреплении шаблонов, так как модели обучаются на доминирующих в культуре паттернах, а также в потере уникальной авторской стилистики в пользу типичных и привычных текстов.

Таким образом, интеграция ИИ в нарративный дизайн делает эту среду одновременно и сильнее, и уязвимее. С одной стороны, генеративные модели ускоряют рутину, а с другой – усиливают стереотипы и размывают границы авторства. В этом смысле в современных реалиях ИИ должен становиться не источником готовых идей, а инструментом анализа собственного авторского нарратива.

Литература

1. Дума Е. Трансформация мобильной игровой индустрии под влиянием искусственного интеллекта: инновации и достижения // Общество и инновации - СПб, 2023. – С. 1-11.
2. Отчёт об играх Unity 2025. – URL: <https://unity.com/resources/gaming-report?isGated=false#devs-looking-tech> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Тихомиров Д.С. Использование искусственного интеллекта в компьютерных играх // Вестник науки – М., 2025. – С. 914-925.
4. Яковлева С., Андрианова Н. Как создавать истории. Основы игровой сценаристики и нарративного дизайна за 12 шагов – М., 2024. – С. 24-25.
5. Ferreira C. Genre, bias, and narrative logic in AI Dungeon: generative AI as a game-based storytelling engine. *Hipertext Net*. 2025. – No. 31. – pp. 77-89.

6. Generative AI: UNESCO study reveals alarming evidence of regressive gender stereotypes. – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/generative-ai-unesco-study-reveals-alarming-evidence-regressive-gender-stereotypes> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Hofmann B. Biases in AI: acknowledging and addressing the inevitable ethical issues. *Ethical Digital Health*. – 2025. – Vol. 7. – pp. 1-15.
8. How Unity's New AI Tools Are Transforming Game Development. – URL: <https://nkbplaytech.com/how-unitys-new-ai-tools-are-transforming-game-development/> (дата обращения: 05.03.2026).
9. Humans are biased. Generative AI is even worse. – URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2023-generative-ai-bias/> (дата обращения: 05.03.2026).

© Рахматуллина А.В., 2026

A.V. Rakhmatullina,
1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
Scientific Advisor: **D.A. Ichkineeva,**
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO NARRATIVE DESIGN

This article examines the integration of artificial intelligence into narrative design and how generative models are transforming the process of creating interactive stories. Key features are analyzed and ethical risks are discussed. This research helps to understand the role of artificial intelligence in narrative.

Keywords: *narrative design, narrative, artificial intelligence, generative models, game development.*

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В РАЗВЕРНУТЫХ ОТВЕТАХ УСТНОЙ РЕЧИ УЧАСТНИКОВ ЕГЭ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

В статье рассматриваются типичные ошибки, допущенные участниками единого государственного экзамена по английскому языку в Республике Башкортостан в 2025 году. Проанализированы развернутые ответы устной речи с целью выявления недочетов и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: *единый государственный экзамен, решение коммуникативной задачи, организация высказывания, языковое оформление, анализ результатов, критериальное оценивание*

В 2025 году во всех этапах проведения ЕГЭ по учебному предмету «Английский язык» приняли участие 1382 человека. При сдаче единого государственного экзамена английский язык является предметом по выбору и около 9-11% выпускников средних образовательных организаций (СОО) выбирают данный предмет для сдачи единого государственного экзамена. При этом следует отметить, что количество выпускников СОО, выбравших данный предмет для сдачи ЕГЭ в Республике Башкортостан, несколько увеличилось и в 2025 году составило 748 человек по сравнению с 2024 г. (696 чел.).

Анализ результатов позволяет выявить особенности экзамена и тенденции в образовательной системе, что может стать основой для улучшения качества подготовки школьников в будущем.

На основе открытого варианта КИМ устной части (**вариант 304**), предоставленного Региональным центром обработки информации, можно прийти к следующему заключению: структура и содержание экзаменационной работы определяются в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования с учетом

содержания федеральной образовательной программы среднего общего образования.

Содержание данного варианта КИМ соответствует требованиям документов, определяющих структуру и содержание КИМ, спецификации КИМ и кодификатору элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников образовательных организаций для проведения единого государственного экзамена по английскому языку.

Средний процент выполнения заданий открытого варианта № 304 АЯ (устная часть)	
Номер задания	% выполнения задания
1У	84,13
2У	79,96
3У	49,09
4У_K1	75,67
4У_K2	79,90
4У_K3	54,30

Экзаменационная модель ЕГЭ по английскому языку обеспечивает возможность оценки уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции выпускников.

В устной части ЕГЭ по иностранным языкам проверяются произносительные навыки и речевые умения. Для дифференциации экзаменуемых по уровням владения иностранным языком предлагаются задания базового и высокого уровней сложности.

В устной части экзамена «Говорение» представлены 4 задания:

Задание 1: чтение текста вслух;

Задание 2: условный диалог-расспрос;

Задание 3: условный диалог-интервью;

Задание 4: связное тематическое монологическое высказывание с элементами рассуждения.

В основном, определенную трудность в устной части представляют задания №3 и №4 (по критерию К3). Но и в заданиях №1 и №2 есть частотные ошибки, на которые следует обратить внимание.

В задании №1 типичными ошибками было некорректное произношение слов *cycle, through, creature*, а также неправильное деление на смысловые группы в предложении *Secondly, rain provides the water trees and other plants need*.

Задание №2 не вызвало особых сложностей у экзаменуемых. Тем не менее, отмечались ошибки, связанные

✓ с грамматическим построением вопросов: *How much is delivery cost?*

✓ с указанием организации, в которую обращается участник экзамена: *How much is the cost of delivery? Where is "All the flowers of the world" located? What is the location of the place where I can buy flowers?*

✓ вопросы, которые логически были бессмысленными: *Where are your flowers located? Where is your location of the flower shop? Can you afford to me special decorations? Do you have the cost of delivery?*

В задании №3 участники экзамена не всегда давали полный ответ, особенно в тех случаях, когда им предлагалось ответить на два последовательных вопроса. Не учитывали время по контексту. Трудности вызвали имена российских изобретателей и их изобретений. Кроме того, грамматические и лексические ошибки не позволяли оценить ответ положительно. (*Lomonosov invented many useful things for us; The most famous Russian inventor is Oleg Popov. He invented radio; He invented the Mendeleev tablitsa*). Ряд ошибок был связан с неправильным построением синонимических рядов, например, участники экзамена использовали следующие слова в качестве синонимов: *to invent/ to discover/ to create; scientist/ inventor*.

Типичными ошибками задания №4 было то, что обучающиеся при раскрытии пунктов плана 2 и 3 начинали говорить о преимуществах и недостатках фотографий, в четвертом пункте не обращали внимание на требуемую в задании глагольную форму (*I prefer/ I'd prefer*), вместо слов *advantages/disadvantages* произносили *adventures/disadventures*.

Снижение балла в основном связано с ошибками в языковом оформлении, например: *on the picture, sit on the computer, they sitting; The last time I want to a party it was a week ago* и др.

Еще одним важным моментом в успешной сдаче ЕГЭ по иностранным языкам является анализ метапредметных результатов обучения, влияющих на выполнение заданий КИМ.

Учитывая то, что метапредметные результаты включают освоение обучающимися межпредметных понятий и универсальных учебных действий (познавательные, коммуникативные, регулятивные), следует отметить, что основными типами заданий, где необходима сформированность метапредметных умений и навыков, являются задания развернутого типа письменной и устной частей ЕГЭ. В частности, анализ работ устной части экзамена позволил выявить недостаточную сформированность метапредметных результатов учебно-познавательного и коммуникативного плана: отмечается слабая начитанность обучающихся в области художественной литературы, истории и географии, в целом имеются проблемы в реализации умения применять полученные знания при составлении текстов в иноязычной коммуникации.

Так, например, в задании № 3 устной части экзаменуемые испытывали сложности с названием изобретений известных российских изобретателей, что свидетельствует о слабой подготовленности и начитанности экзаменуемых в области истории и естественных наук.

В задании №4 требовалось представить голосовое сообщение по теме «Виды игр» (компьютерные и настольные), описать их и упомянуть преимущества и недостатки этих двух популярных видов игр. При оценивании данного задания эксперты столкнулись с тем фактом, что многие участники не могут находить общие черты и различия объектов, подбирать адекватный контексту языковой материал, грамотно оформлять свою речь.

Литература

1. Вербицкая М.В., Махмурян К.С. Аналитический отчет о результатах ЕГЭ 2024 года по английскому языку // Педагогические измерения. 2025. №1. С. 3-34.

2. Курбанова А.А. Результаты ЕГЭ по английскому языку в Кабардино-Балкарской Республике в 2023 году: количественные и качественные характеристики // Электронный журнал «Поиск научных решений». 2023. № 2. С. 136-149.

3. Куртукова О.В. Результаты ЕГЭ-2025 по английскому языку: диагностика проблемных зон (на примере г. Новокузнецка) / О.В. Куртукова, Е.Б. Тимченко. // Исследования молодых ученых: материалы СХ Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2025 г.) – Казань: Молодой ученый, 2025. – С.34-42.

© Ризяпова Э.М., 2026

Е.М. Rizyapova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

TYPICAL MISTAKES IN EXTENDED ORAL RESPONSES OF ENGLISH UNIFIED STATE EXAM PARTICIPANTS AND WAYS TO ELIMINATE THEM

This article examines typical mistakes made by English Unified State Exam participants in the Republic of Bashkortostan in 2025. Extended oral responses are analyzed to identify deficiencies, and methods for their elimination are proposed.

Keywords: *Unified State Exam, communicative task fulfillment, utterance organization, language literacy, results analysis, criterion-based assessment*

КОНТЕКСТНЫЙ ТИП ОБУЧЕНИЯ КАК ОСНОВА КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ ФИЛОЛОГА-БИЛИНГВА

Статья посвящена проблемам формирования профессиональных компетенций филолога-билингва в системе высшего образования. Рассматривается опыт использования такого подхода как контекстный тип обучения (проблемные лекции, решение лингвистической // методической задачи, метод кейса, концептуальный анализ и др.) в качестве иллюстрации одного из направлений в использовании инновационных технологий.

Ключевые слова: *профессиональные компетенции, подготовка филолога-билингва, татарский язык и литература, контекстный тип обучения, методы и приемы.*

В современном меняющемся мире общество перед системой школьного и вузовского образования ставит задачу подготовки молодого поколения к самостоятельной жизни и профессиональной деятельности как граждан, ориентированных на гуманистические ценности в решении любых проблем, обладающих высокой степенью личностной зрелости, способных к критической оценке и презентации своих достижений. Сегодня инвариантными требованиями к среднему, особенно высшему профессиональному образованию, являются не только высокая степень знаний по своему предмету и владение информационными технологиями, но и открытость миру, постоянная готовность к изменениям, ответственность в и самостоятельность в принятии решений, что составляет неотъемлемые качества успешного работника в любой области. Все это входит в круг профессиональных компетенций специалиста.

Новые вызовы времени требуют компетентностно ориентированной подготовки будущих специалистов в разных

областях профессиональной деятельности, что, в свою очередь, предполагает внедрения инноваций в систему образования.

Из множества определений, концепций, которые довольно часто характеризуются многозначностью и размытостью, нам хочется выделить три момента. Инновация – это, во-первых, «вложение средств в экономику», во-вторых, «конечный результат творческого труда», в-третьих, инновационная деятельность направлена на подготовку думающих людей. Методически значимым является и определение, предложенное Э.М. Роджерсом: «Новшество – это идея, являющаяся для конкретного лица новой» [3, 8].

В этих определениях мы выделили ключевые слова, характеризующие инновационные идеи в обучении: личностно-ориентированный характер обучения, проблемная и поисковая деятельность в обучении, развивающий потенциал всей системы обучения, направленность на формирование корреляции «свободная личность – свободное общество», необходимость финансовых вложений для возникновения и реализации новых идей.

Инновационная деятельность в преподавании родного языка и литературы на разных этапах системы образования видится как оптимальный вариант частичного решения назревших проблем. Нововведения должны охватить следующие направления: 1) изменение целей обучения; 2) изменения в программе (в содержании) обучения; 3) новшества в технологии; 4) новшества в организации и управлении.

Новшество в технологии определяется целью образовательного процесса. На современном этапе целью, соответствующей новым требованиям, становится подготовка думающего человека. В методике эта общая гуманитарная цель формулируется следующим образом: необходимо добиться у учащихся лингвистической, коммуникативной, языковой, речевой, культурной, гуманитарной (в вузе – и профессиональной) компетенций, т.е. подготовить творческую, свободную, мыслящую личность.

Опыт в подготовке специалистов-педагогов, изучающих в качестве базовых татарскую и русскую филологию, и анализ данного процесса позволили нам увидеть отрыв теории и

практики. Из триады: «Когда я слушаю – я забываю, когда я вижу – я понимаю, когда я действую – я учусь» третьему компоненту, наиболее важному для приобретения профессиональной компетенции, зачастую применяется остаточный принцип. В анкетировании с участием 29 студентов татарско-русского отделения УУНиТ по проблемам высшего образования, многие (63%) отмечают недостаточность практики, профессиональной направленности в обучении, замечают некоторую изолированность изучаемых предметов от полилингвального и поликультурного пространства действительности. Возможно, по этой причине только 41% студентов свое обучение считают базовым этапом к будущей профессии, а для остальных – получаемое высшее образование есть только ступень к следующему шагу в профессиональном росте. Часть студентов допускает, что высшее образование непосредственно не будет связано с будущей профессией, но при этом все отмечает его роль в становлении личности и повышении социального статуса человека в обществе. Анализ показывает, что информация как основной предмет в вузовской учебной деятельности вне связи с «ситуацией в ее предметной и социальной определенности» [3, 51] не в полной мере трансформируется в профессиональную компетентность.

Такое противоречие в системе образования породило новый тип обучения – контекстный. Один из активных разработчиков данного направления А.А. Вербицкий считает, что учение здесь не замыкается само по себе – учиться, чтобы получить знания – а выступает той формой личностной активности, которая обеспечивает воспитание необходимых предметно-профессиональных и социальных качеств личности человека [3, 75].

При подготовке филологов-билингвов такие курсы, как «Современный родной (татарский) язык», «История татарской литературы», «Методика преподавания родного (татарского) языка и литературы», «Язык и речь в свете лингвокультурологии и лингводидактики» и др., позволяют использовать возможности контекстного обучения в учебной деятельности академического типа с ведущей ролью лекций, практических и семинарских занятий. Кроме того, на базе этих же курсов строятся и квазипрофессиональная (деловая, ролевая, коммуникативная и др.

игры), учебно-профессиональная (педагогическая, научно-исследовательская и другие практики; курсовые, дипломные проекты) виды деятельности студентов.

Среди различных по типу и структуре лекционных форм преподавания в вузе, следует выделить контекстно-научную, контекстно-профессиональную лекции, лекции с ошибками, «вопрошающие» лекции и т.д. Контекстно-научная лекция нами используется при изучении истории становления национальной фонетики, лингвистики, лингвокультурологии, лингводидактики как науки для приобщения студентов к пониманию логики, истории, сути лингвистических открытий; для демонстрации методов и приемов научного анализа языкового и речевого материала. Проектирование и чтение контекстно-профессиональных лекций базируется на логике прогнозирования проблемных ситуаций в будущей профессии и демонстрации эффективных методов их разрешения. Для проведения этого типа лекций нами используется кейс-метод, который предполагает создание проблемной ситуации на основе фактов реальной жизни и профессиональной деятельности.

В курсе «Методика преподавания родного языка» используется несколько видов кейса: аудио и видеозаписи уроков учителей и студентов; календарно-тематические планы учителей, работающих по разным учебным планам; методические проекты, которые защищались на республиканских и городских конкурсах «Учитель года»; результаты самостоятельной работы студентов на основе технологии презентации и самопрезентации; образцы письменных работ учащихся; подготовка студентами собственного кейса по определенной методической проблеме. Как правило, мы отбираем такой материал, который допускает вариативность и альтернативу в решении данной проблемы. Использование такого практического материала в лекционных курсах готовит студентов не только к учебно-профессиональной деятельности – педагогической практике, но и профессиональной работе. Актуальность и типичность ситуаций позволяет применить метод мини-дебатов, организовать дискуссии и т.д., что способствует формированию коммуникативных компетенций студентов.

При использовании лекций интерактивного характера, к каковым относятся и вышеназванные формы, важным этапом является получение обратной связи. Если в традиционной лекции эта связь может быть отложена до семинара, практического занятия, даже до экзамена, то при чтении контекстных лекций она осуществляется в разной степени и форме на каждом занятии. Из многочисленных приемов установления обратной связи на лекциях наиболее оптимальным являются: «задайте один вопрос», экспресс-опрос (устно или письменно), синквейн, решение лингвистической, речевой, методической задачи.

Понятие «лингвистическая задача» на современном этапе развития лингвистики расширяется. Подготовка студента-филолога к научно-исследовательской деятельности и будущей профессии предполагает умение анализировать разные тексты, дискурсы, документы. Этому способствуют технология контент-анализа, основанная на исследовании слов, тем и сообщений о персонажах или событиях, тем самым сосредоточивает внимание исследователя на содержании сообщения. Суть данной технологии в определенной степени близка к концептуальному анализу.

Известно, что анализ концептов, концептосфер выводит на особенности ментальности этноса, этнокультурные аспекты слов и фразеологических сочетаний, способы самореализации человека в текстовом построении культурного пространства, семантики возможных миров [1, 73]. Поэтому на практических занятиях по современному родному языку, кроме обязательного лексико-семантического анализа слов и художественного текста, нами в качестве обязательного практикуется концептуальный анализ слов, фразеологических единиц, текстов разного стиля и жанра. Концептуальный анализ ведется по следующим направлениям: анализ определенного концепта (например, «тел», «сүз», «йолдыз» и др.) и характера его функционирования в тексте, в творчестве одного автора, нескольких авторов; выявление концептосферы текста, творчества автора; сравнительный анализ нескольких концептосфер. В качестве самостоятельной работы студенты собирают лингвистический и текстологический материал по таким концептам, как «намус», «батырлык», «ялган», «матурлык», «гомер» и т.д. Эта работа предлагается в форме долгосрочного (месяц, семестр) проекта с последующей его защитой на

практических занятиях; результаты исследования оформляются в виде научных тезисов докладов и статей.

Выбор этого направления объясняется тем, что концептуальный анализ позволяет осуществить интеграционный подход к анализу текста, включить в процесс анализа все первоэлементы текста, их взаимосвязи и взаимоотношения, в том числе более продуктивно решать проблемы и лингводидактики в полилингвальной и поликультурной среде [2, 5]. Сложность структурной, семантической и коммуникативной организации текста, его соотнесенность как компонента литературно-эстетической коммуникации с автором, читателем, обусловленность действительностью и знаковый характер также объективно служат организации профессионально ориентированной поисковой деятельности студентов.

Поиск и апробация новых систем и технологий для внедрения в профессиональную образовательную систему направлены на создание современного образовательного мышления, который характеризуется направленностью на создание инновационной, информационной, коммуникативной, поликультурной, полилингвальной гуманитарной среды.

Литература

1. Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении. – Казань: Магариф, 2004.
2. Сагидуллина Л.Р. Текст. Язык. Литература: уч. пособие. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 128 с.
3. Современные образовательные технологии / Под ред. Н.В.Бордовской. – 2-е изд. – М.: Кнорус, 2011.

© Сагидуллина Л.Р., 2026

L.R. Sagidullina,

*Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

CONTEXTUAL LEARNING AS A BASIS FOR COMPETENCE-ORIENTED TRAINING OF A BILINGUAL PHILOLOGIST

The article focuses on the formation of professional competencies of a bilingual philologist in the higher education system. The article

discusses the experience of using such an approach as a contextual type of training (problematic lectures, solving linguistic and methodological tasks, case study method, conceptual analysis, etc.) as an illustration of one of the directions in the use of innovative technologies.

Keywords: professional competencies, training of a bilingual philologist, Tatar language and literature, contextual type of training, methods and techniques.

УДК 821.112.2-312.9:398

Салмин В.А.,

магистрант 1 г/о ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

НЕМЕЦКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ КАРЛА ФРИДРИХА КАЛЕРТА «НЕКРОМАНТ»

Статья посвящена анализу немецкого фольклора в романе Карла Фридриха Калерта «Некромант». В работе рассматриваются основные фольклорные мотивы и образы, которые влияют на развитие сюжета и формирование персонажей. Особое внимание уделяется взаимодействию фольклорных элементов с философскими и культурными аспектами эпохи, в которой жил автор. Исследование демонстрирует, как использование фольклора обогащает текст, придавая ему глубину и многослойность, а также позволяет лучше понять исторический контекст и литературные традиции Германии XVIII века.

Ключевые слова: *немецкий фольклор, «Некромант», литературный анализ, фольклорные мотивы, XVIII век.*

Немецкая готическая литература XVIII века интегрирует фольклор в процесс формирования поэтики ужаса, где ключевую роль играют чудовищные создания и пугающее пространство. Это определяет характер произведения, опирающегося на традиции Средневековья. Как отмечает А.А. Пушкина: «Именно в конце XVIII – начале XIX в. складывается так называемая классическая школа готического романа» [7, 325]. Одним из примеров

использования фольклорного материала в немецкой литературе XVIII века можно назвать готический роман Карла Фридриха Калерта «Некромант» (1792).

Цель нашего исследования – найти фольклорные источники, которые послужили основой для устных рассказов и письменных преданий в романе Калерта «Некромант», поскольку очевидно, что немецкий прозаик в данном случае опирается на народное творчество, дабы придать достоверности повествованию, в котором образ вызывающего духов постепенно появляется в сюжете именно через отрывочные устные сведения большого количества персонажей. Мотивы, используемые Калертом, не уникальны: образ проклятого замка и жестокого феодала заимствован из «Эльзасского предания», а таинственного благодетеля – из легенд о рыцаре Дитрихе Бернском. Однако Калерт обращается и к литературным произведениям, не являющимися народным творчеством, а представляющими собой обработку фольклора: так, образ призрака умершего появляется в балладе Готфрида Августа Бюргера «Ленора» (1773). А.Н. Макаров отмечает тяготение немецкого поэта к фольклору: «Бюргер утверждает в своем творчестве предромантические принципы, опираясь на фольклор и предвосхищая в этом эстетику “гейдельбергских романтиков”» [6, 133]. Все эти мотивы претерпевают адаптацию при переносе в роман Калерта. «Одной из особенностей немецкого Просвещения по праву можно считать его склонность к саморефлексии», – пишет Л.Э. Крыштоп [5, 91]; и именно эта особенность определяет то, что Просветитель Калерт в данном случае прибегает не к последовательному разоблачению предрассудков, предписанному нормами Просвещения, а исходит из личного увлечения сверхъестественными, мрачными, народными поверьями. Таким образом, роман представляет собой синтез двух противоположных тенденций: слияния рационализма и готики, а, следовательно, занимает обособленное место в истории немецкой готической литературы.

«Бюргер в своей балладе использовал разговорную сниженную лексику, повторы, традиционные для народной баллады, а также огромное количество элементов звукописи, которые придавали повествованию “отрывистости”, что приближало “Ленору” к фольклорным балладным образцам», –

пишет М.В. Дубенко [4, 20]; также фольклорный мотив призрака умершего в обоих произведениях имеет моральный подтекст. В «Некроманте» Хелльфрид видит сон, где образ умершей матери выступает инструментом возмездия за легковерие, суеверный страх и мотовской образ жизни, из-за которого мать героя заболела и умерла. У Бюргера явление потусторонних сил, как кара за богохульные речи и утрату героиней веры, которое, как и у Калерта, происходит в полночь, сопровождаемое грозой, вспышками света и грохотом, а также доводит персонажей до состояния предсмертного ужаса.

Однако природа призрака в текстах Калерта и Бюргера различна; в балладе привидение глубокого физиологично и реально, что позволяет ему увлечь с собой невесту в загробный мир:

«Кусок одежды за куском
Слетел с него, как тленье;
И нет уж кожи на костях;
Безглазый череп на плечах;
Нет каски, нет колета;
Она в руках скелета» [2, 12].

Явление призрака у Бюргера – проявление божественного воздаяния, вписанное в христианскую авторскую парадигму. Калерт же, напротив, разоблачает возможность чуда. Появление призрака матери здесь – циничный обман, совершённый живыми людьми с корыстными целями (завербовать Хелльфрида в наёмную армию), и именно его Калерт подвергает рациональному анализу и критике. Финал в обоих произведениях трагичен: однако если в «Леноре» погибает главная героиня, то в «Некроманте» Фолькерт, выдававший себя за призывателя духов, заканчивает жизнь на эшафоте после разоблачения и наказания, тем самым пытаясь загладить вину перед простыми людьми, которых он обманул с целью наживы. Таким образом, в обоих произведениях образ призрака служит предостережением, однако природа призрачного различается.

К одним из важнейших фольклорных комплексов, задействованных в романе, можно отнести мотив проклятого замка. Он дополняется мотивом «дикой охоты», связанной с образом жестокого феодала, мучающего крестьян.

Так говорится в предании о феодале: «В свое время здесь жил жестокий Барнабас <...> Он никогда не бывал в церкви, но все судьба благоприятствовала ему, а злые духи, – его злым деяниям <...> Он притеснял бедняков, за кусок хлеба заставлял их обрабатывать свои поля и загребал золото пригоршнями в сундуках зажиточных людей. Руки его были обогрены кровью чужестранцев и собственных подданных» [3, 12].

Структура народного Эльзасского предания о замке Гюгстейн и проклятом бароне Барнабасе почти дословно воспроизводится Калертом наравне с другими заимствованиями из народной культуры. Оба феодала не знают меры в жестокости, а также одержимы свирепой охотой и безжалостными развлечениями. К тому же в обоих случаях злодея настигает сверхъестественное возмездие, а после смерти замок хозяина становится местом обитания призраков.

Однако различия между фольклорным источником и готическим романом Калерта принципиальны, и их необходимо отметить: так, например, сверхъестественное в предании принимается как данность – и договор барона с дьяволом, и последующие вечные адские муки, на которые обречена его душа. Замок проклят по-настоящему, и потусторонние силы в нём проявляют свою подлинность. Сверхъестественное в романе Калерта же получает объяснение с точки зрения рациональности. У писателя отсутствует мотив продажи души феодала дьяволу, присутствующий в изначальном фольклорном предании: «Хартия эта отдавала душу Барнабаса Сатане, как дань за несколько лет безумств. Дьявол сдержал слово, Барнабас также <...> Церковный служитель приподнял крышку гроба: из него вылетел громадный черный жук, а тела Барнабаса как не бывало» [3, 13]. Вместо призраков в готическом романе появляется шайка разбойников, использующих образ «дикой охоты», чтобы запугать подобным образом сельских жителей. Также бандиты пытаются скрыть настоящую цель своей деятельности от людей. Фольклорный сюжет, таким образом, воспроизводится Калертом с точки зрения разоблачения предрассудков, при которой мистика преподносится читателю как прикрытие для преступлений, совершаемых обычными людьми, выдающими себя за призраков, принимающих

участие в «дикий охоте». Также именно этот мотив воспроизводит атмосферу напряжения и готики, позволяя писателю создать условия, при которых читатель неизменно будет ожидать появления чего-либо сверхъестественного на протяжении всего повествования, не переставая следить за сюжетом и развитием персонажей. Разоблачение «дикий охоты» здесь – предостережение того, что людские суеверия могут быть использованы в корыстных целях. Если судить по произведению Калерта, то страх перед нечистой лишает людей воли, не позволяет им понять очевидных для других вещей, а перед лицом настоящей опасности делает их слабыми, жалкими и беспомощными, что лишает возможности решать проблемы не только естественного, но и сверхъестественного характера. Таким образом, готический роман Калерта выполняет просветительскую функцию, поскольку предлагает читателю не доверять легендам, сказкам и преданиям о нечистой силе, а проверять факты и искать разгадку появления загадочных явлений и обстоятельств.

Третий мотив, заимствованный Калертом из фольклора, – это мотив таинственного незнакомца-благодетеля, появляющегося в трудную минуту для героев. Его основная характеристика – неожиданная помощь персонажам. У Калерта образ главного злодея, некроманта, и таинственного незнакомца, поначалу выступающего в роли благодетеля, – один и тот же человек, Фолькерт, выступающий под личиной священника, отца Франциска.

Умение принимать самые разные облики – отличительная особенность Фолькерта. Он – и богатый иностранец в гостинице, и старый отшельник, предающийся чтению загадочной книги на берегу ручья, и скромный мудрец из деревни. Он даёт деньги нуждающемуся в них Хелльфриду, предупреждает о грозящей опасности, а также предлагает помощь в процессе изгнания призраков, – так или иначе, Фолькерт выступает в роли благодетеля. Подобный образ уходит корнями в немецкий средневековый эпос. Калерт явно ссылается на мотив из цикла сказаний о рыцаре Дитрихе Бернском, а именно на повесть о его бегстве. Там присутствует сразу несколько персонажей, которые

выполняют одновременно функцию тайного помощника и советника, предостерегающего от опасности. Один из них – граф Рандольт, подсланный коварным Эрменрихом убить Дитриха. Когда Дитриху приходится бежать из своих владений, скитаться в изгнании, его выручает маркграф Рюдигер, который, встречая измученного короля и его спутников, дарует им кров, пищу, а также отдаёт одежду, оружие и коней: «Выслушав его, маркграф Рюдигер настоял на том, чтобы они позволили ему на свои средства одеть их, вооружить и снабдить конями. Потом поспешил он к королеве и рассказал ей, как могучий Дитрих утратил свои земли. Сильно огорчилась королева этой вестью и <...> поспешила послать к нему маркграфа Рюдигера, приказав привести к ней его самого и его товарищей» [1, 450]. Однако в эпосе помощь носит исключительно бескорыстный характер, воплощая архетип мудрого советника, характерный для героической поэзии Средневековья. Внешние атрибуты данного архетипа заимствуются Калертом, однако он полностью изменяет внутреннее содержание, замещая искренность первоисточника корыстным использованием человеческой глупости и непосредственности. Корыстный интерес и холодный расчёт руководят действиями некроманта Фолькерта. Его цель – завладеть доверием Хелльфрида с помощью хитрости и коварства. Когда он предлагает изгнать духов, им руководит желание уничтожить следы пребывания в замке разбойничьей шайки. Он манипулирует надеждами людей, пытаясь поработить их волю. Различие между этими образами фундаментально. В эпосе предстаёт воплощение Божественного благородства, верное, честное и сострадающее. Калерт подвергает этот образ деконструкции, доказывая, что в жизни подобные качества – инструменты для обмана.

Таким образом, роман Карла Фридриха Калерта «Некромант» представляет собой уникальный для той эпохи литературный эксперимент. Фольклорные мотивы в нём кардинально переосмысляются. При сохранении внешних атрибутов сюжетов преданий, сказок и легенд Калерт лишает их сверхъестественной природы, заменяя мистику человеческим расчётом и попыткой обмана. Подобный приём основан на Просвещенческом

мировоззрении и использует его пафос для борьбы с людскими суевериями, предрассудками и предубеждениями, которым просветители старались противостоять. Для Калерта вера в сверхъестественное – опаснейшее заблуждение, делающее человека уязвимым. Автор тем самым выполняет дидактическую задачу. Стадное чувство суеверного страха предстаёт недозволительной вещью в романе Калерта. Следовательно, «Некромант» знаменует переходный этап в истории немецкой литературы XVIII века, занимая промежуточную позицию между готикой и Просвещением. Здесь намечается отход от фольклорных истоков в сторону разоблачительной готики, ярким образцом которой впоследствии станет роман А. Радклиф «Удольфские тайны». Сверхъестественное в обоих произведениях оказывается с рациональной природой. В итоге можно сказать, что «Некромант» Калерта лишен структурного единства. Просветительский манифест в форме готического романа использует сверхъестественные силы в повествовании ради развенчания людской веры в нечто чудесное, что может с ними произойти при определённых обстоятельствах. Тем самым разум торжествует над суеверием. Критическое мышление Просвещения выполняет ту задачу, с которой не смогла справиться фольклорная вера.

Литература

1. Балабанова Е., Петерсон О. Из сказаний о Дитрихе Бернском // Мифы и легенды народов мира. Центральная и Южная Европа / ред. Н. Смирнов. М.: Вече, 2018. С. 439-478.
2. Бюргер А.Г. Ленора / перевод В. Жуковского // Стихи о вампирах / составитель И. Осипов. М.: Эксмо, 2011. С. 9-19.
3. Ваттерле Е. Эльзасское предание // Синий журнал. 1915. №27. С. 12-13.
4. Дубенко М.В. Значение английской традиции в работе В.А. Жуковского над переводом баллады Бюргера «Ленора» // Вестник Томского государственного университета. 2009. №318. С. 18-21.
5. Крыштоп Л.Э. Феномен немецкого Просвещения // Идеи и идеалы. 2018. №2. С. 84-99.

6. Макаров А.Н. Проблема «народности» и «тривиальности» немецкой литературы в последнюю треть XVIII в. // Вестник Вятского государственного университета. 2011. №3. С. 132-134.
7. Пушкина А.А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. №2. С. 319-330.
8. Flammenberg L. Der Geisterbanner. Berlin: Johann Baptist Wallishauser, 1792. 292 p.
9. Flammenberg L. The Necromancer, or, the Tale of the Black Forest / translated from German by P. Teuthold. London: William Lane, 1794. 476 p.

© Салмин В.А., 2026

V.A. Salmin,
*1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities
and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

GERMAN FOLKLORE MOTIFS IN KARL FRIEDRICH KAHLERT'S NOVEL "THE NECROMANCER"

This article analyzes German folklore in Karl Friedrich Kahlert's novel «The Necromancer» The work examines the key folkloric motifs and images that influence the development of the plot and the formation of characters. Particular attention is paid to the interaction of folkloric elements with the philosophical and cultural aspects of the author's era. The study demonstrates how the use of folklore enriches the text, giving it depth and multilayeredness, and also allows for a better understanding of the historical context and literary traditions of 18th-century Germany.

Keywords: *German folklore, "The Necromancer", literary analysis, folklore motifs, 18th century.*

Sayakhova A.A.,

*1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities
and Social Sciences,*

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Scientific Advisor: Mindiakmetova R.M.,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

NURTURING EMOTIONAL INTELLIGENCE IN A FOREIGN LANGUAGE CLASS AT HIGH SCHOOL

The formation of emotional intelligence in foreign language classes at university is an important aspect that contributes not only to improving students' communication skills, but also to their personal development. Emotional intelligence includes the ability to recognize, understand, and manage your own emotions, as well as recognize and influence the emotions of others.

Keywords: *emotional intelligence, foreign language, student, higher education, pedagogy, communication.*

Emotional intelligence has been the subject of many studies in various fields, including psychology, pedagogy, and sociology. In the context of globalization and national diversity the importance of mastering foreign languages is not argued. At the same time, successful learning requires not only cognitive abilities, but also the high level of emotional intelligence (EI). This issue is very topical in reference to the rapid development of artificial intelligence. There are several studies related to the development of EI in preschool and secondary school. But this problem has not been tackled within the framework of university scale. The purpose of the article is to determine the ways of forming EI in a class of foreign language.

Achieving the stated goal presupposes fulfillment of the following tasks: 1) to analyze the psychological, pedagogical and methodological literature in order to clarify the concept of "emotional intelligence" in relation to the educational process at the university; 2) to define the typology of exercises and communication tasks aimed at developing each component of EI; 3) to give methodological recommendations for

teachers of a foreign language in higher education institutions on the purposeful formation of EI in students.

In Pedagogy the term “emotional intelligence” is used in the meaning of a set of knowledge, skills and abilities related to the regulation of the emotional sphere of the individual and necessary for effective socialization and communication. The concept includes the ability to distinguish and understand emotions, manage their own emotional states and the emotions of communication partners. According to G. Breslav, the concept of "emotional intelligence" allowed researchers to see that "people differ not only in what emotional phenomena they have and how they proceed, but also in how they know how to deal with them." [4] Moreover, the development of EI contributes to the formation of critical thinking and improving the ability to cooperate which is an important aspect of successful learning. In today's world success often depends not only on academic knowledge, but also on the ability to find a common language with people, consider their emotions and adequately respond to them.

According to D. Goleman's model, adequately is divided into five key components [5]: self-awareness is the ability to recognize one's emotions, recognize one's strengths and weaknesses; self-regulation implies the ability to control and direct one's emotions, as well as adapt to changes in the situation; motivation – emotionally intelligent people are able to set high goals and achieve positive results. maintain internal motivation; empathy – the ability to understand and share other people's feelings. This allows to build deep and trusting relationships; social skills are abilities that help a person to interact with others, establish and maintain relationships and work in a team.

Thus, D. Goleman's adequately is a comprehensive approach to understanding human nature and social interactions, emphasizing the importance of developing both personal and interpersonal skills. There are various techniques, technologies and exercises that form and develop EI. Among the most frequently used techniques are game forms of tasks (role-play games, dramatizations, communicative games), poems, drawings and photos, music and songs, contests, competitions. [3] These techniques are very important because the ability to interact with others, feel their emotions and react to them, create a solid foundation for personal and professional life. EI helps people not only

understand themselves better, but also build more effective relationships with others.

Recently there has been a steady interest in the potential of a foreign language as a means of developing not only communicative, but also personal competencies of students. The specificity of a foreign language class creates a unique environment for nurturing EI. This happens due to a number of factors: high communication load, the need to interact and work with authentic texts abundant with emotional content.

The process of forming emotional intelligence in a foreign language lesson does not occur spontaneously, it requires purposeful pedagogical integration. Let us consider the main directions and methods of this work.

1. Development of intrapersonal intelligence (self-knowledge and self-regulation). Learning a foreign language is often accompanied by a state of frustration, fear of mistakes, and a language barrier. These states can be used as a didactic resource.

2. Development of interpersonal intelligence (empathy and recognition of emotions of others). Language is a mirror of the culture and emotional state of the speaker. Analysis of the emotional background of a text: Working with artistic texts, dialogues, and video materials. Tasks: "Describe the emotional state of the hero. Compare how the same emotion (anger, joy) is expressed in your culture and in the culture of the language being studied." It develops cognitive empathy.

3. Physical and paralinguistic aspects of communication. EI is inextricably linked to the nonverbal component of communication. Intonation and gesture analysis: Watch movie clips without sound and then guess the characters' emotions, or listen to audio without video to determine the emotional tone of the speaker. Exercises for practicing intonation patterns (surprise, sarcasm, joy) help not only to better understand native speakers, but also to more accurately convey your own emotions.

There are several methodological recommendations for teachers of a foreign language at a university on the purposeful formation of EI in students. Purposeful expansion of the emotional lexicon (instrumental base). Without words about emotions, you can neither realize nor express your EI (See Table 1).

Table 1

What to do?	How exactly (examples in English)
Enter the emotional scale	Not just <i>happy / sad</i> , but <i>frustrated, disappointed, anxious, relieved, overwhelmed, jealous, nostalgic</i> .
Distinguish the intensity	<i>Annoyed</i> → <i>angry</i> → <i>furious</i> → <i>enraged</i> . Task: arrange by the strength of the feeling.
Learn to describe body sensations	<i>"My chest feels tight", "I have a lump in my throat", "My face is burning"</i> .
Give metaphors of emotions in the language	<i>"To be on cloud nine", "to hit the roof", "to have a lump in your throat"</i> .

Regular microtask (2 minutes at the beginning of the class):

«On a scale from 1 to 10, how motivated are you today? And what color is your mood? "- students respond with one word or color, learn to name the state.

On empathy (understanding others): Analysis of characters from movies / TV shows (2-3 minutes per pair): "Why did she cry? What does he feel? What would you say to him in English?».

Retelling in the first person of another: after reading the dialogue, retell the opponent's point of view as if you are him, using emotional vocabulary.

Cases of cross-cultural conflicts: A situation where a foreigner did not understand the emotional tone (for example, sarcasm, directness). Task: determine the feelings of both parties. The teacher should demonstrate the skills that he is developing.

Instead of Saying	Appropriate expressions
"This is wrong"	"I see why you thought that. Let me share a different perspective»

Instead of Saying	Appropriate expressions
Keep silent when you make a mistake	"I just made a mistake. I feel a bit embarrassed, but that's okay. Let me correct myself»
Ignore the student's emotional outburst	"I notice you seem angry. Is that right? Do you want to continue now or take a minute?»
Evaluate only the language	"Your grammar was simple, but your empathy in that role-play was excellent"

Mandatory reflection. Each EI task should end with a short reflection session (30 seconds orally or in writing):

- «What emotion was hardest to express in English today?»
- «Whose feelings in the discussion did you notice?»
- «One thing I would do differently to manage my emotions next time: ...»

Final memo:

To develop...	Do this in class...	At least once a topic
Self	-regulation Learn the phrases "I need a minute", analyze emotion mistakes	1 time in 2 classes
Empathy	Analysis of the feelings of characters + retelling from the face of another	1 time in the topic
Social skills	SBI formula, group rules, role-playing games of conflicts	1 time in the module

Thus, the formation of EI in foreign language class is a two-way process. On the one hand, language acts as a tool for understanding and expressing emotions, on the other hand, working with the emotional sphere makes the process of language acquisition more profound,

personally meaningful and effective. The proposed methods make it possible to transform a traditional lesson into a space for developing the emotional competence of a future specialist.

Summing up, we can conclude that the intended formation of EI in foreign language classes is not just a pedagogical experiment, but a requirement of time. The implementation of the developed model makes it possible to bridge the gap between academic knowledge and the real communicative needs of the individual, providing psychological comfort and efficiency of the educational process. The results obtained reveal prospects for creating adaptive teaching methods that take into account the emotional profile of students. The topic is very interesting to study and relevant in the modern world. You can continue mastering many different methods that will help form students' EI in the framework of foreign language classes.

Reference

1. Vlasenko N.I., Smolnyakova Yu. I. (2024) Formation of emotional intelligence in classes on the discipline "foreign language" at the university. In *Language for Special Purposes: System, Functions and Environment: Digest of Scientific Articles of International Scientific-practical Conference Devoted to the 60th Anniversary of South-Western University*.
2. Abdurakhmanova P.D., Magamdarov R.Sh., Murzaeva D.M. (2021) Opportunities of the discipline "foreign language" in the process of forming emotional intelligence among students of pedagogical universities. In *Mir Nauki, Kul'tury I Obrazovaniya*.
3. Kirillova A.I. (2026) Formation of emotional intelligence in foreign language classes. In *Contemporary Pedagogy*.
4. Breslav G.M. (2004) Psychology of emotions, Moscow: Smysl.
5. Goleman D. (1995). Emotional intelligence. Moscow: Olimp.

© Sayakhova A.A, 2026

А.А. Саяхова,
магистрант 1 з/о ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия
Научный руководитель: **Р.М. Миндияхметова,**
кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Формирование эмоционального интеллекта на занятиях по иностранному языку в ВУЗе является важным аспектом, способствующим не только улучшению коммуникационных навыков студентов, но и их личностному развитию. Эмоциональный интеллект включает в себя умение осознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также распознавать и влиять на эмоции других людей.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, иностранный язык, студент, высшее образование, педагогика, коммуникация.

УДК 811

Сподарец О.О.,
кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия
Шагиева А.А.,
магистрант 1 з/о ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

СОКРАЩЕНИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ТРЕНД В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются причины формирования тенденции к использованию сокращений на английском языке в условиях глобализации и цифровой коммуникации. Анализируется роль исторического развития английского языка, его взаимодействия с другими языками и формирования гибкой

языковой системы, способной к упрощению и адаптации. Особое внимание уделяется влиянию интернет-коммуникации, где сокращения становятся важным инструментом языковой экономии и эффективной передачи информации. Рассматриваются основные типы лексических и графических сокращений, а также их функции в современной коммуникации.

Ключевые слова: *английский язык, сокращения, интернет-коммуникация, языковая экономия, глобализация, аббревиатуры, лексические сокращения, графические сокращения, цифровая коммуникация, развитие языка.*

В современном мире английский язык занимает ведущую позицию как глобальное средство коммуникации. Он используется в международной политике, бизнесе, науке, образовании, технологиях и особенно активно – в интернет-пространстве [6, 3]. Его широкое распространение связано с историческими процессами, такими как колониальная экспансия Великобритании и последующее экономическое и культурное доминирование США, а также с развитием технологий и глобализации [6, 3]. Однако, английский язык, став основным средством международного общения, все больше стремится к лаконичности и краткости.

Сокращение представляет собой единицу устной или письменной речи, созданную из отдельных элементов звуковой или графической оболочки слова или словосочетания и находящуюся с ним в лексико-семантической связи. При образовании сокращений используются отдельные звуки, буквы или их комбинации. Основным признаком сокращения является его связь с полной формой, что позволяет сохранять смысл при значительном сокращении формы [2].

Склонность английского к сокращениям во многом сложилась исторически. Английский язык относится к германской группе, но на протяжении веков он активно заимствовал элементы из латинского, французского, скандинавских и других языков, что привело к формированию богатого и гибкого лексикона [5]. Постепенно английский утратил сложную флективную систему и стал более аналитическим языком с упрощённой грамматикой [6].

А чем проще грамматическая структура, тем легче идёт процесс сокращения.

Глобализация усилила тенденцию к упрощению языка. Английский используется миллионами людей как второй или иностранный язык, и количество таких пользователей продолжает расти. В результате язык адаптируется к потребностям международной аудитории, становясь более простым и удобным для использования [6]. Сокращения в этом контексте выступают как средство повышения эффективности коммуникации, позволяя передавать информацию быстрее и с меньшими усилиями.

Особую роль в распространении сокращений играет интернет-коммуникация. Интернет стал одной из ключевых сфер использования английского языка, а цифровая среда требует краткости и скорости передачи информации [6]. В данных условиях формируется особый тип языка, характеризующийся активным использованием сокращений. Интернет-коммуникация рассматривается исследователями как особый вид дискурса, сочетающий черты устной и письменной речи, что способствует появлению новых языковых форм [1].

Лексические и графические сокращения в интернет-коммуникации отличаются разнообразием и высокой продуктивностью. Согласно классификации сокращений в языке Интернета, выделяются лексические и графические типы, каждый из которых включает несколько подгрупп [1].

К лексическим сокращениям относятся слоговые формы (*sig* от *signature*, *edu* от *education*), стяжения (*Inet* от *Internet*), сложнослоговые образования (*e-mail* от *electronic mail*, *emoticon* от *emotional icon*), а также инициальные сокращения (*IT* от *information technology*, *DVD* от *digital versatile disc*, *HAND* от *have a nice day*) [1].

Графические сокращения включают сигли (*BTW* – *by the way*, *FYI* – *for your information*, *IMO* – *in my opinion*), контрактуры (*pls* – *please*, *ppl* – *people*), фоноидеограммы (*IC* – *I see*, *thx* – *thanks*) и пиктограммы (эмодиконы :-), :-() [1].

Особую группу составляют функциональные интернет-сокращения, такие как *GL* (*good luck*), *NP* (*no problem*), *AFK* (*away from the keyboard*), *ATM* (*at the moment*), которые используются для организации общения и выражения реакций [1]. Данные единицы

демонстрируют, что сокращения охватывают не только отдельные слова, но и целые коммуникативные конструкции.

Активность этого процесса подтверждают и живые онлайн-словари, например *Urban Dictionary*, где регулярно появляются новые аббревиатуры и короткие фразы [4].

Стремление к сокращениям тесно связано с принципом языковой экономии – человеческий мозг всегда ищет способ оптимизировать затраты энергии на общение. В условиях ускоренного ритма жизни и увеличения объёма коммуникации сокращения становятся эффективным инструментом оптимизации речи. Исследования показывают, что основной причиной формирования интернет-языка является именно экономия усилий участников коммуникации [1].

Социальные и культурные факторы также играют значительную роль. Интернет-коммуникация формирует новые модели общения, в которых важны скорость, краткость и неформальность. Сокращения становятся маркером принадлежности к определённым социальным группам, особенно среди молодёжи. Они также отражают процессы языковых изменений в условиях глобального взаимодействия, где английский язык выступает как средство межкультурного общения.

Таким образом, стремление английского языка к сокращениям не является деградацией речи. Это живой процесс, который связан с историческим развитием, глобализацией, влиянием других языков, ростом числа людей, которые не являются носителями языка, а так же с развитием цифровой коммуникации. Сокращения – это закономерный этап эволюции английского языка, отражающий его гибкость, адаптивность и способность соответствовать требованиям современного мира.

Литература

1. Баринова С.О. Классификация сокращений в языке Интернета (на материале английского языка) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-sokrascheniy-v-yazyke-interneta-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 17.04.2026).

2. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия / В.В. Борисов. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.
3. Степура С.Н. The English language in the 21st century // Молодой ученый. 2010. № 4 (15). С. 371-374. URL: <https://moluch.ru/archive/15/1351> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 17.04.2026).
5. Influence of Other Languages on English: A Historical Journey / Eugene Piccinini. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/influence-other-languages-english-historical-journey-eugene-piccinini-85sqe> (дата обращения: 17.04.2026).
6. English as a Global Language: Cultural Implications and Challenges. URL: <https://eduindex.org/2026/02/13/english-as-a-global-language-cultural-implications-and-challenges/> (дата обращения: 17.04.2026).

© Сподарец О.О., Шагиева А.А., 2026

O.O. Spodarets,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
A.A. Shagieva,
1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities
and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ABBREVIATIONS AS A LINGUISTIC TREND IN THE INTERNET COMMUNICATION

The article examines the reasons for the tendency of the English language toward abbreviation in the context of globalization and digital communication. It analyzes the role of the historical development of English, its interaction with other languages, and the formation of a flexible linguistic system capable of simplification and adaptation. Particular attention is paid to the influence of Internet communication, where abbreviations become an important tool of linguistic economy and efficient information transfer. The main types of lexical and graphical abbreviations, as well as their functions in modern communication, are considered.

Keywords: *English language, abbreviations, Internet communication, linguistic economy, globalization, acronyms, lexical abbreviations, graphical abbreviations, digital communication, language development.*

УДК 81-119

Subbota I.P., Rybakova M.R.,
*6th-Year Students of the Institute of Economics,
Management and Business,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **Shammasova U.S.,**
*Senior Lecturer,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

CULTURAL CODES IN WORLD LITERATURE AND THE SYNTHESIS OF ARTS: LITERARY COMPARATIVE STUDIES

The article is devoted to the study of cultural codes in the context of world literature and their relationship with the synthesis of arts. It analyses how cultural codes are transmitted through literary works and interact with other art forms such as painting, music, and theatre. On the basis of classical and contemporary literature, the mechanisms of encoding and decoding cultural meanings in an interdisciplinary field are demonstrated. Special attention is paid to the methods of literary comparativism, which help to identify universal and unique features of cultural codes from different eras and nations. The significance of such research for understanding cultural continuity and dialogue between cultures is emphasized.

Keywords: *cultural code, world literature, synthesis of arts, comparativism, interdisciplinarity, cultural meanings, literary tradition.*

The interaction of literature with other art forms significantly enhances the impact of cultural codes. The description of paintings in a text, known as ekphrasis, does not merely visualise the scene but also refers to cultural associations linked to a particular artist or style. The purpose of the article is to define the role of cultural codes in the process of interaction of different forms of art within a text.

A striking example of the synthesis of literature and music is A.S. Pushkin's verse novel *Eugene Onegin*. The work intertwines elements of social conversation, salon culture, romantic poetry and realistic depiction of everyday life. References to dances (mazurka, waltz), social balls and musical evenings create a special rhythmic structure for the novel. Epigraphs to the chapters, quotations from French authors and allusions to European literature form a multi-layered cultural code that was understandable to Pushkin's contemporaries. Later, *Eugene Onegin* became the basis for the opera of the same name by P.I. Tchaikovsky where literary codes were transformed into musical-theatrical ones preserving the key meanings of the original [4, 77].

Another illustrative example is Oscar Wilde's novel *The Picture of Dorian Gray*, built on the interaction of literary and pictorial codes. The central image – the portrait of Dorian Gray – becomes not just an element of the plot but an independent artistic symbol. Wilde constructs the text as ekphrasis: details of the portrait, its changes, and the contrast between the model's youth and the aging image refer to the traditions of European painting, especially to "Faustian" images and the theme of a pact with the devil. The decadent aesthetic that permeates the novel unites literary, pictorial and theatrical codes: descriptions of interiors, costumes and theatrical performances create the effect of a synthesis of arts [5, 166].

The rhythm of prose, leitmotifs and compositional structure following the laws of musical form create a multi-layered perception. This approach is characteristic of the work of Andrei Bely where the structure of the text resembles the symphonic development of themes. Dramatic techniques in prose – such as dialogues, stage directions and scenic pauses – activate the codes of theatrical art, expanding the interpretative field of the text. In the 20th–21st centuries, cinematic techniques – such as montage, close-ups and changes of angles – have penetrated prose, forming new ways of encoding information and influencing the reader's perception.

Special attention should be made of M. A. Bulgakov's novel *The Master and Margarita*, which represents a complex synthesis of cultural codes from different eras: biblical motifs, Moscow everyday life of the

1930s, elements of carnival culture and philosophical allusions. The interaction of literature with theatre and cinema is particularly noticeable here. The scene of Satan's ball is constructed according to the laws of theatrical performance: it features a director (Woland), actors (demonic characters), spectators (Margarita) and a clearly structured dramaturgy. The description of the ball is saturated with visual images reminiscent of stage scenery, and its rhythm follows the laws of a theatrical performance. Moreover, the novel contains numerous allusions to musical works (for example, to Charles Gounod's opera *Faust*) and pictorial images (scenes reminiscent of paintings by Hieronymus Bosch). In subsequent film adaptations and theatrical productions, these codes gained new life [1, 116].

Literary comparativistics allows us to trace how the same cultural codes are transformed in different national traditions. For instance, the motif of the "prodigal son" in European and Russian literature acquires different ethical accents: in the Western European tradition it is more often associated with the idea of personal choice and responsibility, whereas in the Russian interpretation the emphasis shifts towards forgiveness and spiritual rebirth [5, 86].

The image of the "little man" in the works of N. V. Gogol and C. Dickens reflects the specifics of the social and cultural contexts of the two countries. In Gogol's works, this image carries a tragic tone emphasising the powerlessness of the individual before the bureaucratic system, whereas in Dickens's works it is often endowed with moral strength and the capacity for moral growth. The use of mythological plots in modernist poetry – for example, in the works of T. S. Eliot and O. E. Mandelstam – demonstrates a dialogue between ancient tradition and modernity, where ancient images acquire new meanings in the context of the crisis of European civilisation.

Using *Eugene Onegin*, *The Picture of Dorian Gray* and *The Master and Margarita* as examples, we can see how literary texts become the basis for synthesis with music, painting and theatre, acquiring new interpretations and retaining relevance in different cultural contexts. Further development of this direction may involve the use of methods from semiotics, cultural studies and digital humanities. This will make

it possible to create a more complete picture of how cultural codes function in the global literary space and deepen our understanding of how art from different eras and countries engages in dialogue with each other.

Such analysis reveals not only differences but also universal elements that testify to a deep connection between cultures. It shows that cultural codes, despite their national specificity, often rely on common archetypes and models that are understandable to the reader regardless of their cultural background. Studying cultural codes in world literature through the lens of the synthesis of arts and a comparative approach opens new perspectives for literary studies. It allows to have a deeper understanding of the mechanisms of cultural transmission, identification of general patterns of artistic thinking and tracing the evolution of cultural codes in historical dynamics. Furthermore, such analysis makes it possible to assess the role of interdisciplinary interactions in shaping artistic meanings and to show how literature absorbs and reinterprets the experience of other art forms.

References

1. Baranov A.G. Functional-pragmatic theory of Text. – Rostov-na-Donu, 1993.
2. Lotman Yu.M. Culture and Outburst. Within Thinking Worlds. – Saint Petersburg: Iskusstvo, 2000.
3. Bakhtin M.M. Topics of Literature and Esthetics. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975.
4. Zhirmunovskij V.M. Comparative Literature: East and West. – Moscow: Nauka, 1979.
5. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. – Moscow: Progress, 1995.
6. Eco U. The Role of the Reader. Research on the Semiotics of the Text, 2005.

© Subbota I.P., Rybakova M.R., 2026

Тазетдинова И.Р.,

*Гуманитар һәм социаль фәннәр институтының 6 курс
студенты, Уфа фән һәм технологияләр университетының,
Уфа ш., Россия*

Фәнни җитәкче: Зарипова И.Ф.,

*филология фәннәре кандидаты, доцент,
Уфа фән һәм технологияләр университетының, Уфа ш., Россия*

ТАТАР ХАЛЫК ЖЫРЛАРЫНДА “АЛМАГАЧ” ФЛОРОНИМЫНЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

*Бу мәкалә татар халык җырларында “алмагач”
атамасының кулланылыш үзенчәлекләрен ачыклауга багышлана.
Анда әлеге флоронимның символик мәгънәләре, халык аңында
аларның урыны, шулай ук җырларның милли колоритын һәм
эстетик кыйммәтен арттырудагы әһәмияте ачыклана.
Алмагачны татар халкының табигатькә карашын, гореф-
гадәтләрен һәм рухи дөньясын чагылдыручы мөһим элемент булуы
ассызыклана.*

Терәк сүзләр: татар теле, татар халкы, фольклор, халык
җырлары, алмагач, алма.

Татар халкы – элек-электән үк җырга-моңга бай халык. Шатлыкларын, сагышларын да җырга сала. Бишлектән үк һәм соңгы көннәребезгә хәтле халык җырлары безнең жаныбызда һәм яныбызда. Әйтерсең, халык җырлары татар халкының күңелен нечкәртеп, жанына рәхәтлек бирүче аһәң булып яңгырый, аның йөрәгенә барып җитә дә күңелендәге изге хисләргә уята, тетрәндерә [6].

Халык җырлары – бабаларыбыз тарафыннан калдырылган ин җадылар вә ин бәһалә мирастыр. Халык җырларының җәүһәр вә җадылардан да кыйммәтле булуы өчен аларга зур әһәмият бирү мөһим. Аларны җадыларга, югалтмаска, буыннан-буынга тапшырырга кирәк. Халык җыры, халык көе – ул халык авазы, халык тойгысы һәм фикеренә турыдан-туры чагылышы, аның музыкаль теле [1, 41].

Күзәтүебезчә, татар халык жырларында күп кенә темалар чагыла: мәхәббәт, сагыш, югалту, аерылу, кавышу, шатлык, дуслык һәм башкалар. Әлбәттә, элек-электән кеше табигать белән бик тыгыз элемәтдә, аның кочагында яшәгән. Хәтта ул аңа уй-кичерешләрен белдергән, аның белән сокланган, аннан ярдәм сораган. “Халык ижатын белми торып, хезмәт халкының чын тарихын белеп булмый” [5, 288], – дигән бөек рус язучысы М.Горький.

Безнең тарафтан анализланган мисалларда күп кенә агач, куак, жиләк-жимеш, чәчәк (гөл), үлән, яшелчә, бөртекле культура атамалары, хәтта кузаклылар һәм кабаклылар төркемнәре дә очрады. Шулар арасында “чәчәк”, “гөл”, “үлән”, “агач” сүзләре генә кулланылган жырлар да бар. Алар арасында иң киң таралган флороним – алмагач һәм аның жимеше – алма. Шуңа күрә әлеге мәкаләбезне татар халык жырларына, аларда чагылган «алмагач» флоронимы һәм аның жимеше – алманың кулланылыш үзенчәлекләрен ачыклауга багышладык.

Алма образы бик күп халыкта таралган. Мифларда, халык ижатында, язма әдәбиятта, билгеле бер дәрәжәдә көндәлек тормышта да яшьлек, мәхәббәт, бәхетле никах, озын гомер һәм үлемсезлек символы; бер үк вакытта капма-каршы мәгънәләрдә дә кулланырга мөмкин; кеше гомеренең төп этаплары, кагыйдә буларак, иң җаваплы мизгелләре белән бәйләнгән [7, 87].

Алма, үзенң түгәрәк формада булуы белән, тулы бәхетне, муллыкны символлаштыра: “Бәхет булып алма пеште”. Татар һәм башкорт халык жырларында бер алманы бишкә яисә бертигез өлешләргә бүлү күзәтелә. Бу бәхетне, шатлыкны һәм кайгыларны иң якин кешеләрең белән бүлешү дигәнне аңлата. Бердәмлек, туганлык символы. “Бер алманы бишкә бүләк” дигән юллар “Мөшеге урамы”, “Кодалар кыйбат”, “Тәрәзәнне ачып куй” жырларында күзәтелә. Биш саны татарларда бәхет саны. Шулай ук ислам динендә дә биш саны мәһим урын ала – биш намаз вакыты, жомга – атнаның бишенче көне, Фатыйма амулетының биш бармагы – пәйгамбәр гаиләсенең биш әгъзасын яки исламның биш канунын символлаштыра.

Татар халык авыз ижатында, бигрәк тә жырларда, алмагач агачы еш кына төрле хис-тойгыларны чагылдыру өчен кулланыла.

Ул мэхэббэт, өмет һәм туган якка булган назлы хисләрне символлаштыра. Мәсәлән:

Безнең каршыбызда алмагачлар,

Бер ботагы алты алмалы.

Егет, алыр булсаң ал тизрәк,

Урамга чыгарлыгым калмады. (“Алырмын, жаным, алырмын”)

Бу юлларда алмагачның муллыгы, жимешле булуы сөйгән ярга булган хисләрнең ныклығын күрсәтә.

Шәрүкның башында камчат бүрек,

Алмагачка кунган кош кебек.

Самат илләрендә йөргән чагым,

Төн йокымда күргән төш кебек. (“Шәрүк беглүй”)

Бу мисалда алмагач ирекне, хыялларны символлаштыра.

Шулай ук алма яисә алмагач матурлык, нәфислек символы булып тора. Татар җырларында алма ярәшелгән кызны аңлата. Татар һәм башкорт халык лирикасында «алма» сүзенң күп вариантлары бар: “алмам”, “багалмам”, “алтын алмам”, алар яраткан, якин кеше образын тудыру өчен кулланыла [9]. Шулай ук татарларда юкка гына сөйгән ярга “багалмам” (“баг алмам” варианты да очрый), “алма кисәгем” дип әйтмиләр. Алма – никах символы булып та килә, без моны туй җырларында күзәтәбез. Ә себер татарларының “Илче бага” халык җырында шулай ук “алма турау” күренеше бар, алма – йөрәк образы булып килә. Шушы йөрәкне кисәкләргә бүлү – мэхэббәттән януы аңлата.

Алма турыйм, алма турыйм,

Алманың түгәрәген.

Хәзер мин ни уйлыйм микән?

Мэхэббәт күбәләгем. (“Илче бага”)

Ә инде алманың төсләренә килгәндә, кызыл һәм алтын алма – мэхэббәт, шатлык белән бәйле булса, сары алма – сагыш белән тиңләнә.

Җырларны анализлау барышында “Алмалыкай куак”, “Маһруй – матур кыз”, “И алмалым” җырларында бер үк күренеш игътибарны җәлеп итә:

Кердем карурманга – кичкә калдым,

Алмагачны кистем тал диен. (“Маһруй-матур кыз”)

Эзләнү-тикшеренү эшләрен алып барганда, “Халыкта шундый сүз йөри, имеш, алмагачны кискәч, кеше үлэ” дигән әбиләр фикерен ишетергә туры килде. Әлеге ике жырның шушы юлларының моңсу эчтәлекле булуы юкка гына түгел. Шулай ук, белүбезчә, тал – сагыш символы булып килә ала, ә алмагач – бәхет, мәхәббәт. Шулай итеп, тал урынына алмагачны кисеп, кеше үз-үзен кайгыга һәм кызганыч язмышка дучар итә дигән фикергә килеп була.

Алма белән алмагач атамаларының лингвистик аспектларына күз салсак, “алма” сүзе – тамыр сүз, ә “алмагач” (алма агачы) – кушма сүз. Татар халык жырларында “Алма агачы”, “Алма агач”, “Алмалыкай”, “Алмагачкай” дигән вариантлары бар. Ә инде “Алмам”, “Баг алмам” (“Багалмам” – алланып пешә торган алма сорты; күчерелмә мәгънәдә – сөекле кеше), “Алма кисәгем” “Алмагачкай гынам” вариантлары ярату хисен белдерә торган, яраткан кешегә кечерәйтү-йомшарту өчен сүз һәм сүзтезмәләр булып кулланыла.

Шулай ук “Алмалы гөлләр”, “Алмалыкай куак” дигән вариантлар да очрый:

Алмалы ла гөлләр алмалы,

Бик зур шәһәр диләр Каргалы.(“Гаделбану”)

Алмалыкай куак, әй, алмалы,

Сей(е)нең сорга бауларың бормалы. (“Алмалыкай куак”)

Биологик яктан **алмалы гөл** – үзе бер фитоним булып килә, алма үләненең синонимик атамасы [10]. Кирказончалар семьялыгыннан, шуышма сабаклы күпеллек шифалы үлән (медицинада кулланыла); русчасы: кирказон. Кирказон яки алма үләне ыругы – күпеллек үләнчел үсемлекләр, я үрмә куаклар (лианалар). Л.Мәүлүдова; диал. исле үлән (ромашка пахучая) [11].

“Алмалыкай куак” – Лямбир районы (Мордовия өлкәсе) татар мишәрләренең жырлары. Димәк, “**алмалыкай куак**” – татар теле өчен диалекталь сүзтезмә булырга мөмкин. Шулай да, гадәттәгечә, алмагач – ул агач, әмма бу очракта куак булып үсәргә дә мөмкин. Өченче вариант буларак, алмагач белән дүләнә агачының (камыр агачы, бояр агачы, аю камыры; рус. – боярышник) бер семьялыктан булуын белеп, әлеге жырда нәкъ шуның турында сүз барганы турында фаразлый алабыз.

Жырларны анализлау процессында “бохар алмасы”, “Алматаның алмасы”, “алма бакчасы”, “бит алмалары”, “алмалы бакчалары”, “алмалы тау”, “алмалы хөрмәләре” дигән сүзтезмәләр очрады. Соңгысына аеруча игтибар ителде. Әлеге “алмалы” сүзе хөрмә җимешенен сыйфаты булып килә. Алмалы – пешкән, тәмле, түп-түгәрәк дигәнне аңлата.

Алмалы хөрмәләре (лә),

Кызарып пешәр әле шул,

Кызарып пешәр әле. (“Урал буйлары”)

Бу жыр сүзләре ике вариантта очрый, дөресрәге, ике төрле жырда охшаш сүзләр, әммә керәшен татарларының “Бүген исенә төшмәсә... (Чын-чын әйтәмен)” халык жырында алмалы хөрмәләр түгел, ә алма – аерым бер флороним булып килә:

Алмалары, чияләре

Кызарып пешәр әле.

Бүген исенә төшмәсә,

Иртәгә төшәр әле. (“Бүген исенә төшмәсә... (Чын-чын әйтәмен)”)

Шулай ук алмагачка “алмалым” дигән сүз белән эндәшү варианты да очрады:

Бардым урманнарга-кичкә калдым,

И алмалым,

Алмагачны кистем (лә) тал диен; (“И алмалым”)

Шулай ук берничә жырда “алмачуар” сүзе дә очрады. Үзенен этимологиясе буенча ул “алма” сүзенә барып тоташа.

Халык жырлары ритмик оешуы, рифмасы һәм билгеле бер элементларның кабатлануы белән аерылып тора. Флоронимнар куллану шигъри структура булдыруга ярдәм итә, жырны моңлы һәм истә калырлык итә.

Алма белән алмагач атамаларының жыр текстында стилистик үзенчәлеген тикшерсәк, ул чагыштыру элементы булып килә:

Садлар (да) ягалый узган чак(ы)та(й),

Сад ягалый узган чакта(й),

Алма төште “чүп” итеп шул.

Искенәмдә дә юк иде

Матур үптә “чүп” итеп... (“Алма төште “чүп” итеп”)

Алма төште “шап” итеп,

Зәйнәп чыкты “ялт” итеп. (“Саналмыш”)

*Ярмалары дөге ярмасы,
Ә кызыбыз алтын алмасы.* (“Кияү белән кызны мактау
жырлары”)

“Алмагачлары” жырының тексти хорей размеры белән
язылган. “Алмагач” сүзе ритмлаштыруда ярдәм итә:

*Алмагачның агачыннан
Кашык юндым мин сиңа
Уналтыда-унжсидедә
Гашыйк булдым мин сиңа.* (“Алмагачлары”)

Шулай ук флоронимнар рифма ясауда да катнашалар:
*Байның бакчалары алмалы,
Алам диеп йөрде-алдады.* (“Ник үстердем буюмны”)

Киләсе жырда алмагач агачы фон ролен генә уйный:
*Әй лә, башымдагы кәләпүшем
Алмагачка кунган кош кебек,
Алмагачка кунган кош кебек.* (“Әй, абзыйлар”)

Эпитет булып килә:
*Алмагачым, алма кисәгем,
Син ич минем исәпләр исәбем.* (“Алмагачым, алма кисәгем”)

*Керләңми күлмәгең саласың,
Алтын алмам, ятларга каласың.* (“Алтын алмам, ятларга
каласың”)

Метафора составында кулланыла:

*Кара урманнарда ике алмагач,
Алмалары саен бал тама.* (“Кара урманнарда”)

Һәр агач исеме – ул бер хикәя, бер риваять. Кайберләре
агачның тышкы кыяфәтен, үзенчәлекләрен чагылдырса,
икенчеләре аның файдалы якларын, халык хужалыгында
кулланылышын искә төшерә. Татар халык жырлары аша без теге
яки бу флоронимнарның көндәлек эшләрдә кулланганын ачыклай
алабыз. Мәсәлән, талдан бишек ясыйлар, миләш күмере белән
самавыр кайнаталар, чыршы һәм имәннән йорт салалар, идәннәр,
баскычлар, баганалар ясыйлар, ә алмагачтан кашыклар ясыйлар:

Алмагачның агачыннан

Кашык юндым мин сиңа.

Шулай ук алмадан бөлеш пешерүләрән белә алабыз:

Алма бәлешен пешерик,

Өстән бурыч төшерик. (“Алма бәлешен пешерик”)

Татар халкының бай һәм тирән мәдәниятендә табигатькә карашы, горейф-гадәтләре һәм рухи дөньясы аеруча зур урын алып тора. Бу кыйммәтләргә аңлауда дендронимнар мөһим роль уйный. Алар безгә борынгы бабаларыбызның табигать белән тыгыз бәйләнешен, аның серләренә тирән хөрмәт белән каравын күрсәтә. Дендронимнар шулай ук татар халкының горейф-гадәтләре, йолалары белән дә тыгыз бәйлә. Борынгы заманнарда агачларны изге дип санаганнар, алар янында төрлө бәйрәмнәр үткәргәннәр, теләкләр теләгәннәр. Кайбер агачларны сихри көчкә ия дип уйлаганнар, аларны төрлө бәла-казалардан саклаучы дип белгәннәр. Рухи дөньябызны аңлауда да дендронимнарның әһәмияте зур. Алар безгә табигатьнең бер бөтенлеген, аның тылсымлы дөньясын күрсәтә. Агачларны ата-бабаларыбызның рухы белән бәйләп карау да еш очрый. Аларны саклау, хөрмәтләү – ул безнең тамырларыбызны, милли үзәкне саклау дигән сүз [5, 289].

Шулай итеп, татар халык жырларында кулланылган дендронимнар – ул бары тик агач исемнәргә генә түгел, ә татар халкының табигатькә карашын, горейф-гадәтләрен һәм рухи дөньясын чагылдыручы, аларны киләчәк буыннарга житкерүче мөһим элемент булып тора. Аларны өйрәнү – безнең тарихыбызны, мәдәниәтебезне тирәнрәк аңлау юлында бер адым.

Әдәбият

1. Ахунова И.Р., Зарипова И.Ф. Татар халык жырларында флоронимнар // Актуальные проблемы современной татарской филологии: сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции (9 декабря 2022 г.) / отв. ред. И.Ф.Зарипова; И.К. Фазлутдинов. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. – С. 40-44.
2. Габдрахманов Н. Халык традицияләре жирлегендә // Мәгариф. – № 1. – 1998. – Б. 5-7.
3. Галимов Ф. Халык жырлары – олы мирасыбыз // Мәгариф. – 2000. – № 3. – Б. 32-47.
4. Сөз яраткан жырлар. – Казан, 1994. – 544 б.
5. Тазетдинова И.Р. Татар халык ижатында дендронимнарның символикасы // Тюркская и отечественная филология в

- полилингвальном и поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты: сборник статей Международного научного форума (13-15 ноября 2025 г.) / отв. ред. А.Г.Халиуллина, И.Ф.Зарипова. – Уфа: Уфимский университет, 2025. – С. 287-290.
6. Татар жырлары. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2015.
 7. Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда: 1 т. (А-Г)/ Фатих Урманче. – Казан: Мәгариф, 2008. – 303б. 87б.
 8. Татар халык жырлары – иң кадерле мирас. – URL: <https://infourok.ru/konspekt-uroka-tatar-halik-irlari-i-kaderle-miras-656675.html> (мөрәжәгать итү вакыты: 26.10.2025).
 9. Животный и растительный мир в татарских народных песнях. – URL: <https://obuchonok.ru/node/4031> (дата обращения: 08.03.2026).
 10. Алма үләне. – URL: <https://translate.academic.ru/алма%20үләне/tt/ru/> (мөрәжәгать итү вакыты: 26.10.2025).
 11. Сүзлекләрнең электрон фонды. – URL: <https://suzlek.antat.ru/words.php?txtW=алма+үләне&submit=Эзләү> (мөрәжәгать итү вакыты: 08.03.2026).

© Тазетдинова И.Р., 2026

I.R. Tazetdinova,
6th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
Scientific Advisor: I.F. Zaripova,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

PECULIARITIES OF THE USE OF THE FLORONYM “ALMAGACH” IN TATAR FOLK SONGS

This article is devoted to the analysis of the peculiarities of the use of the term “almagach” in Tatar folk songs. It reveals the symbolic meanings of this floronym, its place in the consciousness of the people, as well as its importance in enhancing the national color and aesthetic value of songs. It is emphasized that almagach is an important element reflecting the Tatar people's view of nature, traditions and spiritual world.

Keywords: *the Tatar language, Tatar people, folklore, folk songs, apple, apple.*

УДК 81-119

Тенякова А.В.,

студентка 1 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Мухтаруллина А.Р.,

доктор филологических наук, профессор,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ИСКУССТВО ИМЁН: КАК ДЖОАН РОУЛИНГ ИСПОЛЬЗУЕТ ЭТИМОЛОГИЮ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРОВ

Статья посвящена анализу ономастического приёма Джоан Роулинг в серии романов о Гарри Поттере. На примере имён главных и второстепенных персонажей (Волан-де-Морт, Драко Малфой, Альбус Дамблдор, Римус Люпин, Гермиона Грейнджер и др.) автор демонстрирует, как использует латинские, древнегреческие, старофранцузские и староанглийские корни, а также исторические и мифологические аллюзии для раскрытия характера, судьбы и внутренней сути героев. Показано, что имена у Роулинг не случайны, а являются многослойным кодом, который помогает восприятию сюжета и персонажей. Особое внимание уделяется ироническому контрасту между «говорящими» именами и реальной ролью персонажа, а также игре с читательскими ожиданиями.

Ключевые слова: *Джоан Роулинг, Гарри Поттер, этимология, литературный анализ, латынь, «говорящие» имена, характер.*

Имена в мире «Гарри Поттера» никогда не бывают случайными. Для Джоан Роулинг выбор имени – не менее важная часть магии, чем заклинания или волшебные палочки. Автор признавалась, что часто сначала придумывает имя, а уже потом «выращивает» под него персонажа. Сочетая латынь,

древнегреческий, старофранцузский языки и исторические аллюзии, она создает многослойный код, который вдумчивый читатель расшифровывает с удовольствием. В данной статье попытаемся разобраться, как этимология работает на сюжет и характеристику.

1. Зло в деталях: Тёмный Лорд и его приспешники

Волан-де-Морт (Том Марволо Реддл) – вершина ономастического искусства Роулинг. Во-первых, здесь скрыта анаграмма: “Tom Marvolo Riddle” превращается в “I am Lord Voldemort” – магический акт перестановки букв, который Реддл совершает, чтобы отречься от своего «магловского» отца. Во-вторых, сама фамилия *Voldemort* несет двойной смысл с французского: *vol de mort* – «полет смерти» (намек на его способность летать без метлы и одержимость бессмертием) или «кража смерти», что идеально описывает его главную цель. Английское *Riddle* («загадка») подчеркивает тайну происхождения Тома, которую Гарри разгадывает на протяжении нескольких книг.

Драко Малфой получил имя, предопределяющее его путь. *Draco* с латыни – «дракон», но также это имя афинского тирана-законодателя Драконта, чьи законы отличались крайней жестокостью. Так Роулинг связывает Драко с властью, гордыней и жестокостью. Фамилия *Malfoy* происходит от старофранцузского “mal foi” – «плохая вера, злой, неверный». Ничего более точного о семье, которая постоянно лавирует между верностью Волан-де-Морту и трусливым бегством, не придумаешь.

Снейп (Snape) – от английского «ужалить, оскорбить» – идеально для саркастичного зельевара, чьи слова ранят не хуже заклинаний.

Лестранж (Lestrangle) с французского – «странный, чужеземный», что подчеркивает отчужденность и искаженные ценности этой семьи.

2. Свет и справедливость: Орден Феникса и учителя

Альбус Дамблдор – имя, которое кричит о добре. *Albus* на латыни означает «белый» – символ чистоты, мудрости и светлой магии. Контраст с его бывшим другом Геллертом Гриндевальдом (нем. *Grindelwald* – «темный лес» или «лесной жезл», отсылающий к тьме) очевиден. А вот фамилия *Dumbledore* – староанглийское

слово «шмель». Роулинг объясняла, что представляла, как директор напекает, расхаживая по школе, – так в одном имени соединились величие и милая эксцентричность.

Минерва Макгонагалл получила имя в честь римской богини мудрости, войны и ремесел – *Minerva*. Идеальный выбор для декана факультета, который ценит знания, но и в бою не растеряется. Фамилия *McGonagall* отсылает к шотландскому поэту Уильяму Макгонагаллу, известному своей строгостью формы и любовью к порядку. Так Роулинг создает образ железной, но справедливой женщины.

Римус Люпин – имя-спойлер для тех, кто знает латынь. *Remus* – один из братьев-основателей Рима, вскормленный волчицей. Прямой намек на ликантропию. *Lupin* происходит от латинского *lupus* («волк»). Вдумчивый взрослый читатель понимает тайну Люпина задолго до того, как герои узнают о его «пушистой маленькой проблеме». Это пример того, как Роулинг играет с аудиторией на разных уровнях.

3. Ирония и судьба: Трагические и комичные персонажи

Аргус Филч носит имя стоглазого великана из греческой мифологии – *Argus*, который видел всё. Завхоз Хогвартса действительно следит за каждым углом, подслушивает и подглядывает, ненавидя любой беспорядок. Его фамилия *Filch* означает «воровать, тащить» (англ. *to filch*) – он постоянно конфискует у учеников ценные вещи.

Невилл Долгопупс (*Longbottom*) – пример того, как имя работает на контрасте. Английская фамилия звучит по-деревенски и неуклюже – точно, как сам Невилл в первых книгах. Однако *long bottom* («длинное дно») можно истолковать иначе: у Невилла невероятно «глубокое дно» храбрости, которое раскрывается только под давлением. Роулинг любит такие парадоксы.

4. Магия мифологии: Имена как предсказания

Гермиона Грейнджер – одно из самых многослойных имен. *Hermione* – дочь Елены Троянской и царя Менелая в греческой мифологии, славившаяся умом, верностью и изобретательностью. Фамилия *Granger* («фермер», от фр. *granger*) намекает на ее немагическое происхождение («маглорожденная») и

«почвенность» знаний: Гермiona не полагается на врожденный дар, а «возделывает» свой ум упорным трудом.

Луна Лавгуд (*Lovegood*) – имя, которое раскрывает персонажа еще до того, как мы ее увидим. *Luna* (лат. «луна») связывает Луну с безумием (лунатизмом), интуицией и таинственным светом во тьме. Ее называют сумасшедшей, но именно она оказывается мудрее многих. *Lovegood* – «любящая добро» – показывает, что за внешней отрешенностью скрывается чистое, незашоренное сердце.

Сивилла Трелони – персонаж, чье имя – горькая ирония. *Sybill* отсылает к древнегреческим сивиллам – легендарным прорицательницам, чьи пророчества всегда сбывались, но их никто не слушал. Именно так происходит с Сивиллой: ее истинное пророчество о Гарри и Волан-де-Морте оказывается точным, но никто из учеников (да и профессоров) не воспринимает ее всерьез. Фамилия *Trelawney* принадлежала реальному священнику-антиквару, что подчеркивает ее эксцентричность и «ненаучный» подход к предсказаниям.

Как видим, Роулинг любит играть с ожиданиями читателя. Иногда имя обманывает: профессор *Aurora Sinistra* (лат. «левая, зловещая») преподает не темную магию, а астрономию, а *Pomona Sprout* (лат. «росток», богиня плодов) – травологию, самую мирную дисциплину. Эти имена – не просто украшение, а ключ к пониманию персонажей и сюжета.

Итак, этимология у Роулинг – это магия второго уровня. Те, кто ленится заглянуть в словарь, прочитают «Гарри Поттера» как увлекательную сказку. Те, кто знает латынь и любит загадки, найдут под каждым именем целую историю. Как сказала сама автор: «Я коллекционирую имена. Иногда они приходят ко мне во сне». Мир Гарри Поттера потому и кажется таким живым, что каждая деталь, даже имя эпизодического персонажа, выверена до мелочей.

Литература

1. J.K. Rowling. Sch2: Second Scholastic Interview. Harry Potter Lexicon, 16 Oct. 2000. Использовано для: истории выбора имени "Гарри Поттер", метода сбора имен. Доступно: [www.hp-lexicon.org](https://www.hp-lexicon.org/source/interviews/sch2/)

2. J.K. Rowling. "Potter names come from phone book." UPI.com, 7 July 2004. Использовано для: прямых объяснений значений имен "Dumbledore" (староанглийское "шмель") и "Snape". Доступно: [www.upi.com]
(https://www.upi.com/Entertainment_News/2004/07/07/Potter-names-come-from-phone-book/58291089214939)
3. J.K. Rowling. "1999: Accio Quote!, the largest archive of J.K. Rowling interviews on the web." The Star-Ledger, 16 Oct. 1999. Использовано для: объяснения метода "коллекционирования" имен, прототипа Гермионы. Доступно: [the-leaky-cauldron.org]
(<https://the-leaky-cauldron.org/articles/1999/1099-starledger-garrity2.html>)
4. J.K. Rowling. "'Dumbledore', 'Hippogriff', and 11 More Real Words from Harry Potter." Merriam-Webster, 12 Oct. 1999. Использовано для: цитаты Роулинг о значении "Dumbledore" как "шмель". Доступно: [www.merriam-webster.com]
(<https://www.merriam-webster.com/wordplay/harry-potter-words>)
5. "Harry Potter fans have been pronouncing Voldemort's name wrong." Daily Mail, 10 Sep. 2015. Использовано для: информации о произношении и значении имени "Волан-де-Морт" (Vol de mort). Доступно: [www.dailymail.co.uk]
(<https://www.dailymail.co.uk/news/article-3229825/So-pronounce-JK-Rowling-reveals-Harry-Potter-fans-saying-Voldemort-s-wrong-years.html>)
6. "Lord Voldemort." Simple English Wikipedia. Использовано для: подтверждения значения имени "Voldemort" (flight of death). Доступно: [simple.m.wikipedia.org]
(https://simple.m.wikipedia.org/wiki/Lord_Voldemort)
7. "8 things you may NOT know about Remus Lupin." Wizarding World (HarryPotter.com), 5 Mar. 2018. Использовано для: объяснения этимологии имени "Римус Люпин" (Ромул и Рем, лат. lupus). Доступно: [www.harrypotter.com]
(<https://www.harrypotter.com/es/features/things-you-may-not-have-noticed-about-remus-lupin>)
8. "Naming in Harry Potter." Academia.edu, 2 Apr. 2015. Использовано для: общего теоретического подхода к анализу имен в книгах. Доступно: [www.academia.edu]
(https://www.academia.edu/11768413/Naming_in_Harry_Potter)

9. "Harry Potter, a Latin Speaker?" by Aleksandra Kleczar. Academia.edu. Использовано для: анализа латинских и греческих корней в именах, например, "Люпин". Доступно: [www.academia.edu](https://www.academia.edu/1513591/Harry_Potter_a_Latin_Speaker)
10. "The elements of neomythologism in the Harry Potter Novel Series by J.K. Rowling." Zenodo, 28 Apr. 2025. Использовано для: подтверждения интеграции Роулинг мифологических мотивов в имена персонажей. Доступно: [zenodo.org](https://zenodo.org/records/15294078)
11. "Nominative Determinism: Classically Derived Names in the Potter Saga." Cambridge Core (Journal of Classics Teaching), 25 May 2016. Использовано для: концепции "говорящих имен" и анализа классических корней (на примере Люпина и Трелони). Доступно: [www.cambridge.org](https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-classics-teaching/article/nominative-determinism-classically-derived-names-in-the-potter-saga/A3869939FE75715F579C65304F2DA29D)
12. "Hermione (given name)." Wikipedia. Использовано для: значения имени "Гермиона" (от Гермеса, дочь Менелая и Елены). Доступно: [en.wikipedia.org](https://en.wikipedia.org/wiki/Hermione_(given_name))

© Тенякова А.В., 2026

A.V. Tenyakova,

*1st-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Scientific Advisor: A.R. Mukhtarullina,

*Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

THE ART OF NAMES: HOW J.K. ROWLING USES ETYMOLOGY TO REVEAL CHARACTER

The present article provides the analysis of J.K. Rowling's use of onomastics in the Harry Potter series. On the basis of the names of major and minor characters (Voldemort, Draco Malfoy, Albus

Dumbledore, Remus Lupin, Hermione Granger, and others), the author demonstrates the usage of Latin, Ancient Greek, Old French, and Old English roots, as well as historical and mythological allusions, to reveal the characters' personalities, destinies, and mindsets. It has been revealed that Rowling's names are not random, but rather a multilayered code that aids in the perception of the plot and characters. Particular attention is paid to the ironic contrast between the "speaking" names and the character's actual role, as well as to the play with readers' expectations.

Keywords: Joan Rowling, Harry Potter, etymology, literary analysis, Latin, "speaking" names, character.

УДК 81'373.612.2

Уразаев М.Д.,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООМЕТАФОРИКИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Статья посвящена анализу зоометафор в репрезентации алкогольного опьянения в русском языке. На материале Национального корпуса русского языка выявляются устойчивые модели, в которых состояние опьянения осмысливается как утрата человеческих качеств и переход к «животному» поведению. Показано, что зоометафоры выполняют преимущественно оценочную функцию и отражают культурные представления о деградации личности. Установлено различие между моделями, фиксирующими результат и процесс опьянения.

Ключевые слова: зоометафора, алкогольное опьянение, концептуализация, оценочность, русский язык, метафора.

Введение

Зоометафора – один из продуктивных способов образной характеристики человека, при котором его поведение, состояние или качества осмысливаются через призму образов представителей фауны [1]. Как отмечает Н.М. Лапшина, данный тип метафор

связывает мир человека с миром природы, и в них «отражены фундаментальные культурные ценности и специфические призмы мировидения, без понимания которых вряд ли можно говорить об адекватном восприятии того или иного языка» [3, 107]. Следует отметить, что зоометафоры обладают высокой экспрессивностью и активно используются в различных типах дискурса для выражения оценки и интерпретации человеческого поведения [4]. В частности, вербальное выражение агрессии часто проецируется через звуки животных (ср. *ворчание, рёв, рык, фырканье* и др.) [2].

Особый интерес представляет функционирование зоометафор в сфере репрезентации изменённых состояний, в частности алкогольного опьянения. В данном случае наблюдается устойчивое соотнесение состояния опьянения с утратой человеческих качеств и переходом к «животному» типу поведения. Подобная концептуализация реализуется в русском языке через широкий спектр фразеологических выражений (ср. *пьяный как свинья, пьян как скотина, напиться до поросячьего визга, натянулся как пиявка* и др.) [5], которые демонстрируют системный характер и отражают негативную оценку состояния опьянения. Подобные единицы не являются случайными, а образуют устойчивую систему, отражающую представление об опьянении как о состоянии утраты человеческих качеств.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания языковых механизмов, посредством которых зоометафорические образы участвуют в концептуализации алкогольного опьянения, а также выявления их оценочного потенциала.

Цель настоящей статьи – выявить и описать зоометафорические модели, посредством которых алкогольное опьянение концептуализируется как процесс деградации и утраты человеческих характеристик.

Материал исследования составляют контексты из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), содержащие зоометафорические характеристики человека в состоянии опьянения. Поиск проводился методом сплошной выборки с использованием ключевых слов, репрезентирующих состояние алкогольного опьянения: *пьяный, пьян, хмель, водка, напиться, алкоголик, опьянеть* и др. В результате корпусного

поиска было выявлено 948 контекстов, в которых описывается состояние алкогольного опьянения или поведение человека в данном состоянии. На следующем этапе из общего массива было отобрано 12 контекстов, содержащие зоометафоры алкогольного опьянения.

Анализ проводился на основе контекстного рассмотрения примеров с целью выявления устойчивых моделей образного осмысления опьянения. Особое внимание уделялось: 1) виду зоометафорической проекции; 2) тому, какие характеристики животных переносятся на человека; 3) оценочному значению этих проекций. В результате выделялись повторяющиеся модели, отражающие способы концептуализации алкогольного опьянения в языке.

Результаты анализа

Зоометафора ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ реализуется в примерах (1) – (3), где негативные аспекты алкогольного опьянения проецируются на стереотипно негативные характеристики животных – прежде всего инстинктивность поведения и неспособность к полноценной человеческой коммуникации. При этом важно подчеркнуть, что подобное сопоставление не отражает объективной картины мира, а репрезентирует ценностные установки и оценочные представления носителей языка.

В примерах (1) – (2) употребление выражения *пьяное животное* несёт выраженную моральную оценку: опьянение представляется не просто слабостью, а утратой человеческого облика.

(1) А посмотрите – самое безнравственное, беспросыпно *пьяное животное*, потому именно, что он мастер своего дела, что он один-единственный грамотей между сотнею простодушных мужичков, на счет которых он упивается и распутничает (НКРЯ: Т.Г. Шевченко. Художник, 1856).

(2) Нет, нет, не тот, а другой, ещё пошлее и ещё ничтожнее! *Пьяное животное*. И он тебя в сущности презирает, иначе не стал бы мне сам рассказывать (НКРЯ: А.М. Федоров. Петля, 1917).

В примере (3), помимо моральной оценки поведения, искажение сознания при сильном опьянении переносится на

неспособность субъекта к адекватной коммуникации, что концептуализируется через сопоставление с животным.

(3) Однако *это пьяное животное ничего не в состоянии было воспринять* (НКРЯ: Н.Н. Никулин. Воспоминания о войне, 1975).

В примерах (4) – (7) зоометафора ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – СКОТИНА используется для характеристики субъекта в состоянии алкогольного опьянения и реализует устойчивую модель деградации человеческих качеств.

В примерах (4) – (6) выражение *пьяная скотина* функционирует как сильная негативно-оценочная номинация. В отличие от более нейтральной лексики *животное*, лексема *скотина* несет выраженную обценную коннотацию и акцентирует не только утрату человеческого облика, но и социальную неприемлемость поведения.

(4) Какая-то *пьяная скотина* оборвала шуточную беседу о турецких пленниках ударом «вот в эту самую кость»; супруги – ничего, только прытче домой побежали (НКРЯ: Н.К. Михайловский. Г.И. Успенский как писатель и человек, 1886).

(5) *Грязная ты и пьяная скотина*, – говорит мать, четко выговаривая слова (НКРЯ: Б.Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова, 1980).

В примере (6) реализуется сложная конфигурация, где степени опьянения осмысляются как процесс постепенного нисхождения по шкале человеческого достоинства. Метафора движения вниз репрезентирует переход человека в животное состояние: последовательные *скотские ступени* проецируются на поведенческие и физиологические проявления алкогольной интоксикации. Таким образом, данная конфигурация участвует в концептуализации опьянения как градуального процесса деградации.

(6) С необычайною скоростью переносит он вас к самому высшему градусу опьянения, минуя вдруг все те более или менее *скотские ступени*, по которым проходит обыкновенный винный хмель (НКРЯ: П.В. Анненков. Парижские письма, 1846–1847).

В примерах (7) – (9) реализуется зоометафора ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – СВИНЬЯ, в которой состояние алкогольного опьянения осмысляется через культурно закреплённые

представления о свинье как о символе нечистоплотности, неумеренности и утраты достоинства.

В примерах (7) – (8) зоометафора выражена через именную конструкцию *пьяная свинья*, которая выполняет функцию инвективной номинации и фиксирует результат деградации субъекта.

(7) Полковник Устинов, что был у вас командиром роты, – сослуживец генерала Черняева. Значит, *эта пьяная свинья...* Брянов усмехнулся, покачал головой (НКРЯ: Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1, 1988).

(8) «Нажрался, нажрался! *Пьяная свинья!*» – «Заткнитесь, придурки!» – крикнула в ответ Сэм (НКРЯ: Н. Желунов. Рагомор, 2007).

В примере (9) та же метафорическая модель реализуется в глагольной форме *освинеть*, что акцентирует процессуальный аспект потери человеческого облика.

(9) ...да поскорее, освинеть во хмелю на потеху государю (НКРЯ: А.Н. Толстой. День Петра, 1918)

В примерах (10) – (11) зоометафора АГРЕССИВНЫЙ ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ реализуется через предикативную конструкцию *озвереть от водки*, в которой состояние опьянения концептуализируется как процесс утраты человеческого контроля и перехода к агрессивному, «зверскому» поведению.

(10) Спереди – *озверевшие от водки* и драки мужики (НКРЯ: Л. Очаковская. ...Любимые твои ученики, 1971).

(11) А револьвер я увидел у него на боку, у мужчины с рожей красной, *озверевшей от водки* (НКРЯ: Е. Попов. Запоздалое раскаяние, 1970–2000).

В отличие от номинативных моделей (*пьяное животное, пьяная скотина, пьяная свинья*), где зоометафора фиксирует уже достигнутый результат деградации, предикативная конструкция *озвереть* акцентирует динамический аспект: переход субъекта в состояние, характеризующееся агрессией, неконтролируемостью и импульсивностью.

Особняком стоит пример (12), где реализуются сразу две зоометафоры ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – СКОТИНА и ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ, выраженные каузативными глагольными формами *скотинить* и *зверить*. Следовательно, в данном примере

зоометафора получает комплексную реализацию, охватывая как моральную, так и поведенческую деградацию.

(12) Наблюдая ужасы зверства, которые вносит в народ водка, писатель не только кричал – во весь свой голос, – что *водка «скотинит и зверит человека, ожесточает его и отвлекает от светлых мыслей»*, но в безнадежном отчаянии пускался даже на смешные проекты (НКРЯ: М.О. Меншиков. О неутоленной правде, 1903).

Выводы

Проведённый анализ показывает, что зоометафоры формируют системную модель осмысления алкогольного опьянения как утраты человеческих качеств. Наиболее устойчивыми являются модели, в которых пьяный человек соотносится с животным, скотиной, свиньёй или зверем, что отражает разные аспекты деградации – от общей утраты достоинства до агрессии и неконтролируемого поведения. В результате проведённого анализа установлено, что зоометафорическая концептуализация алкогольного опьянения в русском языке реализуется через четыре основные модели: ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ, ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – СКОТИНА, ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – СВИНЬЯ и ПЬЯНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ. Данные модели отражают различные аспекты деградации: от общей утраты человеческих качеств до акцентирования агрессии, неконтролируемости и социальной неприемлемости поведения. При этом каждая модель может реализовываться как в номинативных формах, фиксирующих результат деградации (*пьяное животное, пьяная скотина, пьяная свинья*), так и в глагольных формах, передающих процессуальный характер изменения состояния (*озвереть, освинеть*), а также в каузативных конструкциях, где алкоголь выступает как фактор трансформации (*скотинить, зверить*).

Таким образом, зоометафора алкогольного опьянения выполняет прежде всего оценочную функцию, закрепляя в языке представление об алкогольном опьянении как о состоянии, противопоставленном человеческой норме.

Литература

1. Алексеева Т.Е. Зооморфные метафоры в английских пословицах: лексико-семантический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 266-273.
2. Глаголы звуков животных: типология метафор: коллективная монография / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Б.В. Орехов [и др.]; Институт языкознания РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: Языки славянской культуры, 2016. – 400 с.
3. Лапшина М.Н. Когнитивная ценность зоометафоры // Наука вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 3 (25). – С. 102-107.
4. Прошина З.Г. Зоометафора как основа образности политического медиа- и интернет-дискурса / З.Г. Прошина, Е.В. Терехова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 1. – С. 149-165.
5. Уразаев М.Д. Структурно-семантический анализ эвристивной лексики (на материале русского, английского и немецкого языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – 2023. – 180 с.

© Уразаев М.Д., 2026

M.D. Urazaev,
*Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

PRELIMINARY ANALYSIS OF ZOOMORPHIC METAPHORS OF ALCOHOL INTOXICATION IN RUSSIAN

The article examines zoomorphic metaphors in the representation of alcohol intoxication in Russian. Drawing on data from the Russian National Corpus, it identifies recurrent models in which intoxication is conceptualized as a loss of human qualities and a shift toward “animal-like” behavior. The analysis shows that such metaphors primarily serve an evaluative function and reflect culturally embedded views of

personal degradation. A distinction is established between models that represent the result and those that capture the process of intoxication.

Keywords: zoomorphic metaphor, alcohol intoxication, conceptualization, evaluation, Russian language, metaphor.

УДК 81'243:004.9

Файзрахманов И.Р.,

студент 1 курса,

Казанский государственный энергетический университет,

г. Казань, Россия

Антропова А.Е.,

ассистент,

Казанский государственный энергетический университет,

г. Казань, Россия

ВЛИЯНИЕ ГЕЙМИФИКАЦИИ В МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЯХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается роль геймификации в мобильных приложениях для изучения английского языка. Анализируются психолого-педагогические механизмы влияния игровых элементов (баллы, уровни, награды, рейтинги) на мотивацию и запоминание лексики. Представлены результаты мини-исследования среди студентов языковых направлений, показывающие эффективность геймифицированных приложений по сравнению с традиционными методами заучивания слов.

Ключевые слова: *геймификация, мобильные приложения, лексические навыки, английский язык, цифровые технологии, учебная мотивация, Duolingo.*

Современное образование сталкивается с вызовом снижения учебной мотивации при традиционных методах преподавания иностранных языков. Особенно остро эта проблема проявляется при формировании лексических навыков, которые требуют регулярного повторения и механического запоминания. В ответ на этот вызов активно развиваются цифровые технологии, и одним из

наиболее перспективных направлений становится геймификация – внедрение игровых механик в неигровой контекст обучения [2, 45].

Под геймификацией в обучении понимается использование таких элементов, как очки опыта (XP), уровни, виртуальные награды, таблицы лидеров, прогресс-бары и мгновенная обратная связь. Мобильные приложения (Duolingo, English Galaxy, Quizlet, Lingualeo) активно применяют эти механики. Ключевое отличие геймификации от просто игры – наличие четкой учебной цели: пользователь не развлекается, а осваивает языковой материал, но в увлекательной форме.

Психологический механизм влияния геймификации на формирование лексических навыков основан на нескольких факторах. Во-первых, мгновенная обратная связь (правильно/неправильно) активирует систему дофаминового подкрепления, что способствует закреплению нейронных связей [1, 112]. Как отмечает Дж. Макгонигал, игровые механики создают «продуктивное состояние когнитивной легкости», при котором пользователь дольше удерживает внимание без чувства утомления [4, 112]. Во-вторых, видимость прогресса (полоска «опыта», открывающиеся уровни) снижает тревожность и создает эффект «ближайшей зоны развития» – пользователь видит, сколько усилий осталось приложить для достижения цели.

В марте 2026 года нами было проведено небольшое пилотное исследование среди 20 студентов младших курсов КГЭУ (направление «Технологии разработки программного обеспечения»). Участники были разделены на две группы: экспериментальная (10 человек) в течение 14 дней использовала приложение Duolingo для изучения нового тематического блока лексики (60 слов по теме «Образование и карьера»), контрольная группа (10 человек) заучивала те же слова традиционным способом – с помощью двуязычных карточек и письменного перевода. На 15-й день был проведен тест на отсроченное воспроизведение (без предупреждения).

Результаты показали, что экспериментальная группа воспроизвела в среднем 78% лексических единиц (47 из 60), тогда как контрольная – 52% (31 из 60). Кроме того, в экспериментальной группе ежедневное время самостоятельной работы составило в среднем 22 минуты (без внешнего

принуждения), в контрольной – 15 минут, но 6 из 10 участников отметили, что испытывали скуку или раздражение. Таким образом, геймификация не только повышает эффективность запоминания, но и увеличивает вовлеченность.

Однако следует отметить и ограничения данного подхода. Во-первых, геймифицированные приложения эффективны преимущественно на этапе введения и первичного закрепления лексики, но недостаточно развивают навык спонтанного употребления слов в связной речи [3, 548]. Во-вторых, при длительном использовании эффект новизны снижается, и игровые механики могут восприниматься как рутина. В-третьих, избыточная геймификация (слишком много наград, звуков, анимации) может отвлекать от собственно языкового содержания.

Практические рекомендации для преподавателей английского языка включают следующие положения. Геймифицированные мобильные приложения целесообразно использовать как инструмент для домашнего задания или факультативной работы, а не как замену традиционным занятиям. Эффективной стратегией является комбинирование: студенты осваивают новый лексический минимум в приложении (индивидуально, в игровой форме), а на аудиторных занятиях преподаватель организует коммуникативные упражнения для активизации этой лексики в речи. Кроме того, можно встроить элементы геймификации в сам учебный процесс (например, система достижений за активность на парах), не ограничиваясь готовыми приложениями.

В заключение следует подчеркнуть, что цифровые технологии, в частности геймификация в мобильных приложениях, представляют собой мощный вспомогательный инструмент формирования лексических навыков. Они не решают всех методических проблем, но значительно повышают мотивацию и эффективность запоминания благодаря психологически выверенным игровым механикам. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнение эффективности разных типов геймификации (соревновательной vs. индивидуально-прогрессивной) и на разработку методик интеграции геймифицированных приложений в вузовские рабочие программы по практическому курсу английского языка.

Литература

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 2019. – 384 с.
2. Kapp K.M. The Gamification of Learning and Instruction: Game-based Methods and Strategies for Training and Education. – San Francisco: Pfeiffer, 2021. – 336 с.
3. Loewen S., Isbell D.R., Sporn Z. The effectiveness of app-based language instruction for developing receptive linguistic knowledge and oral communicative ability // Foreign Language Annals. – 2020. – Vol. 53, № 3. – P. 528-553.
4. McGonigal J. Reality is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World. – New York: Penguin Press, 2020. – 388 с.

© Файзрахманов И.Р., Антропова А.Е., 2026

I.R. Fayzrahmanov,

1st-Year Student,

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

A.E. Antropova,

Assistant,

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

THE INFLUENCE OF GAMIFICATION IN MOBILE APPLICATIONS ON THE FORMATION OF LEXICAL SKILLS WHEN LEARNING ENGLISH

The article examines the role of gamification in mobile applications for learning English. The psychological and pedagogical mechanisms of the influence of game elements (scores, levels, awards, ratings) on motivation and vocabulary memorization are analyzed. The results of a mini-study among students of language courses are presented, showing the effectiveness of gamified applications in comparison with traditional methods of memorizing words.

Keywords: *gamification, mobile applications, lexical skills, English, digital technologies, learning motivation, Duolingo.*

Файзуллина А.Г.,

студентка 4 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Сагидуллина Л.Р.,

кандидат педагогических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ТАТАР ТЕЛЕ ҺӘМ ӘДӘБИЯТЫ ДӘРЕСЛӘРЕНДӘ УКУЧЫЛАРНЫҢ СҮЗ БАЙЛЫГЫН ҮСТЕРҮ ЮНӘЛЕШЛӘРЕ

Макалә сүзлек запасын баету проблемаларына багышланган туган телдә укучылар. Кайберләре анализланды сүз белән эшләү юнәлешләре һәм аларның мәгънәләрен ачу алымнары (сүзлек белән эшләү, Тәрҗемә Итү, синонимнар һәм антонимнар сайлау һәм Туган тел һәм әдәбият дәресләрендә.

Төп сүзләр: *сөйләм үсеше, Туган тел, татар теле тел, сүзлекне баету, яңа сүзләр, ачу алымнары яңа сүзләрнең мәгънәләре.*

Кешегә сүз байлыгы бары тик матур сөйләшү өчен генә түгел, ә тормышның барлык өлкәләрендә уңышка ирешү өчен кирәк.

Тел һәм фикерләү бер-берсе белән тыгыз бәйләнгән. Психологлар әйтсәң, кеше белгән сүзләре кысасында гына фикер йөртә ала. Сүз байлыгы никадәр күп булса, кешенең фикерләве дә шулкадәр тирәнрәк һәм катлаулырак була. Яңа сүзләр өйрәнү – ул дөньяны тануның яңа баскычына күчү дигән сүз.

Бай сүзлек запасы булган кеше үзенең уйларын, хисләрен һәм теләкләрен башкаларга төгәл жикерә ала. Ул «йөрдә» дигән гомуми сүз урынына «атлады», «чапты», «үрмәләде» кебек төгәл мәгънәле сүзләргә сайлый. Сөйләмдә «нәрсә әле ул», «теге» кебек чүп сүзләр азрак кулланыла, бу исә әңгәмәдәшкә мәгълүматны жиңелрәк кабул итәргә ярдәм итә.

Сүз байлыгы – ул кешенең дөньяны ачучы ачкычы. Сүзлек запасы никадәр зур булса, кешенең тормышы да шулкадәр кызыктырак, баерак һәм уңышлырак була.

Укучылар сүзлеген баету методикасы нигезенә гамәлдәге берәмлекләрнең тәртипле системасы рәвешендә күрсәтергә мөмкинлек бирә торган системалы-функциональ якын килү салынган. Бу якын килү сүзлек минимумын сайлап алу процессында да, туган тел дәресләрендә лексикага өйрәтү процессында да лексик берәмлекләр арасындагы бәйләнешләрне ачыклау һәм исәпкә алу алу гыйбарәт. Телгә өйрәтүдә бу юнәлешнең методик нигезе булып профессор Л.П. Федоренко тарафыннан эшләнган туган телне үзләштерү принциплары теориясе тора (тел мәгънәләрен аңлау принцибы, тел хисен үстерү принцибы һәм сөйләмнең сәнгатьлелегенә игътибар принцибы), укучылар сүзлеген баетуның аерым методик принциплары М.Т. Баранов, М.Р. Львов хезмәтләренә дә нигезләнган (экстралингвистик, лексик-грамматик).

Бүгенге көндә татар телен үзләштерү берничә юнәлештә алып барыла: татар телен туган тел буларак, икенче тел буларак, чит тел буларак өйрәтү. Һәр система үзенчәлекле, аерым уку-методик комплексларга нигезләнә. Әмма туган телгә өйрәтү барышында сүзлек байлыгын булдыру һәм аны камилләштерү максаты, төп принциплары, метод-алымнары уртаҡ. Бу юнәлештә лингвистик, тел, сөйләм компетенцияләрен формалаштыру эшләре үрелеп, комплексы рәвештә башкарыла.

Элементар лингвистик компетенция формалаштыру бурычы шуны күздә тоты: лексикага өйрәткәндә, укучылар лексика, фразеология, сүзнең туры һәм күчерелмә мәгънәсе, бер мәгънәле һәм күп мәгънәле сүзләр, омонимнар, синонимнар, антонимнар, эмоциональ һәм стилистик төсмерле сүзләр, гомуми кулланыштагы сүзләр һәм кулланылышы чикләнган сүзләр (диалекталь лексика, профессионализмнар, жаргоннар), искергән сүзләр һәм неологизмнар, алынма сүзләр; фразеологизмнар һ. б. белән танышалар [1, 93].

Коммуникатив компетенция формалаштыру бурычы сүзләрне һәм фразеологизмнарны дөрес һәм урынлы кулланыла бөлү, әйтелмәләрнең мәгънәсен төгәл белдерү, текстның төп фикерен һәм сәнгатьле сөйләмнең образлы чараларын аңлау өчен тел (лексик) чараларын сайлап алу күнекмәләрен булдыруның кирәклеген аңлата.

Тотрыклы программаларда, лексик белемнәрдән һәм күнекмәләрдән тыш, укучыларның сөйләмен үстерү юнәлешләренен берсе буларак, аларның сүзлек запасын баету аерым билгеләнгән. «Укучылар сүзлегә барлык уку предметларын өйрәнгәндә тулылана, ләкин монда туган тел һәм әдәбият дәресләре аерым роль уйный. Туган теле дәресләрендә сүз запасын баету системалы сүзлек эше белән тәэмин ителә. Сүзлек эшенә ин мөһим таләпләрнең берсе – укучыларда таныш булмаган сүзләрне күрә белүне үстерү, аларны аңлатуны сорап укытучыга мөрәжәгать итү һәм белешмә сүзлекләрдән файдалану гадәтә тәрбияләү» [1, 94].

Сүзлек эше сүзнең лексик мәгънәсе төшенчәсен киңәйтү нигезендә башлангыч һәм урта мәктәпләр арасында давамчанлык принцибын исәпкә ала.

Сүз ясалышы һәм орфография белән берлектә лексиканы өйрәнүнең бурычлары булып: укучыларда лексикага һәм фразеологияга системалы караш булдыру, сүзләрнең лексик мәгънәсен төрлечә билгели белүне формалаштыру, лексиканың семантик төркемләшүенең асылын аңлау, телдән һәм язма сөйләмдә сүзләрне төгәл, урынлы, сәнгатьле куллануда күнекмәләрне камилләштерү тора. Шуңа нигездә укучылар сүзнең язылышы аның лексик мәгънәсенә һәм морфема мәгънәсенә бәйлеләгән аңларга өйрәнәләр.

Өгәр татар телен өйрәнүнең өч юнәлешендә лексика һәм фразеологияне өйрәнү барышында формалашкан төп лексик күнекмәләрне системага салсак, аларны түбәндәгечә күз алдына китерергә мөмкин.

Сүз белән лингвистик, коммуникатив планда эшләү нәтижәсендә укучылар түбәндәге мәсьәләләрне чишә белергә тиешләр:

- сүзнең лексик мәгънәсен сүзлек, контекст буенча, сүз ясалышы анализы нигезендә билгеләү;
- текстта күчерелмә мәгънәле сүзләр табарга, туры һәм күчерелмә мәгънәләрне чагыштырыу, мәгънәне охшашлык (метафора) буенча күчерүнең нигезен ачу;
- сүзнең лексик мәгънәсен аңлатуның төп ысулларын куллану;
- күпмәгънәле сүзнең һәм омонимнарның мәгънәләрен аңлатмалы сүзлек ярдәмендә билгеләү;

- күп мәгънәле сүзләрне аңлатмалы сүзлек буенча омонимнардан аеру;
- тексттан синонимнар табу һәм сүзгә синонимнар сайлау;
- кайбер синонимнар арасынан конкрет сөйләм ситуациясе өчен туры килгәнне сайлап алу;
- синонимнар сүзлегеннән файдалану;
- тексттан антоним табу һәм сүзгә антонимын сайлау;
- антонимнарны үз сөйләмендә куллану;
- антонимнар сүзлегеннән файдалану;
- омонимнар сүзлегеннән файдалану;
- аңлатмалы һәм фразеологик сүзлекләр белән эшләрү [1, 96-97].

Яңа сүзләрне өйрәнү этаплары һәм лексик күнегүләр системасы традицион методика кысаларында алып барыла. Дөрес, укутуның яңа информатив чаралары бу алымнарның нәтижелелеген арттырырга ярдәм итә.

Гомумән, сүз өстендә эшнәң беренче һәм бик мөһим этабы – аның лексик мәгънәсен билгеләү. «Билгә статусына ия булган, ягъни предмет һәм фикер рәтенәң телдән тыш чынбарлыгы белән ярашкан тел берәмлекләренәң барысы да укучыларга аңлаешлы бирелергә тиеш...» – дип билгели Л.П. Федоренко [1, 97]. Методикада «мәгънәне аңлату» терминыннан тыш, «сүзне семантизацияләү» термины да кабул ителгән, ул сүзнәң мәгънәсен ачудан башланган һәм беренчел үзләштерү белән тәмамланган беренче этабын күздә тотат.

Укутучының махсус методик чаралар ярдәмендә укучыларга таныш булмаган аваз комплексын аңлаешлы сүз-билгегә әверелдерүе – ул сүзнәң семантизациясе. Таныш булмаган сүзләрне семантизацияләү укучыларның сүзлек запасын баеп бурычларының берсе булып тора. Барлык мәктәп дисциплиналары буенча дәресләрдә, шул исәптән туган теле дәресләрендә дә бу процесс шуннан башлана. «Сүзнәң мәгънәлелеге методик яктан укутучының телдә теге яки бу аваз комплексына беркетелгән лексик мәгънәсен аңлатуында чагыла» [2, 23].

Лексик мәгънәне аңлату ике төрле булырга мөмкин: эчтәлек планыннан аңлатма планына, төшенчәдән сүзгә – аңлатуның оносемасиологик ысулы; һәм киресенчә: аңлатма планыннан эчтәлек планына, билгеле мәгънәле сүздән яңа сүз мәгънәсенә күчү – семантик (семасиологик) ысул.

Теге яки бу алымны аңлатуның һәм аңа кертүнең ике ысулын аерып күрсәтү нигезендә без балаларга таныш булмаган сүзнең мәгънәсен аңлату максатында куллана торган «корал» алына. Әйтик, аңлатуның оносемасиологик ысулы (методы) телдән тыш чынбарлыкка мөрәжәгать итүне күздә тоталар. Монда конкрет мәгънәле сүзләр өчен яраклы булган күрсәтмә (предметны яки аның сурәтен күрсәтү) һәм абстракт мәгънәле сүзләр өчен мөмкин булган контекстуаль (сүзнең мәгънәсе ачык булган контекстка мөрәжәгать итү) кебек алымнар керә. Шулай ук вакытта конкрет ситуация вербаль рәвештә генә түгел, теле-, аудио-, видео- һәм башка киң информация чаралар ярдәмендә дә күрсәтелергә мөмкин, әмма әлеге алымнар барыбер оносемасиологик ысул кысаларында кала.

Аңлатуның бу ысулын башлангыч сыйныфларда ук кин куллану башлангыч сыйныф укучыларының күрүгә таянучы образлы фикерләү үзгәртеп карау бәйлә. Кече яшьтәгеләр өчен картиналы сүзлекләрнең киң тәкъдим ителүе яки аңлатмалы сүзлекләр кысаларында күпсанлы иллюстрацияләр кулланылуы очраклы түгел.

Сүзләрне аңлатуның семантик методына килгәндә, аның кысаларында түбәндәге алымнарны аерып күрсәтәләр:

- синоним яки антоним сайлау (таныш булмаган сүзнең мәгънәсен балаларга инде билгеле булган синоним яки антоним белән чагыштырып аңлату);
- логик билгеләмә (гиперонимны куллану) бирү;
- сүздә тасвирлау алымы: а) сүз ясагыч алым (ясалма сүзне ясагыч ярдәмендә аңлату) һәм б) этимологик алымны үз эченә алган структур-семантик алым [1, 98-100].

Укучылар сүзлеген бастан кулланылган күнегүләрнең төрлелегеннән тыш, аларның эзлеклелеге мөһим. Лексик-семантик, лексик-грамматик, лексик-стилистик күнегүләр арсеналыннан чыгып, сүз өстендә эшнә эзлеклелеген түбәндәге система рәвешендә күз алдына китерик: пропедевтика, яисә әзерлек күнегүләре; иллюстратив күнегүләр; төп, яисә мәгънә беркетү күнегүләре; кабатлау-гомумиләштерү күнегүләре; ижади күнегүләр.

Мәсәлән, сүзлек эше системасын «әхлак» лексик-тематик төркем лексикасы мисалында күрсәтү өчен, кеше характерының

эхлакый сыйфатларын белдерә торган сүзләр исемлеген тәкъдим итәргә була: *йөрәксезлек, рәхмәт, әдәплелек, тугрылык, тупаслык, яхшылык, комсызлык, рәхимсезлек, хыянәт, ихласлык, ялганлык, мөгамәлә, әдәпсезлек, тыйнаксызлык, кыюсызлык, гаделсезлек, ихтирамсызлык, намуссызлык, кыюлык, ярдәмчеллек, дәреслек, тугрылык, хыянәт, битарафлык, кыюсызлык, ихласлык, тыйнаклык, саранлык, хурлык, гаделлек, куркаклык, хөрмәт, мактану, батырлык, намуслылык, намус, сизгерлек, юмартлык*. Шушы төркем нигезендә югарыда атаган метод-алымнар ярдәмендә сүзнең лексик-семантик мәгънәсен ачыклау, тирәнәйтү, сүзләрне куллану үрнәкләре белән танышу, аларны әйтмә һәм язма сөйләмдә мөстәкыйль куллану һ.б. юнәлешләрдә эш алып бару карала.

Сүзлекне баегу һәм активлаштыру ысуллары арасында уен технологиясен, аеруча лингвистик, сөйләм, ижади сөйләм уеннарын куллану методик әһәмиятлелеккә ия [3, 237]. Мәсәлән, Л.Р. Сәгыйдуллина тәкъдим иткән уеннардан берничә үрнәк:

1. «Сүзләр җый» уены

Бер вакыт эчендә (3-10 минут) нинди дә булса бер формаль билге буенча күбрәк сүз җыярга кирәк: а) сүз башындагы 1 (2-3) хәрәфтән башланган сүзләр (5-6-7-8 хәрәфле дип күрсәтергә мөмкин); ә) 1 яки берничә соңгы хәрәфләр; б) рифма; в) беренче һәм соңгы хәрәфләр; г) үтәли хәрәфләр: а сүзнең беренче, икенче, өченче урынында килә; д) бер тәртиптә бирелгән сүздәге тартык авазлар җыелмасы – «Каркас» уены (йлдз, вл, клмк, дфтр...); е) бер тәртиптә бирелгән сүздәге сузыклар җыелмасы (е-е-е, а-а-а, у-а...).

2. «Сүзлек байлыгыңны тикшер» уены

Түбәндәге аваз тезмәләреннән башланган татар сүзләрен әйтегез // языгыз (вакытны чикләмәскә дә мөмкин): *ад...* (10), *аз...* (40), *ай...* (38), *ал...* (153), *ах...* (23), *аң...* (42) һ.б. Жәя эчендә бу аваздан башланган сүзләрнең «Татар теленең орфографик сүзлегендә» күләмен күрсәтергә мөмкин. Үз мисалларының санын һәм жәя эчендәге саннарның пропорциясен табып, актив сүзлек коэффициентын табып була.

Сүз байлыгын үстерү – укучының фикерләү офыкларын киңәйтүче төп фактор. Татар теле һәм әдәбияты дәрәсләрендә бу юнәлештә алып барылган төрле методлар баланың сөйләмен баеп кына калмыйча, аны үз халкының мәдәни жәүһәрләрен

аңларга сәләтле итеп тәрбияли. Бай сөйләмле укучы – ул жәмгыятьтә үз урынын таба алган, белемле һәм ижади шәхес. Шуңа күрә сүзлек запасын арттыруга багышланган һәр дәрес укучының киләчәгенә салынган зур инвестиция булып тора.

Әдәбият

1. Архипова Е.В. Основы методики развития речи учащихся: Учеб. пособие для студ. пед. вузов. – М.: Вербум-М., – 192 с.
2. Львов М.Р. Методика развития речи младших школьников. – М.: Просвещение, 1985. – 176 с.
3. Сагидуллина Л.Р. Лингвистик уеннар нигезендә дивергент һәм ижади фикерләү камилләштерү мөмкинлекләре / Актуальные проблемы современной татарской филологии: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции (11 декабря 2020 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 179-183
4. Электронный фонд словарей. – URL: https://suzlek.antat.ru/indexR_

© Файзуллина А.Г., Сагидуллина Л.Р., 2026

A.G. Fayzullina,

*4th-Year Student of the Institute of Humanities and social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

L.R. Sagidullina,

*Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

DIRECTIONS OF VOCABULARY DEVELOPMENT IN TATAR LANGUAGE AND LITERATURE LESSONS

The article is devoted to the problems of enriching the vocabulary of students in their native language. It analyzes some ways of working with words and techniques for revealing their meanings (working with a dictionary, translation, selection of synonyms and antonyms, etc.) in native language and literature classes.

Keywords: *speech development, native language, Tatar language, vocabulary enrichment, new words, techniques for revealing the meaning of new words.*

Филимонова В.М.,

студентка 2 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Латыпова Э.Р.,

кандидат педагогических наук, доцент,

Уфимский Университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛЯЦИИ В ЦИФРОВЫХ МЕДИА

В статье рассматриваются языковые способы скрытого воздействия в цифровом медиaprостранстве. Анализируются основные дискурсивные стратегии, реализуемые в онлайн-коммуникации, включая фрейминг, оценочную лексику, метафоризацию, кликбейтные заголовки и семантическую переориентацию. Показано, что манипулятивный потенциал медиатекста усиливается в условиях мультимодальности и алгоритмического распространения информации. Делается вывод о необходимости развития медиаграмотности как инструмента критического восприятия контента и формирования когнитивной устойчивости аудитории.

Ключевые слова: *дискурс, фрейминг, оценочная лексика, метафора, кликбейт, медиаграмотность, дезинформация, интернет-коммуникация, речевое воздействие, алгоритмизация, мультимодальность, когнитивные искажения.*

В условиях активной цифровизации общества медиакommunikация становится одним из ключевых инструментов воздействия на массовую аудиторию. Социальные сети, новостные порталы и видеохостинги формируют повестку дня и влияют на интерпретацию событий. Язык в этом процессе выступает не только средством передачи информации, но и инструментом воздействия на массовое сознание [3, 27]. Цифровая среда, характеризующаяся высокой скоростью распространения контента и снижением порога критического восприятия, создаёт благоприятные условия для применения манипулятивных стратегий. Трансформация традиционных медиа в интерактивные

платформы привела к тому, что пользователь из пассивного получателя информации превратился в активного участника коммуникации, что не снизило, а напротив, усложнило механизмы скрытого воздействия, встроив их в алгоритмы рекомендаций и форматы сетевого взаимодействия. В этой связи особую актуальность приобретает анализ собственно языковых инструментов такого влияния.

Специфика лингвистической манипуляции в отличие от иных форм воздействия кроется в асимметрии коммуникативного намерения. Отправитель сообщения намеренно конструирует высказывание таким образом, чтобы реципиент не смог зафиксировать момент внешнего вмешательства в собственный когнитивный процесс. Маскируясь под нейтральную констатацию фактов, подобные речевые тактики подталкивают аудиторию к «добровольному» принятию навязанных оценок, минуя стадию критического сопоставления версий. Ключевым отличием манипуляции от аргументации является стремление не к диалогу, а к навязыванию заранее заданной интерпретации, при которой у адресата создается иллюзия самостоятельности вывода [8, 112]. Понимать и определять эти механизмы важно в контексте роста социальных платформ и алгоритмического распространения контента.

Одним из базовых механизмов является фрейминг, то есть особая организация сообщения, задающая рамку интерпретации. Выбор тематических акцентов, оценочных эпитетов и метафор направляет читателя к заданному выводу, снижая вероятность альтернативного прочтения [9, 27]. Фрейминг в цифровой среде приобретает новые измерения: благодаря возможности персонализации контента один и тот же факт может преподноситься разным аудиториям в различных, порой взаимоисключающих, фреймах. Например, экономические реформы могут быть представлены как «вынужденная мера» для одной группы пользователей и как «историческая возможность» для другой, что усиливает социальную поляризацию, то есть усиление различий между разными группами общества, что может привести к их противостоянию. В критическом дискурс-анализе фрейминг рассматривается как способ репрезентации власти и доминирования в коммуникации [1, 112].

Большую роль так же играет оценочная лексика, которая усиливает эмоциональную реакцию и смещает фокус с фактической стороны сообщения на переживание адресата [3, 156]. Маркеры оценки в медиадискурсе дифференцируются по степени эксплицитности, то есть открытости. Имплиcitная, то есть скрытая, оценка реализуется посредством слов с устойчивой коннотацией. Сравним нейтральный глагол речи «отметил» с маркированными вариантами «бросил» или «возразил» – последние, помимо фиксации факта говорения, транслируют пренебрежительную или конфликтную тональность. Именно такие латентные вкрапления блокируют критическую рефлексию реципиента, подменяя верификацию данных эмоциональным соучастием. Скрытая оценка опаснее, потому что читатель часто не замечает, как на него влияют, и принимает чужое мнение за объективный факт. Эмоционально нагруженные слова активируют особенности восприятия и препятствуют рациональной проверке информации. В медиадискурсе это проявляется в тенденции к сенсационности и кликбейтным заголовкам, формирующим ожидание «значимости» сообщения еще до его прочтения [4, 535]. Кликбейтные заголовки строятся на гиперболизации и недосказанности. Они стимулируют интерес, но одновременно задают выгодную автору интерпретацию материала. Прагматический эффект кликбейта, то есть его реальный результат заставить читателя перейти по ссылке, основан на использовании интриги и когнитивного диссонанса, который побуждает пользователя совершить клик, чтобы разрешить противоречие между ожиданием и имеющейся информацией [2, 79].

Манипулятивный потенциал усиливается за счет метафоризации и семантической переориентации: привычные понятия получают ассоциативные сдвиги, которые легитимируют желаемые оценки и позиции, то есть придают им статус естественных, самоочевидных и нормативных в глазах аудитории, превращая искусственно сконструированные смыслы в нечто якобы не требующее дополнительного обоснования, укорененное в здравом смысле или коллективном опыте, и тем самым узаконивают их без явного логического доказательства, исключительно за счёт риторической и когнитивной перестройки восприятия [6, 78]. Метафора в цифровом медиадискурсе

выполняет не только эвристическую, но и суггестическую функцию, то есть помогает не только объяснять новое, но и внушает определённые идеи. Она формирует концептуальные модели восприятия действительности, закрепляя в сознании аудитории определенные аналогии. Например, миграция как «угроза». В политически и социально значимых темах подобные сдвиги закрепляются повторяемостью формул и шаблонов, что способствует их нормализации в публичном дискурсе. Процесс нормализации особенно опасен тем, что маргинальные и заведомо ложные концепты под влиянием частотности употребления начинают восприниматься как данность, не требующая критического осмысления.

Сила языкового воздействия в интернете возрастает благодаря мультимодальности. Когда слово подкреплено изображением, звуковым акцентом или видеорядом, оно воспринимается не аналитически, а эмоционально. В результате адресат усваивает информацию как целостный образ, не разделяя ее на составляющие и реже подвергая сомнению [5, 72]. Современный медиатекст представляет собой сложное семиотическое единство, где каждый элемент может нести манипулятивную нагрузку. Комбинация текста с изображениями и короткими видео усиливает эффект присутствия и достоверности, что затрудняет критическое дистанцирование пользователя. Визуальный ряд часто выполняет функцию «эмоционального якоря», закрепляя вербально заданную интерпретацию на подсознательном уровне. В результате формируется комплексное воздействие, где языковые приёмы выступают ядром манипуляции.

Дополнительным фактором является использование коммуникативных стратегий влияния, направленных на формирование доверия аудитории и стимулирование её к определённым действиям. Эффективная коммуникация способна усиливать влияние сообщения и формировать готовность адресата принимать предложенную интерпретацию событий. К числу таких стратегий относятся стратегии солидаризации, маркируемые инклюзивными местоимениями, например, «Мы» или «наши», и создающие фиктивное ощущение коллективного субъекта, а также стратегии упрощения, при которых сложные общественные явления сводятся к примитивной схеме «свой против чужих».

Алгоритмы цифровых платформ продвигают эмоционально насыщенный контент, усиливая использование экспрессивной лексики и конфликтных формулировок. Логика работы рекомендательных систем замыкает пользователя в своеобразном информационном коконе. Он видит только тот контент, который согласуется с его предыдущими действиями и взглядами. Возможность сопоставить разные версии событий исчезает, а значит, любое встроенное в этот поток сообщение воспринимается некритично и с большей долей доверия.

Имея всё вышесказанное, представляется обоснованным выделить три уровня лингвистической манипуляции в цифровых медиа. Первый уровень: лексико-стилистический, включающий оценочную лексику, эвфемизмы, дисфемизмы и кликбейтные конструкции. Второй уровень: когнитивно-дискурсивный, представленный фреймингом, метафорическим моделированием и семантической переориентацией. Третий уровень: мультимодальный и алгоритмический, где лингвистические механизмы интегрируются с визуальным контентом и алгоритмами распространения, образуя целостную систему управления восприятием. Данная классификация позволяет систематизировать существующие подходы к анализу манипуляции и может быть использована в рамках образовательных программ по медиаграмотности.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что цифровая языковая среда сформировала многоуровневый арсенал скрытого воздействия. Фрейминг, оценочная лексика, метафорические модели и кликбейт функционируют не разрозненно, а в качестве единого прагматичного комплекса, нацеленного на модификацию когнитивных и аффективных реакций массовой аудитории при формальном сохранении видимости объективной передачи данных [7, 62]. Развитие медиаграмотности и навыков критического чтения является необходимым условием противодействия скрытому воздействию и сохранения автономии интерпретации в цифровой коммуникации.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: ЛКИ, 2011.

2. Бацевич Ф.С. Основы коммуникативной лингвистики. – Киев: Академия, 2004.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2010.
4. Латыпова Э.Р., Гафарова А.М., Миниярова Г.Р. Коммуникация в лидерстве: создание доверия и стимулирование к действию // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5 (204). – С. 534-536.
5. Потапенко С.И. Медиадискурс как объект лингвистического анализа // Вопросы языкознания. – 2018. – № 4. – С. 67-79.
6. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2012.
7. Fairclough N. Language and Power. – London: Routledge, 2014.
8. Van Dijk T.A. Discourse and Power. – London: Palgrave Macmillan, 2008.
9. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. – London: Sage Publications, 2009.

© Филимонова В.М., 2026

V.M. Filimonova,

*1st-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

*Scientific Advisor: E.R. Latypova,
Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

LINGUISTIC MECHANISMS OF MANIPULATION IN DIGITAL MEDIA

This article examines linguistic methods of covert influence in the digital media space. It analyzes the main discursive strategies employed in online communication, including framing, evaluative vocabulary, metaphorization, clickbait headlines, and semantic reorientation. It demonstrates that the manipulative potential of media texts is enhanced by multimodality and algorithmic information dissemination. It

concludes that media literacy is essential as a tool for critical content perception and the development of audience cognitive resilience.

Keywords: *discourse, framing, evaluative vocabulary, metaphor, clickbait, media literacy, disinformation, internet communication, verbal influence, algorithmization, multimodality, cognitive biases.*

УДК 81'243

Хайруллина Д.Д.,

студентка 4 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Фёдорова А.Л.,

кандидат филологических наук, доцент,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РАЗГОВОРНОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются лингвистические и прагматические особенности обучения разговорному английскому языку детей младшего школьного возраста. Анализируются ключевые характеристики разговорной речи и роль прагматического подхода в формировании коммуникативной компетенции. Особое внимание уделяется методическим приёмам обучения, направленным на развитие навыков устного общения. В результате исследования выявлены наиболее эффективные способы организации речевой деятельности учащихся на начальном этапе обучения.

Ключевые слова: *прагматика, коммуникативная компетенция, младшие школьники, обучение английскому языку, диалогичность, ролевая игра.*

Современное преподавание иностранных языков ориентировано на развитие у обучающихся навыков устной речи на изучаемом языке [1, 15]. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью смещения акцента с усвоения

лексико-грамматического материала на формирование коммуникативной компетенции, обеспечивающей использование языка в реальных ситуациях общения [2, 23].

Новизна работы заключается в новаторском подходе к обучению разговорному английскому младших школьников, который объединяет глубокий анализ лингвистических и прагматических факторов и предлагает конкретные пути их внедрения в образовательную практику.

По мнению Г. Браун и Г. Юл, разговорная речь является основной формой повседневной коммуникации. Она характеризуется спонтанностью, ситуативной обусловленностью и интерактивностью [3, 21]. Как отмечает Г. Байгейт, в процессе устного общения говорящий осуществляет оперативный отбор языковых средств [4, 12]. Для разговорной речи характерны высокая частотность лексики, использование устойчивых выражений и клише, а также упрощённая синтаксическая организация [3, 21].

Как отмечают Г. Браун и Г. Юл, ключевой характеристикой устной речи является её диалогичность, при которой значение высказывания формируется не только на уровне отдельных фраз, но и в контексте всего коммуникативного процесса [3, 25]. Существенную роль играют интонационные и просодические элементы, позволяющие передавать эмоциональное состояние говорящего и конкретизировать его коммуникативные цели. Помимо этого, для устной речи типично применение пауз, повторений и самоисправлений, которые обеспечивают непрерывность речевого контакта и способствуют упорядочиванию взаимодействия между участниками беседы [4, 18].

Согласно концепции Г. Лич, в обучении разговорному английскому языку особое значение приобретает прагматический подход. Он рассматривает язык как инструмент для взаимодействия, учитывая намерения говорящего, контекст беседы и общепринятые нормы [6, 15]. Как подчёркивает исследователь, владение грамматикой и лексикой не гарантирует успешной коммуникации без умения адекватно использовать языковые средства в конкретной коммуникативной ситуации [6, 18].

По мнению Г. Лич, прагматическая компетенция охватывает не только лингвистический арсенал, но и способность адекватно применять его в конкретных коммуникативных сценариях. Это подразумевает учёт социокультурных факторов, таких как социальные роли участников и конвенции речевого этикета [6, 22]. В контексте преподавания иностранных языков, данная компетенция требует развития у обучающихся навыков выбора релевантных коммуникативных стратегий в соответствии с поставленными задачами, а также умения интерпретировать реплики собеседника с учётом прагматического контекста [5, 54].

Классические исследования составляют основу теоретической базы, но остаются актуальными, так как заложили фундамент коммуникативного и прагматического подходов. Современные работы развивают эти идеи, в частности, применительно к интерактивным технологиям обучения и индивидуализации образования.

Как подчёркивает Л. Кэмерон, младший школьный возраст является благоприятным этапом для формирования прагматических навыков, поскольку дети активно осваивают модели социального взаимодействия и ориентированы на общение [5, 31]. Чтобы обучение было эффективным, необходимо создавать для учеников ситуации, максимально приближенные к реальным условиям общения. Обучение младших школьников имеет свои особенности, потому что они в основном мыслят образами, хорошо копируют других и любят играть. К тому же, они очень эмоционально включаются в общение, поэтому игры и общение помогают им учиться лучше.

Анализ учебных материалов показывает, что ключевую роль в развитии разговорных навыков играют методики, ориентированные на общение [5, 54]. Одним из наиболее эффективных средств являются короткие диалоги, моделирующие типичные коммуникативные ситуации. Например, диалоги, посвященные приветствию, знакомству или выражению своих предпочтений, помогают сформировать базовые речевые навыки и закрепить языковые конструкции.

Помимо освоения стандартных диалогических структур, существенное значение для формирования коммуникативной компетенции имеет применение упражнений, направленных на вариативность и трансформацию речевых моделей [2, 45]. Это позволяет обучающимся адаптировать свои высказывания к разнообразным коммуникативным условиям. В качестве примера можно привести модификацию реплик диалога в зависимости от специфики ситуации общения или статуса участников, что способствует развитию речевой гибкости и формированию навыка контекстуальной адаптации.

Дополнительно, для стимуляции спонтанной речевой деятельности, активно используются игровые задания. К ним относятся коммуникативные игры, предполагающие информационный обмен, выполнение коллективных заданий в парах или группах, а также разрешение проблемных ситуаций [2, 52]. Подобные методики интенсифицируют речевую активность обучающихся и способствуют формированию навыков естественного межличностного общения.

Как отмечает Л. Кэмерон, существенную роль играет использование ролевых игр. Они позволяют моделировать реальные ситуации общения и способствуют развитию беглости речи [5, 67]. Игровая форма снижает волнение у учеников и побуждает их активно участвовать в диалогах.

Не менее важны наглядные и невербальные средства общения: жесты, мимика, визуальные материалы. Они помогают лучше понимать друг друга и облегчают усвоение языкового материала, особенно на начальных этапах обучения [5, 52].

Согласно Г. Лич, для развития прагматической компетенции необходимо обучать речевым функциям: умению задавать вопросы, просить, соглашаться или возражать, а также адекватно отвечать на реплики собеседника. Данные навыки наиболее эффективно формируются в рамках целостных коммуникативных ситуаций, что обеспечивает практико-ориентированный характер обучения [6, 28]. Анализ показал, что для повышения эффективности обучения английскому языку в начальной школе целесообразно:

1. систематически применять диалоговые упражнения;
2. моделировать коммуникативные ситуации с помощью ролевых игр;

3. активно использовать наглядные и невербальные средства.

Эти методы могут быть внедрены при разработке учебных материалов и организации занятий.

Таким образом, проведённый анализ продемонстрировал превосходство коммуникативно-ориентированных подходов в обучении. Методы, включающие диалоги, ролевые игры и применение наглядных средств, оказались наиболее эффективными для формирования устойчивых навыков устной речи и развития прагматической компетенции. Успешность обучения разговорному английскому языку у детей младшего школьного возраста обусловлена комплексным учётом лингвистических и прагматических особенностей, а также организацией учебного процесса, направленного на активное речевое взаимодействие.

Литература

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранных языков. – М., 2017.
2. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 2010. – 239 с.
3. Brown G., Yule G. Teaching the Spoken Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 162 p.
4. Bygate M. Speaking. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 121 p.
5. Cameron L. Teaching Languages to Young Learners. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 258 p.
6. Leech G. Principles of Pragmatics. – London; New York: Longman, 1983. – 250 p.

© Хайруллина Д.Д., 2026

D.D. Khairullina,
*4th-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: A.L. Fedorova,
*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

THE PRAGMATIC AND LINGUISTIC FEATURES OF TEACHING SPOKEN ENGLISH TO PRIMARY SCHOOL CHILDREN

The article examines the linguistic and pragmatic features of teaching spoken English to children of primary school age. The key characteristics of spoken language and the role of a pragmatic approach in the formation of communicative competence are analyzed. Special attention is paid to teaching methods aimed at developing oral communication skills. As a result of the research, the most effective ways of organizing students' speech activity at the initial stage of learning have been identified.

Keywords: *spoken language, pragmatics, communicative competence, primary school children, English language teaching, dialogue, role play.*

УДК 81'374

Хакимова Г.Ф.,
*кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Россия*
Маханова Ж.С.,
*магистрант 3 г/о ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Актобе, Республика Казахстан*

WORDNET КАК ИНСТРУМЕНТ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена анализу лингвистической базы данных WordNet и ее роли в современной компьютерной лексикографии. WordNet представлена как основа для создания национальных

лексических платформ, успешно реализуемой в разных странах. Рассматривается структура WordNet, ключевым элементом которой является группировка слов в синонимические ряды (синсеты), объединенные семантическими отношениями (гиперонимия, гипонимия, меронимия и др.). В статье анализируются примеры практической работы с данной базой, которые демонстрируют преимущества автоматического извлечения лексической информации перед традиционными способами создания лексикографических систем.

Ключевые слова: WordNet, онлайн-словари, синсеты, национальные корпуса языков, компьютерная лексикография.

Для современного этапа развития лингвистики и лексикографии в частности характерна интенсивная интеграция гуманитарного знания с цифровыми технологиями. В результате появились новые инструменты для анализа и моделирования языковой системы, среди которых выделяются электронные лексикографические ресурсы, позволяющие визуализировать семантические связи между словами.

WordNet – это лексическая база данных онлайн, разработанная в конце 20 века и ставшая «наиболее широко используемым языковым ресурсом в области обработки естественного языка» [7]. WordNet представляет собой словарь-тезаурус, построенный по принципу семантической сети, в котором лексика организована в соответствии с психолингвистическими моделями человеческой памяти. На данном этапе словарь охватывает общеупотребительную лексику современного английского языка и включает более 120 тысяч лексических единиц и состоит из четырех сетей для основных знаменательных частей речи: существительных, глаголов, прилагательных и наречий. WordNet стал основой для создания национальных вариантов онлайн-словарей: немецкого, французского, итальянского, испанского, датского и других языков. Появился электронный словарь BalkaNet, объединяющий греческий, болгарский, турецкий, чешский, французский, румынский и сербский языки. Все национальные словари, созданные на основе WordNet, связаны с проектом EuroWordNet и имеют общий межъязыковой индекс Inter-lingual-Index.ILI.

Существует несколько платформ и проектов, создаваемых или расширяемых для работы с русским языком на базе WordNet. Эти проекты направлены на создание лексических ресурсов, аналогичных англоязычному WordNet, для поддержки различных задач обработки естественного языка на русском языке.

Один из наиболее известных и активно развиваемых проектов – RuWordNet[1]. Он строится по принципам оригинального WordNet, организуя слова русского языка в синонимические множества (синсеты), связанные семантическими отношениями (гиперонимия, гипонимия, меронимия, тропонимия и т.д.). Данный ресурс используют для работы с семантикой слов, для выполнения машинного перевода, для классификации текстов и для других поисковых задач.

Проект на базе OpenMultilingual WordNet (OMW) стремится объединить различные WordNets на разных языках, включая русский. Он способствует созданию единой платформы, где русские слова и их значения могут быть связаны с эквивалентами в других языках.

Разрабатываются и специализированные инструменты, которые помогают лингвистам и разработчикам в создании, редактировании и автоматическом расширении ресурсов для русского языка, подобных WordNet. Среди задач, решаемых данными платформами – разметка синсетов (определение синонимических групп), установление лексико-семантических отношений, интеграция с платформами других языков, созданных на основе WordNet, для решения кросс-языковых задач.

В отличие от более разработанных платформ, где смыслы выражаются для английского и русского языков, казахский WordNet находится на стадии становления. Однако есть несколько перспективных проектов, связанных с созданием WordNet для казахского языка, представляющих интерес. KazakhWordNet – основной проект, создающий казахский WordNet по принципам оригинальной платформы [4]. Данный проект занимается сбором лексики, определением синсетов и установлением семантических отношений между ними. Акцент делается на создании структурированной базы знаний, которая может быть использована для различных приложений, таких как машинный перевод, анализ текстов, извлечение информации и многое другое. Казахские

разработчики стремятся интегрировать казахский язык в мультикультурные WordNet ресурсы, что способствует межкультурным исследованиям и созданию новых разработок [3].

Основная сложность – отсутствие полного общедоступного корпуса. Казахский язык относится к агглютинативным языкам, грамматика которых сильно отличается от аналитического английского языка.

Оригинальный проект WordNet – это лексическая база данных английского языка, построенная по принципу семантической сети. Она не является словарем или тезаурусом в традиционном понимании, а представляет собой структурированный набор лексических единиц и отношений между ними [6].

Основные лексические блоки WordNet – это синсеты. Синсет – это набор синонимов (слов или словосочетаний), которые имеют одно и то же значение в определенном контексте. Каждый синсет представляет собой определенное понятие, например: *car*, *auto*, *automobile*, *machine*, *motor* – транспортное средство.

Синсеты связаны между собой различными семантическими отношениями, что позволяет моделировать смысловые связи между ними. Представлены следующие типы отношений:

1) гипонимия/ гиперонимия (отношение «вид-род»). Гипоним – более специфичное понятие, гипероним – более общее.

dog (гипоним) → *canine* (гипероним)

canine (гипоним) → *animal* (гипероним)

2) меронимия/холонимия (отношение «часть-целое»).

Мероним – часть, холоним – целое.

wheel (мероним) → *car* (холоним)

engine (мероним) → *car* (холоним)

3) антонимия (отношение противоположности значений)

good (антоним) ↔ *bad*

4) причина (отношение между глаголами, где одно действие вызывает другое).

kill (причина) → *die*

5) назначение (отношение между глаголами, где выполнение одного действия подразумевает другое).

snore (влечет за собой) → *sleep*

6) признак (связь существительного с прилагательным, описывающим его характеристику).

weight (связано с) → *heavy*

7) происхождение (связь существительного с прилагательным, описывающим его происхождение).

France (связано с) → *French*

WordNet организован по частям речи: существительные, глаголы, прилагательные, наречия. Отношения между словами существуют только в пределах одной части речи или между разными частями речи.

Платформа имеет иерархическую структуру: лексика представлена в виде иерархий от широких понятий к узким.

WordNet хранится в виде набора файлов, каждый из которых содержит информацию о синсетах для определенной части речи или группы связанных понятий. В файлах содержится список слов (лемм) в синсете, назначение семантических отношений, краткое определение для синсета, примеры предложений, иллюстрирующие использование слов в данном значении. Каждое значение полисемантического слова представлено отдельным синсетом [2].

Разберем работу WordNet на примере многозначного существительного «ключ». В английском WordNet ему соответствует несколько разных синсетов (понятий).

1. Словоформа «ключ» связана с тремя основными синсетами:

Синсет1: Инструмент для замка (англ. key)

Значение: металлическое изделие для открывания/закрывания замка.

Синсет2: Источник, родник (англ. spring)

Значение: место, где вода выходит на поверхность из-под земли.

Синсет3: Скрипичный ключ (англ. clef)

Значение: нотный знак, определяющий высоту звуков.

2. Внутренняя структура. Внутри сети каждый синсет – это узел со связями. Разберем синсет для слова «ключ» с понятием «инструмент»:

Гипероним (*Род* → *Вид*)

Прямой: приспособление, устройство.

Более общий: артефакт (рукотворный объект).
Самый общий: физический объект→ объект→ сущность
Гипонимы (*Вид → Род*) – конкретные типы ключей:
гаечный ключ;
отмычка (разновидность);
ключ-карта (в отелях).
Меронимы (*Часть→ Целое*) – из чего состоит ключ:
бородка ключа;
головка ключа.
Холонимы (*Целое→ Часть*) – частью чего является ключ:
связка ключей;
замочная скважина (ключ входит в нее).

3. Работа программы для решения конкретной задачи.

Программа, получив слово «ключ», обращается к WordNet и видит не просто строку, а структуру:

*«Он повернул **ключ** в замке и вошел в дом».*

Программа видит слова «повернул» и «замок», определяет синсет *key.n.01 (инструмент)* как подходящий по контексту, а не *spring.n.01 (источник)*.

Таким образом, для компьютера «ключ» - это не одно слово, а набор разных синсетов (понятий) со связями: «ключ→ вид устройства→ артефакт» или «ключ→ часть связки ключей».

Для глаголов пример работы WordNet выглядит следующим образом:

Глагол *to run (бежать)*:

Синсет (один из возможных):

run (бежать);

move faster than walking (двигаться быстрее, чем идти).

Гиперонимы (более общие):

move (двигаться)

travel (путешествовать)

go (идти, ехать)

Гипонимы (более конкретные):

jog (бегать трусцой)

sprint (бегать на короткие дистанции)

dash (мчаться)

race (гонять)

Пример отношений:

Причина: run → sweat (бег вызывает потение)

Временная последовательность: run → stop

В ходе работы программа покажет, что *run* в одном из смыслов – «двигаться быстро, на ногах», а его гипероним – *move*.

Таким образом, WordNet позволяет связывать глаголы по смыслу, а не просто по ключевым словам.

В WordNet прилагательные организованы в синсеты и связаны в основном через антонимию и описывающее свойство. В отличие от глаголов и существительных, у них почти нет иерархии **гипероним/ гипоним**.

Прилагательное *fast* (*быстрый*):

Синсет (один из):

fast, rapid, speedy – действующий или движущийся с высокой скоростью.

Антонимы (главная связь):

slow (*медленный*)

Атрибуты (к какому существительному и свойству относится):

speed (*скорость*)

Похожие прилагательные (близкие по смыслу, но не синонимы):

accelerated (*ускоренный*)

brisk (*проворный*)

quick (*быстрый, скорый*)

В результате проведенной работы программа выдает следующие результаты:

1) антоним к *fast* → *slow*;

2) атрибут → *speed* (т.к. *fast* описывает свойство скорости).

Для прилагательных основная структура строится вокруг антонимии. У каждого прилагательного есть «прямой» антоним (*wet* – *dry*). К каждому из полюсов прикрепляются «семантически близкие» слова: к *dry* относятся *arid, parched*.

WordNet стал больше, чем просто словарем. Он изменил представление о том, как может и должен выглядеть электронный

лексикон. Он изменил представление о том, как может быть организована лексикографическая информация, предложив альтернативу алфавитному принципу. Иерархическая организация синсетов отражает когнитивный принцип категоризации и обеспечивает структуру от общих понятий к частным[5].

Семантика WordNet ориентирована на связи между значениями, а не на компонентный анализ, открыв, таким образом, путь к созданию «умных» словарей. Это семантическая модель языка, которая является незаменимым инструментом лингвистов и разработчиков в области искусственного интеллекта.

Его модульная структура и возможность расширения позволяет адаптировать систему для различных языков и прикладных задач, включая информационный поиск, семантический анализ текстов и автоматический перевод.

Оригинальная английская версия WordNet стала основой аналогичных проектов для других языков мира. Разработанный механизм Interlingual Index (ILI) позволяет создавать многоязычные электронные словари нового типа.

Литература

1. Лукашевич Н.В. Лингвистическая онтология RuWordNet: принципы построения и основные характеристики / Н.В. Лукашевич, Б.В. Добров, А.А. Чеповский.// Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2015. – №14(21). – С.328-342.
2. Кузина Е.А. Использование онтологии WordNet для разрешения лексической многозначности в русском языке / Е.А.Кузина. // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2013. – №4 (141). – С.102-108.
3. Mamybayev O. Development of Kazakh WordNet (KazakhWordNet) / O. Mamybayev, B. Utegulov, A. Kudaibergenov // Proceedings of the 8th Global WordNet Conference (GWC 2016). – Bucharest, 2016. – P. 112-115.
4. KazakhWordNet: официальный сайт проекта [Электронный ресурс] разраб. Ин-т информационных и вычислительных

технологий. – Алматы, 2015-2026. – Режим доступа: <http://kazakhwordnet.kz> (дата обращения: 06.04.2026).

5. Miller G.A. WordNet: a lexical database for English / G.A. Miller // Communications of the ACM. – 1995. – Vol. 38, No. 11. – P.39-41.

6. Fellbaum C. WordNet: an electronic lexical database / edited by C. Fellbaum. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998. – 423p. – ISBN 978-0-262-06187-1.

7. WordNet: a lexical database for English [Electronic resource] / Princeton University. Princeton, 1995-2025. Mode of access: <https://wordnet.princeton.edu> (date of access: 06.04.2026).

© Хакимова Г.Ф., Маханова Ж.С., 2026

G.F. Khakimova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Zh.S. Makhanova,

*3rd-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social
Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

WORDNET AS A COMPUTER LEXICOGRAPHY TOOL

This article analyzes the WordNet linguistic database and its role in modern computer lexicography. WordNet is presented as a basis for creating national lexical platforms, successfully implemented in various countries. The structure of WordNet is examined, the key element of which is the grouping of words into synonymous sets (synsets) linked by semantic relationships (hypernymy, hyponymy, meronymy, etc.). The article analyzes practical examples of working with this database, demonstrating the advantages of automatic lexical information extraction over traditional methods of creating lexicographic systems.

Keywords: WordNet, online dictionaries, synsets, national language corpora, computer lexicography.

Хакимова Е.М.,

студентка 1 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мухтаруллина А.Р.,

доктор филологических наук, профессор,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ДИСКУРС-АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОП- И R&B-ЛИРИКИ: СЛЕНГ, АЛЛЮЗИИ И ПОЭТИКА ОБРАЗА THE WEEKND

Настоящая статья посвящена углубленному анализу англоязычного песенного дискурса на примере текстов популярного канадского исполнителя The Weeknd (Эйбел Тесфайе). В работе рассмотрены ключевые лингвостилистические и социолингвистические особенности современной поп- и R&B-лирики, формирующие уникальную поэтику образа артиста. Проанализирована роль аллюзий как инструмента смыслового усложнения текста и трансляции культурного бэкграунда. Установлено, что тексты исполнителя представляют собой сложную семиотическую систему, где вербальные компоненты неразрывно связаны с экстралингвистическими и визуальными факторами. В результате исследования доказано, что сленг и аллюзивный аппарат служат не только средством выразительности, но и базовыми элементами создания мрачного, романтизированного образа «антигероя» в современной музыкальной индустрии.

Ключевые слова: *поп-лирика, R&B, The Weeknd, дискурс-анализ, словообразование, сленг, аллюзия, поэтика образа*

Современная музыкальная индустрия оказывает колоссальное влияние на формирование социокультурных ценностей, мировоззрения и языковых привычек молодого поколения. Песенно-поэтический текст, представляющий собой синтез мелодического и вербального компонентов (креолизированный текст), сегодня рассматривается лингвистами как сложный коммуникативный феномен, обладающий собственной

прагматикой, структурной спецификой и мощным экспрессивным потенциалом. В фокусе внимания современной филологии всё чаще оказывается англоязычный песенный дискурс, который, будучи наиболее массовым и глобализованным, выступает своеобразным зеркалом языковой эволюции. Особый научный интерес в этом контексте представляет творчество канадского певца, автора песен и продюсера Эйбела Тесфайе, известного под псевдонимом The Weeknd. Его произведения, сочетающие в себе элементы альтернативного R&B, синти-попа и хип-хопа, отличаются глубоким психологизмом, мрачной эстетикой и обилием стилистически маркированной лексики. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления языковых механизмов и визуальных средств, с помощью которых конструируется поэтика образа современного поп-исполнителя. Цель настоящей статьи заключается в дискурс-анализе уникального лирического нарратива The Weeknd и в выявлении роли сленга, аллюзий и стилистических приемов в создании поэтики образа данного артиста.

Как известно, песенный текст как объект лингвистического исследования представляет собой информационное единство, целостное завершённое речевое произведение, погружённое в определённый социальный и культурный контекст. Как справедливо отмечают Е. В. Бакланова и И. Ю. Колесов, песенная поэзия выступает как особый вид дискурса, отражающий прагматические, социокультурные и психологические особенности автора [2, 33]. Структура такого текста, включающая куплеты (*verse*), предприпевы (*pre-chorus*) и припевы (*chorus*), тесно связана с музыкальной формой, что детерминирует использование специфических фонетических, лексических и синтаксических средств. Тексты жанров R&B и поп-музыки, к которым относится творчество The Weeknd, характеризуются высокой степенью эмоциональности, лаконичностью выражений и ориентацией на диалог со слушателем. В этом диалоге важнейшую роль играет нестандартная лексика, в первую очередь – сленг.

Сленг в современном английском языке функционирует как динамичная, экспрессивно окрашенная лексическая подсистема, отражающая реалии повседневной жизни, ценности и социальную идентичность говорящих. Опираясь на исследования зарубежных

лингвистов, М. Ментари и соавторы провели контент-анализ альбома The Weeknd “The Highlights (Deluxe)”, выявив в 27 композициях 150 сленговых единиц [6, 156]. Анализ словообразовательных моделей, согласно теории Дж. Юла, показывает, что в лирике исполнителя доминируют такие типы, как усечение (clipping), телескопия (blending) и неологизация (coinage). Так, использование форм 'boutta (about to), tryna (trying to) и 'em (them) является не просто отражением афроамериканского варианта английского языка (AAVE), но и осознанным стилистическим приемом, направленным на ускорение ритма и создание эффекта непринужденной, доверительной беседы (интимизации).

С точки зрения семантики, сленг в текстах The Weeknd тесно связан с тематикой его произведений: роскошная жизнь, пагубные зависимости, токсичные романтические отношения и внутреннее опустошение. Т.В. Аникина в своей классификации американского сленга на материале песенных текстов выделяет тематические группы, обозначающие состояние человека, наименование денежных единиц, предметов роскоши и запрещенных веществ [1, 3]. Эти категории идеально накладываются на лексикон The Weeknd. Социолингвистический подход, предложенный в трудах по изучению хип-хоп лирики, позволяет классифицировать сленг по выполняемым функциям: формирование неформальности, идентификация с группой и выражение оппозиции авторитетам [7, 9096]. На основе синтеза существующих классификаций нами была сформирована таблица, демонстрирующая типологию и семантику сленга в текстах исполнителя (табл. 1).

Таблица 1. Типология и семантика сленговых единиц в лирике The Weeknd

Тип сленга	Семантическая группа (концепт)	Примеры и контекстуальное значение
Усечение / Слияние	Интимизация дискурса,	'boutta, tryna, 'til – создание эффекта разговорной

Тип сленга	Семантическая группа (концепт)	Примеры и контекстуальное значение
<i>(Clipping / Blending)</i>	ускорение ритма	уличной речи, сокращение дистанции со слушателем.
Свежий и креативный <i>(Fresh and Creative)</i>	Предметы роскоши, атрибуты статуса	Whip (машина), drip (стиль), stacks (пачки денег) – акцент на материальном успехе и превосходстве.
Имитативный <i>(Imitative)</i>	Измененные состояния сознания	Lit, wasted, high – описание состояний эйфории или опьянения, центральных для фабулы многих песен.
Дерзкий / Грубый <i>(Flippant)</i>	Идентификация, агрессия, гендерные маркеры	Nigga, bitch, shawty – маркеры субкультурной принадлежности, передача доминирования и накала эмоций.

Как видно из таблицы, сленг выполняет важнейшую социолингвистическую функцию: он служит маркером культурной идентичности и создает специфическую атмосферу. Однако поэтика образа The Weeknd строится не только на разговорной лексике, но и на глубоком психологизме, который передается через спектр человеческих эмоций. О.А. Трemasкина отмечает, что в англоязычном песенном дискурсе выделяются концепты позитивных и негативных личностных переживаний [4, 2]. Если

для мейнстримной поп-музыки часто характерны эмоции радости (gladness) и счастья (happiness), то лирика The Weeknd тяготеет к темной триаде: sorrow (печаль), loneliness (одиночество), despair (отчаяние). Лексемы, описывающие физиологические состояния страсти (passion) и влечения (attraction), в его текстах неразрывно переплетаются с мотивами утраты и саморазрушения. Это подтверждается и масштабным анализом данных: корпусное исследование дискографии артиста, представленное в наборе данных Kaggle, демонстрирует аномально высокую частотность лексем, связанных с ночным временем суток (night, dark), городом (city, LA) и экзистенциальной болью (pain, die, tears) [8].

Для усиления эмоционального воздействия и концептуальной глубины текстов исполнитель активно прибегает к использованию аллюзий. Согласно И.Р. Гальперину и Л.Х. Шаяхметовой, аллюзия – это стилистическая фигура, содержащая косвенную ссылку на исторический, литературный, мифологический или библейский факт, закрепленный в текстовой культуре [5, 180]. В текстах The Weeknd аллюзивный аппарат выполняет функцию смысловой компрессии и создания многоуровневого подтекста. Наиболее часто встречаются религиозные и культурно-географические аллюзии. Например, Голливуд и Лос-Анджелес в его песнях аллюзивно приравниваются к Чистилищу или современному Вавилону, месту, где герои теряют свою душу ради славы (композиции *Escape From LA, Faith*). Библейские мотивы грехопадения, искушения демонами и ложных идолов (*False Alarm, Starboy*) используются не в строгом религиозном смысле, а как метафоры разрушительной силы популярности и токсичной любви. Контент-анализ символики в рок- и поп-поэзии, методология которого подробно описана И.А. Авдеенко [11, 11], применим и здесь: концепты «Путь» (карьера, духовный поиск) и «Дорога» (ночные поездки на автомобиле как попытка бегства от реальности) становятся сквозными символами всей дискографии Тесфайе, символизируя одиночество героя в бесконечном неоновом лабиринте [10, 168; 12, 517].

Стилистическая окраска лирики The Weeknd дополняется богатым арсеналом фонетических и лексико-синтаксических средств. З.Р. Зиганшина и Ю.А. Кошеварова подчеркивают значимость метафор, эпитетов и риторических вопросов в

современных песнях с романтическим компонентом [3, 1237]. В творчестве канадского исполнителя метафора часто служит инструментом овеществления (физикализации) душевной боли. Любовь сравнивается со смертельным искушением, болезнью или наркотиком (*"I can't feel my face when I'm with you"*). Риторические вопросы в его текстах отражают внутренний конфликт лирического героя, его неуверенность и рефлексию (*"Why do you make me plead?"*, *"How do I make you love me?"*). Эпитеты зачастую несут амбивалентную оценочную нагрузку, сочетая в себе притягательность и опасность [14, 46].

Рассматривая лингвистические особенности текстов The Weeknd, невозможно игнорировать экстралингвистические факторы, а именно визуальную семиотику его альбомов. Современный музыкальный альбом – это мультимодальный проект. Исследователи дизайна дискографии артиста отмечают, что его визуальный язык (красно-черная цветовая гамма, неоновое освещение, ретро-футуризм, образы травмированного лица) полностью синхронизирован с вербальным компонентом [9]. Визуальная агрессия и эстетика 1980-х годов детерминируют определенные ожидания слушателя, которые затем подтверждаются на уровне лексики и синтаксиса: отрывистыми, пульсирующими фразами, жестким сленгом и мрачными аллюзиями. Таким образом, текст песни не существует изолированно, он является частью глобального нарратива, выстраивающего целостную поэтику образа артиста-гедониста, страдающего от собственных пороков [13, 139].

Подводя итог проведенному дискурс-анализу, можно утверждать, что тексты The Weeknd представляют собой высокоорганизованную, многоуровневую семиотическую систему, блестяще иллюстрирующую тенденции развития современного англоязычного поп- и R&B-дискурса. Словообразовательные и лексико-семантические особенности применяемого артистом сленга (усечения, слияния, неологизмы) выполняют функции не только экономии языковых средств, но и интимизации, создания эффекта принадлежности к определенной субкультуре. Аллюзивный аппарат, базирующийся на библейских и поп-культурных отсылках, переводит тексты из разряда сугубо развлекательных в категорию произведений с философским, экзистенциальным подтекстом. Синтез стилистических тропов (метафор, риторических вопросов), маркирующих эмоции

отчаяния и одиночества, с жесткой уличной лексикой формирует узнаваемую поэтику образа лирического героя The Weeknd – уязвимого, рефлексирующего, но запертого в рамках собственных пороков и славы. Визуальный язык на прагматическом уровне предопределяет ожидания слушателя и поддерживает мрачную эстетику романтизированного образа «антигероя» в современной музыкальной индустрии. Таким образом, дискурс-анализ вербальных компонентов, экстралингвистических и визуальных факторов в совокупности позволяет наиболее полно раскрыть механизмы смыслообразования в современной музыкальной лирике.

Литература

1. Аникина Т.В. Семантическая классификация американского сленга (на материале песенных текстов) // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2023. – № 9 (45). – С. 1-8.
2. Бакланова Е.В., Колесов И.Ю. Актуализация признаков песенно-поэтического текста в текстах жанров «рок» и «поп» // *Филология и человек*. – 2021. – № 1. – С. 32-48.
3. Зиганшина З.Р., Кошеварова Ю.А. Стилистическая окраска современных англоязычных песен с романтическим компонентом // *Вестник науки*. – 2024. – Т. 2. № 6 (75). – С. 1233-1241.
4. Трemasкина О.А. Тексты поп-жанра современного молодежного англоязычного песенного дискурса и их тематическое своеобразие // *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. – 2018. – С. 1-6.
5. Шаяхметова Л.Х., Шаяхметова (Габитова) Л.Х. Аллюзии в текстах современных англоязычных песен (на материале текстов песен Pink) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2016. – № 4-2 (58). – С. 180-182.
6. Mentari M., Asyrafunnisa A., Abeng A.T. The Meaning of American Slang Lyrics on The Weeknd's Album *The Highlights (Deluxe)* // *Humaniora: Journal of Linguistics, Literature & Education*. – 2024. – Vol. 4. No. 2. – P. 150-169.
7. Musa A.M., Muziatun M., Saud J. Slang Variations in Dax's Song Lyrics: A Sociolinguistic Analysis // *IDEAS: Journal of Language Teaching and Learning, Linguistics and Literature*. – 2025. – Vol. 13. No. 2. – P. 9093-9104.

8. Paul Baek. The Weeknd Discography Dataset // Kaggle. URL: <https://www.kaggle.com/datasets/paulbaek/theweeknddiscography> (дата обращения: 25.03.2026).
9. The Weeknd Visual Discography Design // Deziiign. URL: <https://pro.deziiign.com/project/f0e87a5312f546e686c5d571a1385893> (дата обращения: 25.03.2026).
10. Mendrofa K.F., Pasaribu A.N., Sembiring R.A. Exploring Slang Language in Different Songs Between Pop and Country Genres // Journal of Applied Linguistics (JoAL). – 2025. – Vol. 4. No. 2. – P. 167-176.
11. Авдеенко И.А. Контент-анализ текстов рок-поэзии при описании семантики символов ПУТЬ и ДОРОГА // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 9-25.
12. Choiroh L. A., Sujatna M.L. An Analysis of Word Formation of English Slang Used in Polo G's Song Lyrics // Linguistic, English Education and Art (LEEA) Journal. – 2024. – Vol. 7. No. 2. – P. 511-522.
13. Chueachat A. et al. An Analysis of Slang Words Used in Song Lyrics on TikTok Billboard Chart // Princess of Naradhiwas University Journal of Humanities and Social Sciences. – 2025. – Vol. 12. No. 2. – P. 134-147.
14. Зинина Ю.М. Контент-анализ текстов современной британской поп-музыки (на материале текстов песен популярного британского певца Эда Ширана) // Litera. – 2022. – № 1. – С. 37-54.

© Хакимова Е.М., Мухтаруллина А.Р., 2026

Е.М. Khakimova,

*1st-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

A. R. Mukhtarullina,

*Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

DISCOURSE ANALYSIS OF CONTEMPORARY POP- AND R&B LYRIC TEXTS: SLANG, ALLUSIONS, AND THE POETICS OF THE WEEKND'S IMAGE

The given article is devoted to an in-depth analysis of English-language song discourse based on the lyrics of the popular Canadian

artist The Weeknd (Abel Tesfaye). The study examines the key linguostylistic and sociolinguistic features of contemporary pop and R&B lyrics that shape the unique poetics of the artist's persona. The role of allusions as a tool for semantic enrichment of the text and the transmission of cultural background is analyzed. It is established that the artist's lyrics represent a complex semiotic system in which verbal components are inextricably linked with extralinguistic and visual factors. The research proves that slang and the allusive apparatus serve not only as a means of expressiveness but also as fundamental elements in creating the dark, romanticized image of the "anti-hero" in the modern music industry.

Keywords: pop lyrics, R&B, The Weeknd, discourse analysis, word formation, slang, allusion, poetics of image

УДК 81-119

Хисамутдинова И.И.,

студентка 1 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Мухтаруллина А.Р.,

доктор филологических наук, профессор,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ МОДЕЛЕЙ

В статье рассматривается феномен «культуры отмены» как глобальный дискурсивный механизм социальной и экономической регуляции, реализующийся по-разному в западных и восточных обществах. Целью исследования является выявление лингвистических и структурных особенностей текстов «отмены» в англоязычных СМИ. Материалом послужили публикации западных изданий (The New York Times, The Guardian) и восточных англоязычных СМИ (Korea JoongAng Daily, South China Morning Post, India Today), освещающих кейсы Канье Уэста и южнокорейского актера Ким Су Хёна. С применением методов дискурс-анализа, контекстуально-стилистического анализа и

элементов сопоставительного анализа языков выявлены принципиальные различия в триггерах, лексике и прагматике отмены. Западная модель характеризуется экономической и контрактной риторикой, тогда как восточная демонстрирует высокую степень токсичности, опираясь на концепты моральной чистоты и коллективного стыда. В работе вводится понятие «перформативной отмены» и рассматривается роль лингвистической экспертизы как инструмента защиты в восточных судебных процессах.

Ключевые слова: культура отмены, дискурс-анализ, медиалингвистика, нетизены, лингвокультурология, Ким Су Хён, Канье Уэст.

Феномен «культуры отмены» (cancel culture), изначально возникший в англоязычном сегменте социальных сетей как инструмент низовой демократической критики, к середине 2020-х годов трансформировался в мощный механизм социального, экономического и морального регулирования, охватывающий как западные демократии, так и страны Восточной Азии. Исследователи определяют *cancel culture* как форму перформативного речевого акта, структурно включающего три обязательных компонента: публичное осуждение определённого действия или высказывания, призыв к массовому бойкоту и реальное наступление экономических или репутационных санкций. Однако, как показывают последние компаративные исследования, языковая и культурная реализация этого акта существенно варьируется в зависимости от аксиологических доминант общества.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, глобализацией самого явления и его выходом за пределы сугубо американского культурного контекста. Во-вторых, явной лакуной в научном освещении восточной специфики отмены. Если в западной научной традиции акцент смещён в сторону правовых аспектов свободы слова и корпоративной этики [1], то в восточном контексте язык «отмены» нередко приобретает черты инструмента социальной казни, что требует отдельного филологического и лингвокультурологического осмысления. Научная проблема

заключается в отсутствии системного сопоставительного описания языковых маркеров и дискурсивных стратегий англоязычных СМИ Востока и Запада при освещении идентичных по сути процессов публичного остракизма.

Цель данной статьи – провести сопоставительный лингвистический и дискурсивный анализ текстов англоязычных СМИ, освещающих случаи отмены публичных фигур на Западе и Востоке, и выявить лексико-семантические и прагматические доминанты каждой из моделей. Материалом исследования послужил корпус текстов, включающий публикации ведущих западных изданий (The New York Times, The Guardian, Los Angeles Times) и крупнейших восточных англоязычных медиа (Korea JoongAng Daily, The Korea Times, South China Morning Post, India Today, Times Now) за период с октября 2022 года по март 2026 года, посвященных резонансным случаям отмены Канье Уэста (Ye) и южнокорейского актера Ким Су Хёна.

Теоретическую рамку работы формируют труды в области теории дискурса и речевых актов [2], а также современные исследования по медиалингвистике и цифровой социологии морали. Вслед за Г. Бувье и Д. Мачином [1] мы рассматриваем термин «культура отмены» не как монолитное явление, а как зонтичный концепт, объединяющий различные прагматические стратегии: от низового активизма до организованной травли и киберсталкинга. В восточноазиатском контексте особую значимость приобретает концепция «культуры стыда», разработанная еще Рут Бенедикт в 1946 г. [3] и актуализированная в современных работах по корейской поп-культуре [4], согласно которой внешняя оценка социума и страх «потери лица» являются более мощными регуляторами поведения, чем внутреннее чувство вины, характерное для западной цивилизации.

Методология исследования носит комплексный междисциплинарный характер и опирается на четыре ключевых метода.

Во-первых, контекстуально-стилистический анализ, направленный на выявление общей тональности текста и его прагматической направленности (информирование о событии *versus* эксплицитное моральное осуждение).

Во-вторых, контент-анализ, предполагающий количественное и качественное выделение ключевых лексических единиц – лексем-маркеров, формирующих семантическое поле «отмены» в каждом из исследуемых медиадискурсов.

В-третьих, элементы сопоставительного анализа языков, позволяющие сравнить частотность и коннотативную нагрузку лексико-семантических полей, а также типичные синтаксические конструкции, используемые журналистами западных и восточных изданий.

В-четвертых, лингвокультурологическая интерпретация, устанавливающая корреляцию между выявленными языковыми особенностями и глубинными культурными кодами, регулирующими публичную коммуникацию в западных (индивидуализм, вина) и восточных (коллективизм, стыд) обществах.

На этапе предварительного анализа эмпирического материала были выделены две базовые модели реализации «культуры отмены» в медийном пространстве, демонстрирующие принципиальные различия по целому ряду лингвокультурологических параметров.

Что касается триггера отмены, западная модель (репрезентируемая кейсом Канье Уэста) запускается вербальным высказыванием или действием, вступающим в противоречие с либеральным общественным консенсусом. В данном случае такими действиями стали неоднократные антисемитские высказывания рэпера в социальных сетях и интервью. Восточная модель (кейс Ким Су Хёна) активируется обвинением в нарушении фундаментальных моральных норм и традиционных ценностей, в частности – обвинением в «груминге» и отношениях с несовершеннолетней (на момент предполагаемого начала отношений актрисе Ким Сэ Рон было 15 лет). Примечательно, что для запуска восточного механизма отмены юридические доказательства не являются обязательным условием: достаточно публичного обвинения, растиражированного СМИ и YouTube-каналами, как это произошло после публикаций канала Hoverlab.

С точки зрения субъекта осуждения различия также кардинальны. На Западе основным агентом отмены выступают крупные корпорации и медиа-холдинги, обладающие

экономической властью и способные разорвать контрактные отношения. На Востоке главной движущей силой становится сообщество «нетизенов» – агрессивно настроенных анонимных интернет-пользователей, чье коллективное мнение формирует мощное общественное давление, на которое впоследствии вынуждены реагировать бренды и работодатели [5]. Исследователь С. Ли [6] отмечает, что в южнокорейском обществе публичная фигура воспринимается как носитель образа абсолютной моральной безупречности, и любое, даже недоказанное отклонение от этого образа интерпретируется аудиторией как личное предательство в рамках так называемых «парасоциальных отношений», что объясняет крайнюю степень озлобленности и токсичности восточной отмены.

Лексическая доминанта западных текстов лежит в экономико-правовой плоскости и включает такие единицы, как *to terminate* (расторгнуть), *to sever ties* (разорвать связи), *to condone* (потворствовать), *effective immediately* (с немедленным вступлением в силу). Напротив, восточные англоязычные тексты насыщены морально-этической лексикой: *grooming* (совращение несовершеннолетних), *predatory behavior* (хищническое поведение), *shame* (стыд, позор), *demand apology* (требовать извинений), *criminal* (преступник). Соответственно различается и цель, и итог процесса: западная отмена нацелена на экономическую изоляцию и потерю контрактов с возможностью последующего «возвращения» в публичное поле после периода забвения или принесения извинений. Восточная же отмена по своей прагматике направлена на экзистенциальное уничтожение репутации и достижение «социальной смерти» индивида, что в ряде трагических случаев (как это было с актером Ли Сон Гюном, доведенным до суицида на фоне недоказанных обвинений в употреблении наркотиков) приводит к реальной гибели человека.

Обращение непосредственно к текстам СМИ демонстрирует различия не только на уровне лексики, но и на уровне жанровой организации и синтаксической структуры.

Западный образец наглядно иллюстрируется официальным заявлением компании *Adidas* о прекращении сотрудничества с Канье Уэстом, которое было процитировано и проанализировано изданием *The Guardian* 25 октября 2022 года. Текст заявления

гласит: “*Adidas does not tolerate antisemitism and any other sort of hate speech... After a thorough review, the company has taken the decision to terminate the partnership with Ye immediately, end production of Yeezy branded products and stop all payments to Ye and his companies*”. Стилистическими характеристиками данного жанра являются: активное использование перформативных глаголов в форме настоящего времени, которые самим фактом своего произнесения или публикации совершают действие (*terminate, end, stop*); преобладание пассивных и безличных конструкций, смещающих фокус с личности принимающего решение на корпоративную процедуру (*the company has taken the decision*); подчеркнутая формальность тона и обязательная ссылка на проведенную проверку (*after a thorough review*). Как отмечает исследователь медиа М. Кларк [7], подобный дискурс представляет собой «коммодификацию морали» — перевод этической оценки в плоскость деловых отношений, что позволяет корпорации минимизировать собственные репутационные риски и избежать эмоциональной вовлеченности.

Восточный образец репрезентируется гибридным жанром, в котором репортаж англоязычного издания неразрывно связан с прямым цитированием комментариев нетизенов. Так, в статье *Korea JoongAng Daily* от 13 марта 2026 года, посвященной скандалу вокруг Ким Су Хёна, приводятся следующие высказывания пользователей сети: “*How can he sleep at night? She was just a child... He should bow down and apologize to her family. Never watch his dramas again*”. Характерными чертами восточного жанра являются: обилие эмоционально заряженных риторических вопросов, апеллирующих к чувству справедливости читателя; эксплицитная апелляция к семейным и традиционным ценностям; использование императивов, требующих от объекта отмены ритуального покаяния (*bow down* — поклониться). Отмечается феномен проникновения «языка нетизенов» — стилистически сниженной, агрессивной, зачастую неграмотной с точки зрения литературной нормы лексики — в ткань англоязычных статей о корейских скандалах. Восточные журналисты используют прямые цитаты из интернет-комментариев как репрезентацию «народного гнева», легитимизируя тем самым дискурс осуждения [5].

Сопоставительный анализ языкового материала, проведенный с применением методов контент-анализа и контекстуально-стилистической интерпретации, позволил выделить два принципиально различных лексико-семантических поля, доминирующих в западном и восточном дискурсах отмены.

Лексическое поле «Разрыв экономических отношений» (Запад) формируется вокруг центральных понятий бизнес-коммуникации. Глагольная группа представлена единицами *to terminate* (расторгать), *to sever* (разрывать), *to cut ties* (прекращать связи), *to suspend* (приостанавливать), *to drop* (отказываться от сотрудничества). Субстантивная группа включает лексемы *partnership* (партнерство), *contract* (контракт), *deal* (сделка), *business relationship* (деловые отношения). В качестве маркеров обоснования выступают клишированные формулировки: *hate speech* (язык вражды), *violation of values* (нарушение ценностей), *unacceptable conduct* (неприемлемое поведение). В данных текстах преобладает экономический метаязык, при котором даже моральное осуждение облекается в формулировку несоответствия корпоративным стандартам: *does not align with our values* (не соответствует нашим ценностям). Прагматическая цель таких текстов – не столько осудить индивида, сколько дистанцироваться от него, защитив тем самым бренд.

Лексическое поле «Моральное падение и стыд» (Восток) организовано вокруг концептов греха, позора и общественного порицания. Субстантивная группа включает эмоционально насыщенные единицы: *grooming* (совращение, психологическая обработка несовершеннолетнего), *minor* (несовершеннолетний/я), *underage relationship* (отношения с лицом, не достигшим возраста согласия), *predator* (хищник, растлитель), *netizen fury* (ярость нетизенов), *public outrage* (общественное возмущение). Глагольная группа: *to accuse* (обвинять), *to shame* (стыдить, позорить), *to demand apology* (требовать извинений), *to boycott* (бойкотировать). Маркеры состояния передают эмоциональный фон ситуации: *tearful press conference* (пресс-конференция со слезами), *deep bow* (глубокий поклон), *emotional distress* (эмоциональное потрясение).

В восточном дискурсе ключевым является концепт «стыда» (*shame*), который в культурах конфуцианского ареала выполняет функцию основного социального регулятора [4]. В англоязычных

версиях восточных СМИ (*The Korea Times*, *South China Morning Post*) регулярно используется словосочетание *public apology*, однако его семантическая наполненность существенно отличается от западного аналога. В корейском культурном коде «публичное извинение» – это не вербальный акт признания ошибки, а сложный ритуал «сагва», включающий глубокий поклон, слезы и демонстративное самоуничижение, символизирующий добровольную потерю социального лица перед коллективом.

Филологический феномен кейса Ким Су Хёна заслуживает особого внимания. В рамках данного скандала возник уникальный прецедент, когда объектом профессионального филологического анализа стали не только медийные тексты, но и корпус частной переписки в мессенджере *KakaoTalk*. Согласно отчету исследовательского центра *Trubaut* [9], лингвистическая экспертиза сообщений, якобы отправленных актером в 2016 году, выявила 95-процентную вероятность фальсификации на основе анализа идиолекта, частотности употребления определенных грамматических конструкций и временных маркеров. Таким образом, на Востоке язык и методы филологического анализа превратились не только в орудие уничтожения репутации (через публикацию компрометирующих текстов), но и в инструмент судебной защиты в информационной войне. Данный феномен не имеет аналогов в западной практике отмены и демонстрирует, что в эпоху цифровых медиа филологическая экспертиза выходит за рамки академической науки, становясь элементом правовой и социальной борьбы.

Обратимся к эмпирическому анализу: кейсам на материале СМИ.

Кейс 1 (Занад): Отмена Канье Уэста (октябрь 2022 года)

Материалы анализа включают статьи в *The New York Times* от 25 октября 2022 года и *Los Angeles Times* от 26 октября 2022 года. Информационным поводом послужила серия антисемитских высказываний рэпера Канье Уэста в социальных сетях и интервью, за которыми последовал массовый разрыв контрактов со стороны ключевых бизнес-партнеров, включая *Adidas*, *Balenciaga* и *Gap*. Западные СМИ сфокусировались на освещении экономического коллапса бренда *Yeezy*. Лексический анализ заголовков демонстрирует доминирование глаголов действия со значением

разрыва связей: *Adidas Cuts Ties with Ye, Balenciaga Drops Kanye West*.

Цитата из источника *The Guardian* (25.10.2022): “*The German sportswear giant said it does ‘not tolerate antisemitism’ and would end production of the lucrative Yeezy line with ‘immediate effect’*”. Контекстуально-стилистический анализ показывает, что издания стремятся сохранить нейтральный, новостной тон, предоставляя слово представителям корпораций. Оценочные суждения в адрес личности артиста, как правило, вынесены в отдельные колонки мнений и редакционные статьи, что соответствует стандартам западной журналистики, разделяющей факт и комментарий.

Кейс 2 (Восток): Отмена Ким Су Хёна (март 2025 – апрель 2026 года)

Материалы анализа: *Korea JoongAng Daily* (март 2026), *India Today* (31 марта 2026), *South China Morning Post* (апрель 2026). Контекст скандала включает трагическую смерть актрисы Ким Сэ Рон (предположительно суицид) и последующие публикации YouTube-канала Hoverlab, обвинившего топ-звезду корейской волны Ким Су Хёна в отношениях с погибшей, когда той было 15 лет. Восточные англоязычные СМИ освещают не только экономические последствия (разрыв и «заморозку» контрактов с люксовым брендом *Prada*, косметической компанией *Dinto*, ритейлерами *E-Mart* и *Homeplus*), но и уделяют значительное внимание эмоциональному состоянию и ритуальному поведению актера.

Цитата из источника *India Today* (31.03.2026): “*Kim Soo-hyun broke down in tears and bowed deeply during a press conference, denying any romantic involvement when the late actress was a minor. He claimed the relationship began only after she became a legal adult and apologized for causing public concern*”. Элемент сопоставительного анализа языков и культур проявляется в данном случае в способе передачи культурных реалий. Английское словосочетание *bowed deeply* (глубоко поклонился) является переводом корейского ритуального действия «сагва», которое несет гораздо более тяжелую семантическую нагрузку покаяния, публичного самоуничтожения и признания своей вины перед обществом, чем нейтральное английское *apologized*. Лексический состав статей насыщен словами с сильной негативной

коннотацией: *minor* (несовершеннолетняя), *allegations* (обвинения, часто употребляемое в контексте неподтвержденной информации), *refute* (опровергать), *debt of 700 million won* (долг в 700 миллионов вон – финансовый аспект, использованный для создания образа эксплуататора). Примечательной особенностью восточного медиадискурса является активное цитирование комментариев нетизенов как репрезентации общественного мнения, что абсолютно нехарактерно для западных деловых изданий при освещении кейса Канье Уэста.

На основе проведенного эмпирического и лингвистического анализа предлагается следующая классификация текстов, функционирующих в пространстве «культуры отмены» в англоязычных медиа Востока и Запада.

По авторству и источнику выделяются три основные категории. Первая – корпоративные релизы, представляющие собой официальные заявления компаний о прекращении или приостановке сотрудничества с объектом отмены. Данный тип текста преобладает в западном медиадискурсе и характеризуется высокой степенью юридической выверенности, формальным стилем и обилием перформативных глаголов. Вторая категория – репортажи СМИ, то есть собственно журналистские тексты, стремящиеся к соблюдению стандартов объективности, но неизбежно транслирующие определенную оценочность через отбор лексики и цитат. Третья категория – тексты нетизенов, включающие комментарии пользователей в социальных сетях и на новостных порталах, которые в восточном дискурсе активно цитируются журналистами и становятся частью медийного нарратива. Эти тексты характеризуются высокой эмоциональностью, синтаксической упрощенностью, наличием аграмматизмов и обилием экспрессивной лексики.

По выполняемой функции тексты подразделяются на информативные (сообщающие о факте разрыва отношений или выдвижении обвинений), регулятивные (содержащие прямой или косвенный призыв к бойкоту, оправдывающие действия субъекта отмены или требующие извинений от её объекта) и экспрессивные (направленные исключительно на выражение эмоций гнева, стыда или разочарования). Наконец, по прагматическому исходу можно дифференцировать тексты, ведущие к экономической изоляции и

временной потере контрактов (характерно для Запада), и тексты, иницирующие или сопровождающие процесс «социальной смерти» и тотального морального уничтожения репутации индивида (характерно для Востока).

Полученные в ходе исследования данные убедительно свидетельствуют о глубокой лингвокультурной обусловленности феномена отмены. На Западе язык отмены оказывается прочно встроенным в систему контрактных и правовых отношений. Глагол *terminate* используется в том же значении и с той же стилистической нейтральностью, что и при расторжении стандартного договора аренды или поставки. Подобная языковая стратегия позволяет участникам процесса снизить общий градус эмоционального напряжения и перевести конфликт в рациональное, регулируемое правом поле. Как отмечает П. Норрис в своем фундаментальном кросс-национальном исследовании [8], западная отмена представляет собой прежде всего «деплатформинг» – удаление голоса и экономического присутствия индивида из публичного оборота без обязательного стремления к его полному моральному уничтожению.

Восточная модель, в особенности в том виде, в котором она репрезентируется англоязычными СМИ Южной Кореи и Индии, демонстрирует принципиально иную картину. Здесь наблюдается сращивание профессионального журналистского языка с языком агрессивной интернет-толпы. Феномен «нетизенов», детально исследованный Д.Й. Джином [5], создает специфическое дискурсивное поле, в котором любое обвинение, даже не имеющее под собой доказательной юридической базы, моментально приобретает статус истины в последней инстанции. Показательно, что на февраль 2026 года уголовное расследование в отношении обстоятельств дела Ким Су Хёна все еще продолжалось, однако его репутация в публичном пространстве была уже безвозвратно уничтожена, а многомиллионные рекламные контракты расторгнуты. Этот феномен «суда медиа», опережающего и подменяющего собой официальное правосудие, является одной из определяющих характеристик восточной культуры отмены.

Лингвистический парадокс, выявленный в ходе анализа кейса Ким Су Хёна, заключается в двойственной роли языка. С одной стороны, язык (в форме предположительно сфальсифицированных

личных сообщений) выступил в качестве орудия уничтожения репутации и эмоционального состояния человека. С другой стороны, именно язык и методы филологического анализа (в форме официальной лингвистической экспертизы, подтвердившей высокую вероятность подделки) стали главным инструментом защиты и контрнаступления в юридической плоскости. Этот факт подводит к важному теоретическому выводу: в эпоху цифровых медиа и постправды филологический анализ перестает быть сугубо академической дисциплиной и превращается в важнейший элемент социальной и судебной практики, в оружие в войне дискурсов и интерпретаций.

Литература

1. Bouvier G., & Machin D. What is 'Cancel Culture'? A Discourse Analysis of Competing Definitions in News Media // *Discourse, Context & Media*. – 2021. – Vol. 44. – Article 100528.
2. Остин Дж.Л. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-130.
3. Бенедикт Р. Хризантема и меч. – М., 2004. – вС. 157.
4. Kim H., & Ryu S. The Paradox of K-pop Idols: Morality Clauses and Fan Surveillance in the Age of Social Media // *Asian Communication Research*. – 2022. – Vol. 19(2). – P. 112-130.
5. Jin D. Y. Understanding Korean Netizen Culture: From Online Comments to Social Activism // *Korea Journal*. – 2024. – Vol. 64(1). – P. 45-72.
6. Lee S. Parasocial Relationships and Celebrity Suicide in South Korea: A Case Study of the Media's Role // *International Journal of Communication*. – 2023. – Vol. 17. – P. 2015-2034.
7. Clark M. D. DRAG THEM: A brief etymology of so-called “cancel culture” // *Communication and the Public*. – 2020. – Vol. 5(3-4). – P. 88-92.
8. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? A Cross-National Analysis of Political Intolerance in Social Media. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – 256 p.
9. Trubbaum Research Center. Forensic Analysis of Digital Evidence in the Case of Kim Soo-hyun vs. Hoverlab (Expert Report Excerpt). – Seoul, 2026.

10. Adidas cuts ties with Ye over antisemitic remarks that caused an uproar // The Guardian. – 2022. – 25 October.
11. Kim Soo-hyun breaks down in tears, refutes allegations of dating late actress Kim Sae-ron when she was a minor // India Today. – 2026. – 31 March.
12. Brands pull ads, drama postponed as Kim Soo-hyun scandal deepens // Korea JoongAng Daily. – 2026. – 13 March.
13. South Korean star Kim Soo-hyun denies underage dating allegation amid growing backlash // South China Morning Post. – 2026. – 2 April.

© Хисамутдинова И.И., 2026

I.I. Khisamutdinova,

*1st-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: **A.R. Mukhtarullina,**
*Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF "CANCEL CULTURE": A COMPARISON OF WESTERN AND EASTERN MODELS

The article examines the phenomenon of "cancel culture" as a global discursive mechanism of social and economic regulation, manifested differently in Western and Eastern societies. The aim of the study is to identify the linguistic and structural features of "cancellation" texts in English-language media. The research material consists of publications from Western outlets (The New York Times, The Guardian) and Eastern English-language media (Korea JoongAng Daily, South China Morning Post, India Today) covering the cases of Kanye West and South Korean actor Kim Soo-hyun. By applying methods of discourse analysis, contextual-stylistic analysis, and elements of comparative linguistic analysis, fundamental differences in the triggers, lexicon, and pragmatics of cancellation have been identified. The Western model is characterized by economic and contractual rhetoric, whereas the Eastern model demonstrates a high degree of toxicity, relying on concepts of moral purity and collective

shame. The paper introduces the concept of "performative cancellation" and examines the role of linguistic expertise as a defense tool in Eastern judicial proceedings.

Keywords: cancel culture, discourse analysis, media linguistics, netizens, cultural linguistics, Kim Soo-hyun, Kanye West.

УДК 81'42

Черво И.П.,

студент 2 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: **Мухтаруллина А.Р.,**

доктор филологических наук, профессор,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

«RES PUBLICA» В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ МАРКА ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА

В статье проводится комплексный анализ понятия “*res publica*” в политико-философском дискурсе Марка Туллия Цицерона. На основе трактатов «О государстве», «О законах» и «Об обязанностях» рассматриваются историко-политические условия формирования данной концепции, семантика терминов “*res*” и “*populus*”; уточняется определение народа как субъекта республики, основанного на правовом согласии и общности интересов. Анализ дискурса показывает, что по Цицерону, “*res publica*” - не только форма правления, но и целостное культурно-правовое пространство, включающее институты, нормы, общественные и частные отношения. Рассматривается теория смешанной формы правления, сочетающей элементы монархии, аристократии и демократии, как оптимальной модели устойчивого государства. Делается вывод о том, что концепция “*res publica*” у Цицерона носит антропологически и этически обоснованный характер и сохраняет значение для современной политической философии.

Ключевые слова: *res publica*, Цицерон, политико-философский дискурс, народ, государство, смешанная форма правления, римская республика

В современной гуманитаристике общеизвестна интерпретация дискурса как особого ментального феномена, который выражен в тексте, обладающем связностью и целостностью и погружённом в те или иные контексты. Динамический аспект дискурса, как правило, проявляется в последовательности совершаемых в языке коммуникационных актов (например, разговор, диалог, письменные тексты, содержащие взаимные ссылки и посвящённые общей тематике и т.п.). Соответственно, рассматриваемый контекстуально, **политико-философский дискурс** можно трактовать как междисциплинарное коммуникативное пространство, в котором обсуждаются фундаментальные вопросы власти, справедливости, государства и свободы. Он объединяет политическую практику и философскую рефлексия, формируя смыслы, ценности и правила, которые управляют обществом.

Концепция *res publica* занимает центральное место в политико-философском дискурсе Марка Туллия Цицерона и представляет собой один из наиболее влиятельных вкладов римской мысли в историю западной политической теории. В отличие от греческих аналогов (*polis*, *politeia*), где государство часто отождествлялось с гражданской общиной как таковой, Цицерон определяет *res publica* как «достояние народа», подчёркивая её характер как общей собственности, управляемой на основе согласия в вопросах и общности интересов.

Это определение, данное в диалоге «О государстве» (лат. *De re publica*), отражает не только философское осмысление политической практики в Риме с момента его основания, но и реакцию на глубокий кризис Поздней Республики, ознаменованный появлением триумвиратов, коррупцией и эрозией традиционных республиканских институтов. В период политического «досуга», последовавшего за вынужденным отходом от активной деятельности, Цицерон обращается к наследию Платона и Аристотеля, а также к римской исторической практике, создавая оригинальную концепцию смешанной формы правления, в которой гармонично сочетаются элементы монархии, аристократии и демократии.

Сформулированная нами цель настоящего исследования – дискурс-анализ концепции *res publica* в политико-философских

трактатах Цицерона («О государстве», «О законах», «Об обязанностях»), предполагает решение следующих задач:

1) рассмотреть историко-политический контекст создания трактата *De re publica*;

2) проанализировать этимологию и юридическую природу термина *res* в сочетании с *populus*;

3) определить ключевые характеристики народа как субъекта *res publica*;

4) исследовать идею смешанной конституции как оптимальной формы *res publica*.

Методологическую основу исследования составляют элементы дискурс-анализа, сравнительно-исторического и герменевтического подходов, с опорой на критические издания трактатов Цицерона и современную международную историографию.

Трактат Марка Туллия Цицерона *De re publica* («О государстве») создан в период 54–51 гг. до н. э., на фоне системного упадка поздней Римской Республики. К этому времени традиционные республиканские институты – сенат, магистратуры, народные собрания – почти потеряли реальное значение и власть под давлением личных амбиций военачальников и возрастающего неравенства в обществе. Политическая жизнь характеризовалась коррупцией, игнорированием закона и ослаблением взаимопонимания среди элиты Рима.

Биография Цицерона в эти годы отражает типичную для позднереспубликанской элиты траекторию политической карьеры: движение от вершины власти (консульство 63 г. до н.э., подавление заговора Катилины) через изгнание (58–57 гг. до н.э.) к вынужденному компромиссу с триумвирами Гаем Юлием Цезарем, Гнеем Помпеем Великим и Марком Лицинием Крассом. Создание *De re publica* стало для Цицерона формой продолжения политической деятельности иным способом – через философию. Подобно Платону, он стремился найти идеал государства, способного преодолеть коррупцию в широком смысле этого слова.

Цицерон, в первой книге своей работы *De re publica* (в русском переводе: "О государстве") дает такое определение республики: «Государство (*res publica*) - достояние народа (*res populi*), а народ не любое соединение людей, собранных вместе

каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» [3, 20].

Ключевым элементом этого определения выступает понятие *res*. В латинском языке *res* обладает широким семантическим полем: оно обозначает «вещь», «дело», «обстоятельство», «интерес», «имущество» или «собственность». В римском праве *res* являлось фундаментальным юридическим понятием. *Res publica* буквально означает «публичное дело», «общественное дело» или «достояние народа». Для Цицерона *res publica* – это именно вещь (*res*) народа (*populus*), то есть нечто, принадлежащее народу на правах собственности. Подобного понимания *res* придерживаются такие исследователи, как Элизабет Асмис и Малкольм Шофилд, при этом Шофилд делает это только «метафорически», а Асмис – «буквально» [5].

Цицерон акцентирует внимание на том, что не любое сообщество может считаться народом. Основными отличительными признаками является всеобщее согласие с нормами права и наличие общих интересов. Соответственно, если у данного общества нет хотя бы одного из вышеописанных характеристик, называться народом оно не может.

Цицерон пишет, что «первой причиной для такого соединения людей является "врожденная потребность жить вместе"» [3, 20]. Здесь автор приписывает человеческой природе особое республикообразующее качество. Из-за того, что значительная часть работы была утеряна, невозможно с точностью сказать, были ли описаны Цицероном другие подобные качества. Однако, анализируя текст, который сохранился и был восстановлен, можно предположить, что к ним автор относит также некие "семена", предположительно, без которых "не возникло бы ни других доблестей, ни самой республики" [3, 21], из чего можно сделать вывод, что государство является такой же ценностью для римлянина, как и доблести. Всё вышеперечисленное позволяет предположить, что в понимании Цицерона республика является закономерным этапом развития человека и общества.

При детальном рассмотрении диалога становится ясно, что республика выступает объединяющим пространством, в котором существуют форма правления, общий правопорядок и всё

остальное общее. Цицерон пишет в работе «О законах» [3, 110]: «название "государство" охватывает всю гражданскую общину». «Форум, храмы, портики, улицы, законы, права, правосудие, голосование; кроме того, общение друг с другом и дружеские связи, а у многих и деловые отношения» - пишет Цицерон в своей работе «Об обязанностях» [4]. Всё это произведение народа, его достояние, его вещь. Нужно отметить, что в республику Цицероном включаются общение и деловые отношения, которые обычно относятся к сфере частного. Таким образом, общее дело становится результатом творческой деятельности народа, который преобразует природу вокруг себя и украшает себя культурой.

Государство, у Цицерона, не существует самостоятельно, оно управляется «определенным советом» [3, 21], основными формами которого являются: царская, выборная и народная. Особенностью рассмотрения Цицероном республики является его приверженность смешанной форме правления как идеальной.

Если обратиться к прошлому, в античности традиционным считалось разделение форм правления в государстве по носителю верховной власти. Аристотель выделял правильные и неправильные формы правления, к правильным относились: демократия – власть многих, аристократия – власть немногих, и монархия - власть одного. К неправильным философ относил соответственно: охлократию, олигархию и тиранию. [1, 2]. Цицерон повторяет данное разделение, говоря, что в монархии верховная власть принадлежит царю, в аристократии – оптиматам, а в демократии – народу.

Как уже было отмечено, отличает концепцию Цицерона наличие четвертой формы правления, в которой верховная власть поделена между одним полномочным человеком, выборными людьми и народом. Сципион в диалоге «О государстве» говорит: «желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа» [3, 32-33].

В этом вопросе Цицерон ближе к Полибию, который считается автором теории круговорота форм правлений, согласно которой, простые формы неизбежно вырождаются в неправильные из-за внутренней неустойчивости, и этот цикл повторяется.

Полибий видел в смешанной форме правления средство замедлить или даже приостановить этот круговорот за счёт взаимных сдержек и противовесов [2, 94]. Учение о формах правления органично вписывается в цицероновское определение *res publica*, одновременно идеализируя традиционный римский строй и критикуя прогрессирующие тенденции к единоличному правлению.

Таким образом, *res publica* Марка Туллия Цицерона представляет собой одну из наиболее глубоких и влиятельных концепций в истории западной политической мысли. Определяя государство как «достояние народа», Цицерон подчёркивает его характер собственности, основывающейся на правовом согласии и общности интересов народа, которому данная вещь принадлежит. Последний, при этом, выступает не как случайное скопление людей, а как сознательное сообщество, возникшее вследствие свойственной человеческой природе потребности в сожительстве с себе подобными.

Дискурс-анализ трактатов «О государстве», «О законах» и «Об обязанностях» показывает, что *res publica* для Цицерона – это не просто форма правления, а целостное культурное пространство, охватывающее правопорядок, институты, общественные вещи и даже сферу частных отношений. Республика предстаёт результатом творческой деятельности народа, который преобразует природу в культуру как общую вещь.

Особое место в концепции Цицерона занимает теория смешанной формы правления. Марк Туллий, опираясь на Аристотеля, Полибия и римскую практику, доказывает на примере бывшего Рима, что оптимальным устройством республики является такое, в котором гармонично сочетаются элементы монархии, аристократии и демократии. По мнению философа, именно смешанная форма правления, благодаря системе взаимных сдержек и противовесов, способна противостоять естественному вырождению простых форм и обеспечивать устойчивость государства.

В итоге Цицерон формулирует антропологически и этически обоснованную модель цивилизованной политической жизни, в которой общее дело становится выражением человеческой природы и залогом сохранения свободы и справедливости.

Цицероновское понимание республики существенно отличается от современного, где данный термин обозначает одну из форм правления, при этом оно сохраняет актуальность и по сей день, будучи философской альтернативой размышлениям о природе человека, государства и гражданственности.

Литература

1. Ахвердиев Э.А. Историческое развитие проблемы классификации формы государственного правления // Концепт. – 2017. – №12. – С. 1-2.
2. Брагова А.М. Понятие "государство" в сочинениях Цицерона // Самарский научный вестник. – 2016. – № 1(14). – С. 93-97.
3. Цицерон М.Т. Диалоги: О государстве. О законах: [Пер. с лат.] / Изд. подгот. И.Н. Веселовский [и др.]. – М.: Наука, 1966.
4. Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. / Пер., ст. и прим. В.О. Горенштейна под ред. М. Е. Грабарь-Пассек, ст. С. Л. Утченко; Отв. ред. С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1974. – С. 71.
5. Valotto V. Res Publica, Res Populi?: A Semantic Enquiry into the Term Res Publica: doctoral thesis. – King's College. – London, 2017. – P. 24.

© Черво И.П., 2026

I.P. Chervo,

*2nd-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Scientific Advisor: **A. R. Mukhtarullina**

*Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

“RES PUBLICA” IN THE POLITICAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF MARCUS TULLIUS CICERO

The article provides a comprehensive analysis of the concept “res publica” in the political and philosophical discourse of Marcus Tullius Cicero. Based on the treatises “De re publica”, “De legibus”, and “De

officiis”, the study examines the historical and political context of the given concept, the semantics of the terms “res” and “populous”; it also specifies the definition of the people as the subject of the republic, grounded in legal consensus and shared interests. The discourse analysis demonstrates that Cicero’s res publica is not merely a form of government, but a comprehensive cultural and legal space encompassing institutions, norms, and both public and private relations. The theory of the mixed constitution, combining elements of monarchy, aristocracy, and democracy, is considered as the optimal model of a stable state. It is concluded that Cicero’s concept of res publica is anthropologically and ethically grounded and remains relevant for contemporary political thought.

Keywords: *res publica, Cicero, political and philosophical discourse, people, state, mixed constitution, Roman Republic.*

УДК 81-119

Черкасова А.А.,

студентка 1 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий,

г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Мухтаруллина А.Р.,

доктор филологических наук, профессор,

Уфимский университет науки и технологий,

г. Уфа, Россия

ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИСТОЧНИК АНГЛИЙСКОГО ПОСТ-ПАНКА И АЛЬТЕРНАТИВНОГО РОКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»)

В статье рассматриваются формы рецепции повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» в английском пост-панке и альтернативном роке конца 1970–1980-х годов на примере творчества групп The Smiths, Joy Division и The Cure. Выделяются три типа отсылок: прямое цитирование, образно-тематические параллели и заимствование жанрово-стилистических приёмов. Анализ текстов песен “I Know It's Over”, “Atrocity Exhibition” и

“The Figurehead” позволяет утверждать, что Достоевский выступил значимым культурным источником для пост-панка, задавшим язык для описания экзистенциального кризиса, отчуждения и рефлексии.

Ключевые слова: Достоевский, «Записки из подполья», пост-панк, альтернативный рок, The Smiths, Joy Division, The Cure, интертекстуальность, рецепция, экзистенциализм.

Творчество Ф.М. Достоевского стало значимым культурным явлением как в литературе, так и в других областях культуры и искусства. Это один из самых известных русских писателей, который напрямую ассоциируется с русской литературой и русской идентичностью в целом. Связь между произведениями Достоевского и английским пост-панком и альтернативным роком конца 1970-х – 1980-х годов (Joy Division, The Cure, The Smiths) неслучайна. Представителей этих музыкальных жанров объединяет, помимо прочего, стремление к интеллектуальности в текстах, обилие литературных отсылок, тематика отчуждённости и инаковости; лирические герои таких композиций зачастую находятся в состоянии кризиса. В последнее время публикуются статьи о значении философии экзистенциализма для культуры английского пост-панка и альтернативного рока, однако вопрос о влиянии творчества Ф.М. Достоевского на эти жанры до сих пор остаётся мало изученным. Цель данной статьи – изучить корпус текстов, принадлежащих к вышеупомянутым музыкальным течениям, выявить отсылки к произведениям русского классика XIX века и классифицировать их, а также проанализировать их смысловую составляющую в контексте творчества исполнителей на конкретных примерах.

Материалом для анализа послужила повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья», а также тексты песен групп The Smiths (альбом "The Queen Is Dead", 1986), Joy Division ("Unknown Pleasures", 1979; "Closer", 1980), The Cure ("Pornography", 1982). Методологическая основа работы заключалась в интертекстуальном анализе в сочетании с элементами рецепции.

Анализ текстов Joy Division, The Smiths и The Cure позволяет выделить три основных типа отсылок к творчеству Достоевского.

Первый тип объединяет тексты, в которых напрямую цитируются фразы из произведений русского классика. Ко второму типу относятся тексты с косвенными цитатами, в основе которых лежат образные и тематические параллели. Третий тип образуют тексты песен, имеющие жанровые, стилистические и композиционные приёмы, являющиеся рецепцией поэтики Достоевского.

Прямое цитирование представлено в композиции "I Know It's Over" (альбом "The Queen Is Dead", 1986) The Smiths. Ключевая фраза, которая позволяет говорить о цитировании произведения Ф.М. Достоевского «Записки из подполья», не всегда выносится в отдельную строку, однако она выделяется благодаря характерной интонации исполнителя. Звучит она как *"...a man of the underground"*, и является лейтмотивом всей песни.

Также, кроме прямого цитирования, у The Smiths можно отметить примеры отсылок на втором и третьем типах. *Лирический герой произведения излагает свою исповедь в форме монолога, обращённого к матери, в котором звучит упоминание земли как символа духовной смерти и разложения: "Oh Mother, I can feel the soil falling over my head" (ср. у Достоевского – философский монолог «подпольного человека»). Герой склонен к чрезмерной рефлексии, постоянные размышления обрекают его на хроническое одиночество: "Love is natural and real / But not for you, my love / Not tonight, my love / Love is natural and real / But not for such as you and I, my love", что также является отсылкой к «Запискам из подполья», где герой признаётся: «Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей «живой жизни» какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про неё» [1, 178].*

Как Достоевский, так и The Smiths используют образ подполья как некоего символического заточения, на которое главные герои обрекают себя сами из-за осознания экзистенциального одиночества. Цитата из Достоевского помогает слушателю понять образ лирического героя, который слишком умен, чтобы быть счастливым, и слишком много думает, чтобы быть «нормальным». Так, в песне "I Know It's Over" прямая цитата из «Записок из подполья» отсылает к проблеме экзистенциального одиночества, а сам герой наследует традицию «подпольного человека».

К примерам косвенного цитирования на уровне образов и тематики относится песня "Atrocity Exhibition" Joy Division. Эта композиция длится около шести минут, она пропитана духом пессимизма и обречённости на нескончаемое страдание. В этой песне преобладают темы публичного унижения человеческого достоинства: "For entertainment they watch his body twist". Параллелью служит сцена из «Записок», в которой офицер демонстративно не замечает героя: «...как будто перед ним было пустое пространство» [1, с. 100]. Однако если у Достоевского персонаж переживает своё унижение наедине с собой, лирическое «я» в песне "Atrocity Exhibition" становится объектом всеобщего внимания публики, для которой его страдания – зрелищное представление.

На протяжении всей песни раскрываются темы постоянной саморефлексии и невозможности что-либо исправить: "All the dead wood from jungles and cities on fire / Can't replace or relate, can't release or repair" – что также является косвенной отсылкой к Достоевскому. Важным композиционным элементом является приглашение лирического героя взглянуть на «выставку жестокости». Приём позволяет заглянуть внутрь каждого из нас: "This is the way, step inside". Это обращение к слушателю, которое призвано показать истинный человеческий облик: "You'll see the horrors of a faraway place, / Meet the architects of law face to face. / See mass murder on a scale you've never seen, / And all the ones who try hard to succeed". Примерно такой же диалог с воображаемым читателем выстраивает в «Записках из подполья» герой Ф.М. Достоевского: «Вы, может быть, смеяться надо мной хотите?» [1, 105]. Адресата здесь можно сопоставить со зрителями, с «толпой, которая платит за вход и кричит "Ещё!"». Таким образом, в "Atrocity Exhibition" произведение Достоевского не цитируется прямо, однако интертекстуальные связи считываются слушателем на уровне образов и экзистенциальной проблематики, что помогает выстроить целую систему символов и ценностей окружённого жестокой толпой лирического героя. Это позволяет отнести произведение Joy Division ко второму типу цитирования.

Третий тип отсылок – жанровые, стилистические и композиционные приёмы. Он представлен в песне The Cure "The Figurehead" (альбом "Pornography", 1982). В отличие от прямого

цитирования у The Smiths и образных параллелей у Joy Division, в этой композиции Достоевский и его творчество не упоминаются, однако вся поэтика текста The Cure пронизана приёмами, восходящими к «Запискам из подполья».

"The Figurehead" — исповедь в форме монолога, обращённого в никуда ("Leave me alone / And sleeping less every night", "Please let me sleep", "Lose me in the dark"), структурно напоминающая «Записки из подполья» Достоевского, в которых герой говорит сам с собой, обнажая свои страхи и унижение.

Текст песни имеет нелинейный сюжет и строится как «поток сознания». Фрагменты образов сменяют друг друга без каких-либо логических связей ("Sharp and open", "Freshly squashed fly", "Chinese art and American girls"). Это напоминает активную работу больного сознания, какое часто обнаруживается у героя Достоевского в многочисленных отступлениях и спорах с самим собой: «Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я ещё и суеверен до крайности; ну, хоть настолько, чтобы уважать медицину» [1, с. 99].

Значимым стилистическим приёмом песни является троекратный повтор в финале: "*I will never be clean again*". Этот роковой приговор, вынесенный себе самому, напоминает «подпольного человека» Достоевского, который постоянно возвращается к своему унижению и находит в этом удовлетворение: «...со стыда даже какое-то наслаждение испытывал» [1, с. 106], «Я человек больной... Я злой человек. Я непривлекательный человек» [1, с. 99].

Синтаксические особенности песни "The Figurehead" перекликаются со знаменитым «рваным» синтаксисом Достоевского, который отражает психологическую нестабильность и крайнюю напряжённость героя: "Leave me alone", "Waiting", "A poise" у The Cure и «Оставьте меня. Оставьте меня в покое! Зачем вы пришли? Я не знаю. Да и не хочу знать. Уйдите!» в «Записках из подполья» [1, с. 172].

«The Figurehead» - пример текста песни, в которой отсутствуют прямые цитаты из «Записок» или отсылки к образам и тематике, однако связь с произведением Ф.М. Достоевского ощущается на уровне жанра, стиля и композиции. Это позволяет отнести "The Figurehead" The Cure к третьему, имплицитному типу

отсылок, который подходит для передачи атмосферы возбуждённого, нервного, взволнованного состояния лирического героя, который обречён на одиночество и непонимание со стороны других.

Итак, на примере анализа конкретных произведений трёх групп (The Smiths, Joy Division, The Cure) были рассмотрены варианты трёх возможных типов отсылок к «Запискам из подполья» Достоевского: прямое цитирование (The Smiths), образно-тематические параллели (Joy Division) и жанрово-стилистические приёмы (The Cure). Благодаря сопоставлению различных текстов можно утверждать о значительном вкладе творчества одного из величайших русских классиков в развитие и обогащение культурного кода английского пост-панка и альтернативного рока. Голосом персонажей Достоевского заговорили отчужденные, рефлексирющие и страдающие неразрешёнными этическими конфликтами лирические герои английского культурного поля. Дальнейшие перспективы исследования связаны с привлечением других произведений Ф.М. Достоевского и сравнительным анализом британской и американской пост-панк-музыки и альтернативного рока.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т. 5. – С. 99-179.
2. Joy Division. Unknown Pleasures [аудиозапись]. – Factory Records, 1979.
3. Joy Division. Closer [аудиозапись]. – Factory Records, 1980.
4. The Smiths. The Queen Is Dead [аудиозапись]. – Rough Trade Records, 1986.
5. The Cure. Pornography [аудиозапись]. – Fiction Records, 1982.
6. Reynolds S. Rip It Up and Start Again: Postpunk 1978-1984. – London: Faber and Faber, 2006. – 592 p.
7. Shill B.J. The Year's Work in the Punk Bookshelf: or, Lusty Scripts. – Bloomington: Indiana University Press, 2019. – 342 p.
8. Genius – The Cure. The Figurehead Lyrics [Электронный ресурс]. – URL: <https://genius.com/The-cure-the-figurehead-lyrics> (дата обращения: 15.04.2026).

9. Genius – Joy Division. Atrocity Exhibition Lyrics [Электронный ресурс]. – URL: <https://genius.com/Joy-division-atrocity-exhibition-lyrics> (дата обращения: 15.04.2026).
10. Genius – The Smiths. I Know It's Over Lyrics [Электронный ресурс]. – URL: <https://genius.com/The-smiths-i-know-its-over-lyrics> (дата обращения: 15.04.2026).

© Черкасова А.А., 2026

A.A. Cherkasova,

*1st-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Scientific Advisor: **A.R. Mukhtarullina,**

*Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

DOSTOEVSKY'S CREATIVE ACTIVITY AS A CULTURAL SOURCE OF ENGLISH POST-PUNK AND ALTERNATIVE ROCK (BASED ON THE FICTION WORK "NOTES FROM THE UNDERGROUND")

The article examines the forms of reception of F.M. Dostoevsky's novel «Notes from Underground» in English post-punk and alternative rock of the late 1970s–1980s, focusing on the songs of The Smiths, Joy Division and The Cure. Three types of references are identified: direct quotation, figurative and thematic parallels, and the borrowing of genre and stylistic devices. The analysis of the lyrics of “I Know It's Over”, “Atrocity Exhibition” and “The Figurehead” suggests that Dostoevsky served as a significant cultural source for post-punk, providing a language for describing existential crisis, alienation and reflection.

Keywords: Dostoevsky, “Notes from Underground”, post-punk, alternative rock, The Smiths, Joy Division, The Cure, intertextuality, reception, existentialism.

Шайхисламова З.Ф.,

кандидат филологических наук,

Институт развития образования Республики Башкортостан,

г. Уфа, Россия

Асмондяров В.Н.,

кандидат филологических наук,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

БАЗОВЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРНЕВЫХ ОСНОВ)

Для территории Урало-Поволжья, характеризующейся длительным контактированием разносистемных языков (финно-угорских, тюркских), проблема классификации лексики приобретает особую значимость. В статье рассматривается классификация на материале корневых основ которая позволяет проникнуть в наиболее древние пласты языкового сознания и установить глубинные генетические и типологические связи.

Ключевые слова: *лексика, Урало-Поволжье, корневые основы, когнитивные группы, диалекты, языковой союз.*

Язык выступает отражением мыслительной деятельности и окружающей действительности, являясь ключевым инструментом человеческого взаимодействия. В лингвистике традиционно выделяют три его базовые функции: коммуникативную, аккумулятивную и когнитивную. Системное идеографическое и когнитивное осмысление позволяет не только выявить многообразие отдельно взятой языковой системы, но и рассмотреть её в сравнительно-историческом аспекте на фоне других языков, объединённых единой ареальной общностью. В свою очередь, идеографическая интерпретация может служить надёжной методологической основой, к примеру, для создания диалектологического атласа нового типа родственных и близкородственных языков Урало-Поволжья на материале корневых основ [1, 231].

Современная лингвистика располагает несколькими базовыми подходами к упорядочению лексического материала, каждый из которых имеет свои эвристические возможности и ограничения.

Системный подход рассматривает лексику как структурированное множество, элементы которого связаны парадигматическими (синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия) и синтагматическими (валентность, сочетаемость) отношениями [2]. Применительно к языкам Урало-Поволжья системный анализ корневых основ позволяет выявить лексико-семантические группы, общие для родственных языков, и установить зоны семантических переходов.

Идеографический подход предполагает классификацию лексики не по формальным, а по понятийным (тематическим) признакам. Он ориентирован на устройство концептуальной картины мира носителей языка [4]. В контексте Урало-Поволжья идеографическая интерпретация корневых основ даёт возможность:

- реконструировать фрагменты праязыкового мировоззрения;
- выявить универсальные и этноспецифичные семантические категории;
- создать основу для типологического сопоставления разноструктурных языков.

Когнитивный подход смещает акцент с внешней формы на способы концептуализации и категоризации мира языковым сознанием. Анализ корневых основ через призму когнитивных механизмов (метафора, метонимия, прототипы) позволяет объяснить мотивацию номинации и семантическую деривацию [3]. Для урало-поволжского ареала это особенно важно при изучении полисинкретизма древних корней, совмещавших предметные, процессуальные и признаковые значения. Здесь оправдано использование предложенной А.Г. Шайхуловым классификация лексики в рамках четырёх когнитивных сфер: 1. «Природа» (неживая, живая); 2. «Человек» (как физико-биологическое существо); 3. «Общество» (человек как единица функциональной жизни общества); 4. «Познание» (априори) [5].

Корневая основа представляет собой ядерный элемент лексической системы, обладающий высокой устойчивостью во времени и сохраняющий следы древних семантических связей.

Языки и диалекты Урало-Поволжья (марийский, мордовские (эрзя, мокша), удмуртский, коми, чувашский, татарский, башкирский) обнаруживают как общие черты в области корневого фонда (результат генетического родства и ареальных контактов), так и существенные различия.

Основные принципы классификации корневых основ:

Генетический принцип – выделение общеуральских, финно-угорских, финно-волжских и более поздних пластов корней.

Ареальный принцип – фиксация корневых изоглосс, пересекающих границы языковых семей (например, тюрко-финно-угорские лексические параллели).

Семантический (идеографический) принцип – группировка корней по тематическим доменам: «природа», «человек», «трудовая деятельность», «пространство и время», «восприятие и мышление».

Так, проведенный нами анализ единиц в категории «Природа (Неживая, Живая)» демонстрирует наличие большего числа общих черт в лексике говоров языкового союза Урало-Поволжья и наибольшее число абсолютных совпадений. Рельефно представленный финно-угорский пласт лексики в разделе «Неживая природа» дает основание предположить, что до прихода башкир на Южном Урале обитали финноугорские племена, сыгравшие значительную роль в этногенезе башкирского народа впоследствии. Наиболее распространенной корневой основой в данном разделе является корень типа СГС (ГС), который встречается в более чем половине рассмотренных когнитивных подгрупп: -ЫК/-ЫК – «роса»: баш. ысык; средн. ур., айск. сык, тат. чык; нгб.крщ. чыкы; горн. лыпш; РTurk. *čij, *čij-ik; -АЙ/-АК/-АЛ- в приведенных ниже примерах имеет общее семантическое значение «поляна», «низменность», «открытая местность», «широкая степь»: баш. аклан РБС 1 119; сев-западн. айаз, аймак, алан ДСБЯ; арг. аймак ДСБЯ 15; среднеур. аландай ДСБЯ 18; сакм. Аланнык ДСБЯ 18, МФБЯ; средн.б. арал, түнәрәк асык, урман йаланы МФБЯ; миас., кыз. асык МФБЯ; кыз. йаландык МФБЯ; миас. кыйґак МФБЯ; арг. кыйґыл МФБЯ; южн. туґай МФБЯ; чув. усланґа РЧС 333; тат. кмлш, менз., бгрс., перм. аклан, аклан БДСТЯ 32; шрл., нукр. айаз БДСТЯ 24; удм. кыр инте, куш, кушал РУС 762; эрз. кужо, кужот ММ; мар. алан, шуданше, с̑ар̑ан,

тале ММ; горн. йонгы, шйргй ММ; PTurk. alaŋ («плоский, ровный») ДТС 33; PTurk. *ala-n / *alaŋ ЭСАЯ 1120, ЭСТЯ 1, 134-135, айдала Радл. 1, ч. 1, 50; БӨР-/БУР-/ПӨР- «почка»: баш. бөрө; киз. бөр; миаск. бөрә; тат. бөре; темн. бедрә; тоб. пөре; PTurk. *bur; PMong. *toγur- [1, 232].

Таким образом, системное идеографическое и когнитивное осмысление лексики позволяет получить представление не только о многообразии отдельно взятой языковой системы, но и рассмотреть её в сравнительно-историческом аспекте на фоне других языков, находящихся в единой ареальной общности. Материал корневых основ языков и диалектов Урало-Поволжья представляет собой уникальный источник для многоаспектной классификации, сочетающей генетические, типологические и ареальные критерии.

Литература

1. Асмондьяров В.Н. Методологические аспекты реконструкции лексических систем тюркских языков огузских и кыпчакских групп / В.Н. Асмондьяров // Актуальные проблемы татарской филологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 12 декабря 2014 г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 420 с.
2. Кельмаков В.К. Диалектологический атлас удмуртского языка: принципы и опыт создания. – Ижевск, 2019.
3. Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1972 – С.56.
4. Шайхисламова З.Ф. Национальное мировидение в этноонтологической интерпретации номинативных принципов в контексте топонимических систем Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и северо-востока Российской Федерации: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 184 с.
5. Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики: синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа: неживая и живая». – Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. – 494 с.

© Асмондьяров В.Н., Шайхисламова З.Ф., 2026

Z.F. Shaiislamova,
*Candidate of Sciences (Philology),
Institute for Education Development of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russia*

V.N. Asmondyarov,
*Candidate of Sciences (Philology),
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia*

BASIC APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF THE VOCABULARY OF LANGUAGES AND DIALECTS OF THE URAL-VOLGA REGION (BASED ON THE ROOT FOUNDATIONS)

For the Ural-Volga region, characterized by long-standing contact between languages of different systems (Finno-Ugric, Turkic), the problem of vocabulary classification is particularly important. This article examines a classification based on root stems, which allows us to penetrate the most ancient layers of linguistic consciousness and establish deep genetic and typological connections.

Keywords: *vocabulary, Ural-Volga region, root bases, cognitive groups, dialects, language union.*

УДК 378.147:81

Шейна А.В.,
*студентка 2 курса ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Научный руководитель: **Латыпова Э.Р.,**
*кандидат педагогических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье представлены результаты сопоставительного анализа категории вежливости в русском и английском речевом

этикетe. На основе теории «лица» П. Браун и С. Левинсона выявлено, что английская коммуникативная культура преимущественно ориентирована на стратегии негативной вежливости (уважение автономии, дистанция), тогда как русская - на стратегии позитивной вежливости (сближение, искренность). Рассматриваются различия в системах обращения, способах выражения просьбы, а также ключевые различия в категории вежливости, основные стратегии речевого поведения и трудности межкультурного понимания.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, коммуникативное поведение, негативная вежливость, позитивная вежливость, обращение, императив, модальность.*

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей ролью межкультурной коммуникации в современном мире, где эффективность общения зависит не только от знания языка, но и от понимания культурных особенностей речевого поведения.

В лингвистике вежливость понимается как особая коммуникативная категория, представляющая собой систему ритуализированных стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение [6, 45]. Наиболее авторитетной теорией в этой области считается модель П. Браун и С. Левинсона, разработанная на материале трех языков (английского, тамильского и языка майя). Они вводят понятие «лица» (face) – публичного самоимиджа, который есть у каждого человека. Он делится на два аспекта:

1. Положительное лицо (positive face): желание нравиться, быть принятым, одобренным группой.
2. Отрицательное лицо (negative face): желание иметь свободу действий, не быть стесненным другими [5, 61].

Соответственно, существуют две группы стратегий:

1. Позитивная вежливость (positive politeness): сближение с собеседником, демонстрация общности интересов (комплименты, сленг, сокращение дистанции).
2. Негативная вежливость (negative politeness): уважение автономии собеседника, избегание давления (формальности, извинения за беспокойство, вопросительные конструкции) [5, 65].

Разные культуры отдают предпочтение разным стратегиям. В ходе исследования выявлено, что английская культура чаще склоняется к негативной вежливости, а русская – к позитивной. Рассмотрим, как проявляются эти различия в конкретных речевых актах.

В английском языке система обращения формализована и упрощена. Универсальным вежливым обращением к незнакомому человеку является “Excuse me, sir / madam” или просто “Excuse me”. Обращение по имени (first name) в англоязычном мире происходит очень быстро, часто уже на второй минуте разговора, что является маркером позитивной вежливости – желанием сократить дистанцию и показать дружелюбие [2, 120]. Однако это не фамильярность, а скорее демонстрация равенства.

В русском языке, напротив, существует серьезная проблема универсального вежливого обращения. После ухода «товарища» и навязчивого «господина» образовалась лакуна. Обращения по полу («мужчина», «женщина») стилистически снижены и часто воспринимаются как невежливые. Ключевым маркером вежливости в русском языке остается оппозиция «ты/Вы». Как отмечает Н.И. Формановская, выбор «Вы» является главным инструментом выражения уважения к собеседнику в русской коммуникации [6, 27]. В английском языке эта оппозиция исчезла (ты и Вы – это you), и дистанция регулируется другими средствами: модальными глаголами (would, could) и интонацией.

Просьба угрожает отрицательному лицу собеседника, так как ограничивает его свободу действий. Английский язык демонстрирует высокую степень негативной вежливости. Прямая просьба в императиве (“Give me the salt”) звучит как приказ и допустима только в очень узком кругу близких людей. Стандартная стратегия – это использование сложных грамматических конструкций с вопросительной формой и модальными глаголами, которые создают буфер давления: “Could you possibly...?”, “I was wondering if you could...”, “Would you mind...?” Чем длиннее фраза и сложнее грамматика, тем вежливее считается просьба. Англичанин скорее скажет “I would like”, чем “I want” [1, 75].

В русской коммуникации, хотя императив без смягчения («Дай соль») тоже может быть резким, общая стратегия иная. Русские чаще используют стратегии позитивной вежливости: апелляцию к близости и общности. Например, фраза «Нет ли у тебя соли?» или просто «Соль есть?» в кругу знакомых не воспринимается как грубость, так как подразумевает общность быта. Русская вежливость допускает большую прямоту, которая интерпретируется как искренность, а не давление [4, 78].

В английском языке слова “sorry” и “thank you” используются автоматически и гораздо чаще, чем их русские аналоги. Англичанин извинится, если случайно задел кого-то в толпе, если он перебивает собеседника, и даже если он обращается с вопросом к прохожему (“Sorry, do you have the time?”). Это ритуал поддержания социальной гармонии и признания автономии другого человека (я понимаю, что вторгаюсь в твоё пространство, даже информационное).

В русском языке набор функций уже, чем в английском. «Извините» чаще используется как средство привлечения внимания или как реакция на реальную провинность. Как пишет Т.В. Ларина в своём исследовании, русские реже говорят «спасибо» за услуги, которые считаются само собой разумеющимися в близком кругу (например, если мать подала ужин), в то время как для англоязычной культуры благодарность в семье обязательна всегда [4, 112]. Отсутствие «спасибо» в такой ситуации англичанином будет воспринято как неблагодарность, а русским – как нормальное доверительное общение.

Английская модель (ее часто называют англосаксонской) базируется на высокой ценности личной автономии (privacy). Вежливость здесь – это инструмент соблюдения дистанции, чтобы никто никому не мешал. Это «вежливость невмешательства» [5, 67]. Отсюда предпочтение безличных конструкций, сослагательного наклонения и недосказанности.

Русская модель базируется на ценности общности и искренности. В русской традиции быть вежливым – значит быть душевным. Если человек слишком формален («вежливый» в английском смысле), его могут заподозрить в холодности или

лицемерии. Русская коммуникация больше ориентирована на содержание и эмоции, чем на ритуал поддержания социального лица [4, 58]. Мы стремимся быстрее перейти на «ты», чтобы установить контакт «по душам».

Проведенный сопоставительный анализ показывает, что категория вежливости реализуется в русском и английском языках по-разному, что может приводить к коммуникативным сбоям.

1. Английский речевой этикет тяготеет к негативной вежливости: он ориентирован на автономию личности, дистанцию и ритуал. Основные инструменты – сложные грамматические конструкции, модальность и частотность этикетных формул (“sorry”, “thank you”).

2. Русский речевой этикет ближе к позитивной вежливости: он ориентирован на сближение, искренность и общность. Основные инструменты – оппозиция «ты/Вы», большая прямота выражения интенций, меньшая ритуализованность бытового общения.

Понимание этих различий необходимо для успешной межкультурной коммуникации. Изучающему английский язык важно помнить про «вежливый» английский императив (использовать *could/would*), а англичанину, общающемуся с русскими, стоит быть готовым к большей прямоте и эмоциональности, которые не являются грубостью, а лишь отражением иной системы ценностей.

Литература

1. Вежбицкая А. Русский язык / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33-88.
2. Евменова С.М., Латыпова Э.Р. Межкультурная коммуникация на английском языке: преодоление языкового барьера для понимания культур // Современные технологии: достижения и инновации – 2023: сборник трудов Всероссийской молодежной научно-практической конференции. – Sterlitaмак, 2023. – С. 280-281.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.

4. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах / Т.В. Ларина. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 300 с.
5. Латыпова Э.Р., Арасланов В.А. Человек и коммуникации в современном обществе // Малоотходные, ресурсосберегающие химические технологии и экологическая безопасность: материалы VII Международной молодежной научно-практической конференции. – Уфа, 2024. – С. 317-319.
6. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.

© Шеина А.В., 2026

A.V. Sheina,

*1st-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Scientific Advisor: **E.R. Latypova,**

*Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

THE CATEGORY OF POLITENESS IN RUSSIAN AND ENGLISH SPEECH ETIQUETTE: COMPARATIVE ANALYSIS

The article presents the results of a comparative analysis of the category of politeness in Russian and English speech etiquette. Based on the theory of “face” by P. Brown and S. Levinson, it was revealed that English communicative culture is predominantly focused on negative politeness strategies (respect for autonomy and distance), while Russian communicative culture is focused on positive politeness strategies (rapprochement and sincerity). The article examines the differences in the systems of address, the ways of expressing requests, as well as the key differences in the category of politeness, the main strategies of speech behavior, and the difficulties of intercultural understanding.

Keywords: *intercultural communication, communicative behavior, negative politeness, positive politeness, address.*

Шлейникова А.С.,

студентка 3 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Никитина А.Ш.,

студентка 3 курса ИГСН,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Уразаев М.Д.,

кандидат филологических наук, старший преподаватель,

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

ПЕРЕВОД СЕМАНТИКИ РУССКОГО ФИТОНИМА «ХМЕЛЬ»

Статья посвящена исследованию прямого и метонимического использования лексемы «хмель» в текстах на английском языке и способов ее перевода на русский язык. Проводится комплексный анализ случаев употребления в художественных произведениях, что позволяет сформулировать концептуальную модель, лежащую в основе употребления лексемы. Рассматриваются её метонимическое переосмысление, метафорическое расширение значения, классифицируются типы семантических трансформаций при переводе.

Ключевые слова: *лексема, метонимия, когнитивная лингвистика, переносное значение, перевод, метафтонимия.*

Введение

В языкознании метонимия – фундаментальный механизм мышления и семантической деривации. Как определяет Н.Д. Арутюнова, «метонимия – это перенос имени с одного класса объектов на другой, ассоциируемый с первым по смежности» [2, 30]. Основовоположники когнитивного подхода Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что метонимические модели (например, «часть вместо целого» или «производитель вместо продукта») организуют повседневную деятельность и мышление, поскольку основаны на физическом и каузальном опыте [4].

Одним из исследователей проблемы перевода метонимии был П. Ньюмарк. Он отмечал, что метонимия создает для переводчика

значительные трудности из-за культурно обусловленных лакун в ассоциациях по смежности [5, 104]. Взаимодействие метонимии с другими видами переноса представляет особую сложность. Е.И. Будникова, исследуя метафоро-метонимические бленды в английском языке, выделяет четыре разновидности метафтонимии, которые демонстрируют возможность как последовательного, так и параллельного действия переносов. Наиболее продуктивным типом исследователь называет тот, «при котором метонимический перенос предшествует метафорическому сдвигу (или запускает его)» [3, 15].

Такое сочетание переносных значений наблюдается в семантике русского фитонима *хмель*. Исходное метонимическое значение «опьянение», возникшее по модели «причина → следствие», становится основой для сложных метафорических расширений. В таких случаях опьянение становится субстанцией, которая может возникать и исчезать и тем самым воздействовать на человека. При переводе подобных конструкций возникают трудности, связанные с необходимостью сохранить образную основу оригинала.

Проблематика перевода фитонимов, как отмечает А.Ю. Аристов, осложняется тем, что в различных культурах названия растений могут получать разные коннотации. Исследуя передачу англоязычных фитонимов в художественной литературе, автор подчеркивает, что «фитонимы довольно часто являются составной частью стилистических приемов», а потому при переводе «сохранить художественный образ для переводчика важнее, чем передать точную ботаническую номенклатуру» [1]. Кроме того, фитонимы могут выполнять выразительную функцию, способствуя повышению экспрессии художественного текста [1]. Рассмотренные положения находят подтверждение на примере лексемы *хмель*, поскольку ее переносная семантика создает устойчивую образную систему. Вследствие этого перед переводчиком стоит задача ее адекватного воспроизведения.

Актуальность исследования состоит в трудностях при выборе эквивалента, что требует понимания механизмов семантического переноса в разноструктурных языках. Исследование закономерностей трансформации образной основы при переводе фитонима *хмель* вносит вклад в развитие теории номинации,

лингвокультурологии и сопоставительной семантики, позволяя систематизировать типы переводческих решений и выявить степень сохранения культурно значимых компонентов значения в англоязычных версиях русских художественных текстов.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать способы передачи переносного значения лексемы *хмель* в английских переводах и определить характер семантических трансформаций.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Описать прямое значение лексемы *хмель*.
2. Рассмотреть её метонимическое переосмысление как обозначение состояния опьянения.
3. Выявить случаи метафорического расширения значения.
4. Проанализировать переводческие решения на материале художественных текстов.
5. Классифицировать типы семантических трансформаций при переводе.
6. Определить степень сохранения образной основы в английских версиях.

Материалом для исследования послужили фрагменты художественных произведений и их переводы, содержащие лексему *хмель* в прямом и переносном значениях.

В ходе исследования были использованы методы контекстуального и когнитивно-семантического анализа, а также сопоставительного анализа оригинала и перевода текста.

Результаты исследования

Рассмотрим конкретные случаи реализации выявленных когнитивных механизмов в текстах художественных произведений. Было проанализировано 8 примеров, в которых лексема *хмель* употребляется в переносном значении для обозначения физических, психических или эмоциональных состояний человека.

1. *Хмель* как обозначение состояния опьянения (метонимия). В примере (1) из романа Метель (англ. *The Blizzard*) лексема *хмель* передается как *the effect of the liquor*. Следует отметить, что в русском языке *хмель*, первоначально обозначающий растение, регулярно используется в значении состояния опьянения в

результате метонимического переноса по модели «причина → эффект». То есть, название вещества переносится на вызываемое им состояние.

В оригинале состояние опьянения представлено опосредованно, через фитонимически мотивированную номинацию (*хмель*), а также концептуализируется как субстанция, способная удерживаться в теле и постепенно исчезать (*держался, проходил*).

В переводе данная модель упрощается, то есть используется нейтральное выражение *the effect of the liquor*, обозначающее результат употребления алкоголя. Метонимически опосредованная номинация заменяется прямой, вследствие чего происходит утрата образного компонента.

(1) русский: Хмель еще держался в его теле, но уже начинал проходить, и доктору стало зябко. – английский: The doctor could still feel the effect of the liquor, but it was beginning to pass, and he felt chilled. [Владимир Сорокин. Метель (2010) | Vladimir Sorokin. The Blizzard (Jamey Gambrell, 2015)]

В примере (2) лексема *хмель* обозначает состояние опьянения через метонимию «причина → эффект». При этом в оригинале она выражена образно и наделена субъектностью. Конструкция *довел хмель* делает опьянение активным деятелем, способным приводить к негативным последствиям.

В переводе Изабель Хэпгуд используется прямая номинация *drunkenness*, которая исключает метонимическую связь. В результате происходит утрата образности оригинала, исчезновение фитонима и связанного с ним образа активной силы.

(2) русский: – Вот до чего довел хмель! – английский: See what drunkenness has led to! [Н. В. Гоголь. Тарас Бульба (1842) | Nikolay Gogol. Taras Bulba (Isabel F. Hapgood, 1886)]

В примере (3) используется прилагательное *drunk*, обозначающее состояние опьянения. В русском переводе такое состояние передается с помощью метонимического выражения *во хмелю*, указывающего на причину (растение или напиток) вместо обозначения следствия.

В английском оригинале это значение выражено через прилагательное *drunk*, лишенное какой-либо образности. При переводе на русский язык прямая номинация заменяется

метонимическим выражением *во хмелю*, которое ставит в центр причину вместо следствия. В итоге простая констатация факта трансформируется в более выразительную конструкцию, сохраняющую культурные особенности русского языка.

(3) английский: Woke up this morning feeling happy (still drunk from last night)... – русский: Утром я встала вполне счастливая (все еще во хмелю после вчерашнего вечера)... [Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996) | Хелен Филдинг. Дневник Бриджит Джонс (А. Москвичева, 2000)]

2. Лексема *хмель* в динамических конструкциях. Во второй группе примеров лексема *хмель* употребляется в сочетании с глаголами, обозначающими начало, протекание или прекращение действия. С помощью данных глаголов состояние опьянения концептуализируется как некая активная субстанция, способная проявлять себя, воздействовать на человека или внезапно покидать его. В английских переводах динамика состояния в целом сохраняется, однако конкретные образы, связанные с глагольной метафорикой, либо сглаживаются, либо заменяются нейтральными описаниями.

В примере (4) конструкция *хмель играет* формирует образ нарастающей активности опьянения. Обозначает опьянение по метонимической модели «причина вместо эффекта». В оригинале этот смысл передан через образный фитоним, образующий метафору олицетворения опьянения как играющей силы.

В английском переводе Питера Константина используется выражение *the liquor was beginning to kick in*, относящееся к прямой номинации с идиоматическим оттенком. Следовательно, метонимическая связь с растением при этом полностью утрачивается.

Концептуальная модель нарастающего воздействия сохраняется, однако исходная образность заменяется более нейтральным динамическим описанием. Происходит частичная утрата образности при сохранении функционального смысла.

(4) русский: Мужчины, – на них не настираешься... А хмель-то играет. Валентин себя как за волосы цапнет, крутит их. – английский: With men, you can wash sheets till you're blue in the face." But the liquor was beginning to kick in. Valentin grabbed his hair

and started tearing at it. [Исаак Бабель. Сказка про бабу (1923) | Isaac Babel. A Tale about a woman (Peter Constantine, 2002)]

В примере (5) конструкция *хмель вылетел из головы* представляет собой развернутый образ быстрого отрезвления, где метонимическое значение лексемы *хмель* (опьянение) сочетается с глаголом движения *вылетел*. Благодаря этому образуется пространственная метонимия, в которой опьянение – некая субстанция, находящаяся внутри тела.

(5) русский: Ошеломила эта весть Михаила Максимовича. Хмель вылетел у него из головы, он смутился и почувал грозу. – английский: Kurolyessoff was dumbfounded by the news; it sobered him in a moment; he felt uneasy and scented danger ahead. [С. Т. Аксаков. Семейная хроника (1856) | Sergey Aksakov. A Russian Gentleman (J. D. Duff, 1917)]

В английском переводе Дж. Даффа использовано нейтральное выражение *it sobered him in a moment*, относящееся к типу прямой номинации, которое передает только результативное значение. При таком переводческом решении фитоним исчезает, а пространственная метонимия и образ стремительного движения утрачиваются. Обстоятельство времени *in a moment* частично передает внезапность, но не использует динамическую модель «опьянение – субстанция внутри тела», заложенную в оригинале. Происходит утрата образности при сохранении смысла отрезвления.

3. Расширенные употребления. В третьей группе примеров лексема *хмель* включается в более сложные образные конструкции, где метонимическая основа (причина → следствие) сочетается с метафорическими расширениями или включается в развернутые сравнения.

В примере (6) в русском переводе лексема *хмель* обозначает состояние эйфории через метонимию «причина вместо эффекта». В оригинале для передачи той же ситуации использована физическая метафора *the hot needle of anger... penetrated the cuticle of Peter's euphoria*.

Переводческое решение представлено выражением *веселый хмель* в сочетании с глаголом «слетел», что относится к типу образной замены. То есть, исходная метафора заменяется метонимической конструкцией с фитонимом и пространственной

метафорой легкой субстанции. Фитоним *хмель* в переводе появляется там, где в оригинале его не было, что ведет к изменению образности при сохранении общей динамики исчезновения эйфории.

(6) английский: The hot needle of anger in my voice must have penetrated the cuticle of Peter's euphoria. – русский: В моем голосе, должно быть, прозвучала такая злоба, что с Питера разом слетел весь его веселый хмель. [Margaret Atwood. *Edible Woman* (1969) | Маргарет Этвуд. *Лакомый кусочек* (Н. Толстая, 1981)]

В примере (7) лексема *хмель* обозначает опьянение метонимически (перенос по смежности: растение → вызываемое им состояние). В оригинале она включена в развернутое сравнение (очнулся... от тяжелого хмеля), в котором эпитет *тяжелый* формирует концептуальную модель «чрезмерное опьянение – это угнетающая субстанция».

В английском переводе использована лексема *debauch* (прямая номинация), которое передает состояние морального падения, но не воспроизводит ни фитоним, ни связанную с ним образность тяжелой субстанции. Фитоним исчезает, а вместе с ним нейтрализуется русский культурный код, где опьянение осмысливается через образ *хмеля*. Образность пробуждения сохраняется частично за счет глагола *aroused*, однако концептуальная модель «опьянение – это тяжелая, угнетающая сознание субстанция» в переводе утрачена.

(7) русский: Он строго обвел глазами незнакомую комнату и сурово, с убежденностью человека, который очнулся на миг от тяжелого хмеля и видит себя в чужой обстановке, осудил все увиденное. – английский: Sternly now he surveyed that strange room, severely, with the conviction of a man aroused for an instant from a debauch, seeing himself in foreign surroundings and condemning what he sees. [Леонид Андреев. *Тьма* (1907) | Leonid Andreev. *The Dark* (Herman Bernstein)]

В примере (8) лексема *хмель* обозначает опьянение через метонимический перенос по смежности (растение → вызываемое им состояние), при этом в оригинале она включена в развернутую метафору *опьянело хмелем войны*, где война уподобляется хмельному напитку, а страна – опьяневшему человеку.

В английском переводе Констанс Гарнетт использовано выражение *were drunk with the intoxicating fumes of war*, где фитоним *хмель* заменен на описательную конструкцию *intoxicating fumes*. Тип перевода можно квалифицировать как замену образа. То есть, вместо метафоры напитка вводится метафора удушающих испарений, сохраняющая общую идею опьянения, но меняющая конкретную образность.

Концептуальная модель «война – это хмельной напиток» в переводе трансформируется в модель «война – это отравляющие пары», что связано с традицией английской военной метафорики. Фитоним исчезает, однако образность опьянения как потери контроля сохраняется, хотя и с иным способом восприятия. Происходит адаптация исходной метафоры к иной культурной образной системе при сохранении ключевого смыслового ядра.

(8) русский: Кончилось старое житье, — Россию, как большой ложкой, начало мешать и мутить, все тронулось, сдвинулось и опьянело хмелем войны. — английский: The old life had come to an end – it seemed as if Russia was being stirred and muddled with a gigantic ladle, and now everything was in motion, pressing onward – all were drunk with the intoxicating fumes of war. [А. Н. Толстой. Сестры (1922) | Alexey Tolstoy. The Sisters (Constance Garnett)]

Так, основные сферы метонимического употребления лексемы *хмель* – обозначение состояния опьянения, его стадий проявления и включение в расширенные образные комплексы. Все эти случаи объединяются концептуализацией опьянения как субстанции, обладающей способностью к действию, движению и взаимодействию с другими образами.

Выводы

Анализ переводов показал, что при передаче метонимических и метафорических конструкций с лексемой *хмель* используются несколько стратегий. Выбор способа определяется контекстом, образной сложностью оригинала и нормами английского языка.

1. Замена прямым обозначением состояния – примеры (1), (2). Метонимическая лексема *хмель* заменяется нейтральными лексемами *the effect of the liquor* или *drunkenness*, прямо называющими состояние опьянения. Образность оригинала утрачивается.

2. Лексическая конкретизация – пример (3). Нейтральное английское *drunk* передается метонимическим русским *во хмелю*. В этом случае образность, напротив, возникает в переводе при отсутствии ее в оригинале.

3. Идиоматическая замена – пример (4). Выражение *the liquor was beginning to kick in* передает динамику нарастающего воздействия, используя разговорный фразовый глагол, но утрачивает метафору «игры» оригинала.

4. Деметафоризация – примеры (5), (7). Развернутые образные конструкции *очнулся от тяжелого хмеля*, *хмель вылетел из головы* заменяются нейтральными описаниями состояния *sobered in a moment*, *aroused from a debauch* без сохранения исходной образности.

5. Частичное сохранение образа – пример (6). Метонимическая конструкция *слетел веселый хмель* передает динамику исчезновения состояния, однако полностью заменяет оригинальную телесную метафору (*hot needle penetrating cuticle*) на иную образную систему.

6. Смена образности – пример (8). Метафтонимический комплекс «опьянело хмелем войны» передается через образ пьянящих испарений *intoxicating fumes*, что меняет характер образности на «газообразную» при сохранении общего смысла.

Таким образом, переносное употребление лексемы *хмель* базируется на метонимической модели ПРИЧИНА → СЛЕДСТВИЕ. Эта метонимия описывает динамику опьянения и часто встраивается в метафтонимические комплексы, концептуализирующие опьянение как активную субстанцию. При переводе на английский фитонимический компонент, как правило, утрачивается в связи с тем, что перевод ориентирован на передачу состояния, а не образа. Расширенные метафтонимические конструкции при этом нейтрализуются или адаптируются под нормы принимающего языка.

Литература

1. Аристов А.Ю. Перевод англоязычных фитонимов в художественной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – С. 32-47.

2. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова. – Москва, 1990. – С. 300-301.
3. Будникова Е.И. Метафоро-метонимические бленды в значениях английских устойчивых выражений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 1 (98). – С. 53-60.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. Цит. по: Осипов Д.В., Федотова Н.С. Алгоритм формирования концептуальных метафор // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2019. – № 2. – С. 24.
5. Newmark P. *A Textbook of Translation* / P. Newmark. – New York: Prentice Hall, 1988. – P. 104.

© Шлейникова А.С., Никитина А.Ш., 2026

A.S. Shleynikova,

*3rd-Year Student of the Institute of Social Sciences and Humanities,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

A.Sh. Nikitina,

*3rd-Year Student of the Institute of Social Sciences and Humanities,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

Scientific Advisor: M.D. Urazaev,

*Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

TRANSLATING THE SEMANTICS OF THE RUSSIAN PHYTONYM “KHMYEL”

The article is devoted to the study of both the literal and metonymic uses of the lexeme “khmyel” (“hops”) in English-language texts and the ways of translating it into Russian. A comprehensive analysis of usage cases in literary works is carried out, which makes it possible to formulate a conceptual model underlying the use of the lexeme. The paper examines its metonymic reinterpretation, metaphorical extension of meaning, and classifies the types of semantic transformations in translation.

Keywords: *lexeme, metonymy, cognitive linguistics, figurative meaning, translation, metaphonymy.*

УДК 821

Юсупова Л.Р.,

*преподаватель русского языка и литературы,
Казанский колледж технологии и дизайна, г. Казань, Россия*

СИМФОНΙΑ КОДОВ: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ В КОМПАРАТИВИСТИКЕ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВЕКОВ

В статье исследуется взаимодействие культурных кодов в мировой литературе через призму синтеза искусств. На материале русской (Ф. Достоевский, А. Блок) и европейской (Э.Т.А. Гофман, О. Уайльд) литературы XIX–XX веков демонстрируются механизмы трансляции музыкальных, живописных и архитектурных кодов в словесное творчество. Компаративистский анализ позволяет выявить универсальные принципы интермедиальности, формирующие новые смыслы на стыке искусств.

Ключевые слова: *культурные коды, синтез искусств, интермедиальность, компаративистика, русская литература, европейский романтизм, символизм.*

В современном контексте подготовки специалистов возрастает значимость умения воспринимать литературные произведения не как обособленные явления, а как неотъемлемые компоненты более широкого культурного поля. Интеграция с культурными кодами и междисциплинарный синтез искусств выступают в роли мощных инструментов, способствующих преодолению разрыва между текстом и его интерпретацией. Под культурным кодом в данном исследовании понимается совокупность знаков, общих для определенной исторической эпохи или культурной традиции, которые свободно мигрируют между литературой, живописью, музыкой, архитектурой и другими видами искусства. Цель данной работы – посредством компаративного анализа

продемонстрировать функционирование механизмов интермедиального синтеза в русской и европейской литературных традициях, а также то, как этот синтез порождает новые художественные смыслы.

Исследовательская база работы включает в себя фундаментальные труды Ю.М. Лотмана по семиосфере, работы Р. Якобсона в области лингвистической поэтики, а также концепции интермедиальности, разработанные представителями немецкой (Х. Шмидт) и французской (Ж. Женетт) научных школ. Однако, в отличие от сугубо теоретических изысканий, наше внимание сосредоточено на конкретных текстовых феноменах, где литература сознательно вступает в диалог с другими видами искусства, «цитируя» их. Для анализа были выбраны два ключевых периода: эпоха романтизма, ознаменовавшаяся декларативным стремлением к синтезу искусств, и рубеж XIX-XX веков, период символизма и модерна.

В творчестве Э.Т.А. Гофмана, выдающегося писателя и композитора, принципы полифонии и лейтмотивного развития органично вплетаются в ткань его новелл, таких как «Кавалер Глюк» и «Крейслериана». Его персонажи воспринимают окружающую действительность как партитуру, где каждый звук, от уличного шума до произнесенного слова, обретает музыкальное измерение. Так, в «Крейслериане» структура повествования имитирует сонатную форму: экспозиция представляет тезис об искусстве и безумии, разработка раскрывает конфликт с обывательским миром, а реприза возвращает к теме одинокого гения. Упоминания конкретных музыкальных произведений (Глюка, Моцарта) служат не просто декоративными элементами, но полноценными интертекстуальными маркерами, направляющими читателя к осмыслению этических и эстетических дилемм [1, 215].

В русской литературе А. Блок в цикле «Кармен» и поэме «Двенадцать» идет еще дальше: музыкальный код становится не только тематическим элементом, но и основополагающим принципом организации стихотворной речи. Блок использует дольник для воссоздания ритмической свободы, характерной для цыганского романа, а лейтмотивы (ветер, музыка, выюга) разворачиваются в соответствии с законами вагнеровской музыкальной драмы. Сравнительный анализ «Крейслерианы»

Гофмана и «Незнакомки» Блока выявляет общую функцию музыкального кода в обоих произведениях: он маркирует переход от обыденного к трансцендентному. Звук, будь то музыкальный аккорд или мелодия уличной гармоник, открывает герою иное измерение реальности. Однако, если у Гофмана этот переход часто окрашен иронией, то у Блока он приобретает трагическое звучание [2, 88].

Также рассмотрим живописный код в романе Ф. Достоевского «Идиот» и повести О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». На первый взгляд, эти произведения, принадлежащие к разным культурным традициям – русскому реализму и английскому эстетизму, – кажутся далекими друг от друга. Однако их объединяет ключевой визуальный образ – картина, которая выполняет функцию морального и эстетического рефлексива. У Достоевского портрет Настасьи Филипповны, созданный Мышкиным (описанный, но не существующий физически), выступает как культурный код, отсылающий к русской иконописной традиции. Мышкин, созерцая лицо героини, улавливает в нем сочетание «страдания великого» и «гордости», что перекликается с иконографией Богоматери «Умиление». Достоевский достигает синтеза словесности и живописи не через прямое описание, а через категорию «светотени» (термин Лессинга, переосмысленный писателем). Мышкин обладает уникальной способностью «читать» душу как картину, где блики света и тени, символизирующие грех и святость, сосуществуют в едином пространстве [3, 312].

В романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» живописный код обретает самобытное звучание. Портрет здесь выступает не как зеркальное отражение, а как самостоятельный актер, вбирающий в себя все грехи своего прототипа. Эта трактовка перекликается с готической традицией и эстетикой прерафаэлитов (Дж. Россетти, У. Хант), с которыми Уайльд поддерживал тесные связи. Описания портрета по своей сути являются вербальными эквивалентами художественных техник: детали вроде «кровь на руке» или «складка у рта, напоминающая старческого развратника» носят сугубо пластический характер. Сравнительный анализ показывает, что если у Достоевского живописный код стимулирует христианское сострадание, то у

Уайльда он становится инструментом гедонистического распада личности. Тем не менее, оба автора сходятся в ключевом моменте: визуальный образ обладает онтологической силой, превосходящей возможности слова, и способен выразить то, что язык не в силах передать.

Третье направление исследования затрагивает архитектурный код в контексте «Петербургского текста» и готического романа. В западноевропейской традиции (М. Шелли, Г. Уолпол) архитектура готического собора или замка символизирует страх, иррациональность и иерархичность (лабиринт, склеп, башня). В русской же литературе архитектурный облик Петербурга (А. Белый, Н. Гоголь, Ф. Достоевский) приобретает черты иллюзорности и призрачной рациональности. В романе А. Белого «Петербург» Невский проспект и Исаакиевский собор перестают быть просто декорациями, становясь полноправными персонажами. Их геометрическая структура (прямые линии, квадраты, параллели) кодирует подавленный хаос. Белый, опираясь на архитектурные трактаты классицизма, переворачивает их смысл: упорядоченность петербургских улиц становится воплощением безумия.

Сравним это с готическим кодом в «Франкенштейне» М. Шелли. Здесь замок и лаборатория олицетворяют разрыв между природой и культурой. Постоянные перемещения героев по вертикали (от гор к подземельям) формируют код «подъема-падения», в отличие от горизонтального, «плоского» пространства Петербурга Белого. Компаративный анализ выявляет, что архитектурные коды отражают национальные способы переживания катастрофы: у Шелли это возвышенное и романтическое бегство (Альпы), у Белого – плоское, истерическое повторение (петербургские проспекты) [4, 154].

Значение синтеза искусств для компаративистики трудно переоценить. Он позволяет проследить, как единый культурный код (например, музыка как «язык души» или картина как «свидетель греха») функционирует в различных национальных контекстах, обретая уникальные смыслы. Такой подход предлагает методический ключ: вместо изолированного анализа отдельных произведений, таких как «Идиот» или «Портрет Дориана Грея», можно построить диалоговый урок, включающий репродукции картин (Ф. Бруни, Д. Россетти), фрагменты симфонической музыки

(Р. Вагнер, А. Скрябин) и архитектурные планы [5, 47].

Однако синтез искусств имеет и свои ограничения. Чрезмерное увлечение интермедияльными параллелями может привести к размыванию специфики литературы как словесного искусства. Например, в «Петербурге» Белого архитектурный код настолько доминирует, что текст превращается в вербальную модель города, утрачивая психологическую глубину. В «Франкенштейне» М. Шелли, напротив, готический код служит лишь фоном для этической дилеммы творца и творения. Компаративистский подход требует соблюдения баланса: следует искать не поверхностные соответствия («эта музыка похожа на эту сцену»), а функциональные аналогии («музыкальный код выполняет ту же сюжетную роль, что и живописный»).

Таким образом, культурные коды в мировой литературе редко существуют в изоляции. Музыкальный, живописный и архитектурный коды вступают в диалог, формируя интермедияльные комплексы. Компаративный анализ синтеза искусств позволяет выявить «узлы» культурной памяти, где литература заимствует у живописи пластичность, у музыки – ритм, а у архитектуры – пространственную логику.

Литература

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704с.
2. Тимофеев В.Н. Интермедияльность в русском символизме: музыка и слово. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 312 с.
3. Фарино Е. Введение в литературоведение. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.
4. Ханзен-Лёве А. Интермедияльность в русской культуре: от символизма к авангарду. – М.: РГГУ, 2016. – 450 с.
5. Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

© Юсупова Л.Р., 2026

L.R. Yusupova,
*Teacher of Russian language and literature,
Kazan College of Technology and Design, Kazan, Russia*

A SYMPHONY OF CODES: AN INTERMEDIATE SYNTHESIS IN COMPARATIVE STUDIES OF RUSSIAN AND EUROPEAN LITERATURE OF THE 19TH–20TH CENTURIES

The article examines the interaction of cultural codes in world literature through the prism of art synthesis. The material of the Russian (F. Dostoevsky, A. Blok) and European (E.T.A. Hoffman, O. Wilde) literature of the 19th–20th centuries demonstrates the mechanisms of translation of musical, artistic and architectural codes into verbal creativity. Comparative analysis makes it possible to identify universal principles of intermediality that form new meanings at the intersection of the arts.

Keywords: *cultural codes, synthesis of arts, intermediality, comparative studies, Russian literature, European Romanticism, symbolism.*

УДК 81'373.612.2:81'25

Яхина А.А.,
*студентка 3 курса ИГСН,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*
Научный руководитель: **Уразаев М.Д.,**
*кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия*

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «HAZE» В ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена исследованию метафорического использования лексемы haze в текстах на английском языке и способов ее перевода на русский язык. Проводится комплексный анализ конкретных случаев употребления в художественных произведениях, что позволяет сформулировать базовую концептуальную модель, лежащую в основе употребления

лексемы. Определяются основные переводческие стратегии при переводе метафоры с *haze*.

Ключевые слова: перевод лексем, перевод метафоры, концептуальная метафора, переносное значение, неясность сознания.

Введение

Метафора в традиционной лингвистике – «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [2]. В широком смысле этот термин применяется к любым видам употребления слов в не прямом значении. Преимуществом метафоры, особенно в художественном тексте, является ее способность объективировать абстрактные явления, осмыслить их через конкретные чувственные образы.

Особое отношение к метафоре выработалось в когнитивной лингвистике. Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [9, 3], само мышление человека метафорично, что и отражает языковая метафора. Для разграничения понятий Дж. Лакофф вводит понятие концептуальной метафоры, которую определяет как когнитивный механизм, позволяющий осмысливать абстрактные явления через более конкретные и непосредственно воспринимаемые области опыта [10, 203]. Примерами таких моделей являются известные концептуальные метафоры ARGUMENT IS WAR, LIFE IS A JOURNEY, TIME IS MONEY и т.д. Таким образом, метафорическое выражение в тексте является внешней манифестацией концептуальной метафоры, укорененной в сознании человека.

В переводоведении метафора чаще всего рассматривается в широком смысле. Так, П. Ньюмарк определяет метафору как любое фигуральное выражение и считает, что метафорическим потенциалом обладают все многозначные слова [11, 104]. Перевод метафоры на другой язык предполагает вариативность решений и зависит от коммуникативной задачи текста. Следует обратить внимание на субстантивную лексему *haze*, которая в прямом толковании обозначает погодное явление и переводится лексемами

дымка, мгла, туман и муть; кроме того, существует глагольная лексема *to haze* – *заволакивать, затуманивать* [3]. При этом в художественном дискурсе эта лексема нередко употребляется в переносном значении и служит средством образного изображения физиологического, психического или эмоционального состояния человека. При переводе метафоры, представленной данной лексемой, наблюдается вариативность передачи образа.

Следует структурировать метафорическую проекцию, лежащую в основе употребления лексемы *haze*. Данная лексема и ее синонимы *fog, mist, vapour* в сознании носителя языка связаны с ухудшением видимости, дезориентацией, неясностью и непониманием происходящего [1, 212]. В переносном употреблении эти характеристики проецируются на когнитивную и эмоциональную сферу. Можно говорить об актуализации концептуальной метафоры НЕЯСНОСТЬ СОЗНАНИЯ – ЭТО ТУМАН или ИСКАЖЕНИЕ СОЗНАНИЯ – ЭТО ИСКАЖЕНИЕ ЗРЕНИЯ. Таким образом, вышеописанные аспекты определяют актуальность настоящей работы.

Целью данного исследования является анализ метафорического употребления лексемы *haze* и выявление когнитивной основы ее переносных значений, а также способов их передачи в русском переводе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Описать прямое значение лексемы *haze*.
2. Выявить случаи метафорического употребления лексемы в корпусе примеров.
3. Определить базовую концептуальную модель, лежащую в основе переносных значений.
4. Классифицировать типы метафорических употреблений.
5. Проанализировать переводческие решения.
6. Определить, в каких случаях метафора сохраняется, модифицируется или утрачивается в переводе.

Материалом исследования послужили примеры метафорического употребления лексемы *haze* в художественных произведениях на английском языке и переводы данных произведений на русский язык, извлеченные из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Выборка

носит иллюстративный характер и направлена на демонстрацию типичных моделей метафорического употребления лексемы *haze*, а не на их количественное описание.

В ходе исследования были использованы методы контекстуального и когнитивно-семантического анализа, а также сопоставительного анализа оригинала и перевода текста.

Результаты исследования

Следует рассмотреть конкретные случаи реализации выявленной когнитивной метафоры в текстах художественных произведений. Было проанализировано 10 примеров, в которых лексема *haze* употребляется в переносном значении для обозначения физических, психических или эмоциональных состояний человека.

1. *Haze* как когнитивная неясность. В первой группе примеров лексема *haze* обозначает когнитивную неясность, связанную с непониманием части происходящего. Реализуется концептуальная метафора НЕЯСНОСТЬ СОЗНАНИЯ – ЭТО ТУМАН.

В примере (1) конструкция *a confusing haze* формирует метафорический образ: часть информации скрыта или неясна, что делает ее сложной для понимания. В переводе лексема *haze* передается лексемой *туман*, что обеспечивает полное сохранение метафоры.

(1) английский: The Duchess and her conspiracy – that I understood, as much as one can ever understand madness, hunger for power and avarice combined, but much of the rest was still a *confusing haze* to me. – русский: Герцогиня и ее заговор... Это я как раз-таки понимал, потому что все знают, что такое безумие и жажда власти, подкрепленная алчностью, но остальное *скрывалось в тумане*. (Sebastian de Castell. *Traitor's Blade* (2014) | Себастьян де Кастелл. Клинок предателя (А. Свобода, 2020)) [4].

В примерах (2) и (3) используется конструкция *to be hazed by someone*, в которой глагольная лексема *to haze* используется в переносном значении для описания ситуации намеренного введения человека в заблуждение. Метафора связана с идеей «затуманивания» сознания: информация подается таким образом, что создается неясность, скрывается истинное положение вещей. В переводе на русский язык возможно сохранить метафору при

использовании фразеологизма *напустить туману*, однако при таком переводе нарушается синтаксическая конструкция, поэтому используются синонимичные выражения, передающие идею обмана или манипуляции: фразема *заморочить голову* в примере (2) и фразема *водить за нос* в примере (3). При этом, если фразеологизм *заморочить голову* сохраняет образ визуальной неясности, искажения зрения (*заморочить* – производное от *морок*, *мрак* [7]), то фразема *водить за нос* указывает на идею сознательной манипуляции кого-либо кем-либо. Соответственно, в примере (2) метафора частично сохраняется, а в примере (3) заменяется другим выражением, описывающим схожую ситуацию.

(2) английский: I'd say you're *being hazed* by someone at the office with a sick sense of humor. – русский: Я скажу, что тебе сумел *заморочить голову* какой-то придурок с извращенным чувством юмора. (Dan Brown. *Angels and Demons* (2000) | Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)) [4].

(3) английский: I'll be hanged if I'll be hazed by you, John Silver. – русский: И, клянусь виселицей, Джон Сильвер, я не позволю тебе водить меня за нос! (Robert Louis Stevenson. *Treasure Island* (1883) | Роберт Луис Стивенсон. Остров сокровищ (Н. Чуковский, 1935)) [4].

2. Haze как физиологическое состояние. В этой группе примеров лексема *haze* используется для передачи физиологического состояния человека, которое сопровождается нарушением восприятия. Реализуется концептуальная метафора ИСКАЖЕНИЕ СОЗНАНИЯ – ЭТО ИСКАЖЕНИЕ ЗРЕНИЯ.

В примере (4) выражение *through the haze of pain* формирует визуальную метафору: сильная боль сопровождается помутнением в глазах. В переводе лексема *haze* передаётся лексемой *пелена*, которая в русском языке связана с представлением о нарушении зрительного восприятия (ср. *пелена перед глазами*). Следовательно, концептуальная модель сохраняется, но используется иной лексический эквивалент. Кроме того, в русском переводе утрачивается указание на причину помутнения (боль).

(4) английский: *Through the haze of pain*, she saw that the blast had destroyed some of the cave tunnel and sent tons of rock tumbling to the ground, blocking the only exit. – русский: Словно *сквозь пелену* она увидела, как взрывом разрушило туннель, ведущий в пещеру, и

тонны камней заблокировали единственный выход. (Michael Buckley. The Sisters Grimm: The Unusual Suspects (2005) | Майкл Бакли. Сестры Гримм: Тайна Алой Руки (Владимир Каманин, Д. Орловская, 2007)) [4].

Аналогично модель реализуется в примере (5). Словосочетание *an agonizing haze* описывает состояние сильного физического истощения, которое вызывает нарушение зрения: окружающая реальность воспринимается неясно, словно через дымку. В переводе происходит конкретизация: общее состояние героини передается посредством описания физиологического эффекта – «в глазах мутилось». При этом используется схожий метафорический образ: «муть» – мелкие частицы в жидкости, делающие ее непрозрачной, неясной, подобно тому, как туман или дымка делают непрозрачным воздух. Соответственно, происходит замена метафоры на другую, близкую по значению.

(5) английский: Through *an agonizing haze*, she manipulated the controls as she had seen them do, finding the energy for it somehow. – русский: В глазах у нее мутилось, она чувствовала, что энергии в ней нет больше совсем, и все-таки повернула рукоятки, как это делали Жесткие. (Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972) | Айзек Азимов. Сами боги (Р. Рыбакова, 1975)) [4].

3. Haze как эмоциональное состояние. В следующей группе примеров лексема *haze* метафорически описывает эмоциональное состояние человека, характеризующееся рассеянностью, невнимательностью, погруженностью в себя. Реализуется концептуальная метафора НЕЯСНОСТЬ СОЗНАНИЯ – ЭТО ТУМАН.

В примере (6) неясность, «затуманенность» сознания вызвана сильными эмоциональными переживаниями. При переводе происходит деметафоризация: образ дымки, выраженный лексемой *haze*, утрачивается, и погруженность героини в себя выражается лексемой *забытье*, отражающим невнимательность и отрешенность от окружающего мира.

(6) английский: Suzanne startled a little and jarred from a *haze* I had not noticed until it broke. – русский: Сюзанна вздрогнула, очнулась от *забытья*, которое я заметила, только нарушив его. (Emma Cline. The Girls (2016) | Эмма Клайн. Девочки (Анастасия Завозова, 2017)) [4].

В примере (7) метафора *emotional haze* также передает замкнутость героини на собственных переживаниях, невнимательность. Перевод трансформирует метафору, заменяя словосочетание *emotional haze* словосочетанием с абстрактным существительным *эмоциональный хаос*. Происходит замена метафоры другой, более понятной для носителя русского языка.

(7) английский: One of them blows you off because she's hung over and just couldn't deal, but the other found out that her beloved mother suddenly died and had to run off to the airport, forgetting to call you in her *emotional haze*. – русский: Одна из них подводит тебя, потому что у нее жуткое похмелье, с которым она просто не смогла справиться, но вторая узнала о смерти своей матери, ей пришлось нестись в аэропорт, и в этом *эмоциональном хаосе* она забыла тебе позвонить. (Jen Sincero. You Are a Badass: How to Stop Doubting Your Greatness and Start Living an Awesome Life (2013) | Джен Синсеро. НИ СЫ (Э.И. Мельник, 2018)) [4].

В примере (8) лексема *haze* выражает идею неясности сознания как признака расслабленности, спокойствия. Выражение *a warm haze* передает радость ожидания. В переводе лексема *haze* передается прямым эквивалентом *туман* с полным сохранением метафоры.

(8) английский: In fact, a good Zemblan Christian is taught that true faith is not there to supply pictures or maps, but that it should quietly content itself with *a warm haze* of pleasurable anticipation. – русский: Доброму земблянскому христианину внушают, что истинная вера существует не затем, чтобы снабжать его картинками или географическими картами, и что надлежит ей спокойно довольствоваться *теплым туманом* радостного предчувствия. (Vladimir Nabokov. Pale Fire (1962) | Владимир Набоков. Бледный огонь (Вера Набокова, 1983)) [4].

4. Haze как состояние опьянения. В группе примеров лексема *haze* используется для описания размытого или искаженного восприятия действительности в связи с состоянием алкогольного опьянения. При этом проявляются элементы значения описанных выше метафорических моделей, т.к. человек в состоянии опьянения не понимает истинного положения вещей, его сознание неясно, восприятие окружающего мира искажено.

В примере (9) конструкция *a communal haze slurring over conversation* формирует визуальную метафору: разговор становится нечетким, т.е. размывается, «затуманивается». Перевод при этом концентрируется на результате, передавая ситуацию выражением *разговоры сливаются в общее мычание*. Происходит смена модальности: вместо визуального помутнения вводится акустический эффект. Так как лексема *haze* переводится лексемой *мычание*, образ тумана утрачивается, и происходит демегафоризация.

(9) английский: It was the kind of party where everyone was drunk early, *a communal haze slurring over conversation*. – русский: Вечеринка получилась из тех, где все быстро напиваются и *разговоры сливаются в общее мычание*. (Emma Cline. The Girls (2016) | Эмма Клайн. Девочки (Анастасия Завозова, 2017)) [4].

Пример (10) описывает состояние, похожее на опьянение, влияющее и на эмоции, и на физическое состояние персонажей. Словосочетание *sidereal haze* выражает головокружение и утрату ясности восприятия. В русском переводе оно передается словосочетанием *звездный туман*, которое дополнительно конкретизируется признаками этого состояния (*безумие, дурнота*), что позволяет полностью сохранить метафору.

(10) английский: The *sidereal haze* makes the Bokes dizzy, gray incense, insanity, infinity-sickness. – русский: Головы Боке кружит *звездный туман* – серый дым благовоний, безумие, дурнота бесконечности. (Vladimir Nabokov. Lance (1952) | Владимир Набоков. Ланс (С. Ильин, 1990-2000)) [4].

Таким образом, основные сферы метафорического употребления лексемы *haze* – обозначение когнитивной неясности, физиологического или эмоционального состояния, а также измененные состояния сознания. Все эти модели объединяются значением ослабленного восприятия действительности, неясности сознания.

Переводческие решения. Анализ переводов показал, что при передаче метафор с *haze* используются несколько основных стратегий перевода. Выбор способа определяется контекстом, стилистикой текста и нормами русского языка.

1. Полное сохранение метафоры (туман → туман): примеры (1), (8), (10). Используется прямой лексический эквивалент, передается образность высказывания.

2. Замена близким перцептивным образом: заморочить голову, водить за нос – примеры (2) и (3); дымка → пелена, хаос – примеры (4), (7). Воспроизводится идея визуального помутнения или неясности сознания, но подбирается аналог, более понятный или подходящий для текста на русском языке.

3. Семантическая конкретизация – пример (5): *an agonizing haze* (общее состояние) – в глазах мутилось (конкретное проявление). Образ дымки не воспроизводится напрямую, но сохраняется представление о нарушении восприятия.

4. Деметафоризация – примеры (6), (9). Метафорический образ не передается, состояние объясняется при помощи иных лексических средств.

Заключение

Проведенный анализ показал, что метафорическое употребление лексемы *haze* в художественном тексте основано на когнитивной метафоре НЕЯСНОСТЬ СОЗНАНИЯ – ЭТО ТУМАН или ИСКАЖЕНИЕ СОЗНАНИЯ – ЭТО ИСКАЖЕНИЕ ЗРЕНИЯ. Эта модель реализуется при описании когнитивной неясности, физиологического состояния, эмоциональных переживаний и измененных состояний сознания, в том числе вызванных опьянением. Все эти контексты объединяются общим признаком ослабленного или искаженного восприятия действительности.

Сопоставление оригинальных текстов и их переводов показало, что базовая концептуальная модель в большинстве случаев сохраняется. При этом перевод сохраняет исходный метафорический образ, заменяет его близким, более понятным образом или передает значение без использования метафоры. Таким образом, в переводе наблюдается вариативность передачи метафоры, обусловленная особенностями контекста, стилистическими задачами текста и нормами языка перевода.

Литература

1. Кисткина Ю.М., Шестеркина Н.В. Образ тумана в англоязычных художественных текстах // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – №5. – С. 193-217. –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-tumana-v-angloyazychnyh-hudozhestvennyh-tekstah> (дата обращения: 28.03.2026).

2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – URL: <https://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 11.03.2026).

3. Мультитран. – URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 10.03.2026).

4. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

5. Скопич Н.П. Теория концептуальной метафоры // Language & Science. – 2013. – № 2. – URL: <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/rutso/21294> (дата обращения: 10.03.2026).

6. Шалимова Д.В., Шалимова И.В. Переводческие приемы Питера Ньюмарка на материале переводов метафор в произведениях Стивена Кинга // СибСкрипт. – 2020. – №1 (81). – С. 278-287.

7. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс] / Онлайн-словари русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 11.03.2026).

8. Яблокова Т.Н. Концептуализация эмоциональной амбивалентности (на материале современного английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №11-1 (77). – С. 184-189.

9. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

10. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. – Cambridge University Press, 1993. – P. 202-251.

11. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York: Prentice Hall, 1988. – 225 p. – P. 104-113.

© Яхина А.А., 2026

A.A. Yakhina,
*3rd-Year Student of the Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific Advisor: M.D. Urazaev,
*Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

METAPHORICAL USE OF THE LEXEME “HAZE” IN TRANSLATION

The article explores the metaphorical use of the lexeme “haze” in English texts and methods of translating it into Russian. A comprehensive analysis of specific instances of its use in literary works is conducted, allowing to formulate a basic conceptual model underlying the use of the lexeme. Key translation strategies for translating metaphors with “haze” are identified.

Keywords: *lexeme translation, metaphor translation, conceptual metaphor, figurative meaning, ambiguity of consciousness.*

УДК 811.512.145

Яхина Д.Р. ,
*Гуманитар һәм социаль фәннәр институтының
I курс магистранты,
Уфа фән һәм технологиялар университетының, Уфа ш., Россия*
Зарипова И.Ф. ,
*филология фәннәре кандидаты, доцент
Уфа фән һәм технологиялар университетының, Уфа ш., Россия*

ДӨНЬЯ ТЕЛ КҮРЕНЕШЕНДӘ ЭНТОМОНИМ КОМПОНЕНТЛЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМНАР (ТАТАР ҺӘМ РУС ТЕЛЛӘРЕ МАТЕРИАЛЫНДА)

Мәкаләдә дөнья тел күренешенең бер фрагменты булган энтомоним компонентлы фразеологизмнар татар һәм рус телләре материалында тикшерелә. Аларның идеографик-мәгънәви һәм лексик-семантик үзенчәлекләре буенча төзелгән классификацияләр тәкъдим ителә.

Терәк сүзләр: татар теле, фразеологизмнар, дөнья тел картинасы, лингвокультурология, фразеологик фонд, идеографик-мәгънәви үзенчәлекләр.

Лингвокультурология лингвистиканың хәзерге юнәлешләренең берсе буларак, XX гасыр ахырында фәнни парадигма алмашыну нәтижәсендә барлыкка килә. Бу фән нигезендә «дөнья тел картинасы» дигән төп төшенчә ята, ул «лингвистлар тарафыннан дөньяны аңлау һәм аны күзаллауны чагылдыру буларак аңлашыла. Нәкъ лингвокультурология фразеологияне дөнья тел картинасын чагылдыру яссылыгында карау мөмкинлеген бирә» [7].

В.В. Воробьев карашынча, «лингвистика һәм культурология тоташкан урында барлыкка килгән лингвокультурология – милли-мәдәни бердәмлекнең рухи кыйммәтләре җыелмасын һәм тел шәхесе тәҗрибәсен билгеле бер рәвештә өйрәнә торган яңа филологик дисциплина, ул «иң элек жанлы коммуникатив процессларны һәм аларда тикшерелә торган тел гыйбарәләренең халыкның синхрон гамәлдәге менталитеты белән бәйләнешен» өйрәнә һәм белем бирүнең, тәрбияви һәм интеллектуаль бурычларын үтәүне тәмин итә» [2].

Лингвокультурологиядә даими төстә тел күрсәткечләрен башка тәҗрибә күрсәткечләре белән чагыштыру, лингвистик материалны культурологик һәм психологик яктан тикшерү алып барыла. Дөньяны милли тел күзлегеннән чыгып карауга басым ясала, ул очракта тел милли ментальлек гәүдәләнеше буларак чыгыш ясый. Телнең милли мәдәният, этник психология формалашуга һәм эшчәнлегенә йогынты ясау сәләте этнолингвистика тарафыннан тикшерелә.

Хәзерге көндә лингвокультурологиядә берничә юнәлешне аерып карарга мөмкин:

- «1) аерым бер группа, этнос лингвокультурологиясе;
- 2) диахроник лингвокультурология;
- 3) чагыштырма лингвокультурология;
- 4) лингвокультурологик лексикография» [8].

Соңгысы хәзерге вакытта актив үсештә. Мәсәлән, Д.Г. Мальцеваның 25 тематик бүлектән торган лингвистика яссылыгынан илләрне өйрәнү сүзлеген билгеле. Монда

Германияның климатын, флора һәм фаунасын, халык йоласын, архитектурасын һ.б. чагылдыручы тел берәмлекләре теркәлгән [8].

Лингвокультурология фән буларак тел белән шул телдә аралашучы халык мәдәнияте арасында үзара бәйләнешне өйрәнү зарурлыгы аркасында барлыкка килгән дигән нәтижә ясарга мөмкин. Лингвокультурологиянең әһәмияте шунда: мәдәниәтара коммуникация, теге я бу телдә аралашучылар менталитетын аңламаганда, шактый катлаулы я бөтенләй тормышка ашмас мәсьәлә булып тора. Тел, лингвокультурология күзлегеннән караганда, тел берләшмәсенең менталитеты, кыйммәтләре, карашлары һәм инануларының чагылышы булып тора.

Дөнья тел күренеше төзелешен, ягъни структурасын тасвирлау ике баскычтан торырга тиеш була: беренчесе, тел тамгаларының (билгеләренен) гомумкешелек, универсаль эчтәлеген яки инде дөнья тел күренеше компонентлары буларак, концептларны ачыклаудан, ә икенчесе, билгеле бер этномәдәният гомумилегенен дөньяны танып-белү тәҗрибәсен беркетү ысулы буларак, милли тел үзенчәлеген белдерүдән гыйбарәт.

Дөнья күренешендә тел һәм фикерләү бәйләнешен галимнәр төрлечә карый, төрлечә аңлата. Дөнья күренешенә метафора кебек тә карыйлар, термин үзе дөньяда төрле терминнар тудыра, төрле контекстларда кулланыла. Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников, В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов кебек галимнәр дә фикерләүнең телгә йогынтысы турында шундый карашта: бер халык, икенче халыкка караганда, дөньяны башкачарак күрә, үз тел призмасы аша үткәрә. «Әмма тел чынбарлыкны кабул итәргә өйрәтми; чынбарлык үзе төрле телдә төрлечә чагылыш таба, чөнки кешеләрнең материал һәм социаль дөнья төзелеше бертигез түгел» [9], – ди Г.В. Колшанский.

Лингвистиканың үсүе дә «дөнья картинасы» терминының киңәюенә зур өлеш кертте. XX йөзгә икенче яртысында Г.А. Брутян, Р.И. Павленко, В.Н. Телия, В.И. Постовалова тарафыннан «дөньяның концептуаль күренеше» һәм «дөнья тел күренеше» бәйләнешләре тикшерелә башлый, төрле терминологик әйтелмәләр барлыкка килә: «дөнья тел репрезентациясе», «теларалаш дөнья», «дөнья гомуми этник күренеш» [9] һ.б.

Шулай итеп, дөнья тел күренешендә кешенең дөньяда яшәве, аның көндәлек шатлык-кайгылары, тормыш-көнкүреше һәм

мәшәкәтләрә белән үрелеп бара.

Фразеологик берәмлекләр кешенең дөньяны танып белү чарасы булып хезмәт итә, аларда аның тойгылары, хисләрә, бәяләүләрә, кичерешләрә саклана, аларда телнең милли үзенчәлегә аеруча ачык чагыла, чөнки нәкъ менә фразеологик берәмлекләрдә чынбарлыкны кабул итүнең милли үзенчәлекләрә турында мәгълүматны тәшкил итә торган мәгънә компонентлары еш очрый [3, 137].

Фразеология, дөнья тел картинасы буларак, халыкның матди һәм рухи мәдәниятен чагылдыра. Тикшеренүчеләр теге яки бу халыкның тел картинасында фразеологизмнарның милли уникальлегә, аларда милли менталитет элементларының чагылышы барлыгын билгеләп үтә. Төрле халыкларның фразеологик берәмлекләренең төрлелегә дин һәм тарих, горәф-гадәтләр һәм традицияләр, табигый шартлар һәм конкрет милләтнең кыйммәти системалары белән билгеләнә.

Көндәлек тормышта еш кына кулланыла торган тел чаралары – фразеологизмнарны, бигрәк тә кешене характерлаучы тотрыклы сүзтезмәләрне тикшерү һәрвакыт лингвистлар күз уңында тора [5, 136]. Мондый фразеологизмнарның компонентлары төрле берәмлекләр белән белдерелә. Шул исәптән энтоним компонентлы фразеологизмнар да һәр тел фондында әһәмиятле урын алып тора.

Энтонимнарга – бөжәк атамаларына иң житди игътибар Р.И. Тихонова хезмәтендә бирелә, аның тикшеренүләренең максаты булып рус телендәге хайван атамаларының тематик төркемә чикләрендә сүз ясалышы модельләрә һәм структур типлары тора. Л.А. Хачатурованың «Принципы и проблемы комплексного анализа класса слов: семасиологический, ономасиологический, деривационный и лексикографический аспекты описания зоонимов в русском языке» (1992) дип исемләнгән монографиясендә, башка хайван атамалары белән беррәттән, бөжәк атамаларына да зур урын бирелә.

Рус тел белемендә әлегә лексика составында төрки алынмаларны өйрәнүгә зур игътибар бирелә (И.И. Огиенко, 1925; И.Г. Добродомов, 1970; Н.А. Баскаков, 1979 һ.б.). Әлегә сегментны өйрәнүгә Д.С. Сетаровның хезмәтләрә зур өлеш кертә. «Тюркизмы в русских названиях животного мира» (1971) исемле

диссертациясенәң төп бүлеген ул рус телендә кимерүчеләр һәм бөжәк атамаларындагы тюркизмнарга багышлый, анда ул *таракан, саранча, тыртыр, алакурт* атамаларының этимологиясен бирә. Ә 1980 елда язылган шундый ук исемле мәкаләсендә Д.С. Сетаров бөжәкләрнең югарыда әйтелгән атамаларына *атбасарка, пекелек* сүзләрен өсти.

Әлеге материалны өйрәнүнең әһәмиятле чыганагы булып безне кызыксындыра торган лексиканың формалашуын һәм үсешен күзәтергә мөмкинлек бирүче чыганаclar – сүзлекләр тора. Төрле язма истәлекләр, сәяхәтчеләрнең, шулай ук галимнәрнең һәм географларның язмалары да билгеле бер мәгълүмат бирә.

Энтоним компонентлы фразеологизмнарны ике яссылыктан чыгып тикшерергә мөмкин: аниматив һәм инаниматив кырга караган фразеологизмнар [4, 112].

Аниматив кырга мәгънәләре буенча жанлы табигатькә (кеше, фауна) караган фразеологизмнар керә. Татар һәм рус телләрендәге кешене характерлаучы энтоним компонентлы фразеологизмнарны идеографик-мәгънәви яктан ике зур төркемгә бүлүргә була:

Кешене характерлаучы фразеологизмнар

I. Конкрет-шәхси характеристика белән бәйле энтоним компонентлы фразеологизмнар кешенең тышкы кыяфәте, физиологик хәле, интеллектуаль сәләте, характер үзенчәлеге белән бәйле хосусый билгеләрен классификациялиләр. Кешенең тышкы кыяфәте дигәндә, түбәндәге характеристика жыелмасы күз алдында тотыла:

1. Гомум тышкы кыяфәт характеристикасы. Татар телендә: **бет таеп төшәрлек** – шул кадәр шом, чиста итеп кырылган яки киенгән димәктән [6]. Рус теле материалында бу төркемгә караган мисаллар очрамады.

2. Анатомик үзенчәлекләр төркеменә бары тик татар теленнән генә мисаллар табылды, мәсәлән: **бетле күз** – *мыск*. Чепи күз, кысык күз [6].

3. Физиологик үзенчәлекләр, процесс һәм халәт (*сәламәтлек, физик көч / көчсезлек, ныклык / хәлсезлек һ.б.*): Татар телендә: **аракы күрсә тамагын бетләр ашый** – тамагы кычыта башлый дигәннән. Эчкегә сабышкан, аракы корты белән кортлаган кеше турында [6] **һ.б. Рус телендә: как сонная муха** – *Разг.*

Пренебр. Вяло, еле-еле (делать что-либо) [12] һ.б.

4. Кешенең эчке дөньясы (*хис-кичерешләр*). Татар телендә: **аркада кырмыскалар йөри** – кинәт куркудан, сискәнүдән я салкыннан чирканудан тәннәр чымырдап китү [6] һ.б. **Рус телендә: едят тебя (его, её, вас, их) мухи** – *Прост. Шутл.* Шутливо-бранное выражение досады, возмущения, восхищения, удивления и т.п. [12] һ.б.

5. Характер үзенчәлеге. Татар телендә: **агач корты** – тиктормас, тынгысыз кеше [6] һ.б. **Рус телендә: божья коровка** – *Ирон. Пренебр.* Кроткий, безобидный, не умеющий постоять за себя человек [12] һ.б.

6. Интеллектуаль характеристика. Татар телендә: **китап корты** – китап укырга бирелгән, гел укып торырга салынган кешегә карата [6] һ.б. **Рус телендә: мухи в голове у кого.** – *Прост. неодобр.* О странном, глупом, легкомысленном человеке [1] һ.б.

7. Шәхси үз-үзенне тоту реакциясе. Татар телендә: **акча корты** – гел акча эзләп, акча сөйләп, акча даулап кына торучы [6] һ.б. **Рус телендә: будто (словно, точно) муха укусила** – *Разг. Ирон.* (Будто) неожиданно что-то случилось с кем-либо, на столько он необычен в своих поступках, действиях и т.п. [1].

II. Социаль-рольле характеристика белән бәйле төркемне тәшкил итә торган энтоним компонентлы фразеологизмнар, кешене бөтен социаль-коммуникатив үзлектә һәм социаль мөнәсәбәтләрдә (кешенең жәмгыятьтә үзен тотышы, аның башкаларга мөнәсәбәте, профессиональ характеристикалар һ.б.) күрсәтәләр. Мәсәлән:

1. Кешенең социаль статусы. Татар телендә: **ач бет** – *хурл.* Фәкыйрь; нәрсәгә дә булса ябышып ятучы [6] һ.б. **Рус телендә: вошь <> в кармане вошь на аркане** – *Прост. Пренебр.* Поговорка о полном отсутствии карманных денег [12].

2. Социаль мөнәсәбәтләр. Татар телендә: **Авызын корт чаккыры** – ачу килгәндә дорфарақ тиргәнеп әйтте [6] һ.б. **Рус телендә: ешь ты мухи с комарами** – *Обл. Экспрес.* Вид шутливой, несерьёзной брани [12] һ.б.

3. Кеше тарафыннан башкарылган эш-процесслар (*эшчәнлек, сөйләм эшчәнлеге, акыл эшчәнлеге, ижтимагый эшчәнлек* һ.б.). Татар телендә: **Авыз белән чебен аулый** – *мыск.*

Берни эшлэми, тик утыра, эшлексез. Юк-барга мавыгып, корыга авызын ачып утыручы кешегә карата [6] һ.б. **Рус телендә: Комар носа(у) не подточит** – *Разг. Экспрес.* Сделано так, что не к чему придраться [12] һ.б.

Фаунага караган фразеологизмнар

Муравьиная кислота – органическая кислота, выделяемая железами лесных муравьев и некоторых других насекомых, употребляемая в медицине и химии [9].

Инаниматив кыр үзенә табигать күренешләрен, нинди дә булса урын, көнкүрештә кулланыла торган предметларны, азык-төлекне һ.б. белдерүче фразеологизмнарны туплый. Мәсәлән:

Табигать күренешләрен белдерүче фразеологизмнар. Татар телендә: күбәләк кар – жинел-жилпе очып ява торган жәенке кар [6]. **Рус телендә: белые мухи** – *Разг.* Падающие снежинки [12] һ.б.

Урын мәгънәсен белдерүче фразеологизмнар. Татар телендә: бет базары – Иске-москы базары, толчок [6] һ.б. **Рус телендә: осиное гнездо** – *Разг. Презр.* О жилище, скопище общественно вредных, опасных людей [12] һ.б.

Көнкүреш предметларын белдерүче фразеологизмнар. Рус телендә: муравьиный спирт – смесь воды, муравьиной кислоты и спирта, употребляемая в медицине как втирание [12] һ.б. Татар телендә бу төркемгә караган мисаллар очрамады.

Билгене белдерүче фразеологизмнар. Татар телендә: арыш бете кебек – бик кечкенә, вак нәрсә [6] һ.б. **Рус телендә: мрут (дохнут) как мухи** – *Прост. Экспрес.* Погибают в огромном количестве [12] һ.б.

Бу классификациядән чыгып, рус фразеологиясендә, татар теле белән чагыштырганда, энтономим компонентлы фразеологизмнарның саны азрак дигән нәтижәгә киләбез. Тупланган материалдан күренүенчә, татар телендәге энтономим компонентлы фразеологизмнар – 70%, рус телендә – 30% тәшкил итә. Нигездә, бу күбесенчә халыкларның тарихы, тәжрибәсе, горейф-гадәтләре, менталитеты белән бәйле.

Практик материалдан күренүенчә, татар телендә дә, рус телендә дә энтономим компонентлы фразеологизмнар арасында кире мәгънәгә ия булганнары күпчелекне тәшкил итә: татар телендә – 72,8 %, рус телендә – 51,2 %. Нейтраль төсмерле фразеологизмнар татар телендә – 14,1%, рус телендә – 28,2 %, ә

уңай мөнәсәбәтне белдерә торганнары – 13 % (татар телендә) һәм 20,5 % (рус телендә).

Шулай итеп, энтономим компонентлы фразеологизмнар һәрбер дөнья тел картинасында аерым урын алып тора, алар бигрәк тә кешене характерлауда мөһим роль уйныйлар. Күп гасырлар буена бөжәкләр кеше белән янәшә яшәгәннәр, шуңа күрә алар белән чагыштырулар барлыкка килгән, бөжәк атамаларын кулланып мәкальләр төзелгән, әйтемнәр һәм әкиятләр туган. Энтономим компонентлы фразеологизмнар, чыннан да, рус һәм татар телләренең милли-мәдәни үзенчәлеген чагылдыралар.

Энтономим компонентлы фразеологизмнарны лексик-семантик яктан анализлаганнан соң, түбәндәге нәтижәгә киләбез: татар һәм рус халкының милли аңында кире мәгънәгә ия булган энтономим компонентлы фразеологик берәмлекләр ешрак очрый, күпчелекне тәшkil итә. «Ни өчен ул шулай? Бу нәрсә белән аңлатыла соң?» кебек сораулар туа. Ичшиксез, бу уңай билгеләрнең норма булуы белән бәйле, шуңа күрә алар сирәгрәк искә алына. Ә нинди дә булса тискәре әйбер норманы бозу булып тора, игътибарны җәлеп итә. Ягъни, кешеләрнең кимчелекләре, аларның уңай сыйфатларына караганда, ешрак тикшерелә. Барлык бу күренешләрне бәяләү өчен энтономим компонентлы фразеологизмнар да бик еш кулланыла. Әмма һәр ике телдә дә мондый фразеологизмнарның компонентлары һәм мәгънәләре үзгәрә, тәңгәл түгел. Бу рус һәм татар телләрендәге энтономим компонентлы фразеологизмнарда ике халыкның дөнья картинасы охшаш булмаганын күрсәтә.

Фразеология, дөнья тел картинасы буларак, халыкның матди һәм рухи мәдәниятен чагылдыра. Тикшеренүчеләр теге яки бу халыкның тел картинасында фразеологизмнарның милли уникальлеге, аларда милли менталитет элементларының чагылышы барлыгын билгеләп үтә. Төрле халыкларның фразеологик берәмлекләренең төрлелеге дин һәм тарих, гореф-гадәтләр һәм традицияләр, табигый шартлар һәм конкрет милләтнең кыйммәти системалары белән билгеләнә.

Әдәбият

1. Бирих А.К. Русская фразеология: ист.-этимол. слов: около 6000 фразеологизмов. — URL:

<https://djvu.online/file/bqSAAYfqmb6Nh> (дата обращения: 13.03.2025).

2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: (Теория и методы) / В.В. Воробьев. – Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.

3. Зарипова И.Ф., Юсупова Л.Р. Зооморф лексиканың телара эквивалентлык мәсьәләсе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы XII Международной научной конференции. – Уфа, 2024. – С. 135-143.

4. Зарипова И.Ф., Яхина Д.Р. Семантические особенности фразеологизмов с компонентами-энтонимами в русском языке // Современный образовательный дискурс: лингвистика, лингводидактика и лингвокультурология: сборник научно-методических статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2025. – С. 110-113.

5. Зарипова К.Р., Зарипова И.Ф. Фразеологизмы с зооним-компонентом, характеризующие человека, в русском языке // Актуальные проблемы современной татарской филологии: сборник статей XII Международной очно-заочной научно-практической конференции, посвященной юбилеям ветеранов кафедры: 100-летию со дня рождения Народного писателя Республики Башкортостан, доктора филологических наук, профессора С.Ш. Поварисова, 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Р.Г. Сибгатов, 85-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Р.М. Мухаметзянова. – Уфа, 2024. – С. 135-141.

6. Исәнбәт Н.С. Татар теленәң фразеологик сүзлегә. I том / Н.С. Исәнбәт. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1989. – 495 б.

7. Копылова В.Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2010. – С. 89-93.

8. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Москва: Флинта: Наука, 2004. – 255 с.

9. Сәгыйдуллина Л.Р. Тел. Мәдәният. Язучы: Уку кулланмасы / Л.Р. Сәгыйдуллина – Уфа: РИЦ БДУ нәшрияты, 2010. – 152 б.

10. Сибгаева Ф.Р. Казан татар тел белемәндә фразеологик берәмлекләргә өйрәнү тарихыннан һәм Ф.С. Сафиуллина

эшчэнлеге.

—

URL:

https://kpfu.ru/staff_files/F1186711722/Frazeologiya.Safiullina.F.S..pdf (дата обращения: 11.05.2025).

11. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка: Св. 10 тысяч фразеологизмов / А.Н. Тихонов. – Москва: Высш. шк., 2003. – 334 с.

12. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с.

© Яхина Д.Р., Зарипова И.Ф., 2026

D.R. Yakhina,

1st-Year Master's Student of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

I.F. Zaripova,

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ENTOMONYMIC COMPONENTS IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW (BASED ON TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES)

The article explores phraseological units with entomonymic components in the Tatar and Russian languages as a fragment of the linguistic worldview. The authors propose classifications based on ideographic-semantic and lexico-semantic features.

Keywords: *the Tatar language, phraseological units, linguistic worldview, linguoculturology, phraseological fund, ideographic-semantic features.*

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Han Shu, Yang Chenggang, Wang Xuejiao AI-Empowered Integrated Curriculum Design and Practice of “Chinese+Shenyang cultural tourism” for Short-Term Study Tour Groups During Winter and Summer Vacations	3
2.	Huang Xinai, Han Shu, Wang Xuejiao Exploration of a New Path for Teaching Chinese Characters to International Students Based on a Holographic Learning System	11
3.	Zamira Pulatova, Ybyraim Azimkhan Digital Discourse as an Object of Cognitive- Discursive Studies in Contemporary Linguistics	18
4.	Sartbayeva N.Zh. The Role of the Case Method in the Development of Universal Learning Activities for Secondary School Students	26
5.	Sartbayeva N.Zh. Using Clil to Increase Motivation to Learn English and School Subjects	30
6.	Абдиева А.Ф. Обзор диссертации Мэриам М. Бахт «Лексическая вариативность и конструирование языкового стиля в средней школе Лонг-Айленда»	35
7.	Азнабаева И.И. Фонетическая конвергенция в англоязычных подкастах	41
8.	Антипкин Г.Д. Когнитивно-дискурсивные параметры и функции современного профессионального дискурса в цифровой среде	46
9.	Арсланов И.И. Специфика перевода русских метафор на английский язык: проблемы интерпретации и сохранения образности	53

10. Ахмадуллина И.И.	
Идеографические и лексико-семантические особенности фразеологизмов с компонентами «ата/эти»	60
11. Akhmetov R.O.	
International Financial Conferences as a Tool for Sustainable Development in Professional Environment	68
12. Ахтариева Д.И.	
Когнитивно-дискурсивное восприятие цвета в языковой картине мира народа	74
13. Брылева Р.Ф., Кобылко Р.А.	
Влияние англоязычных заимствований на лексику французского языка в эпоху цифровизации	80
14. Брылева Р.Ф., Кобылко Р.А.	
Эволюция молодежного сленга: от верлана (verlan) до влияния рэп-культуры	86
15. Валиева Ю.М.	
Татар телендә фразеологик жөмлэләрнең төрләре	93
16. Ван Сюецзяо, Хань Шу	
Лингвокультурологическое описание концепта «亚健康 / субздоровье» в китайском и русском языках и его значение для культурно- ориентированного ИИ	100
17. Васильева А.А., Мухтаруллина А.Р.	
О функциональной роли тропов в поэзии Сильвии Плат (на примере стихотворения «Тюльпаны» ("Tulips")	121
18. Воробьева О.В., Салихова М.С.	
Когнитивная нагрузка при межкультурной интерференции: взаимодействие грамматического рода, синтаксической структуры и концептуальных расхождений у русско-немецких билингвов	128

19. Воробьева О.В., Салихова М.С.	
Когнитивная обработка культурно-специфических концептов: аспектуальность, порядок слов и эмоциональная семантика в русском и немецком языках.....	135
20. Галако Д.Р.	
Специфика употребления знаков препинания в русском и английском языках.....	142
21. Галако Д.Р.	
О проблеме словообразования в английском языке ..	151
22. Гареева Р.Р.	
Татар телендә “ат” компонентлы фразеологик терминнар	158
23. Гнездилова Ю.А.	
Стратегии убеждения и аргументации в профессиональной коммуникации	166
24. Губик С.В., Шакирова Э.Р.	
Проблемы перехода к смешанному обучению иностранным языкам в вузе	172
25. Гумерова А.Р.	
Перевод культурно-специфических концептов молодежной политики: стратегии адаптации русскоязычного контента для международной аудитории.....	177
26. Зарипова И.Ф.	
Татар телендә ияртүле бәйләнешнең лексик- грамматик һәм функциональ-синтаксик аспектлары	186
27. Зарипова И.Ф., Бадретдинова Э.И.	
Оксюморон в системе стилистических фигур: история изучения, типология и смежные явления	195
28. Зубарева Д.В.	
Способы образования профессионального сленга в дискурсе фигурного катания	205
29. Исакова А.С., Мирханова М.	
Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі менталды етістіктердің лингвистикалық сипаты	210

30. Исакова С.С.	
Метафорические модели в казахском медицинском дискурсе	218
31. Исмагилова А.В., Сагидуллина Л.Р.	
“Сүзләр сере” дәресе: сүзенң серле дөньясын ачуда лингвокультурологик алым роле	226
32. Камалова А.Р.	
Коммуникативные виды слов-предложений в татарском языке.....	236
33. Касьянова М.А.	
Культурный код свободы в опере «Кармен»: синтез литературы и театра в режиссерской экспликации А.Я. Таирова	242
34. Кәримова З.С., Субаева З.Р.	
М. Мәһдиев иҗатында үзгәртелгән фразеологик әйтелмәләрнең лексик-стилистик үзенчәлекләре.....	250
35. Киселёв М.А.	
Нарративный дизайн в серии игр Resident Evil: эволюция хоррор-повествования	256
36. Корниенко К.А.	
Искусственный интеллект или высокотехнологичный калькулятор широкого профиля: философско-семантический анализ соотношения понятий.....	261
37. Латыпова Э.Р., Ситдикова С.Б.	
Стратегии формирования билингвизма в русско- татарской семье: проблемы и перспективы.....	267
38. Миндияхметова Р.М.	
Аксиологемы корпоративной миссии в содержательном плане рекламного текста	275
39. Михайлов С.А.	
Когнитивные и лингвопрагматические параметры идентификации фейковых новостей в современном медиадискурсе.....	280
40. Мощенкова С.И.	
О формировании прагматической компетенции в процессе обучения английскому языку в высшем учебном заведении	288

41. Мухамадиева Э.А., Сагидуллина Л.Р.	
Тюркизмы в русской речи: история, функционирование и современная интерпретация (обзор исследования Э.Н. Юльмухаметовой)	299
42. Нафикова И.М.	
Трудности перевода реалий русской культуры на английский язык.....	303
43. Prosvirov G.M.	
Evolution and Impact of Fintech Solutions on the Global Banking Ecosystem Along with Language Barriers.....	310
44. Прохорова Ю.В.	
Англоязычные заимствования в текстах молодёжных организаций: лингвистический анализ сайтов РСМ и «Студенческая весна»	317
45. Рамазанова Г.Р.	
Татар телендә хәрби лексиканың кулланылыш ешлыгы буенча үзенчәлекләре	323
46. Рамазанова Г.Х.	
Высказывание в англоязычном художественном тексте.....	330
47. Рассказова А.П., Евтушенко Э.А.	
Актуальные проблемы литературоведения: поэтический язык, рецепция и интерпретации художественного текста	340
48. Рахматуллина А.В.	
Интеграция искусственного интеллекта в нарративный дизайн.....	343
49. Ризяпова Э.М.	
Типичные ошибки в развернутых ответах устной речи участников ЕГЭ по английскому языку и пути их устранения	348
50. Сагидуллина Л.Р.	
Контекстный тип обучения как основа компетентностно-ориентированной подготовки филолога-билингва.....	353

51. Салмин В.А. Немецкие фольклорные мотивы в романе Карла Фридриха Калерта «Некромант»	359
52. Sayakhova A.A. Nurturing Emotional Intelligence in a Foreign Language Class at High School	367
53. Сподарец О.О., Шагиева А.А. Сокращения как лингвистический тренд в интернет-коммуникации.....	373
54. Subbota I.P., Rybakova M.R. Cultural Codes in World Literature and the Synthesis of Arts: Literary Comparative Studies	378
55. Тазетдинова И.Р. Татар халык жырларында “алмагач” флоронимының кулланылыш үзенчәлекләре	382
56. Тенякова А.В. Искусство имён: как Джоан Роулинг использует этимологию для раскрытия характеров	390
57. Уразаев М.Д. Предварительный анализ зоометафорики алкогольного опьянения	396
58. Файзрахманов И.Р., Антропова А.Е. Влияние геймификации в мобильных приложениях на формирование лексических навыков при изучении английского языка	403
59. Файзуллина А.Г., Сагидуллина Л.Р. Татар теле һәм әдәбияты дәресләрендә укучыларның сүз байлыгын үстерү юнәлешләре	407
60. Филимонова В.М. Лингвистические механизмы манипуляции в цифровых медиа	414
61. Хайруллина Д.Д. Прагматические и лингвистические особенности обучения разговорному английскому языку детей младшего школьного возраста.....	420
62. Хакимова Г.Ф., Маханова Ж.С. WordNet как инструмент компьютерной лексикографии	425

63. Хакимова Е.М., Мухтаруллина А.Р.	
Дискурс-анализ современной поп- и R&B-лирики: сленг, аллюзии и поэтика образа	
The Weeknd	434
64. Хисамутдинова И.И.	
Языковая репрезентация «культуры отмены»: сравнительный анализ западной и восточной моделей	442
65. Черво И.П.	
«Res publica» в политико-философском дискурсе Марка Туллия Цицерона	455
66. Черкасова А.А.	
Творчество Достоевского как культурный источник английского пост-панка и альтернативного рока (на примере произведения «Записки из подполья»).....	462
67. Шайхисламова З.Ф., Асмондьяров В.Н.	
Базовые подходы к классификации лексики языков и диалектов Урало-Поволжья (на материале корневых основ)	469
68. Шеина А.В.	
Категория вежливости в русском и английском речевом этикете: сопоставительный анализ.....	473
69. Шлейникова А.С., Никитина А.Ш.	
Перевод семантики русского фитонима «хмель»	479
70. Юсупова Л.Р.	
Симфония кодов: интермедиаальный синтез в компаративистике русской и европейской литературы XIX–XX веков.....	489
71. Яхина А.А.	
Метафорическое использование лексемы «haze» в переводе	494
72. Яхина Д.Р., Зарипова И.Ф.	
Дөнья тел күренешендә энтомоним компонентлы фразеологизмнар (татар һәм рус телләре материалында)	504

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОЛОГИИ**

*Материалы
XIV Международной научной конференции
(г. Уфа, 21 апреля 2026 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции*

Подписано к использованию 28.07.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 4,02 Мб.
Заказ 196.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru